

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 11, № 6, 2018

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
22.00.00 –
социологические
науки; 08.00.00 –
экономические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEc,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНИТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vscsc.ac.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Санир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кшиштоф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентий С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнапов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окреплов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 11, no. 6, 2018

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vscac.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

V.V. Ivanter, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А., Морев М.В. «Российская Федерация – социальное государство»?
Оценка 25-летних итогов реализации статьи 7 Конституции РФ 9

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Лукин Е.В., Ускова Т.В. Проблемы структурной трансформации
региональной экономики 26

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Носков В.А., Шишелов М.А. Подходы к оценке природного капитала лесов
и перспективы модернизации лесопользования в контексте «зеленой»
экономики 41

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

- Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Дифференциация территорий и механизм
ее снижения 57

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

- Кузин А.А., Медведева Н.А., Задумкин К.А., Вахрушева В.В. Сценарии развития
молочной промышленности России 73
- Чердниченко О.А., Довготько Н.А., Яшалова Н.Н. Устойчивое развитие
агропродовольственного сектора: российские приоритеты
и направления адаптации Повестки дня–2030 89

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

- Лаженцев В.Н., Чужмарова С.И., Чужмаров А.И. Налогообложение в системе
природопользования и его влияние на экономическое развитие
северных территорий 109

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Андрианова Е.В., Лазутина Д.В.
Метафора доверия: «зонтичный эффект» в мировой науке 127
- Белехова Г.В., Калачикова О.Н. «Век живи – век учись»: концептуальный
дискурс о финансовой грамотности населения 143

ЭКОНОМИКА ТРУДА

- Гринберг Р.С., Ахунов Р.Р., Володин А.И., Губарев Р.В., Дзюба Е.И. Новая
(смешанная) система оплаты труда российских госслужащих
«по результатам» 163
- Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Тамицкий А.М. Потребность
субъектов Арктической зоны РФ в трудовых ресурсах 184

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

- Леньков Р.В. Социально-ресурсная поддержка населением с высшим
образованием политики социокультурной модернизации регионов 202

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Найден С.Н., Белоусова А.В. Социальное инвестирование как инструмент
модернизации демографического развития на Дальнем Востоке 212
- Лифшиц М.Л., Неклюдова Н.П. Факторный анализ влияния трудовой
миграции на распространение социально опасных заболеваний
в регионах России 229
- Дорошенко С.В., Ерошенко Е.П. Система университетского партнерства
как фактор развития молодежного предпринимательства 244

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 259
- Список статей, опубликованных в 2018 году 267
- Правила приёма статей 271
- Информация о подписке 277

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. “Russian Federation – a Welfare State?”
Assessing the Results of 25 years of Implementation of Article 7
of the Russian Constitution 9

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Lukin E.V., Uskova T.V. Structural Transformation Issues in Regional Economy 26

BRANCH-WISE ECONOMICS

- Noskov V.A., Shishelov M.A. Approaches to the Assessment of the Natural Capital
of Forests and the Prospects for Modernization of Forest Management
in the Context of Green Economy 41

DEVELOPMENT OF MUNICIPAL FORMATIONS

- Voroshilov N.V., Gubanova E.S. Territorial Differentiation and Mechanism
for Its Reduction 57

ECONOMICS OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

- Kuzin A.A., Medvedeva N.A., Zadumkin K.A., Vakhrusheva V.V. Development
Scenarios for Russia’s Dairy Industry 73
- Cherednichenko O.A., Dovgot’ko N.A., Yashalova N.N. Sustainable Development
of the Agri-Food Sector: Russia’s Priorities and Directions
to Adapt Agenda 2030 to Russian Conditions 89

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Lazhentsev V.N., Chuzhmarova S.I., Chuzhmarov A.I. Taxation in the System
of Natural Resource Management and its Influence on the Economic
Development of Northern Territories 109

THEORETICAL ISSUES

- Davydenko V.A., Romashkina G.F., Andrianova E.V., Lazutina D.V. A Metaphor for Trust: the “Umbrella Effect” in Global Science 127
- Belekhova G.V., Kalachikova O.N. “Live and Learn”: Conceptual Discourse on People’s Financial Literacy 143

LABOR ECONOMICS

- Grinberg R.S., Akhunov R.R., Volodin A.I., Gubarev R.V., Dzyuba E.I. Performance-Based Pay – a New (Mixed) Payment Scheme for Russian Civil Servants 163
- Zaikov K.S., Kondratov N.A. Kudryashova E.V., Tamitskii A.M. The Need for Workforce in Constituent Entities of the Arctic Zone of the Russian Federation 184

ISSUES OF MANAGEMENT IN TERRITORIAL SYSTEMS

- Len’kov R.V. Provision of Social and Resource Support to the Policy of Socio-Cultural Modernization of Regions by the Population with Higher Education 202

SOCIAL DEVELOPMENT

- Naiden S.N., Belousova A.V. Social Investment as a Tool for Modernization of the Demographic Development in the Far East 212
- Lifshits M.L., Neklyudova N.P. Factor Analysis Reflecting the Impact of Labor Migration on the Spread of Socially Dangerous Diseases in Russia 229
- Doroshenko S.V., Eroshenko E.P. University Partnership System as a Factor in the Development of Youth Entrepreneurship 244

PUBLIC OPINION MONITORING

- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 259
- Index of Articles Published in 2018 267
- Manuscript Submission Guidelines 271
- Subscription Information..... 277

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.1

УДК 323(470), ББК 60.3(2Рос)3

© Ильин В.А., Морев М.В.

«Российская Федерация – социальное государство»?

Оценка 25-летних итогов реализации статьи 7 Конституции РФ

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

Аннотация. 12 декабря 2018 г. отмечалось 25 лет со дня принятия Конституции Российской Федерации. В статье дается авторская оценка реализации одного из главных положений Конституции РФ: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7). Выделены и обоснованы критерии эффективности реализации данного положения, приведены данные зарубежных, российских и региональных социологических исследований, отражающих субъективную оценку россиянами динамики уровня и качества жизни. Отдельное внимание уделяется проблемам эффективности государственного управления в преодолении социального неравенства и достижении социальной справедливости. В конечном итоге авторы задаются вопросами о том, является ли Россия социальным государством, насколько она продвинулась в этом направлении за последние 25 лет и каковы ее перспективы в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Конституция РФ, социальное государство, социальная справедливость, эффективность государственного управления, общественное мнение.

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. «Российская Федерация – социальное государство»? Оценка 25-летних итогов реализации статьи 7 Конституции РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 9–25. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. “Russian Federation – a welfare state?”: assessing the results of 25 years of implementation of Article 7 of the Russian Constitution. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 9–25. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.1

12 декабря 1993 г. была принята Конституция РФ – первая из всех российских конституций, ставшая «основным законом самостоятельного действительно суверенного государства»¹. За 25 лет, прошедших с тех пор, в России накопилось много противоречий, много бесспорно реальных поводов задаться вопросом о том, насколько этот документ соответствует реальной российской действительности, ведь под него в конечном итоге пишутся все российские законы. Изменилась экономическая обстановка в стране, её геополитический статус, характер общественных настроений, сменился Президент и выстраиваемая им иерархическая структура государственного управления. Изменился и сам мир – в нем кратно возросли вызовы, связанные с напряженностью геополитических отношений, научно-техническим прогрессом и ростом числа информационных технологий, затрагивающих практически каждого гражданина любой страны мира.

Качественные изменения, произошедшие в стране и в мире за последние четверть века, заставляют многих экспертов по-новому взглянуть на Конституцию и обнаружить в ней массу противоречий. Так, С. Сулакшин обращает внимание на необходимость закрепления многообразия идеологий и прав оппозиции, введения института «политической ответственности власти»². Н.В. Стариков справедливо говорит о том, что отсутствие идеологии, зафиксированное в Конституции РФ 1993 г., фактически означает отсутствие цели развития, что вполне логично объясняется тем фактом, что данный документ готовился в самый разгар «лихих 90-х», то есть под диктовку наших «зарубежных партнеров», явно не планирующих скорое возвращение России в геополитическую гонку.

Примечательны, кстати, слова Н.В. Старикова о том, что для пересмотра каких-либо положений Конституции требуется созыв Конституционного Собрания, однако закона об этом созыве как не было, так и нет: «С 1993 года по сей день не принят закон о порядке созыва

¹ Тавадов Г.Т. Этнология. Современный словарь-справочник. М., 2007, С. 157–159.

² Конституция России: проект / Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). Реж. дост.: <http://rusrand.ru/dev/konstitutsija-rossii-proekt>

В Конституции зафиксирован официальный запрет на государственную идеологию. А что такое идеология? Это цель. У государства должна быть цель и у русского народа должна быть цель. А в Конституции официальный запрет: цели нет.

Соответственно для чего существует наше государство? В Конституции нигде этого не написано. Написано, что Россия – социальное государство, но это как бы такая констатация, а реально для чего существует? Для того, чтобы телефоны менять каждые полгода? Для того, чтобы потреблять на йогурт больше сегодня, чем на йогурт меньше вчера...?

Нет целеполагания и отсюда очень большое количество проблем: и алкоголизм, и чувство потерянности... Потому что у целого народа, у целой цивилизации отсутствует цель, причем это прямо записано в Конституции³.

Конституционного Собрания – специального органа, предназначенного согласно 135 статье Конституции для ее изменения. То есть если вы хотите изменить базовые принципы Конституции, то нужно, согласно ей самой, созывать КС. А как его собрать и созвать, закона нет – значит, внести изменения невозможно»⁴.

Отдельного внимания заслуживает реализация, пожалуй, главного принципа, духом которого пропитана Конституция РФ 1993 г.: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7)⁵. Данный принцип пронесся через всё 25-летие российских трансформаций и по-прежнему составляет основу национальной безопасности нашей страны. Как записано в Стратегии национальной безопасности, утвержденной Президентом РФ 31 декабря 2015 г., «повышение качества жизни» является «одним из национальных интересов на долгосрочную перспективу» (раздел III, п. 30); «стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области

³ Стариков Н. Нам обязательно надо менять Конституцию! : интервью Н. Старикова, 20 июля 2014 г. Реж. дост.: <https://www.youtube.com/watch?v=ZSe6kFB-OQ8>

⁴ Официальный блог Н. Старикова. Реж. дост.: <https://nstarikov.ru/blog/76003?print=print>

⁵ Конституция Российской Федерации (12 декабря 1993 г.). Реж. дост.: <http://www.constitution.ru>

повышения качества жизни российских граждан являются развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, **снижение уровня социального и имущественного неравенства населения прежде всего за счет роста его доходов** (раздел IV, п. 50)...Для противодействия угрозам качеству жизни граждан органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества: ...**содействуют росту благосостояния граждан, снижению дифференциации населения по уровню доходов, сокращению бедности...**⁶ (раздел IV, п. 53).

При этом важно отметить, что в Стратегии национальной безопасности РФ зафиксирована личная ответственность главы государства за реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности⁷.

Соответствует ли реальное положение дел в стране ключевым принципам и критериям социального государства, декларируемого в главных, основополагающих документах России – Конституции РФ, Стратегии национальной безопасности, посланиях Президента Федеральному Собранию РФ, «майских указах» главы государства? Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего понять, каковы критерии социального государства, ведь по большому счету это во многом утопическая концепция и оценить степень эффективности ее реализации можно разве что в контексте международных сравнений; особенно если учесть тот факт, что ни одно государство в мире не пребывает в статическом состоянии, а постоянно изменяется, пытаясь найти ответы на все новые, более сложные внутренние и внешние вызовы.

Анализ теоретических аспектов и практических моделей социального государства позволяет выделить три его критерия:

⁶ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683.

⁷ «Реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения **под руководством Президента Российской Федерации** и при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации» (источник: О стратегии национальной безопасности Российской Федерации (раздел V, п. 108): Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683).

1. Степень достижения социальной справедливости в обществе. Автор самого термина «социальное государство» немецкий историк, философ и экономист Лоренц фон Штейн⁸ говорил, что «государство обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве... **Функцией государства является поддержание абсолютного равенства в правах для всех различных общественных классов, для отдельной частной самоопределяющейся личности посредством своей власти**»⁹. За последние почти 200 лет появлялось множество различных трактовок понятия социального государства, но, по большому счету, классическое определение, на наш взгляд, по-прежнему сохраняет свою актуальность.

Среди слов, наиболее часто употребляемых в обыденной повседневной жизни, есть такие, смысл которых на первый взгляд кажется понятным всем и каждому почти независимо от его возраста, пола, национальной принадлежности, социального статуса и прочих характеристик... Но «справедливость» – не просто слово из лексики того или иного языка, а основная движущая сила множества человеческих поступков, без учета которой значительное число этих поступков невозможно не только оправдать, но и вообще понять. Бывают моменты в истории, когда во имя справедливости огромные массы людей готовы пожертвовать многим из того, что у них есть, даже собственной жизнью¹⁰...

⁸ Основные труды Lorenz von Stein:

1. Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs, 1842 («Социализм и коммунизм в современной Франции»);

2. Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage, 1850 («История социального движения во Франции с 1789 г. до наших дней»);

3. Die Verwaltungslehre, 1865–1868 («Учение об управлении»);

4. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft Deutschlands, 1876 («Настоящее и будущее науки о государстве и праве Германии»).

⁹ Роиц В.Д. Концептуальные основы формирования социального государства в России: вопросы доходов населения и социального бюджетирования. Реж. дост.: <http://viperson.ru/>

¹⁰ Социальная справедливость в русской общественной мысли [колл. моногр.] / отв. ред. Ю.Б. Епихина. М.: Институт социологии РАН, 2016. 219 с.

В развитии российского общества, во всех политических, экономических, культурно-религиозных и других процессах, происходящих в нашей стране, социальная справедливость всегда была краеугольным камнем. Это связано не только с тем, что в 988 г. Русь приняла греческое (византийское) христианство, но и с тем, что ДО этого события справедливость была заложена в языке и обычаях славянских племен. Нравственное начало преобладало еще в древнем, дохристианском мировоззрении русских, поэтому христианство в Руси попало на благодатную почву, упрочив древнее мировоззрение русского народа, придав ему более утонченный и возвышенный характер. «В древнерусских воззрениях, – пишет в данной связи О.А. Платонов, – отчетливо пробивается мысль о совершенствовании, преображении души русского человека на началах добра и лада. С этими нравственными представлениями Древняя Русь приняла христианство, и это нравственное ядро прежних верований органически слилось с христианством, ибо во многом было созвучно ему»¹¹.

Для русского народа правда-справедливость с законом, идущим от государства, не совпадает. Русский поступает справедливо потому, что несет правоту, правду в себе, тогда как человек западного мира, наследник римского государства, считает справедливым то, что соответствует внешнему для себя закону¹².

На сегодняшний день в мировой практике сложилось несколько моделей социального государства: нордическая, англосаксонская, континентальная, южноевропейская... Каждая из этих моделей имеет исторически обусловленную специфику, однако разный путь их формирования в России, США и странах Западной Европы объединяет тот факт, что

¹¹ Платонов О.А. Русская цивилизация. М., 1995. С. 21-23.

¹² Козлов М.И. Социальная справедливость в контексте русской традиции / М-во образования и науки РФ, Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Сев. (Аркт.) федер. ун-т». Архангельск, 2010 (КИРА). С. 66.

социальная справедливость – неотъемлемая потребность общества и индивида, а гарантировать ее (как отмечал Л. Фон Штейн) «может только государство»¹³. Понимание этого тезиса крайне важно для ключевых участников геополитической конкуренции, от которых зависит будущее всего человечества. В том числе для России, по своим объективным характеристикам (исторические традиции, природные ресурсы, ВПК и т.д.) справедливо претендующей на роль одного из центров многополярного мира.

2. Минимизация социального неравенства и устойчивое развитие уровня и качества жизни широких слоев населения

История становления социального государства в США и странах Западной Европы напоминает **некий диалог между обществом и властью, формировавшийся на фоне объективных условий перехода к постиндустриальному этапу развития. От того, насколько контактными были участники этого диалога, зависела степень эволюционности данного процесса.** XIX век (когда возникла идея о социальном государстве) был для Европы периодом буржуазных революций, веком индустриализации и появления новых общественно-политических сил. К 30-м годам большинство европейских стран были охвачены последствиями промышленного переворота, который начался в Англии еще во второй половине XVIII века. Однако промышленная революция вызвала увеличение числа представителей рабочего класса: многие жители деревни перебирались в города, оказываясь в тяжелейших жизненных условиях, подвергаясь произвольным налогам и штрафам, нарушению трудовых прав. Как следствие, в середине XIX в. во многих странах Западной Европы (во Франции, Германии, Италии, Австрии; чуть ранее, в 20–30-е гг., в Испании, Португалии, Греции) прошла мощная волна революций, получивших в истории общее название – «Весна народов». В этой ситуации правящие элиты были вынуждены пойти на уступки и провозгласить новую миссию государства. Так, **в Германии** были

¹³ Захарьян Д.А. Социальное государство: основные этапы развития и современное состояние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. С. 651.

приняты законы о страховании от несчастных случаев (1883 г.), а также по инвалидности и старости (1889 г.). В Англии в 70-е гг. XIX века принимались нормативные акты по обязательному страхованию отдельных категорий рабочих в случае утраты трудоспособности на производстве. В США, вступивших на путь построения социального государства позже, чем страны Западной Европы, фундаментальные основы социального государства закладывались после Великой депрессии, в 1930-е гг., когда Ф. Рузвельт объявил о «Новом курсе для забытого человека».

Таким образом, исходя из самой природы возникновения социального государства его критериями можно назвать уровень и качество жизни населения, а также степень преодоления социального неравенства.

3. Целеполагание и оценочная рефлексия органов государственной власти, направленная на приоритетную реализацию общественных интересов.

«Государственное управление без оценочной рефлексии не имеет шансов на самосовершенствование и развитие. Качество, как и успешность государственного управления, не может оцениваться без апелляции к какой-либо ценности. Результат государственного управления вне ценностного контекста поставленных целей, сам по себе характеристикой качества не является. В зависимости от целевых ориентиров один и тот же результат может быть оценен прямо противоположным образом. Например, российская приватизация при рассмотрении ее с позиций материальных ожиданий и интересов большинства социума – безусловный провал; тогда как в рамках поставленной цели – скорейшего перехода (любой ценой) к рыночной экономике – это достаточно эффективная управленческая операция»¹⁴.

Определившись с критериями, мы можем дать оценку эффективности реализации социального государства в России.

Первый критерий социального государства (социальная справедливость) носит глубоко субъективный характер, поэтому оценить его

¹⁴ Сулакшин С.С. Качество и успешность государственных политик и управления // Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012. С. 23.

можно только по результатам социологических исследований, которые дают вполне однозначную картину: **социальная справедливость – главная потребность российского общества**. Так было в 2012 г., когда общероссийские исследования Института социологии показали, что «потребность жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» испытывают 33% россиян, что входит в тройку их главных мечтаний, наряду с потребностями «иметь хорошее здоровье» (33%) и «жить в достатке» (40%)¹⁵.

Так есть и сегодня... В 2015 году ученые получили «совершенно неожиданные результаты», заключающиеся в том, что «больше всего респондентов (51%) волнует социальная справедливость, в частности, борьба с коррупцией»¹⁶.

М.К. Горшков: «Мы получили совершенно неожиданные результаты. Понятно, что на первом месте финансовое благополучие. Понятно, что в шкале ценностей важное место отводится работе, дружбе и общению, здоровью и красоте. Это характерно для российской ментальности. Но то, что на второе место вышел приоритет – жить в более справедливом обществе, этого мы не ожидали. До какого же градуса остроты надо довести проблему социальной несправедливости, чтобы люди в кризисный период, когда столько серьезных экономических проблем, отдавали приоритет стремлению жить в более справедливом обществе. Власти следует задуматься над этим»¹⁷.

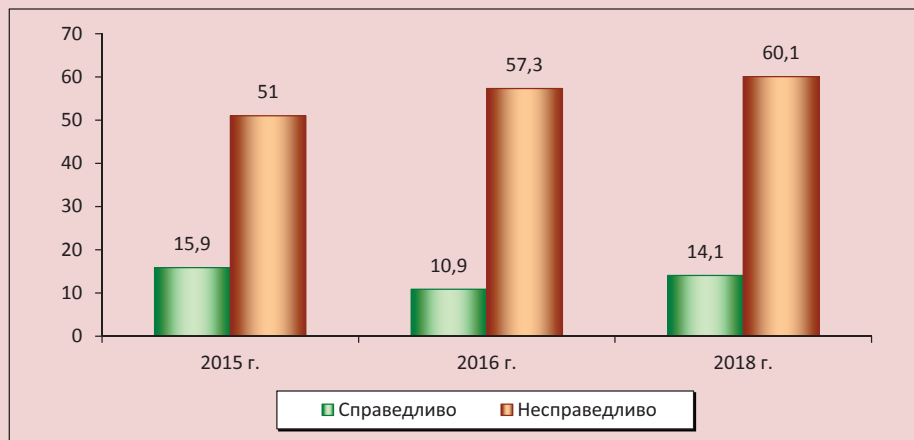
Проведенные нами исследования в целом коррелируют с российскими данными. По мнению более 50% жителей Вологодской области, **современное российское общество устроено несправедливо, причем доля разделяющих это мнение имеет нарастающую динамику (рис. 1)**.

¹⁵ О чём мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е.Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. С. 11.

¹⁶ Социологи: результаты исследований «Россия в 2017 году» (руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН В. Петухов). Реж. дост.: http://www.aif.ru/event/info/sociologi_rezultaty_issledovaniy_rossiya_v_2017_godu

¹⁷ Горшков М.К. В обществе возник новый социальный ресурс (интервью для журнала «РФ сегодня» от 1 июня 2015 г.). URL: <https://vestirossii.com/obshhestvo/v-obshestve-voznik-novyi-socialnyi-resurs.html>

Рис. 1. Как Вы считаете, современное российское общество устроено справедливо или несправедливо?

Источник: данные опроса ВолНЦ РАН.

Второй критерий социального государства (устойчивое развитие уровня и качества жизни, преодоление социального неравенства) по большому счету тесно связан с динамикой ощущения социальной справедливости и также не позволяет говорить об эффективной реализации принципов социального государства в России.

Авторитетные международные исследования свидетельствуют о том, что «по состоянию проблемы социального неравенства Российская Федерация в 2015 г. достигла уровня 1905 года»

(табл. 1)¹⁹. Российские эксперты констатируют, что «высокие оценки россиянами остроты разных типов неравенств, существующих ныне в российском обществе, не оторваны от реальности, а диктуются ею»²⁰.

Россияне остро воспринимают неравенства, с которыми они сталкиваются лично или же наблюдают их существование в обществе. При этом наиболее остро воспринимается сегодня неравенство доходов, и острота этого неравенства для населения заметно возросла в ходе кризиса (что неудивительно, так как неравенство в доходах в современной России определяет целый ряд немонетарных неравенств, от которых страдает сегодня население, в том числе – и возможность получить необходимую медицинскую помощь)²¹.

Таблица 1. Динамика доли доходов в России¹⁸

Категории населения	1905 г.	1990 г.	2015 г.
10% самых богатых	45	25	45
40% со средним доходом	35	45	40
50% с низким доходом	15	30	18

Распределение национальных доходов до вычета налогов (до уплаты налогов и трансфертов, исключая пенсии и страхование по безработице), среди взрослого населения. Скорректированные оценки объединяют данные опросов, налоговых учётов, данные о богатстве и данные национальных счетов. Приближенные оценки полагаются только на независимые данные опросов. Доход супружеских пар, поделённый на 2.

¹⁸ Составлено авторами по источнику: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 / National Bureau of economic research. Cambridge: MA August, 2017. P. 4.

¹⁹ Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 // National Bureau of economic research. Cambridge: MA August, 2017.

²⁰ Там же. С. 30-31.

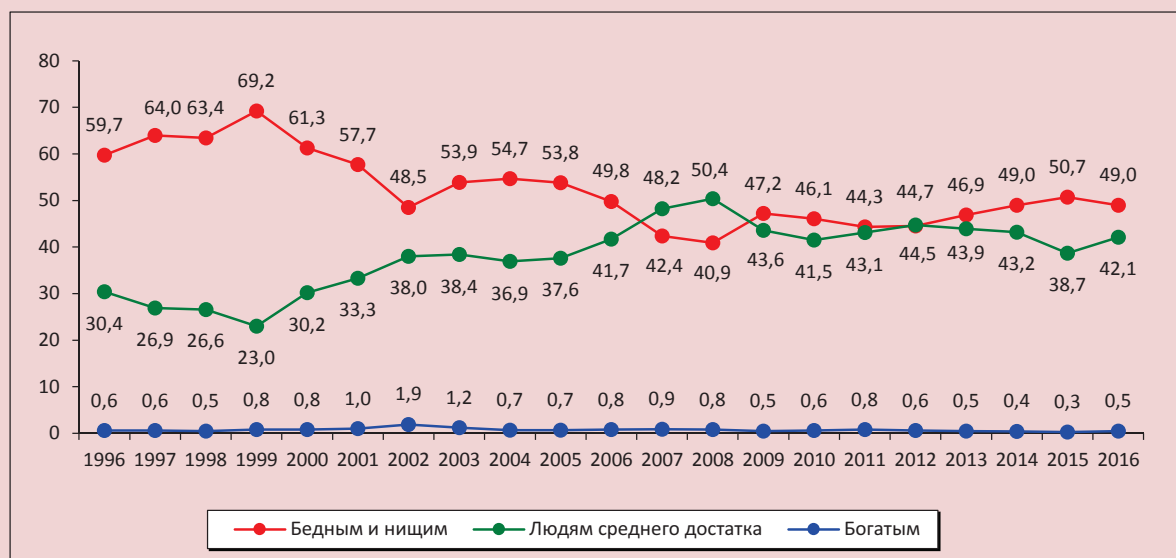
²¹ Российское общество: год в условиях кризиса и санкций: информационно-аналитический материал по итогам общероссийского социологического исследования / ИС РАН. М., 2015. С. 32.

Таблица 2. Восприятие остроты различных неравенств россиянами, октябрь 2015 г., %*
(ранжировано по неравенствам, болезненным лично для респондентов)

Неравенства	Самые болезненные для общества в целом	Самые болезненные для себя (семьи)
Доходов	82	66
В доступе к медицинской помощи	59	39
Жилищных условий	61	30
В доступе к хорошим рабочим местам	50	23
В возможностях для детей из разных слоев общества	31	18

* Данные приведены по работающим россиянам. В вопросе фигурировало 12 вариантов ответов, в таблице представлена первая пятерка.
Источник: Российское общество: год в условиях кризиса и санкций: информационно-аналитический материал по итогам общероссийского социологического исследования / ИС РАН. М., 2015. С. 31.

Рисунок 2. Динамика социальной самоидентификации населения (в % от числа опрошенных; формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»)

Как видно из данных, представленных в табл. 2, неравенство по доходам воспринимается россиянами острее всего, но это далеко не единственная проблема, волнующая их: среди прочих выделяется болезненное восприятие неравенств в доступе к медицинской помощи, жилищных условий и хороших рабочих мест. «Болезненными для общества» их считают от 50 до 80% россиян.

Многолетний мониторинг общественных настроений, который проводится ВолНЦ РАН на территории Вологодской области, также позволяет убедиться в том, что за десятилетия рыночных трансформаций качественных изме-

нений в субъективном ощущении своего материального положения в обществе не произошло: несмотря на то, что доля «бедных и нищих» за последние 20 лет сократилась на 10 п.п. (с 59 до 49%), она по-прежнему превалирует над удельным весом людей, относящих себя к категории «среднего достатка» (49% против 42%; рис. 2). Кроме того, во всем периоде президентских сроков В. Путина (с 2000 г. по настоящее время) отчетливо можно выделить два временных отрезка: если за 1999–2008 гг. доля «бедных и нищих» снизилась с 69 до 41%, то с 2009 г. существенных изменений не происходит (доля «бедных и нищих» стабильно составляет 45–50%).

Таблица 3. Структура наиболее актуальных проблем, волнующих население

Проблемы	1999 г.		2007 г.		2012 г.		2017 г.	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Инфляция	54,5	2	43,8	1	55,3	1	56,5	1
Низкий уровень жизни, бедность	57,1	1	40,4	2	43,2	2	54,2	2
Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	21,3	9	31,0	4	37,5	3	39,0	3
Коррупция, взяточничество	14,8	11	15,0	12	19,8	9	23,9	4
Экономическая нестабильность, остановка предприятий	39,6	4	14,5	13	16,5	11	23,5	5
Социальная незащищенность граждан	32,5	6	26,7	7	22,3	8	21,5	6
Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	11,8	14	31,8	3	28,6	4	21,5	7
Неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и т.д.)	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	25,3	7	19,3	8
Политическая нестабильность	21,9	8	7,9	15	11,2	16	18,9	9
Рост алкоголизма	15,8	10	30,9	5	27,3	5	17,3	10

* Ранжировано по данным за 2017 г. В вопросе фигурирует 23 варианта ответов, в таблице представлена только первая десятка.
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

В структуре наиболее актуальных для населения проблем «тройку» лидеров стабильно составляют «инфляция», «бедность» и «расслоение населения на бедных и богатых», последнее, кстати, за период с 1999 по 2017 г. переместилось в рейтинге наиболее актуальных проблем **с 9 на 3 место** (табл. 3).

Как важно отметить, эксперты, характеризуя причины проблемы неравенства в современной России, утверждают, что оно сформировалось в 1990–2000-е годы²²... «В постсоветской России стремительно совершилась финансиализация экономики, ориентированная на вывоз за рубеж капиталов, полученных в России, и размещение их в наиболее прибыльных узлах финансовых потоков мирового сообщества. По компетентной отечественной оценке, за последние 30 лет из России было вывезено более 1 трлн. долларов США, из них примерно половина вращается между оффшорами и российской экономикой»²³. При этом

²² Цели устойчивого развития ООН и Россия: доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева; Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2016. С. 55.

²³ Лапин Н.И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 7.

и в ближайшие годы позитивных изменений в решении данного острейшего вопроса, судя по прогнозам экспертов, не предвидится: «Социальная дифференциация в 2018 году по сравнению с 2017-м растет. С учетом того, что в 2019 году ожидаются более низкие темпы роста заработных плат в бюджетном секторе по сравнению с 2018-м, это может означать, что **Россия прошла самый низкий уровень социальной дифференциации за последние 12 лет, и социальное неравенство снова будет расти**»²⁴.

Третий критерий социального государства (целеполагание органов государственного управления) – самый важный, поскольку является источником и первого, и второго критериев. Чтобы оценить его, следует вновь обратиться к Конституции РФ, в которой записано, что «...единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (ст. 2). Тем не менее возникают большие сомнения в том, что данная конституционная норма имеет реальное воплощение в жизни.

²⁴ Башкатова А. Россиян ждет новое социальное расслоение // Независимая газета. 2018. 7 нояб. Реж. дост.: http://www.ng.ru/economics/2018-11-07/1_4_7347_russian.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

Вкладка 1

Выдержки из выступлений Президента РФ В. Путина на площадках Общероссийского народного фронта

Прямая речь Президента	Дата
<p>Нам нужно сделать следующий, гораздо более ответственный и гораздо более масштабный, а значит, гораздо более сложный шаг. Нужно в гражданских отраслях – промышленности, науке, образовании, здравоохранении, в развитии инфраструктуры – сделать то, что мы с вами сделали в сфере обеспечения обороноспособности страны, сделать прорыв по всем этим направлениям. Да, сделано немало за последние годы, сделано много, но этого недостаточно. Люди ждут именно кардинальных изменений.</p>	<p>29 ноября 2018 г.</p>
<p>Смысл, главное предназначение Народного фронта – помогать людям, отстаивать правду и справедливость, защищать наших людей. Стремление работать для общего блага, заботиться о судьбе страны, её будущем – самая надёжная основа для успешного решения стоящих перед нами задач...Повторю: нам ещё многое предстоит сделать. Прежде всего ради благополучия граждан, ради того, чтобы преодолеть бедность и неравенство. А уровень этих проблем ещё, к сожалению, пока очень высок.</p>	<p>19 декабря 2017 г.</p>
<p>Конечно, в первую очередь мы должны сосредоточиться на самых чувствительных для граждан вопросах: на модернизации социальной инфраструктуры, обновлении транспортной сферы, создании новых рабочих мест. При этом необходимо грамотно распределить финансовые ресурсы, добиваться того, чтобы вложенные средства давали максимальную отдачу...Кроме того, крайне важно слышать мнение людей, понимать, какие вопросы их больше всего волнуют, получать так называемую обратную связь.</p>	<p>26 октября 2016 г.</p>
<p>Вы делаете опору как раз на граждан, на людей наших, и это самая прочная опора, без всяких сомнений. Когда всё отдают «своим да нашим», то ничего хорошего с точки зрения эффективности никогда не получается. Нужно, чтобы в сознании любого ответственного человека, сейчас не хочу говорить чиновника, потому что это у нас становится какимто нарицательным словом, было понимание того, что есть определённые правила, по которым человек обязан жить, если приходишь на государственную службу или на муниципальную, и нечего придумывать и хитрить. Нужно просто жить по этим правилам или здесь не работать. Вот и всё.</p>	<p>27 ноября 2015 г.</p>
<p>Наша программа обозначена в майских указах 2012 года, в посланиях Президента, и мы обязательно будем двигаться по исполнению всех намеченных планов, добиваясь поставленных целей.</p>	<p>18 ноября 2014 г.</p>
<p>Чиновники на всех уровнях власти должны работать, а не искать оправданий своей полчасе бездеятельности. Важно, чтобы Народный фронт обеспечил именно народный, гражданский контроль, мониторинг исполнения всех наших задач и решений, которые раньше были сформулированы.</p>	
<p>Народ России – подлинный хозяин своей земли. Интересы народа – это и есть общенациональные интересы.</p>	
<p>Право народа – требовать и добиваться, чтобы власть на всех уровнях: от главы государства до главы посёлка – чувствовала и знала, что люди хотят.</p>	<p>12 июня 2013 г.</p>
<p>Общероссийский народный фронт должен действительно стать широким общественным движением, чтобы у всех граждан страны была возможность ставить свои, народные задачи, добиваться их исполнения, свлечь с места те вопросы, которые иногда гонят в бюрократическом болоте, напрямую вносить свои предложения, которые затем станут законом и государственными решениями...самое главное, чтобы эта работа была живой, она должна быть напрямую связана с людьми, с их интересами и с решением их проблем.</p>	
<p>Источник: стенограммы выступлений Президента РФ В. В. Путина на заседаниях Общероссийского народного фронта (www.kremlin.ru).</p>	

Вкладка 2

Сведения о результатах деятельности Общероссийского народного фронта за период с августа по ноябрь 2018 г.

Сведения	Дата
<p>Калужские активисты ОНФ предотвратили неэффективную трату бюджетных средств в размере 2,2 млн рублей в Людиновском районе</p> <p>Активисты ОНФ добились восстановления горячего водоснабжения многоквартирных жилых домов в подмосковном Лыткарино</p> <p>Московские активисты ОНФ добились включения отопления в двух столичных домах</p> <p>После обращения ОНФ сахарный завод в Ливнах возместил причиненный экологии ущерб на сумму в 1,9 млн рублей</p> <p>После сигнала ОНФ строящаяся свалка в подмосковных Люберцах организация привлечена к ответственности</p> <p>После вмешательства мурманского отделения ОНФ жительнице Мончегорска вернули сертификат на материнский капитал</p> <p>Активисты ОНФ добились ликвидации навалов строительного мусора в пойме реки Москвы в подмосковном Дзержинском</p> <p>По обращению амурских активистов ОНФ прокуратура восстановила нарушенные права работников местной больницы</p> <p>После вмешательства калужских активистов ОНФ на предприятии в Людиновском районе построены очистные сооружения</p> <p>Благодаря ОНФ в Архангельске из актов приемки были исключены невыполненные работы на 2,3 млн рублей</p> <p>Эксперты ОНФ добились ликвидации двух свалок в Новой Москве</p> <p>Активисты ОНФ добились приостановки работы предприятия, незаконно сжигающего мусор в Тульской области</p> <p>После сигнала Народного фронта УФАС по Тюменской области раскрыло картельный сговор</p> <p>Активисты ОНФ добились ликвидации масштабной несанкционированной свалки в Курганской области</p> <p>ОНФ добился ликвидации свалки в районе железнодорожной станции Бойня в Москве</p>	Ноябрь
<p>В Мурманской области ликвидирована выявленная ОНФ свалка строительных отходов</p> <p>Томские активисты ОНФ добились возврата в государственную собственность 115 земельных участков</p> <p>Волонтеры проекта ОНФ «Равные возможности – детям» открыли более 700 бесплатных кружков и секций</p> <p>ОНФ в Иркутске добился создания крупнейшего «зеленого щита» в России</p> <p>Эксперты ОНФ в Москве добились устранения свалки в районе Очаковского шоссе</p> <p>ОНФ обнаружил схему маскировки картельного сговора в сфере поставки питания в соцучреждения Санкт-Петербурга</p>	Октябрь
<p>После сигнала ОНФ возбуждено уголовное дело по факту нарушений при благоустройстве в Чите</p> <p>ОНФ помог журналистам из Мичурина доказать в суде необоснованность исков мэрии о защите деловой репутации</p> <p>По инициативе ОНФ в Иваново будет создан научно-образовательный центр для текстильной промышленности</p>	Сентябрь
<p>После вмешательства активистов ОНФ в Калужской области в школах региона улучшено материально-техническое состояние</p> <p>После обращения активистов ОНФ цена закупки медоборудования в Норильске была снижена в пять раз</p> <p>После вмешательства экспертов ОНФ у москвичей появилась возможность передвигать сроки капремонта</p> <p>В Кирове открылась бесплатная секция по воркауту в рамках проекта ОНФ «Равные возможности – детям»</p>	Август
<p>Источник: официальный сайт Общероссийского народного фронта, вкладка «Результаты» (https://onf.ru/results/?page=4).</p>	

В своих регулярных публичных выступлениях Президент РФ В. Путин подчеркивает важность роли общественных инициатив в решении практических вопросов по улучшению жизни в каждом населенном пункте²⁵ (*вкладка 1*). На последнем съезде Общероссийского народного фронта, который прошел в Москве 29 ноября 2018 г., Президент в очередной раз призвал общественников «активным образом включиться» в работу по «контролю, поддержке и участию» в решении актуальных проблем и подытожил: «Если это будет так – а я надеюсь, что так и будет, – тогда мы действительно построим страну, о которой мечтаем»²⁶.

Однако, во-первых, спектр вопросов, решаемых ОНФ (даже несмотря на высокую их значимость для конкретных людей), далек от ключевых проблем общества, которые, как мы показали ранее, связаны с высоким уровнем бедности, инфляции и расслоения населения

²⁵ См., например:

1. «Лично я придаю первостепенное значение налаживанию партнерских отношений между исполнительной властью и гражданским обществом, развитию институтов и структур последнего, развертыванию активной и жесткой борьбы с коррупцией» (источник: Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий (программная статья, 1999 г.).

2. «Надо, чтобы все руководители любого ранга: и в президентских структурах, и в Правительстве, чувствовали и понимали, что рядовые граждане внимательно следят за результатами нашей работы и дают свои оценки. Ориентироваться нужно именно на мнение граждан... От того, насколько общество доверяет действиям власти, конечно, зависит наша общая эффективность и конкурентоспособность» (источник: «прямая линия» с Президентом РФ В.В. Путиным от 25.04.2013 г.).

3. «Изначально мы планировали Общественную палату России, принципы её формирования и направления деятельности для того, чтобы расширить базу демократии в прямом смысле этого слова, без всяких громких выражений... Она не должна подменять собой ни Правительство, ни парламент, у неё должна быть своя ниша, и эту нишу она занимает. Это общественный контроль за тем, что делают исполнительные и представительные органы власти, это экспертная оценка того, что генерируется как ближайшие и более отдалённые планы, это оценка того, как реализуются эти планы, и прямая связь с людьми, прямая связь с теми, кто ощущает на себе усилия властей по улучшению жизни в стране» (источник: выступление В. Путина на встрече с членами Общественной палаты Российской Федерации 20 июня 2017 г.).

²⁶ Стенограмма выступления В.В. Путина на съезде Общероссийского народного фронта 29 ноября 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. Реж. дост.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59260>

Для Государственной Думы, чьих депутатов, как утверждает социология, мало кто знает, для компенсации дефицита рядом создали Общественную палату, Общественный фронт. Туда собрали всех авторитетных людей, умных, сильных. Но полномочий у них – ноль²⁷.

по доходам (*вкладка 2*). Ликвидация незаконных свалок, установка пандусов для инвалидов, возвращение конкретному лицу сертификата на материнский капитал, обустройство детских площадок... всё это важно, но **всего этого не должно было бы быть при эффективной организации внутренней политики, и, главное, это не решает принципиально вопросы повышения уровня и качества жизни: проблему социального неравенства, достойных пенсий и зарплат, повышения моральной ответственности чиновников, работающих социальных лифтов...**

Президент должен заниматься стратегией, правительство должно заниматься хозяйством, а Банк России – финансовой системой. А вот то, что он, делегировав обязанности, не контролирует в должной степени их исполнение и даже мирится с хроническим саботажем своих же «майских указов», – не столько проявление гуманности, сколько глубокий порок всей нашей системы управления. Именно отсюда исходит угроза всему нашему будущему²⁸.

Во-вторых, регулярные проверки исполнения «майских указов», проводимые ОНФ, остаются без внимания, в частности, Президента. Иначе как объяснить тот факт, что даже при неэффективной реализации «майских указов» 2012 г. (*табл. 4*), при тех системных недо-

²⁷ Следующего юбилея Конституции России не будет? (интервью с профессором С. Шахраем) // Аргументы недели. 2018. №49(642). 13 дек. Реж. дост.: <http://argumenty.ru/society/2018/12/595669?typelink=openlink>

²⁸ Делягин М. Либералы относятся к России как к котлете – объекту потребления // Электронная газета «Бизнес-online» 2016. 9 нояб. Реж. дост.: <https://www.business-gazeta.ru/article/327971>

Таблица 4. Сведения о достижении показателей по некоторым поручениям, установленным в «майских указах» Президента РФ

Указ Президента от 7 мая 2012 г.	Поручение Президента	Факт*	Отклонение
№596 «О долгосрочной государственной экономической политике»	«Повышение позиции Российской Федерации в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й в 2011 году до 50-й – в 2015 году и до 20-й – в 2018 году»	35 место** (2018 г.)	-15 ед.
	«Увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте к 2018 году в 1,3 раза относительно уровня 2011 г.»	22,1% (2017 г.)***	-3,5%
	«Создание и модернизация 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году»	15983,279 тыс. ед. (2016 г.)	-9,02 млн.
№597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»	«Увеличение к 2018 году размера реальной заработной платы в 1,4–1,5 раза»	100,8% (2016 г.)****	-56%
№598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»	«Снижение смертности от новообразований (в том числе от злокачественных) до 192,8 случая на 100 тыс. населения»	196,9 на 100 тыс. нас. (2017 г.)	-4,1 на 100 тыс. нас.
	«Снижение смертности от дорожно-транспортных происшествий до 10,6 случая на 100 тыс. населения»	13,6 на 100 тыс. нас. (2017 г.)	-3 на 100 тыс. нас.
№599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»	«Увеличение к 2015 году внутренних затрат на исследования и разработки до 1,77 процента внутреннего валового продукта»	1,10% (2016 г.)	-0,67%
№600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг»	«До 2020 года – предоставление доступного и комфортного жилья 60 процентам российских семей, желающих улучшить свои жилищные условия»	5% (2016 г.)	-55%
№606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»	«Обеспечить увеличение к 2018 году ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации до 74 лет»	72,7 года (2017 г.)	-1,3 года
* Данные Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).			
** Источник: Doing Business 2018. Всемирный банк опубликовал рейтинг стран по простоте ведения бизнеса. Реж. дост.: http://novorusmir.ru/archives/31784).			
*** В 2011 г. доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте составляла 19,7%. По Поручению Президента к 2018 г. необходимо достигнуть уровня 25,6%.			
**** В 2012 г. реальная начисленная заработная плата к предыдущему году составляла 108,4%.			

статках, которые были выявлены экспертами²⁹ ОНФ, исполнение следующих «майских указов» было поручено тем же людям – кабинету

²⁹ В середине 2016 г. Правительство отчиталось о выполнении «майских указов» Президента: «Выполнено около 70% от общего числа поручений и 88% – от числа поручений, которые должны были быть выполнены к настоящему времени». Оценка Общероссийского народного фронта: «Из 162 наших заключений на доклады правительства о снятии соответствующих поручений с контроля мы подтвердили целесообразность снятия с контроля только по 24 поручениям. Цифры именно такие: мы считаем, что 24 поручения действительно выполнены, остальные в той или иной степени не выполнены» (источник: Обещания третьего срока: как исполняются майские указы президента / О. Волкова, П. Никольская, И. Ткачёв, А. Могилевская // Сайт РБК. Реж. дост.: <http://www.rbc.ru/economics/17/05/2016/573a034a9a7947d18967193a>).

министров, состав которого в 2018 году фактически не изменился?

«Компетенция политической элиты – агентов и лидеров перемен, – как отмечают эксперты, – определяется классом задач, горизонтом планирования, подтверждается же она значимостью результата. Проблема предела компетенций правящего слоя в различных политических системах решается по-разному: варьируется состав элиты, вливается свежая кровь, усложняются коды действия и представления о реальности. Либо принимаются меры по ее упрощению. **Отсутствие разнообразия сокращает шансы на развитие.** При подавлении разномыслия спектр возможностей сужается, качество решений снижается, дефекты накапливаются, контроль доминирует над управ-

лением... Результат социальной депривации — эволюционный тупик: невнятность программ, деградация управления, архаизация сообщества и неконтролируемая его хаотизация»³⁰.

... Как можно охарактеризовать реакцию на снижение явки со стороны официальных лиц? Ситуацию с явкой на конкретном избирательном участке в Подмосковье в Истре Э. Памфилова прокомментировала как «Сколько придет – столько и придет. Значит это активные, ответственные граждане, которым не все равно, что происходит в стране и области»³¹. Такое заявление можно назвать, как минимум, странным; ведь при игнорировании мнения, по сути, 60% граждан (не явившихся на выборы 9 сентября) сложно говорить о какой-то ориентированности власти на национальные интересы (впрочем, также как при игнорировании мнения 90% россиян по поводу пенсионной реформы)³².

Та же линия прослеживается и в отношениях власти с более широкими слоями российского общества. Так, в преддверии губернаторских выборов 2018 года Правительство отклонило предложение «Справедливой России» о перенесении Единого дня голосования с сентября на октябрь из-за того, что «сентябрь – крайне неудачный месяц для голосования. Многие россияне в это время еще не вернулись из отпусков. Кроме того, дачники и садоводы заняты на своих приусадебных участках. Им в это время совсем не до выборов»³³.

Инициатива КПРФ по проведению референдума о пенсионной реформе (пожалуй, самое громкое событие уходящего года, затронувшее практически всех граждан нашей страны) была отклонена с формулировкой: «Гражданам надо обладать специальными знаниями, чтобы

разобраться в содержании данного вопроса»³⁴, несмотря на то что планируемый для голосования на референдуме вопрос был, на наш взгляд, совершенно понятен: «Согласны ли Вы с тем, что в Российской Федерации возраст, дающий право на назначение страховой пенсии по старости, повышаться не должен?».

Этот весьма показательный эпизод из жизни общества и власти в России, по понятным причинам, не освещался широко в средствах массовой информации, хотя в середине года казалось, что может быть важнее данного референдума, являющегося, по сути, единственной легальной и легитимной возможностью общества повлиять на правительственное решение, против которого выступило почти **80% россиян**³⁵. Зато на протяжении последних месяцев в СМИ регулярно освещается ход общественного голосования за выбор новых названий российских аэропортов – вопрос, который, по-видимому, не требует от населения «специальных знаний»...

В последнее время мы наблюдаем, как формируются и дистанцируются два лагеря, декларирующие разные взгляды на жизнь страны. В одном оказывается элита. В другом – гражданское общество. Когда премьер-министр Дмитрий Медведев говорит о нашей «сильной экономике быстро развивающейся страны» и растущих второй год реальных доходах населения, а человек считает, сколько остается на жизнь после выплат по кредиту и ЖКХ, дистанция между этими лагерями растет. Когда чиновники учат, что государство народу ничего не должно, призывают оплатить ремонт туалетов в школах и сесть на диету и «макарошки», а налоги и пенсионный возраст тем временем повышаются, стороны вовсе перестают понимать друг друга. Наконец, если по телевизору нас уверяют, что из-за злого Запада нам надо крепче затянуть пояса, а команда переговорщиков давно пустила на этом Западе корни, возникает и вовсе опасное для жизни страны непонимание между властью и народом»³⁶...

³⁰ Неклесса А. Коррозия будущего // Независимая газета. 2018. 27 нояб. Реж. дост.: http://www.ng.ru/nauka/2018-11-27/9_7449_future.html

³¹ Глава ЦИКа Элла Памфилова проголосовала на выборах губернатора в Подмосковье в Истре / Неделя в округе, 9 сент. 2018 URL: <http://nedelya-v-okruga.ru/index.php/nedelya-v-okruga/4048-glava-tsika-ella-pamfilova-progolosovala-na-vyborah-gubernatora-v-podmoskove-v-istre>

³² Повышение пенсионного возраста: реакция граждан: пресс-выпуск ФОМ от 29.06.2018. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/14057>

³³ Заякин А. Кабмин не одобрил перенос Единого дня голосования на октябрь // Экспресс газета. 2018. 1 авг. URL: <https://www.eg.ru/politics/588579-kabmin-ne-odobril-perenos-edinogo-dnya-golosovaniya-na-oktyabr-062299/>

³⁴ ЦИК объяснил отказ в референдуме по изменению пенсионного законодательства // РИА новости. 2018. 27 июля. Реж. дост.: <https://ria.ru/20180727/cik-objasnil-otkaz-v-referendume-po-izmenenijam-pensionnogo-zakonodatelstva-1525496602.html>

³⁵ Повышение пенсионного возраста: реакция граждан: пресс-выпуск ФОМ от 29.06.2018. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/14057>

³⁶ Скоробогатый П. Цена второго гражданства // Эксперт. 2018. №50(1101). 10 дек. С. 2.

Кроме того, в 2018 г. участились и случаи откровенно пренебрежительных высказываний и поступков по отношению к людям со стороны чиновников всех уровней власти. Это, например, чиновники, которые «незаконно премируют себя 39 раз на общую сумму более 108 тысяч рублей с присвоением себе чина советника муниципальной службы 2-го, а затем и 1-го класса»³⁷. Госслужащие, которые «передают частной компании муниципальную собственность, нарушая при этом все действующие требования и процедуры»³⁸. Представители власти, предлагающие многодетным матерям сдавать детей в детский дом на период выплаты ипотечного кредита³⁹. Лидеры так называемой «золотой молодежи» и «управленческого резерва», которые уже в 27 лет становятся главой Департамента молодежной политики, а добившись этого, теряют чувство контроля, заявляя: «Вам государство вообще в принципе ничего не должно — вам должны ваши родители. Они вас родили, государство их не просило вас рожать»⁴⁰.

Подобные неосторожные высказывания чиновников как минимум свидетельствуют об элементарной потере самоконтроля, очевидно, на фоне длительной, возможно, многолетней безнаказанности за проведение политики, соответствующей степени их моральной ответственности (а точнее — безответственности) перед обществом. В иных случаях такие вещи «вскрываются» бла-

годаря активности общественников и силовых структур. Так, например, в результате массовых следственных мероприятий, проведенных в апреле и октябре 2018 г., были выявлены крупные коррупционные сети в администрации г. Сочи; арестованы застройщики и чиновники, включая вице-мэров, руководителей департаментов...

Почему таких изречений из уст представителей власти стало много именно сейчас, в 2018 году? Причина кроется в экономическом кризисе, который никуда не делся. Денег в стране становится меньше, реальные доходы не растут (а чаще всего падают). И вот тут встает вопрос: доходы должны падать у всего общества в целом или только у отдельных групп (сословий)? И оказывается, что представители властного сословия, всевозможные «государевы люди», совсем не согласны на падение своих доходов. Они не готовы отказываться от достигнутого уровня потребления. Но денег, как уже говорилось, в стране стало меньше – а значит, средства на поддержание своего благосостояния можно взять только у обычных людей (податного сословия)... Разумеется, отдельных чиновников за такие фразы будут наказывать, увольнять и высмеивать. Но они не перестанут говорить это, поскольку их задача – приучить людей к мысли о том, что «государство вам ничего не должно». Если эту мысль повторить тысячу раз из разных уст, рано или поздно народ к ней привыкнет. Во всяком случае, власть на это очень надеется⁴¹.

Однако всё это — «верхушка айсберга», свидетельствующая лишь о том, насколько глубоко частные интересы укоренились в системе государственного управления, призванной (по идее) служить народу и защищать интересы социума. Что не удивительно, ведь «образцы» такого поведения задаются на самом верху, на федеральном уровне.

Здесь можно вспомнить и знаменитое «Денег нет, но вы держитесь» самого Председателя

³⁷ Новости информационного агентства Ura.ru от 15 ноября 2018 г. <https://ura.news/news/1052359490> (речь о начальнице финансового отдела администрации Новочебоксарска, Чувашская Республика).

³⁸ Новости «Подмосковье сегодня» 2016. 30 дек. Реж. дост.: <https://mosregtoday.ru/sec/v-krasnodare-arestovali-chinovnitsu-podozrevaemuyu-v-prevyshenii-dolzhnostnykh-polnomochiy/> (речь о заместителе главы Краснодар О. Яковлевой).

³⁹ Новости сетевого издания Inkazan.ru. 2017. 19 дек. Реж. дост.: <https://inkazan.ru/news/society/19-12-2017/sdat-detey-v-priyut-na-vremya-vyplaty-ipoteki-posovetovala-udachina-mnogodetnaya-mat> (речь о детском омбудсмене Татарстана Г. Удачиной).

⁴⁰ Глацких О. Свердловская область (источник: Пионерская правда. 2018. 8 нояб. Реж. дост.: <https://zen.yandex.ru/media/pioner/kak-chinovnica-olga-glackih-zaiavivshaia-chto-gosudarstvo-nikogo-ne-prosilo-rojat-detei-staladirektorom-departamenta-molodejnoi-5be3eaeed1c705900-a9fce9e6?&from=feed>).

⁴¹ Шабуров А. «Государство вам не должно». Почему чиновники сменили тон в общении с народом // Информационный портал г. Бакал. 2018. 22 нояб. <http://vbakale74.ru/power/5223-gosudarstvo-vam-ne-dolzno-pochemu-chinovniki-smenili-ton-v-obschenii-s-narodom.html>

Правительства Д. Медведева⁴², и призывы Г. Грефа отдавать стариков в дом престарелых⁴³ ... В этот же ряд можно поставить ситуацию, когда на волне широкомасштабного обсуждения пенсионной реформы депутаты Государственной Думы решают «начать с самих себя и внести изменения в закон о статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы по отмене себе пенсионных преференций»⁴⁴, особо акцентируя внимание на том, что «этот законопроект удовлетворяет один из главных запросов современных россиян – на справедливость»⁴⁵. Однако после официального принятия закона о повышении пенсионного возраста⁴⁶ депутаты устанавливают, что отказываться от преференций они могут добровольно, то есть по желанию⁴⁷. Подобные случаи, возникающие на всех уровнях власти, приводят к соответствующей ответной реакции со стороны общества: так, по данным проведенных нами

⁴² Краткое выражение, производное от фразы «... Индексации „нигде нет“». Просто денег нет сейчас. Найдем деньги – сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья», произнесенное Д. Медведевым в мае 2016 г. во время визита в Крым в ответ на жалобу пенсионерки о маленьком размере пенсии (источник: Информационный портал «Газета.Ру». 2016. 24 мая. Реж. дост.: https://www.gazeta.ru/comments/2016/05/24_e_8262629.shtml).

⁴³ Интервью Г. Грефа телеканалу «Россия 24» от 31 августа 2018 г. (источник: Новости Борисоглебска. 2018. 3 сент. Реж. дост.: <http://bsk-news.ru/4742-german-gref-prizval-rossiyam-massovo-otdavai-svoih-roditeley-v-doma-prestarelyh.html>)

⁴⁴ Предложено отменить пенсионные преференции для депутатов и сенаторов (секретарь генсовета «Единой России» А. Турчак) / Информационное агентство «СаратовБизнесКонсалтинг». 2018. 21 авг. Реж. дост.: <https://news.sarbc.ru/main/2018/08/21/221339.html>

⁴⁵ Замахина Т. Начали с себя: депутаты Госдумы одобрили собственный отказ от надбавок к пенсиям // Российская газета. 2018. №7698(235). 18 окт. Реж. дост.: <https://rg.ru/2018/10/18/deputaty-odobrili-sobstvennyj-otkaz-ot-nadbavok-k-pensiiam.html>

⁴⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: ФЗ от 3 окт. 2018 г. №350.

⁴⁷ «Гражданин, имеющий право на ежемесячную доплату к пенсии, может отказаться от нее, подав заявление на имя руководителя федерального органа исполнительной власти. В случае добровольного отказа гражданина от ежемесячной доплаты к пенсии такая доплата в дальнейшем не устанавливается» (источник: О внесении изменений в статьи 2 и 29 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: ФЗ от 12.11.2018 №408. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201811120024?index=1&rangeSize=1>).

исследований, за период с 2011 по 2018 г. доля жителей Вологодской области, считающих, что они не могут повлиять на положение дел в стране, увеличилась с 67 до 73%.

Таким образом, оценка эффективности реализации ключевых критериев социального государства показывает, что данная норма Конституции РФ если и выполняется, то скорее имитационно, чем эффективно. «Социальное государство – полубытывый конституционный принцип Российской Федерации»⁴⁸. «Народ России, как и прежде, живет не по Конституции, а при ней, около нее»⁴⁹.

Проблема экономики не в дешевой нефти или санкциях, а в том, что вся деятельность либералов, сидящих на ключевых постах в правительстве Медведева и в Банке России Набиуллиной, насколько можно судить по их действиям, подчинена задаче блокировать развитие нашей страны. И в целом, поскольку мы их терпим, им это удается... Наша «офшорная аристократия» – это люди, у которых все активы и вся жизнь на Западе, и они управляют Россией если не как оккупированной территорией, то в режиме внешнего управления, вахтовым методом. Но это все-таки касается не всей правящей тусовки, а только либеральной ее части. Либералы и в оппозиции, и во власти, которые искренне веруют в то, что государство должно служить не народу, а глобальному бизнесу, – хотят полного подчинения России Западу⁵⁰...

Однако это не означает, что за четверть века, прошедшие с момента принятия главного документа страны, он исчерпал свою состоятельность и требует коренного пересмотра. Напротив, построение социального государства – это вопрос будущего, и пока что мы лишь в начале данного пути. «Сохранение асоциального неравенства доходов уже в ближайшем будущем может привести к значительному снижению доверия всем высшим органам власти, уровня самодостаточности российского общества. В этом не заинтересованы ни органы власти, ни

⁴⁸ Лапин Н.И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. 2018. №8. С. 6.

⁴⁹ Шейнис В. Конституция-93: путь, итог, перспективы // Независимая газета. 2018. 11 дек. Реж. дост.: http://www.ng.ru/ideas/2018-12-11/6_7460_ideas.html

⁵⁰ Делягин М. Либералы относятся к России как к котлете – объекту потребления // Электронная газета «Бизнес-онлайн». 2016. 9 нояб. Реж. дост.: <https://www.business-gazeta.ru/article/327971>

бизнес, включая корпоративно-олигархический. Ради самосохранения им предстоит пойти на компромисс с большинством населения. **Основным способом такого компромисса может стать формирование социального государства, опирающееся на российские (общие и регионально особенные) и учитывающее исторически апробированные зарубежные его формы и методы»⁵¹.**

«Игнорирование норм Конституции – вопрос исключительно к представителям компрадорской элиты, сознательно отдающим приоритет своим частным интересам в ущерб интересам российского общества. И вопрос к «центральной государственной власти – президенту и парламенту, в полномочиях которых всё»⁵².

Историческая задача, которая стоит сегодня перед Президентом, заключается в том, чтобы создать условия для эффективного перехода страны на новый этап развития, который, безусловно, связан с основными принципами социального государства. Для этого необходимо проявить политическую волю и принять непростые, но давно назревшие решения – о законе, регламентирующем созыв Конституционного Собрания; об ответственности чиновников за действия, ограничивающие конституционные

... Мы в России частенько болеем раздвоением, параллелизмом, дублированием. У нас только один государственный пост, институт не раздваивается – это президент... Ни фиктивность, ни бедные пенсионеры, ни плохое образование – Конституцию само по себе не поменяет, потому что надо менять политику правительства⁵³.

права и свободы граждан; о механизмах реально работающего общественного контроля за принятием управленческих решений на всех уровнях власти.

Пока подобные решения Президентом не приняты, говорить о том, что в России существует или хотя бы намечается устойчивый вектор движения к социальному государству, не приходится. И до тех пор, пока внутренней, в том числе социальной и экономической, политикой занимаются люди, рассматривающие общество исключительно как источник пополнения собственных карманов, а не как «единственный источник власти в стране» (как это предписывает Конституция), будущее социального государства в России и будущее ее самой останутся под большим вопросом.

Литература

1. Тавадов Г.Т. Этнология. Современный словарь-справочник. М., 2007. 704 с.
2. Конституция Российской Федерации (12 декабря 1993 г.). Реж. дост.: <http://www.constitution.ru>.
3. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683.
4. Социальная справедливость в русской общественной мысли [колл. моногр.] / отв. ред. Ю. Б. Епихина. М.: Институт социологии РАН, 2016. 219 с.
5. Козлов М.И. Социальная справедливость в контексте русской традиции / М-во образования и науки РФ, Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Сев. (Аркт.) федер. ун-т». Архангельск, 2010 (КИРА). 202 с.
6. Платонов О.А. Русская цивилизация. М. 1995.
7. Захарьян Д.А. Социальное государство: основные этапы развития и современное состояние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. С. 649-658.
8. Сулакшин С.С. Качество и успешность государственных политик и управления // Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012. 496 с.
9. О чём мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.

⁵¹ Лапин Н.И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. 2018. №8. С. 7.

⁵² Болдырев Ю.Ю. Как либералы продавали Россию: «Крыса съест три зернышка, миллион провоняет» // Московский комсомолец. 2016 г. 8 дек. Реж. дост.: <http://www.mk.ru/politics/2016/12/08/kak-liberaly-prodavali-rossiyu-krysa-sest-tri-zernyshka-million-provonyaet.html>

⁵³ Следующего юбилея Конституции России не будет? (интервью с профессором С. Шахраем) // Аргументы недели. 2018. №49(642). 13 дек. Реж. дост.: <http://argumenti.ru/society/2018/12/595669?typelink=openlink>

10. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 // National Bureau of economic research. Cambridge: MA August, 2017.
11. Российское общество: год в условиях кризиса и санкций: информационно-аналитический материал по итогам общероссийского социологического исследования / ИС РАН. М., 2015. 48 с.
12. Цели устойчивого развития ООН и Россия: доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева; Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2016. 293 с.
13. Лапин Н.И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. 2018. №8. С. 3-11.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: ФЗ от 03.10.2018. №350.
15. О внесении изменений в статьи 2 и 29 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: ФЗ от 12.11.2018 №408-ФЗ.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

“Russian Federation – a Welfare State?”

Assessing the Results of 25 years of Implementation of Article 7 of the Russian Constitution

Abstract. December 12, 2018 marked the 25th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation. The paper provides our own assessment of the implementation of one of the main provisions of the Constitution of the Russian Federation: “The Russian Federation is a social State whose policy is aimed at creating conditions for a worthy life and a free development of man” (Article 7). We define and substantiate the criteria of efficiency of implementation of this provision; we also provide the data of foreign, Russian and regional sociological studies that reflect a subjective assessment of the dynamics of living standards and quality of life by Russians. We pay special attention to public administration efficiency in overcoming social inequality and achieving social justice. Ultimately, we raise the questions whether Russia is a social state, how far it has advanced in this direction over the past 25 years, and what its prospects can be in the near future.

Key words: Constitution of the Russian Federation, welfare state, social justice, public administration efficiency, public opinion.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

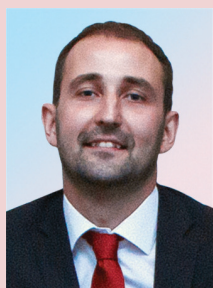
СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2

УДК 332.14, ББК 65.050

© Лукин Е.В., Ускова Т.В.

Проблемы структурной трансформации региональной экономики*

**Евгений Владимирович
ЛУКИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: lukin_ev@list.ru

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: tvu@vscc.ac.ru

Аннотация. В статье систематизированы направления структурных исследований в экономической теории. На материалах Вологодской области за 1995–2016 гг. проведен анализ структурных сдвигов и пропорций в региональной экономике. Рассмотрены закономерности протекания процессов социально-экономического развития области на уровне экономики в целом и ее отраслевой структуры на всех ключевых стадиях воспроизводственного процесса – производства, образования и использования доходов. Выявлены существенные трансформации в структуре выпуска продукции, выражающиеся в сокращении доли товаропроизводящего производства и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-01012 А «Моделирование структурных изменений экономики региона на основе межотраслевого баланса как инструмент обоснования экономической политики».

Для цитирования: Лукин Е.В., Ускова Т.В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 26-40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2

For citation: Lukin E.V., Uskova T.V. Structural transformation issues in regional economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 26-40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2

росте доли производства услуг. Зафиксировано снижение общей эффективности экономики области, обусловленное ростом ресурсоемкости выпуска товаров и услуг. Выделен тренд на увеличение веса оплаты труда наемных работников и сокращение предпринимательских доходов в структуре доходов экономики. Сделан вывод о слабом регулировании общественного воспроизводства в Вологодской области и наличии проблем в отраслевой и воспроизводственной структурах ВРП, в структуре инвестиций, конечного потребления и сбережения, сдерживающих модернизационные процессы и повышение качества жизни населения. Предложены направления структурной экономической политики по повышению качества экономического роста региона: стимулирование модернизации производства с целью увеличения доходов всех экономических агентов и их дальнейшего использования для усложнения структуры экономики; стимулирование внутреннего потребительского спроса; стимулирование инвестиционной активности и повышение нормы накопления основного капитала. Методологической основой исследования выступила теория национального счетоводства. При анализе использовались классические процедуры макроэкономического и макроструктурного анализа, методы математической статистики. Достоверность выводов обеспечивалась применением общенаучных методов (системный подход, анализ и синтез данных, индукция и дедукция, аналогия) и специальных методов экономических исследований (обобщение экономических фактов, методы группировки, сравнения, структурного анализа экономических показателей).

Ключевые слова: регион, структурная трансформация, структурная экономическая политика.

1. Введение

Проводимые в последние десятилетия рыночные реформы, а также динамично меняющаяся внешняя среда кардинальным образом меняют экономическую структуру России и ее регионов. Меняется структура производства, структура образования, распределения и использования доходов. Повышение качества принимаемых управленческих решений невозможно без углубленного анализа объемов, структуры и динамики имеющихся у региональных социально-экономических систем ресурсов, источников их формирования и направлений использования. Одним из возможных путей совершенствования механизмов принятия решений в области управления региональной экономикой является обоснование экономической политики на базе комплексных структурных исследований, отражающих экономические процессы на уровне экономики в целом и ее отраслевой структуры. Это дает возможность детально описать протекающие экономические процессы и оценить эффективность проводимой экономической политики.

Учет структурного фактора в управлении экономикой можно считать консенсусом развернувшейся в экспертной среде и политических кругах страны дискуссии о способах обеспечения экономического роста в России.

О необходимости реализации структурных реформ неоднократно заявляли представители экономических властей страны: министр экономики М.С. Орешкин¹, председатель Правительства Д.А. Медведев², председатель Центрального банка Э.С. Набиуллина³, председатель правления Сбербанка России

¹ «Мы концентрируемся на структурных ограничениях экономического роста и мерах, которые такие ограничения снимают. ... Министерство экономического развития должно сформулировать те изменения, которые помогут преодолевать эти структурные ограничения» (источник: Можно сделать серьезный шаг вперед к росту доли белой экономики // Коммерсант. 2017. 8 января. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3186798>)

² «Восстановить нормальные темпы роста только за счет денежной и бюджетной политики не получится, требуются серьезные структурные реформы, хотя мы об этом говорим последние лет, наверное, 15» (источник: Для восстановления роста российской экономики требуются структурные реформы // Комсомольская правда. 2017. 12 января. Режим доступа: <https://www.kp.ru/online/news/2624661>)

³ «Если цена на нефть выше — мы можем расти чуть быстрее, но тем не менее при любой цене наша оценка такова: без структурных преобразований мы стабилизируемся на планке 1,5–2 процента» (источник: Набиуллина призвала провести структурные реформы ради роста экономики // Lenta.ru. 2017. 5 апреля. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/04/05/reform>)

Г.О. Греф⁴ и др. На страницах ведущих научных журналов также обсуждаются вопросы структурной перестройки экономики [1–9]. Характеризуются вызовы, стоящие перед российской экономикой, предлагаются сценарии и стратегии роста, возможности бюджетного маневра и т.д. При этом региональный уровень остается практически не затронутым. В связи с этим целью настоящего исследования выступают анализ структурной трансформации региональной экономики и выработка на его основе направлений структурной экономической политики.

2. Структурные исследования в экономической теории

Вопросы исследования структурных характеристик развития экономики в том или ином виде находили отражение еще в трудах физиократов и представителей классической политэкономической школы. Так, Ф. Кенэ (середина XVIII в.) пытался описать воспроизводственную структуру экономики, устанавливая балансовые пропорции между натуральными и стоимостными элементами производства [10]. А. Смит (конец XVIII в.) в теории абсолютных преимуществ показывал, что с точки зрения общего эффекта для экономики ее отраслевая структура должна выстраиваться в зависимости от эффективности затрат – товары должны производиться там, где меньше издержки на их производство. Д. Рикардо (начало XIX в.) при обосновании оптимальной специализации стран в международной торговле предполагал, что специализация в производстве выгодна даже стране, у которой нет абсолютных преимуществ при производстве какого-либо товара, если у нее имеются сравнительные преимущества, т.е. она затрачивает меньше ресурсов на производство одного товара по отношению к аналогичным затратам на производство дру-

гого товара. К структурным параметрам экономики обращался также Дж.С. Милль (середина XIX в.) при анализе производства товаров, их распределения и обмена.

Вместе с тем в трудах основоположников политэкономии не учитывался динамизм экономических систем и их структурных характеристик [11]. Экономическая наука не сразу пришла к необходимости и получила возможность исследования структурных изменений в экономике. Значимым этапом стала теория расширенного воспроизводства К. Маркса (вторая половина XIX в.), которая являлась первой попыткой динамического описания структурных взаимодействий между элементами экономической системы и ее агентами.

Дальнейшее развитие структурных исследований происходило на фоне мировых войн (1914–1918 и 1939–1945 гг.) и мирового экономического кризиса (1929–1939 гг.), потребовавших большего государственного участия в регулировании экономики. Классическая саморегулируемая экономическая модель фактически перестала работать. Растущая потребность в адекватной оценке экономики обуславливала развитие соответствующего *методологического обеспечения и методического инструментария*. С начала XX века стали появляться работы, связанные с анализом специфических особенностей формирования структурных взаимосвязей в экономике. Большой вклад в это направление экономической мысли был внесен нашими соотечественниками. В 1904 году были изданы «Экономические очерки» В.К. Дмитриева, в которых он попытался сформулировать (как содержательно, так и математически) взаимосвязь между полными затратами труда и системой межотраслевых связей в экономике [12]. В 1923–1924 годах в СССР для контроля и планирования производства, распределения и потребления, а также изучения межотраслевых связей была разработана и апробирована методология баланса народного хозяйства. И хотя в дальнейшем эти работы в Советском Союзе были приостановлены (вплоть до 1960-х гг.), идею подхватил В.В. Леонтьев и творчески развил ее в США, разработав методологию межотраслевого баланса.

⁴ «Все, по-моему, пришли к выводу, что кризис, в котором мы сейчас находимся, не циклический, а структурный. И, в общем, бороться с ним надо совершенно стандартным набором мер. Сегодня нет никакого другого средства, кроме как наконец заняться структурными реформами» (источник: Подъем ВВП заменяют разговоры о структурных реформах // Независимая газета. 2017. 5 апреля. Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2017-04-05/1_6967_vvp.html)

С 1930-х стали развиваться подходы и методы к *подготовке статистической информации* для анализа народнохозяйственных процессов. В 1940-х гг. под руководством Р. Стоуна была создана система национальных счетов (СНС), связывающих все показатели хозяйственной деятельности [13]. Приблизительно в то же время В.В. Леонтьевым были сформулированы основные требования при формировании национальных таблиц «затраты – выпуск», соединявших в себе параметры производства и использования продукции, описывавших структуру конечного потребления и образования доходов [14]. В 1950-е гг. леонтьевские таблицы «затраты – выпуск» были интегрированы в стандарт СНС. В дальнейшем система национального счетоводства неоднократно совершенствовалась (в 1968, 1993 и 2008 гг.) и с 1960-х гг. была признана в качестве международного стандарта исчисления показателей экономической деятельности. С 1990-х гг. одним из направлений применения методологии СНС стали региональные исследования. В СНС-93 отмечается, что региональные счета особенно важны для стран со значительными межрегиональными различиями в экономическом и социальном развитии [15].

С возникновением макроэкономики, изучающей функционирование экономической системы как единого целого, и кейнсианства (1930-е гг.) происходит оформление анализа структуры экономики в математических моделях. Появляются однофакторные модели экономического роста Р. Харрода и Э. Домара (1940-е гг.), многофакторные неоклассические модели на основе аппарата производственных функций по Р. Солоу (1950-е гг.). В 1950–1970-х гг. широкое распространение получили межотраслевые балансовые модели, учитывающие производственные взаимодействия. С середины 1950-х гг. спектр их применения стал затрагивать региональный [16, 17, 18], межрегиональный [19] и многорегиональный [20, 21] уровни, что обеспечило проведение анализа межотраслевых и межрегиональных взаимосвязей в экономике, оценки влияния изменений пространственной структуры на различные макроэкономические показатели. С 1960-х гг. в межотраслевых моделях появилась возможность учитывать институциональ-

ную структуру экономики, началась разработка матриц интегрированных институциональных счетов (SAM-матрицы) [22]. Это позволило исследовать взаимодействия между экономическими агентами (государством, населением и компаниями) в процессе формирования и распределения доходов.

Логическим развитием структурных исследований стало формулирование теоретического представления о *государственном регулировании* через формирование соответствующих инструментов экономической политики [23]. Так, например, структурные реформы рассматривались в качестве метода выхода из Великой депрессии (1930–1940-е гг.) представителями гарвардской школы экономической науки (Й. Шумпетер, Э. Хансен, В.В. Леонтьев, Э. Чемберлин, П. Самуэльсон, Дж. К. Гэлбрейт, С. Кузнец). Согласно их парадигме «структура – поведение – результат», отраслевая структура экономики определяет поведение продавцов и покупателей и обуславливает результат развития. Воздействовать на структуру можно, изменяя параметры функционирования: совершенствуя технологии, стимулируя спрос и т.д. В 1940-е гг. Дж. М. Кейнс при выработке экономической политики акцентировал внимание на структуре конечного потребления, соотношении в нем инвестиций и сбережений [24]. Большой вклад в исследование структурных преобразований и анализ взаимозависимости экономических, социальных и институциональных процессов был внесен Г. Мюрдалем (1950–1960-е гг.). В контексте развития структурной экономической политики отдельно необходимо отметить работы советских ученых (1950–1980-х гг.) по оптимальному размещению ресурсов и планированию народнохозяйственного развития – Л.В. Канторовича, Н.Н. Колосовского, Н.Н. Некрасова и В.С. Немчинова (изучение проблем рациональной территориальной организации хозяйства), А.И. Ноткина и Я.А. Кронрода (исследование изменений структуры национального богатства), А.И. Анчишкина и Ю.В. Яременко (разработка проблематики научно-технического прогресса и сдвигов в области техники и технологий, а также прогнозирования социально-экономического и научно-технического развития) [11].

В 1990-е гг. на фоне растущей дифференциации в уровне доходов между развитыми и развивающимися странами сформировалось теоретическое направление «структурализм» (или «структуралистская макроэкономика»), объяснявшее это неравенство несовершенством структуры экономик развивающихся стран и предлагавшее меры экономической политики по ее изменению (в частности, индустриализацию, импортозамещение) [25, 26]. В продолжение этого направления в 2000-х гг. появилась концепция новой структурной экономики [27]. Согласно ее положениям, структура факторов производства на каждом этапе развития экономики неодинакова. Это предопределяет различия в параметрах капиталоемкостей по отраслям промышленности, в масштабах производства, объемах рынка, операционных издержках и т.д. В результате каждая промышленная структура требует своего соотношения производственной и непроизводственной сфер [27]. При этом правительство должно играть активную роль в содействии структурным преобразованиям, координируя направления инвестиций и смягчая влияние внешних факторов.

В целом можно констатировать рост количества теоретических и эмпирических исследований, посвященных анализу воздействия структурных процессов на развитие экономики. Представители различных экономических школ со своих позиций оценивали важность многовекторной структурной политики в экономических системах. Кризисы экономики постоянно разжигали интерес к вопросам экономической сбалансированности [28]. Однако цельной концепции относительно значимости структурных факторов для экономической динамики все же не выработано. Недостаточное внимание, в частности, уделяется региональному уровню и механизмам воздействия на структуру региональной экономики. Это осложняет выработку эффективной экономической политики, направленной на использование структурных факторов для формирования устойчивой экономической динамики и общего роста благосостояния населения.

3. Методика исследования

Методологической основой исследования являются теории общественного воспроизводства и национального счетоводства. Согласно

им, основа ресурсов экономики – производство (*рис. 1*). В процессе производства, с одной стороны, создаются товары и услуги в их натуральном виде, с другой – их стоимость и добавленная стоимость, которой соответствуют образовавшиеся в производстве первичные доходы: оплата труда наемных работников, получаемые государством чистые налоги на продукты и валовая прибыль экономики. Первичные доходы после их распределения и перераспределения образуют располагаемые доходы субъектов хозяйствования (институциональных единиц, экономических агентов) и расходуются на конечное потребление и валовое накопление, образующие совместно конечный спрос [29]. Разница между национальным производством и конечным использованием по экономике в целом, группам продуктов и отдельным продуктам балансируется за счет экспорта и импорта.

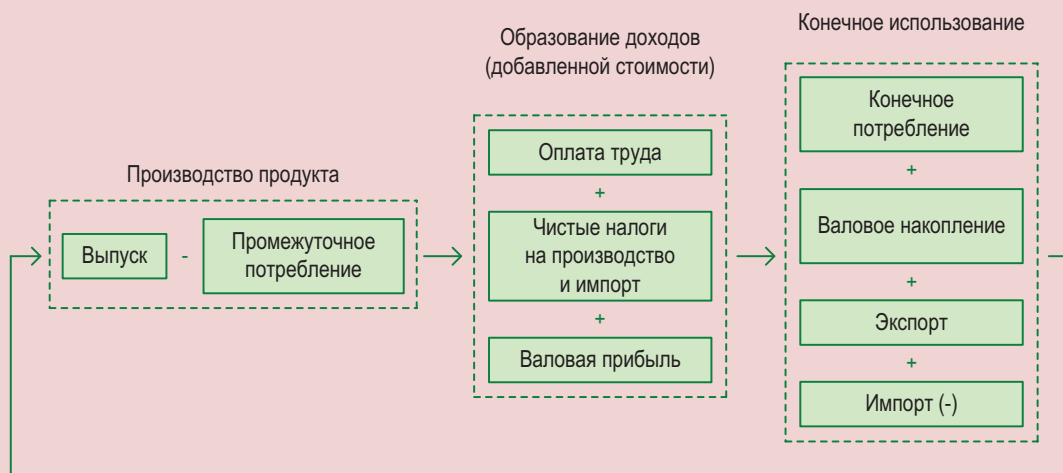
Соответственно под структурой экономики в настоящем исследовании понимаются функциональные связи между отдельными элементами народного хозяйства, определяющие количественные и качественные характеристики его развития, на разных этапах воспроизводственного процесса.

Для анализа основных структурных сдвигов и пропорций региональной социально-экономической системы использованы классические процедуры макроэкономического и макроструктурного анализа, методы математической статистики. Основу методических подходов составили материалы ООН (Руководство СНС 1993 г.), Росстата, Банка России, а также исследовательские работы ГУ ИМЭИ, ИНП РАН, других ведущих научно-исследовательских центров. Достоверность выводов обеспечена применением общенаучных методов (системный подход, анализ и синтез данных, индукция и дедукция, аналогия) и специальных методов экономических исследований (обобщение экономических фактов, методы группировки, сравнения, структурного анализа экономических показателей).

4. Структурные деформации в региональной экономике

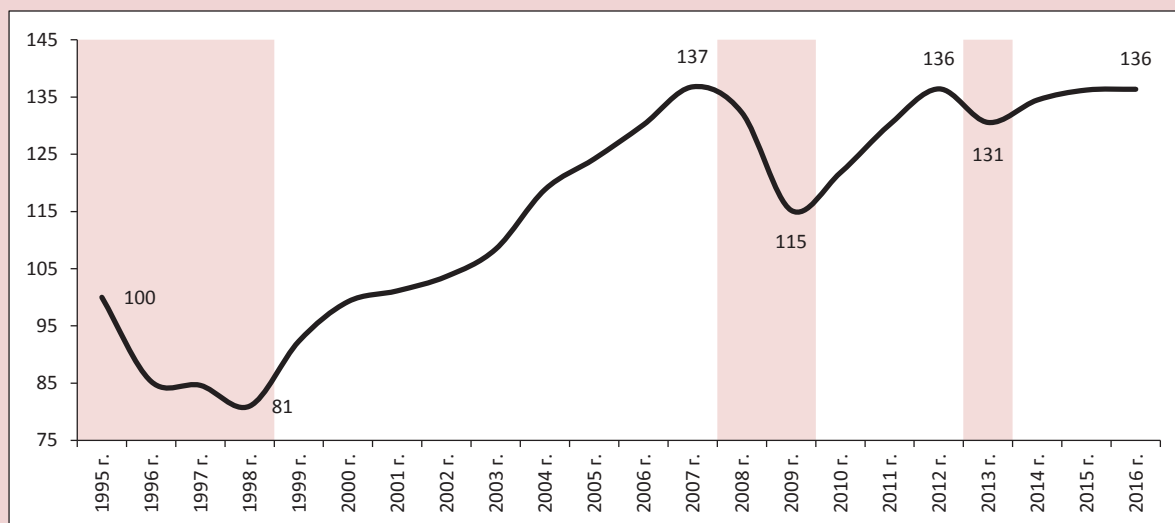
Объектом анализа выступила Вологодская область – промышленный экспортоориентированный регион европейской части России. Динамика ее экономического развития в 1995–2016 гг. представлена на *рисунке 2*.

Рис. 1. Упрощенная схема формирования и использования валовой добавленной стоимости в экономике

Источник: составлено на основе материалов Росстата и [29].

Рис. 2. Динамика ВРП Вологодской области в 1995–2016 гг., % к 1995 г.

Источник: составлено на основе данных Вологдастата.

Примечание. Здесь и далее заливкой выделены периоды с отрицательной динамикой ВРП.

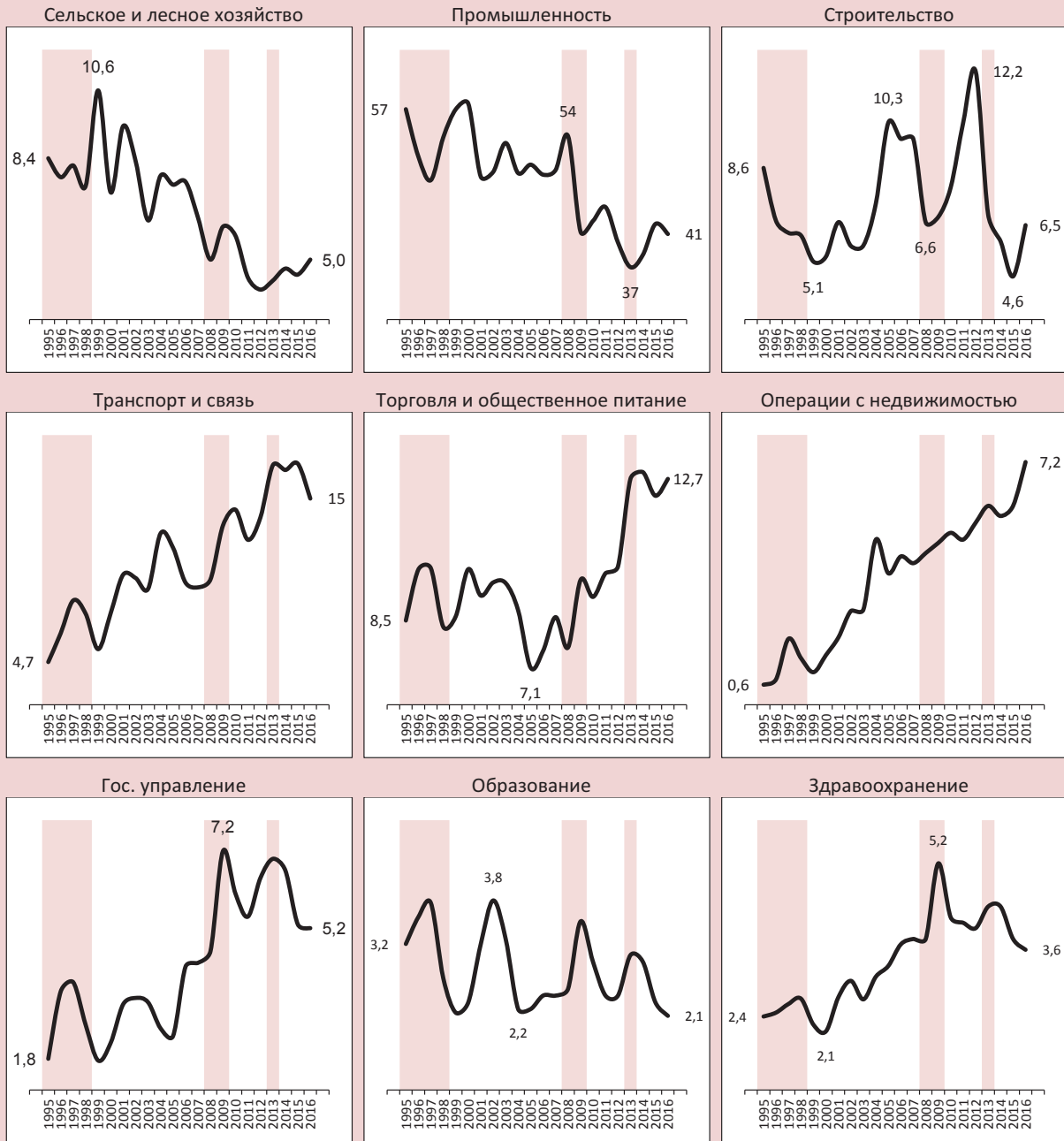
Переход экономики Вологодской области на рыночные рельсы в 1990-х гг. был сопряжен с кризисными явлениями и упадком производства. Лишь с 1999 г. наметилась, а затем стала устойчивой позитивная тенденция в развитии экономики. По данным Федеральной службы государственной статистики, за 1999–2007 гг. произошел рост валового регионального продукта на 69%. Однако мировой финансово-экономический кризис, захвативший во втором

полугодии 2008 г. и вологодскую экономику, стал причиной смены ее роста резким падением, обострения социальных проблем и неопределенности перспектив. К началу 2009 г. началась рецессия, сопровождавшаяся обесценением национальной валюты, увеличением безработицы, заморозкой значительной части инвестиционных программ. Преодолеть спад экономической активности и возобновить рост удалось только в первом квартале 2010 г.

Посткризисное восстановление заняло 3 года и закончилось новым спадом в 2013 г., после которого экономика области до сих пор находится в состоянии стагнации. По сути, к 2016 г. она только вышла на уровень 2007 г. Среднегодовой темп прироста ВРП в 2014–2016 гг. составил 1,5%.

Описанные динамические процессы сопровождались существенными структурными изменениями, во многом определяющими количественные и качественные характеристики экономического роста. Рассмотрим важнейшие, на наш взгляд, структурные деформации в экономике области.

Рис. 3. Динамика отраслевой структуры ВДС Вологодской области в 1995–2016 гг., % к итогу

Источник: составлено на основе данных Вологдастата.

4.1. Сокращение роли товарного производства в экономике

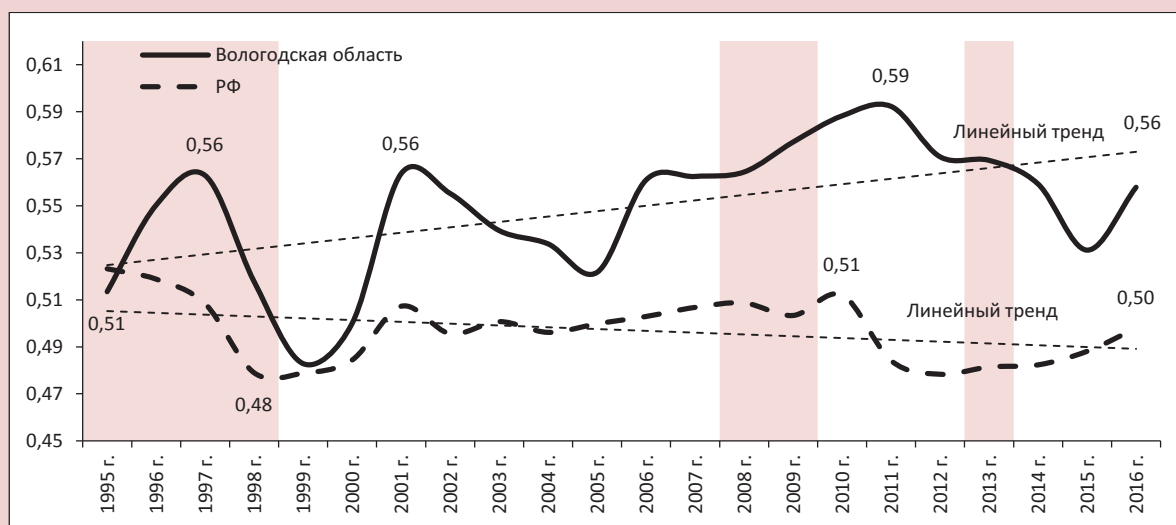
По итогам 2016 г. выпуск продукции⁵ в Вологодской области превысил (в основных ценах) 1 трлн. рублей. В его структуре преобладают отрасли, производящие товары (прежде всего обрабатывающая промышленность и строительство)⁶. Они обеспечивают более 2/3 выпуска. Оставшуюся треть выпуска дает производство услуг (в том числе рыночных – 26%, нерыночных – 8%). За период с 1995 по 2016 г. структура выпуска претерпела существенную трансформацию, что сказалось на структуре промежуточного потребления⁷ и, следовательно, на отраслевом перераспределении валовой добавленной стоимости (ВДС) (рис. 3). В итоге доля товаропроизводящего производства в ВДС региона упала более чем на 21 п.п. – с 74 до 53% (в т.ч. промышленности – на 16 п.п. – с 57 до 41%), соответственно удельный вес про-

изводства услуг увеличился с 26 до 47%. Такие структурные диспропорции сигнализируют о необходимости модернизации материального производства.

Изменение отраслевой структуры отрицательно сказывается на общей экономической эффективности экономики области. В сложившихся условиях наблюдается рост ресурсоемкости выпуска продукции (для сравнения: в целом по стране отмечается некоторое снижение данного показателя; рис. 4)⁸.

Ресурсоемкость производства характеризует способность экономики увеличивать генерацию доходов (добавленную стоимость) при уменьшении расхода ресурсов на единицу выпуска продукции. Увеличение ресурсоемкости ведет к сокращению производственных возможностей экономики и усложняет достижение ее сбалансированности за счет большей потребности в сырье, материалах, комплектующих из-

Рис. 4. Динамика ресурсоемкости* экономики Вологодской области и России в 1995–2016 гг.

* Отношение промежуточного потребления к выпуску продукции.
Источник: составлено на основе данных Вологдастата.

⁵ Суммарная стоимость произведенных товаров, выполненных работ и услуг.

⁶ Необходимо оговориться, что отрасли, производящие товары, могут производить и услуги, однако их удельный вес в выпуске невелик. Так, по данным межотраслевого баланса по экономике РФ в структуре выпуска промышленности услуги занимают чуть более 3%.

⁷ Затраты хозяйствующих субъектов на приобретение материальных ресурсов и услуг для текущих производственных целей.

⁸ Анализ причин высокой ресурсоемкости экономики Вологодской области и ее негативной динамики проводился нами в [29].

делях и энергетических ресурсах. Снижение доли добавленной стоимости в выпуске свидетельствует об ухудшении способности экономики генерировать доходы. Сокращение доходов, в свою очередь, ведет к уменьшению спроса и сдерживает развитие производства [30].

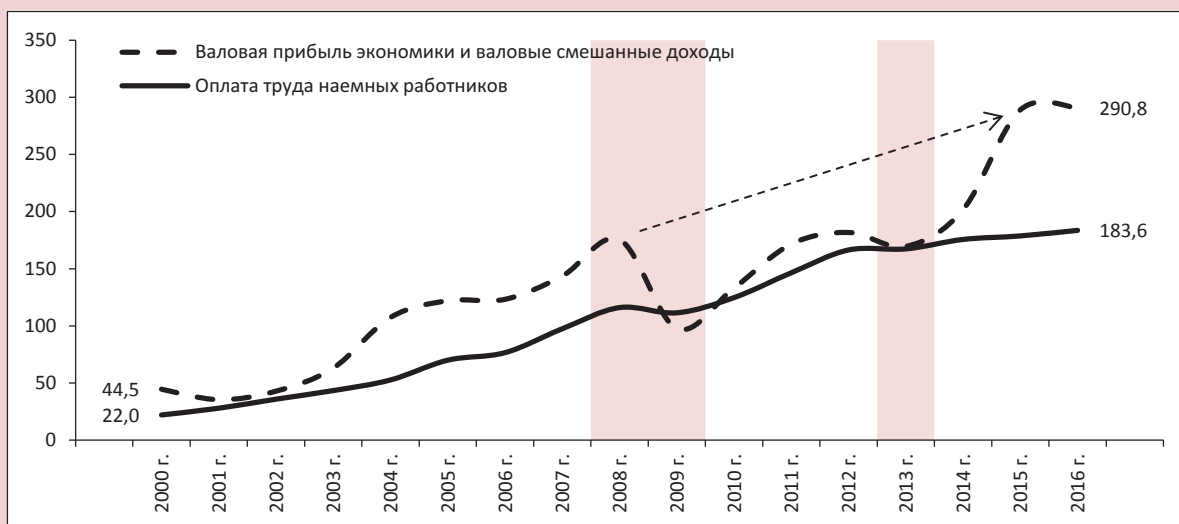
4.2. Нестабильность структуры образования доходов

В структуре образования доходов экономики Вологодской области преобладают два элемента: 1) валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы (так называемые

предпринимательские доходы); 2) оплата труда наемных работников. В соотношении этих двух элементов происходят основные структурные изменения, вызванные главным образом спадом предпринимательских доходов в кризисные периоды (рис. 5).

Общим трендом перемен в структуре источников доходов экономики региона 2000–2010-х годов является сокращение доли предпринимательских доходов, усилившееся в 2009–2014 гг. в результате воздействия кризисных явлений (рис. 6). В целом за период с 2000 по 2016 г. зна-

Рис. 5. Динамика источников доходов экономики Вологодской области в 2000–2016 гг., млрд. руб. (в текущих ценах)

Источник: составлено на основе данных Вологдастата.

Рис. 6. Динамика структуры образования доходов Вологодской области в 2000–2016 гг., % к итогу

Источник: составлено на основе данных Вологдастата.

чение данного показателя снизилось с 64,4 до 59,8%. Примерно на столько же выросла доля оплаты труда наемных работников.

В силу того что источник доходов в экономике смещается с предпринимательских доходов (то есть доходов организаций и предпринимателей) на оплату труда наемных работников (то есть доходы домашних хозяйств), претерпевает изменения и структура использования этих доходов. В 1995–2016 гг. стала доминирующей тенденция роста доли конечного потребления в структуре использования ВРП (рис. 7). В 2016 году она превысила 61% ВРП.

С одной стороны, подобный структурный сдвиг можно расценивать как позитивный, особенно если учитывать крайне низкий объем потребительских расходов в регионе⁹ и падение реальной зарплаты работников в 2014–2016 гг. почти на 13%. Однако, с другой стороны, при такой структурной трансформации сокращается доля валовых сбережений, что вкупе со снижением удельного веса прибыли организаций

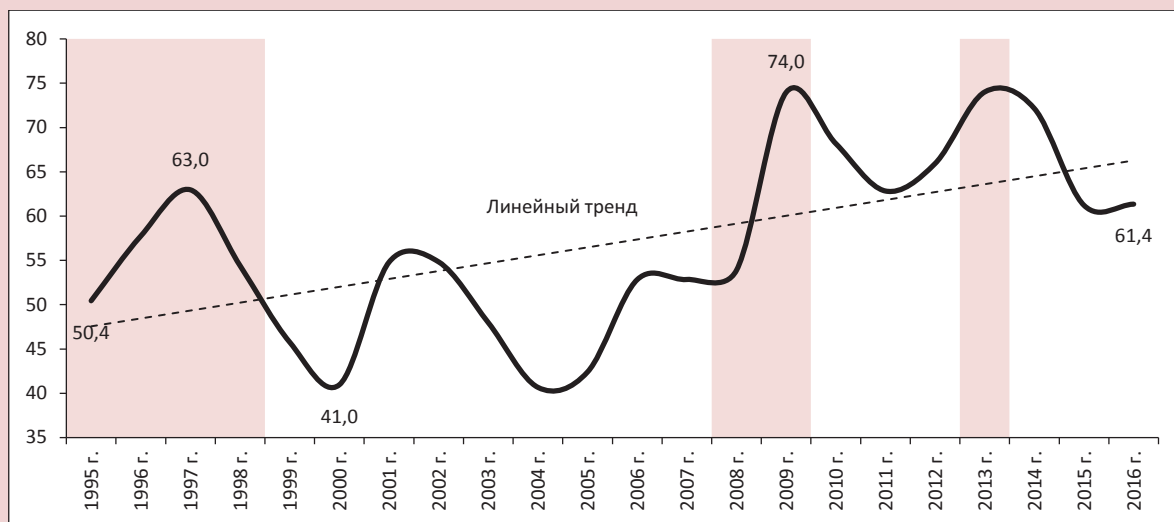
в доходах экономики ведет к уменьшению возможностей для накопления (т.е. для инвестирования в развитие производства).

4.3. Отставание нормы накопления от нормы сбережения

Низкий уровень нормы накопления (т.е. доли валового накопления в ВРП) в экономике Вологодской области обусловлен также слабой развитостью механизмов трансформации сбережений в инвестиции (в текущих условиях невыгодно направлять сбережения в инвестиции). Судя по данным Вологдастата, норма накопления основного капитала в регионе значительно отстает от нормы сбережения (рис. 8). В рассматриваемом периоде разрыв между сбережением и накоплением достигал почти 50% ВРП¹⁰.

Одна из причин этого кроется в значительном изъятии средств из воспроизводственного процесса, связанном с выводом капитала, что сдерживает рост производства и соответственно доходов и инвестиций в экономику. Существен-

Рис. 7. Динамика доли расходов на конечное потребление в экономике Вологодской области в 1995–2016 гг., % к ВРП

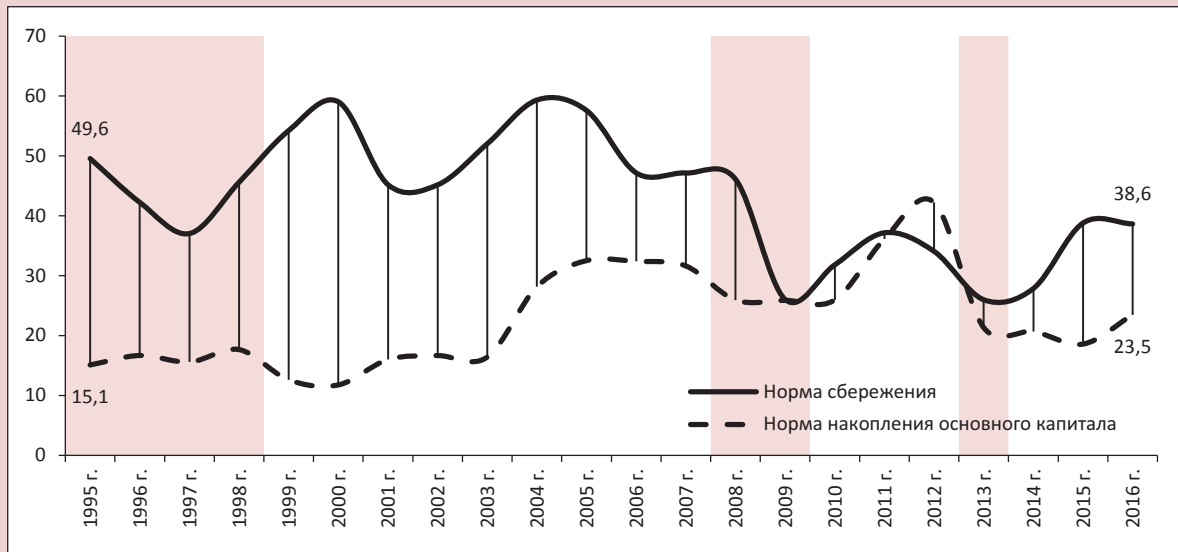

Источник: составлено на основе данных Вологдастата.

⁹ По объему потребительских расходов Вологодская область находится на последнем месте в Северо-Западном федеральном округе, в 1,7 раза уступая по этому показателю среднероссийскому уровню.

¹⁰ Следует отметить, что наблюдаемое в кризисные годы сближение величин нормы сбережения и накопления обусловлено в основном снижением объемов сбережения, а не ростом накопления капитала. Подробнее динамика инвестиций в основной капитал и норма накопления рассмотрена в [29].

Рис. 8. Динамика нормы сбережения и нормы накопления основного капитала в экономике Вологодской области в 1995–2016 гг., % к ВРП

Источник: составлено на основе данных Вологдастата.

ное влияние на формирование фонда накопления оказывает ухудшение мировой конъюнктуры, а также рост цен на сырьевые ресурсы внутри страны, уменьшающий прибыль организаций и, как следствие, величину средств, потенциально используемых для инвестирования [29].

В целом анализ основных структурных деформаций позволяет прийти к выводу о слабом регулировании сферы общественного воспроизводства Вологодской области. Существуют сложности в отраслевой и производственной структуре ВРП, в структуре инвестиций, конечного потребления и сбережения.

5. Направления структурной экономической политики

Экономика Вологодской области находится в состоянии структурно-технологического неравновесия, сдерживающего устойчивую экономическую динамику. Оно характеризуется непропорциональным распределением финансовых ресурсов и факторов производства. В связи с этим важным элементом экономической политики является ее составляющая — структурная политика. Такая политика способствует повышению качества экономического роста, выполняя функцию механизма перехода от поддержания экономического роста к дости-

жению устойчивой экономической динамики и повышению качества жизни населения [2].

Экономической наукой доказано, что целенаправленные воздействия государства на структуру экономики могут повлиять на экономическую динамику. Так, изменение ВДС экономики оказывается ненулевым даже при нулевом изменении выпуска (т.е. только при трансформации его структуры) [23]. Эмпирически обосновано (на данных 26 стран с переходной экономикой за 11-летний период), что структурная политика может даже в краткосрочной перспективе повысить темпы экономического роста [31].

Решение задачи повышения качества экономического роста Вологодской области невозможно без наращивания накопления и увеличения конечного потребления при снижении темпов его роста. Важное для области технологическое развитие экономики требует управления ключевыми параметрами кругооборота промышленного капитала (скоростью, пропорциями), обеспечения необходимой величины, технологической и продуктовой структуры капиталовложений, поддержания должных уровней обновления основных производственных фондов.

Комплекс направлений структурной экономической политики, на наш взгляд, должен включать следующее:

1. Стимулирование модернизации производства с целью увеличения доходов всех экономических агентов и их дальнейшего использования для усложнения структуры экономики.

Важным условием разрешения имеющихся структурных деформаций выступает ускоренное снижение удельных издержек в реальном секторе экономики – сельском хозяйстве, промышленности, транспорте. Развитие производства и повышение его эффективности позволит снизить ресурсоемкость выпуска продукции, что приведет к увеличению валовой прибыли экономики, во многом за счет которой осуществляется валовое накопление. Сделать это можно посредством технологической и организационной модернизации, обеспечивающей снижение издержек, рост производительности труда и капитала. Решение этих проблем требует выработки экономических механизмов, нацеливающих предпринимателей на развитие реального производства, снижение издержек и сроков окупаемости инвестиций. Самое главное условие для развития и модернизации экономики можно сформулировать следующим образом: в Вологодской области должно быть выгодно производить продукцию и получать прибыль на основе развития производства. Ввод и использование новых мощностей должен быть выгоднее эксплуатации старого оборудования, введенного еще в советские годы. Инвестиции в эти сектора могут формироваться путем развития механизмов перераспределения избыточных финансовых ресурсов, генерируемых в экспортно-сырьевой и финансовой сфере.

2. Стимулирование внутреннего потребительского спроса.

В стимулировании платежеспособного потребительского спроса видится большой резерв роста экономики Вологодской области. Повышение доходов населения и, как следствие, потребительских расходов обеспечивает также помимо роста прибыли предприятий, обслуживающих потребительский сектор (а это более трети выпуска товаров и услуг), прирост ресурсов для инвестиций.

В связи с этим важно поддерживать уровень доходов населения и социальных расходов бюджета, обеспечивая как минимум рост зарплат в бюджетной сфере. Другим направлением увеличения доходов населения выступает повышение эффективности и производительности труда. Решению этой задачи будет способствовать стимулирование внедрения социальных инноваций, передовых управленческих и производственных технологий, улучшение условий труда на предприятиях, проведение политики по предупреждению эмиграции квалифицированных кадров, сокращению болезней и ранней смертности [32].

3. Стимулирование инвестиционной активности и повышение нормы накопления основного капитала.

Качественный рост экономики должен быть обеспечен необходимым уровнем инвестиций и выбором отраслевых приоритетов инвестиционной политики. С позиций воспроизводственного процесса и оптимизации объемов товаров и услуг, используемых для конечного потребления и валового накопления капитала, источниками увеличения средств для накопления могут быть [29]: 1) рост производства, обеспечивающий увеличение ресурсов для развития экономики и конечного потребления; 2) сокращение темпов роста конечного потребления и повышение нормы накопления; 3) переориентация инвестиций резидентов в национальное производство; 4) привлечение иностранных инвестиций; 5) внешние займы государства и частного сектора при условии их использования на развитие производства.

Диспропорции в структуре доходов экономики Вологодской области не способствуют наращиванию объема и доли прибыли предприятий, которую потенциально можно направить на инвестиции. В связи с этим перспективным, на наш взгляд, направлением стимулирования инвестиционной активности является развитие механизмов привлечения для этих целей средств населения и бюджета. По данным Центрального банка РФ на 1 августа 2018 г. в Вологодской области на банковских вкладах размещено 146,6 млрд. руб. средств физических лиц. В соседних с областью регионах на депозитах размещено еще почти 1,2 трлн. руб. Возможно, в условиях

снижающихся ставок по вкладам стоит предпринять попытку реализации политики повышения привлекательности инвестиционных финансовых инструментов для населения. Что касается бюджетных средств, то возможными направлениями такой политики могут стать: привлечение федерального софинансирования на осуществление крупных инвестиционных проектов; совершенствование механизмов налогового и финансово-экономического стимулирования привлечения инвестиций на территорию области; снижение процентных ставок и бюджетное стимулирование.

Следует отметить, что определенные управляющие воздействия по данным направлениям структурной экономической политики региональным правительством предпринимаются. В частности, большое внимание абсолютно справедливо уделяется диверсификации экономики области. Эту проблему начали обсуждать еще в 1998 г., когда был сформирован интегрированный пакет видения будущего развития экономики области, который включал в себя миссию, доктрину и протоконцепцию. В дальнейшем идея диверсификации нашла свое отражение

в Концепции стратегии (2004 г.) и в Стратегии социально-экономического развития области (2010 и 2016 гг.). Разработана инвестиционная стратегия. В качестве цели развития области выбрано народосбережение, реализуются приоритеты в сфере семейной политики, охраны здоровья населения, развития физической культуры, спорта, образования и т.д. Проблемой является то, что все эти меры взаимно не увязываются, не учитываются происходящие и планируемые структурные изменения. Как нам видится, учет структурного фактора позволит повысить качество экономической политики.

Новизна исследования, обуславливающая его вклад в развитие науки, заключается в раскрытии современных закономерностей протекания процессов социально-экономического развития изучаемой территории на уровне экономики в целом и ее отраслевой структуры на всех ключевых стадиях воспроизводственного процесса – производства, образования и использования доходов. Материалы статьи могут быть полезны для лиц, принимающих управленческие решения, при обосновании экономической политики на региональном уровне.

Литература

1. Кудрин А., Соколов И. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 5-27.
2. Ивантер В., Порфирьев Б., Широков А. Структурные аспекты долгосрочной экономической политики // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 27-34.
3. Миркин Я. Российская экономика: вызовы, сценарии, стратегия роста // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 67-74.
4. Аганбегян А. Почему экономика России топчется на месте? // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 11-27.
5. Ильин В.А., Морев М.В. Тревожное будущее 2024 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 9-24. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.1.
6. Сухарев О. Изменение макроэкономической политики для обеспечения экономического роста в 2018–2024 гг. // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 113-119.
7. Сухарев О. Структурные ограничения и подходы к их преодолению // Экономист. 2014. № 1. С. 50-55.
8. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка (доклад НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 5-28.
9. Сухарев О.С. Региональная экономическая политика: структурный подход и инструменты (теоретическая постановка) // Экономика региона. 2015. № 2. С. 9-22. DOI: 10.17059/2015-2-1.
10. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе (пер. с англ.). М.: Дело, 1994. 627 с.
11. Сухарев О.С., Малявина А.В. Структурные изменения и методы их исследования в экономической теории // Журнал экономической теории. 2008. № 2. С. 119-135.
12. Дмитриев В.К. Экономические очерки. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 470 с.

13. Стоун Р. Метод затраты – выпуск и национальные счета (пер. с англ.). М.: Статистика, 1964. 204 с.
14. Leontief W.W. Quantitative input and output relations in the economic systems of the United States. *The Review of Economic Statistics*, 1936, vol. 5, pp. 105-125.
15. Татаринов А. Субнациональные счета: проблемы разработки и использование в региональном анализе. М.: ИЭПП, 2005. 163 с.
16. Isard W., Kuenne R.E. The impact of steel upon the Greater New York – Philadelphia Industrial Region. *Review of Economics and Statistics*, 1953, vol. 35, pp. 289-301.
17. Moore F.T., Petersen J.W. Regional analysis: an interindustry model of Utah. *Review of Economics and Statistics*, 1955, vol. 37, pp. 368-383.
18. Miller R.E. The impact of the aluminum industry on the Pacific Northwest: a regional input-output analysis. *Review of Economics and Statistics*, 1957, vol. 39, pp. 200-209.
19. Isard W. Interregional and regional input-output analysis: a model of a space-economy. *Review of Economic Statistics*, 1951, vol. 33, no. 4, pp. 318-328.
20. Moses L.N. The stability of interregional trading patterns and input-output analysis. *American Economic Review*, 1955, vol. 45, no. 5, pp. 803-832.
21. Chenery H.B., Clark P.G., Cao Pinna V. (Eds.). *The Structure and Growth of the Italian Economy*. Rome: U.S. Mutual Security Agency, 1953. Pp. 97-129.
22. Stone R. *A Social Accounting Matrix for 1960*. Cambridge: Chapman and Hall, 1962. 69 p.
23. Широков А.А. Многоуровневые структурные исследования как инструмент обоснования экономической политики: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.01. М., 2015. 335 с.
24. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса (пер. с англ.). СПб.: Экономикс, 2008. 352 с.
25. Taylor L. *Structuralist Macroeconomics: Applicable Models for the Third World*. New York: Basic Books, 1983. P. 25-27.
26. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива. М.: ИЛА РАН. 1992. 76 с.
27. Lin J.Y. *The Quest for Prosperity: How Developing Economies Can Take Off*. Princeton University Press, 2012. 344 p.
28. Гизатуллин Х.Н., Гарипов Ф.Н., Гарипова З.Ф. Проблемы управления структурными преобразованиями региональной экономики // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 1. С. 43-52. DOI: 10.17059/2018-1-4.
29. Ускова Т.В., Лукин Е.В., Леонидова Е.Г. Формирование и использование ресурсов в регионе: балансовый подход // Вопросы территориального развития. 2017. № 3. С. 1-16.
30. Погосов И.А. Баланс ресурсов и использования продукции в России в начале XXI века // Проблемы прогнозирования. 2014. № 6. С. 16-30.
31. Eicher T.S., Schreiber T. Structural policies and growth: time series evidence from a natural experiment. *Journal of Development Economics*, 2010, vol. 91, pp. 169-179. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2009.05.003.
32. Ивантер В.В. Стратегия перехода к экономическому росту // Проблемы прогнозирования. 2016. № 1. С. 3-8.
33. Лукин Е.В. Направления корректировки экономической политики России // Вопросы территориального развития. 2016. № 5 (35). С. 1-11.

Сведения об авторах

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, зам. заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56-а; e-mail: tvu@vssc.ac.ru)

Lukin E.V., Uskova T.V.

Structural Transformation Issues in Regional Economy

Abstract. The paper systematizes areas of structural research in economic theory. We analyze structural shifts and proportions in regional economy using the data on the Vologda Oblast for 1995–2016. We consider regularities in the Oblast's socio-economic development at the level of the economy as a whole and its sectoral structure at all the key stages of the reproduction process: production, formation and use of income. We reveal the presence of significant transformation in the structure of output of products, expressed in the reducing share of commodity production and growing share of services production. We register a decrease in the overall efficiency of the Oblast's economy caused by the increase in the intensity of the output of goods and services. We highlight the trend of raising the wages of employees and reducing business income in the structure of the economy. We conclude that social reproduction in the Vologda Oblast is managed poorly, and there remain certain problems in the sectoral and reproduction structure of GRP, in the structure of investments, final consumption and savings; these problems constrain modernization processes and do not contribute to the improvement of the quality of life. We propose the following directions for structural economic policy to improve the quality of economic growth in the region: to stimulate the modernization of production in order to increase the income of all economic agents and their further use to diversify the structure of the economy; to promote domestic consumer demand; to stimulate investment activity and increase fixed capital accumulation rate. The theory of national accounting is used as a methodological basis for our research. In the course of our analysis, we use classical procedures of macroeconomic and macrostructural analysis, and mathematical statistics techniques. Reliability of our conclusions is ensured by the use of general scientific methods (system approach, data analysis and synthesis, induction and deduction, analogy) and special methods of economic research (generalization of economic facts, grouping, comparison, structural analysis of economic indicators).

Key words: region, structural transformation, structural economic policy.

Information about the Authors

Evgenii V. Lukin – Candidate of Sciences (Economics), deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Deputy Director, head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

Статья поступила 27.09.2018.

Подходы к оценке природного капитала лесов и перспективы модернизации лесопользования в контексте «зеленой» экономики

**Владимир Александрович
НОСКОВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация, 167982,
ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: rubin35@yandex.ru

**Максим Александрович
ШИШЕЛОВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация, 167982,
ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: shishelov.maksim@gmail.com

Аннотация. Целью данной статьи выступает исследование подходов к оценке природного капитала лесов, прежде всего лесных ресурсов, и перспектив модернизации лесопользования в контексте «зеленой» экономики. В работе показано, что существующие стратегии социально-экономического развития в большинстве стран мира поощряют быстрое накопление физического, финансового и человеческого капитала за счет чрезмерного истощения и деградации природного капитала, который включает запасы природных ресурсов и экосистем. Для предотвращения данной угрозы требуется переход к концепции «зеленой» экономики, предполагающей эффективное использование природных ресурсов, обеспечивающей устойчивость природных экосистем и сокращение использования ресурсов в производстве и потреблении. В связи с этим в исследовании изучены индикаторы и методические подходы, используемые в мировой и от-

Для цитирования: Носков В.А., Шишелов М.А. Подходы к оценке природного капитала лесов и перспективы модернизации лесопользования в контексте «зеленой» экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 41-56. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.3

For citation: Noskov V.A., Shishelov M.A. Approaches to the assessment of the natural capital of forests and the prospects for modernization of forest management in the context of green economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 41-56. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.3

естественной практике, к измерению и оценке лесных ресурсов. Выявлены недостатки и ограничения их применения, связанные с количественной оценкой состояния лесов, без учета качественных и структурных изменений. Это явилось основанием для разработки оригинальной авторской методики оценки лесных ресурсов, а в дальнейшем их истощения на основе сопоставления текущего состояния с «эталонным». Важной позицией данной методики является учет фрагментизации в оценке лесных ресурсов, реализованный через анализ пространственного размещения кварталов сырьевых баз. Результаты оценки подтвердили значительное истощение лесных ресурсов на всей территории Республики Коми. Для их восстановления и сохранения обосновано комбинированное применение трех базовых направлений: лесохозяйственных мероприятий, соответствующих потенциалу лесовосстановления; восстановительной модернизации лесопользования, предполагающей организацию лесопользования в форме периодически повторяющегося цикла выборочных рубок; компенсационной стратегии лесопереработки. Перспективы дальнейшего исследования связаны с задачей разработки модели использования лесных ресурсов региона, обеспечивающей устойчивость снабжения лесоперерабатывающих производств древесным сырьем.

Ключевые слова: природный капитал лесов, лесные ресурсы, лесопользование, модернизация, «зеленая» экономика.

Введение

Природный капитал лесов в широком смысле включает в себя традиционно не только сами лесные (прежде всего древесные) ресурсы, но и весь комплекс экосистемных услуг, связанных со здоровой средой обитания, с качеством водных экосистем, возможностью пользования недревесными продуктами леса, а также для рекреации, для получения эстетических и духовных ценностей природы. Такой подход отражен во многих публикациях как зарубежных (Р. Контанза, Д. Алкамо и др.), так и отечественных исследователей (С.В. Бобылев, И.П. Глазырина, Г.Д. Титова, Д.Е. Конюшков и др.) [1–7].

Поэтому, когда мы говорим о природном капитале лесов, его сохранении, мы подчеркиваем не только его экономическую составляющую, но и его экологическую и социальную ценность для населения традиционных «лесных» регионов России, и в частности Республики Коми. Такой подход лежит в основе глобального тренда на «озеленение» экономики с целью обеспечить долговременную устойчивость природных экосистем и не допустить их деградации [8].

Концепция «зеленой» экономики предполагает эффективное использование природных ресурсов, обеспечивающее устойчивость природных экосистем и сокращение использования ресурсов в производстве и потре-

нии (ресурсоэффективность). В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века при осмыслении подходов к «зеленой» экономике внимание на сохранение природного капитала лесов для будущих поколений обращали ведущие западные ученые [9, 10, 11]. Сохранение природного капитала лесов на принципах «зеленой» экономики является фундаментальным основанием устойчивости всего лесного сектора экономики в долгосрочной перспективе.

Стремление оценить состояние лесных ресурсов и предложить подходы к их измерению, сохранению и рациональному использованию нашло отражение в документах международных организаций. Одним из них стал принятый в 2013 г. Европейской экономической комиссией ООН и ФАО Рованиемский план действий для лесного сектора, затрагивающий 56 стран Европы, Кавказа, Центральной Азии и Северной Америки [12]. Основные позиции данного Плана предполагают: рациональное использование лесных ресурсов с тенденцией к минимизации отходов и максимально возможной степени повторного использования (рекуперации); замещение невозобновляемых материалов и видов топлива возобновляемыми материалами и топливом на базе древесины; поставку товаров и услуг, имеющих большую ценность для их потребителей.

Развитые страны, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), основной задачей экономики лесного сектора видят обеспечение производства необходимым объемом древесины нужного качества при оптимальных нормах вырубки, сохраняющих производительность леса.

Реализуя Декларацию зеленого роста (2009 года), страны ОЭСР призвали стимулировать экономический рост и развитие, сберегая национальные богатства стран. «Основной проблемой является антропогенное давление, сказывающееся на... естественном росте и восстановлении лесов, и его последствия для экономических, экологических и социальных функций леса. Антропогенное давление включает истощительную эксплуатацию лесных угодий, их фрагментацию, деградацию экологического качества лесов, вырубку...» [13, с. 89]. Лесные индикаторы ОЭСР включают запасы древесины и площади лесных угодий, истощение же лесных ресурсов может быть определено косвенно — через показатель интенсивности эксплуатации лесных ресурсов, который рассчитывается как отношение величины заготовки к валовому приросту, что примерно соответствует отечественному показателю использования расчетной лесосеки.

Важным глобальным документом, регламентирующим сохранение природного капитала, является Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [14]. Одна из 17 целей устойчивого развития (ЦУР–15) посвящена защите и восстановлению экосистем суши и содействию их рациональному использованию, а также рациональному лесопользованию. Сохранение природного капитала лесов как экономического ресурса рассматривает задача 15.1, которая декларирует содействие внедрению методов рационального использования всех типов лесов, восстановлению деградировавших лесов и значительному расширению масштабов лесовосстановления, противодействию обезлесению, деградации лесов. Индикаторами ее выполнения являются площади сертифицированных лесов и малонарушенных лесных территорий, которые к 2030 году необходимо удвоить.

Глобальные исследования стран по вопросам «зеленой» экономики лесного комплекса показывают, что Россия находится в сравни-

тельно благоприятной ситуации. Экологическое воздействие хозяйственной деятельности на природные экосистемы на 30–40% ниже по сравнению со странами ЕС, что объясняется более высокой биоемкостью, тогда как в мире потребление ресурсов в среднем в 1,5 раза превосходит возможности планеты по их восстановлению [15].

На уровне макрорегионов для оценки устойчивости Комитетом по лесам и лесной отрасли ЕЭС совместно с Европейской комиссией по лесному хозяйству ФАО разработана Система оценки управления лесами (СЕМАФОР) [16], которая включает 20 оценочных, 27 контекстуальных и 5 справочных параметров. Для сохранения природного капитала лесов предлагается учитывать запасы на гектар и площади лесов, пригодных к заготовке древесины по качественным характеристикам.

Лесные индикаторы, включенные в рассмотренные и другие международные программные документы, отражают «зеленый курс» лесной экономики и могут применяться для региональных исследований. Важно учесть, что общие характеристики запасов древесины и площадей лесных угодий в сравнительно лесодостаточных регионах, к каким относится Республика Коми, не дадут адекватного представления о состоянии лесных ресурсов. В то же время конкретные показатели из набора СЕМАФОР могут быть использованы при разработке нового инструментария для оценки лесных ресурсов и структуры их использования в производстве и потреблении [17].

Таким образом, целью данной работы является исследование подходов к оценке лесных ресурсов и перспектив модернизации лесопользования в контексте глобального тренда на «озеленение» экономики.

Подходы к оценке природного капитала лесов на уровне стран и локальных систем

Базовые показатели, характеризующие состояние лесного фонда, широко применяются для сопоставления стран по уровню развития. Среди них: площадь земель, покрытых лесом (тыс. га), площадь земель лесного фонда (тыс. га); лесистость — отношение покрытой лесом площади к общей площади страны, региона, %; площадь особо охраняемых природных территорий (тыс. га); возрастная структура лесного фонда (спелые, перестойные и т.д.); распре-

деление лесного фонда по породной структуре (хвойные, лиственные); общий запас древесины (в том числе спелых и перестойных пород), тыс. куб. м.

Однако данные показатели способны отразить количественное состояние лесов, но не позволяют оценить его качественные и структурные изменения. В последние 20–30 лет в развитых странах стали разрабатываться методики, позволяющие прямо или косвенно оценить деградацию лесных экосистем (истощение лесов). При этом упор делается на агрегированные показатели, построенные с привлечением многих данных, на основе которых можно судить о степени ресурсной и экологической устойчивости социально-экономического развития.

Примерами такого подхода можно назвать следующие методы:

- определения чистой приведенной стоимости (ЧПС), предложенный Всемирным банком и оценивающий капитал как стоимость, производящую доход с течением времени, за исключением стоимости особо охраняемых природных территорий [18];

- экономической оценки природных ресурсов и негативного воздействия на окружающую среду в системе эколого-экономического учета, в котором окружающая среда понимается как запас природного капитала, а ее антропогенное использование – как услуги, предоставляемые этим капиталом [19];

- оценки устойчивого экономического благосостояния – ISEW [20], здесь истощение природных ресурсов измеряется как величина инвестиций, необходимых для создания эквивалента ресурсов;

- измерения устойчивого национального дохода – eSNI [21], определяемого как максимально достижимый уровень производства, при котором экологические функции сохраняются за счет технологического развития общества.

В целом западные авторские методики оценки рационального использования лесных ресурсов уделяют больше внимания экологическим рискам, зачастую оставляя за скобками экономическую составляющую лесного хозяйства и лесопользования. К недостаткам указанных подходов в части применения для Республики Коми относится очень большой объем

необходимой и недоступной (особенно стоимостной) информации для расчета показателей; достоинство подходов состоит в методологической нацеленности не только сохранять природный капитал, но и восстанавливать его до исходного состояния, что явилось отправной точкой для разработки авторской методики оценки истощения лесов.

Отечественные подходы к измерению природного капитала лесов

Традиционный подход к оценке истощения природного капитала лесов в России базируется на величине расчетной лесосеки, которая определяет допустимый ежегодный объем изъятия древесины в эксплуатационных и защитных лесах, обеспечивающий многоцелевое, рациональное, непрерывное, неистощительное использование лесов, исходя из установленных возрастов рубок. При такой схеме условно считается, что если в древостое вырубается древесины меньше ежегодной расчетной лесосеки, то такие экосистемы устойчивы, а следовательно, сохраняется природный капитал. Данные положения зафиксированы как в нормативных документах [22], так и в отдельных авторских публикациях по данной проблематике [23–25].

Однако далеко не все исследователи считают, что подходы к оценке истощения лесов можно объективно оценить через традиционный подход на основе расчетной лесосеки, поэтому предлагаются варианты ее корректировки, учитывающие дополнительные показатели или факторы. Такая «скорректированная» расчетная лесосека может быть рассчитана по формуле 1 [26]:

$$V_{t+1} = V_t(1 + q) - Q - D, \quad (1)$$

где V_{t+1} – физическая величина запасов лесных ресурсов в определенный период времени $(t + 1)$, куб. м; q – естественный коэффициент прироста лесных ресурсов, куб. м/год; Q – количество заготавливаемого леса в этом периоде, куб. м; D – ущерб, причиненный лесам, куб. м.

Для оценки «скорректированной» расчетной лесосеки при расчете истощения или, наоборот, приращения лесов дополнительно используют показатели ущерба, причиненного лесам (от вредителей, пожаров, усыхание насаждений по комплексу причин и т.д.).

Анализ подходов к оценке природного капитала показывает, что их истощение определяется через призму воздействия на него преимущественно экологических факторов, а не структурных изменений в составе древостоев после вырубок. Однако западные подходы, в отличие от отечественных, в той или иной степени связывают оценку природного капитала с эффективностью дальнейших переделов по цепи «заготовка—переработка—потребление», при этом, как уже отмечалось, сама эффективность лесовосстановления находится на высоком уровне.

Исходя из этого целесообразно формировать два дополняющих подхода к развитию национального или регионального лесопромышленного комплекса в части сохранения природного капитала лесов. Ресурсный подход делает упор на сохранение и восстановление лесных экосистем при оценке уровня истощения лесов. Технологический подход предполагает оценивать природный капитал по стоимости конечной продукции использования. При этом решающую роль играет эффективность лесопереработки, выход продукции с высокой добавленной стоимостью за счет развития технологий. Оба подхода важны и должны использоваться совместно. Предприятия модернизируют производство, получая добавленную стоимость исходного сырья меньшего объема и худшего качества, что сохраняет природный капитал и компенсирует его истощение. С другой стороны, государство как собственник лесов обеспечивает через систему лесного хозяйства сохранение продуктивности древостоев, их породно-качественных характеристик путем регламентов лесовосстановления и режимов лесопользования (правил заготовки и др.).

Изменение потенциала лесных ресурсов Республики Коми

В России традиционно считается, что страна обладает неисчислимыми лесными ресурсами и что задача сохранения и увеличения лесного капитала не актуальна для нас. С начала 2000-х годов ведущие ученые, прежде всего Н.П. Чупров, С.В. Починков, А.П. Петров, Н.А. Моисеев и другие, занимающиеся лесным сектором и лесным хозяйством, писали о том, что неэффективная организация лесного хозяйства и лесопользования ведет в том числе к зна-

чительному истощению лесов в традиционных регионах его заготовки [27–32].

Выделим группы индикаторов снижения природного капитала лесов:

1. Истощение лесных ресурсов (количественное): дефицит лесного сырья, особенно пиловочника; снижение запаса на гектар; уменьшение экономически доступных лесных ресурсов; хронические перерубы лесных ресурсов на транспортно-доступных лесных участках (в местах наивысшей продуктивности почв, в местах пригодных для «летней» заготовки, вблизи от основных потребителей).

2. Истощение лесных ресурсов (качественное): смена пород — сосновые, еловые, пихтовые леса сменяются березняками, осинниками, а также хвойными монокультурами низкой продуктивности; фрагментизация древостоев при рубках; значительное преобладание естественного возобновления над искусственным без последующих рубок ухода и отсутствие мероприятий по формированию будущих древостоев.

Ключевым показателем истощения лесов служит динамика изменения среднего запаса на гектар в освоенных лесах, и прежде всего по хвойному хозяйству. Заслуженный лесовод Российской Федерации профессор В.Ф. Цветков отмечал, что по сравнению с серединой прошлого столетия запас отведенных в рубку древостоев в Архангельской области и Республике Коми снизился с 200–250 до 110–120 куб. м/га [33].

Существовавшая с середины 40-х годов XX века система концентрированных рубок, которая с небольшими изменениями действует и в настоящее время, привела к тому, что понятия «лес» и «лесные ресурсы» перестали быть тождественными. На этот факт в начале 2000-х годов указывали известные шведские экономисты (Ларс Карлссон и др.), занимающиеся проблемами лесопользования. Оценивая состояние лесного сектора России, они справедливо отметили, что у неё нет громадных лесных ресурсов, есть огромное количество лесов, что не одно и то же [34]. Такие пессимистичные оценки обусловлены тем, что к возрасту спелости лесные древостои значительно отличаются от первичных (девственных, «эталонных») лесов по породной и товарной структуре.

Расчет экономики истощения лесов региона, проведенный по разработанной оригинальной авторской методике, выявил негативные тенденции, которые начались с момента активной заготовки древесины сплошными концентрированными рубками в 30–40-х годах прошлого века и продолжают в настоящее время (табл. 1).

Данные таблицы позволяют учесть следствия действия негативных тенденций:

- значительно увеличилась дальность вывозки от места заготовки до нижнего склада (сейчас это магистральная дорога) в силу того, что доступные леса вблизи традиционных лесных поселков истощены и лесозаготовители «уходят все дальше в лес» в поисках приемлемого по качеству древесного ресурса; снижается занятость населения, работающего на лесозаготовках, в силу его перехода на вахтовый способ, что снижает градообразующую роль населенных пунктов особенно сельских территорий;

- истощение лесов за последние 50–70 лет привело к тому, что крупные и средние компании ведут заготовку древесины уже на периферии Республики Коми, а поскольку основной центр лесопереработки находится в Сыктывкаре (ЦБП, фанерные и плитные производства, лесопиление), значительно растет «плечо вывозки»; сейчас подрядные организации заготавливают древесину для ОАО «Монди-СЛПК» за 300–350 км от перерабатывающего предприятия;

- все это ведет к значительному удорожанию заготовки, т.к. увеличиваются затраты на перевозку, а сам лесной ресурс ухудшается, т.к. лучшее вырубается, а необходимые лесохозяйственные работы по его воспроизводству про-

водятся формально. Ухудшение качества лесного фонда иллюстрируют данные по снижению доли пиловочника, как наиболее ценного ресурса, а значит, снижению средневзвешенной цены круглого леса и падению рентабельности лесозаготовок.

Кроме того, существующая модель развития лесного комплекса с одним крупным центром переработки не позволяет увеличивать использование расчетной лесосеки и, следовательно, объемы заготовки древесины, т.к. нет дополнительного сбыта для тонкомерной и балансовой древесины. Ухудшение экономики лесозаготовок говорит о необходимости значительных структурных изменений в лесном секторе региона.

Оценка истощения природного капитала лесов Республики Коми

С опорой на методологические подходы и текущее состояние лесного комплекса экономики Республики Коми разработана методика оценки истощения лесов на основе сопоставления текущего состояния лесного капитала с «эталонным» состоянием леса, который мог бы вырасти в естественных условиях без антропогенного воздействия. Моделью такого леса служат девственные леса или малонарушенные лесные массивы.

Истощение лесных ресурсов определяется как разница между эталонным и фактическим лесом (ΔL) по формуле:

$$\Delta L = L(\text{эталон}) - L(t), \quad (2)$$

где ΔL – величина истощения лесных ресурсов; $L(\text{эталон})$ – эталонное состояние леса; $L(t)$ – текущее состояние лесов (природного капитала).

Таблица 1. Экономика истощения лесов

Годы	Вывозка до НП/нижнего склада, км	Плечо вывозки, км	Себестоимость вывозки 3,5 руб./куб. м на 1 км пути*	Доля пиловочника, %	Средневзвешенная цена, руб./куб. м*	Градообразующая роль и влияние на занятость населения
1940-е годы	До 10 км	50–100	350	до 60%	1600	Очень высокая
1980-е годы	До 40 км	до 150	525	до 40%	1400	Высокая
После 2000-го года	До 80 км	150–200	700	15–25%	1200	Средняя
После 2015–2030-х годов	Более 100 км	до 300–350	1050	до 20%	1000	Низкая

* Данные по ценам и затратам приведены в сопоставимых ценах. Рассчитано по: данные Комитета лесов Республики Коми, Министерства инвестиций, промышленности и транспорта Республики Коми.
Источник: авторская методическая разработка.

Эталонное состояние лесов оценено для Республики Коми исходя из экспертных оценок, а также данных о типичных условиях малонарушенных лесов в северной и южной части республики. Основными показателями качества лесного капитала выбраны средний запас древесины и сортиментная структура. В связи с разными природно-климатическими условиями произрастания лесов указанные показатели дифференцированы по двум зонам (табл. 2).

Параметры эталонного леса значительно превосходят фактические показатели по сырьевым базам Республики Коми, прежде всего по пиловочному сырью, доля которого в сортиментной структуре фактически составляет в среднем 23–24%. Кроме этого, истощение лесов привело к значительному падению среднего запаса на гектар, который в среднем по Республике Коми (120–140 куб. м по разным оценкам) ниже даже показателя эталонных лесов на севере.

Для оценки истощения регионального лесного капитала предлагается использовать натуральные и стоимостные показатели, характеризующие основные параметры качества лесных ресурсов – товарность древостоев, долю пиловочника, истощенность ресурсов вследствие фрагментации лесных массивов.

Натуральные показатели характеризуют: запас древесины, ее структуру (сортиментную, породную, товарную структуру), условия заготовки (расстояние вывозки до потребителя и/или до дороги круглогодичного действия, уровень фрагментации (дробления) лесов (доля кварталов, превышающих целевой показатель, например средний объем ствола по сырьевым базам). Стоимостные показатели использовались при определении товарности древостоев.

Информационной основой для оценки истощения природного капитала лесов служат данные Комитета лесов Республики Коми,

Геопортала Республики Коми (по качеству лесов в разрезе квартальной сети), а также Комитета и Министерства инвестиций, промышленности и транспорта Республики Коми (по расстоянию вывозки, цене на древесную продукцию). Оценка проведена по сырьевым базам, выделенным при разработке Генеральной схемы развития сети лесных дорог республики.

Результаты оценки товарности. Текущее состояние природного капитала оценено через товарность древостоев, учитывающую не только их структуру, но и потребительскую ценность. Коэффициент товарности рассчитывается путем умножения доли каждого элемента сортиментной структуры сырьевых баз на соответствующую условную стоимость кубического метра этого сортимента. Удельная стоимость сортимента круглого леса определяется как отношение его рыночной стоимости к стоимости дров (самого дешевого элемента структуры). Показатель товарности скорректирован на коэффициент запаса на гектар, который определен как отношение запаса конкретной сырьевой базы к минимальному запасу по всем сырьевым базам. Итоговый показатель товарности для определения истощения представляет собой произведение коэффициентов товарности конкретной сырьевой базы и коэффициента ее запаса.

Для оценки истощения природного капитала лесов Республики Коми рассчитаны показатели товарности для фактического и эталонного состояния лесов. Отношение этих показателей показывает уровень истощения лесов (рис. 1).

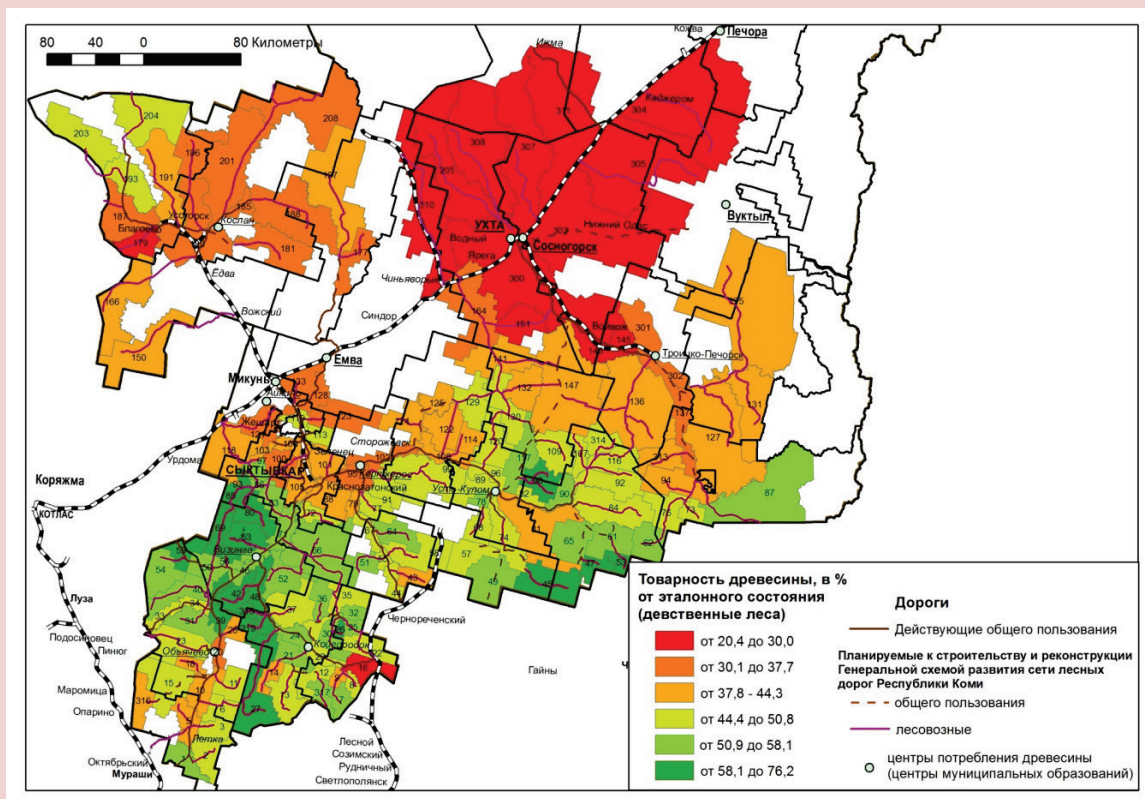
Уровень реальной товарности по отношению к эталонной находится в обратно пропорциональной зависимости от истощения лесов. Из данных на рисунке о сравнительно высоком уровне товарности в южной части республики (от 44 до 76% от эталонной величины) можно понять, что общее истощение лесов здесь

Таблица 2. Параметры эталонного леса для северной и южной зоны Республики Коми

Зоны лесов	Средний запас, куб. м/га	Сортиментная структура, %					Отходы, %
		Хвойный пиловочник	Хвойный баланс	Лиственный пиловочник	Лиственный баланс	Дрова	
Эталон (север)	160	45	30	5	6	6	8
Эталон (юг)	280	40	15	17	10	10	8

Источник: авторская разработка на основе экспертных оценок специалистов лесных вузов Республики Коми, а также данных Комитета лесов Республики Коми, Министерства инвестиций, промышленности и транспорта Республики Коми.

Рис. 1. Товарность древостоев, в % от эталонного состояния

Источник: рассчитано по: данные Комитета лесов Республики Коми, Министерства инвестиций, промышленности и транспорта Республики Коми и Геопортала Республики Коми. Картограф В.А. Носков.

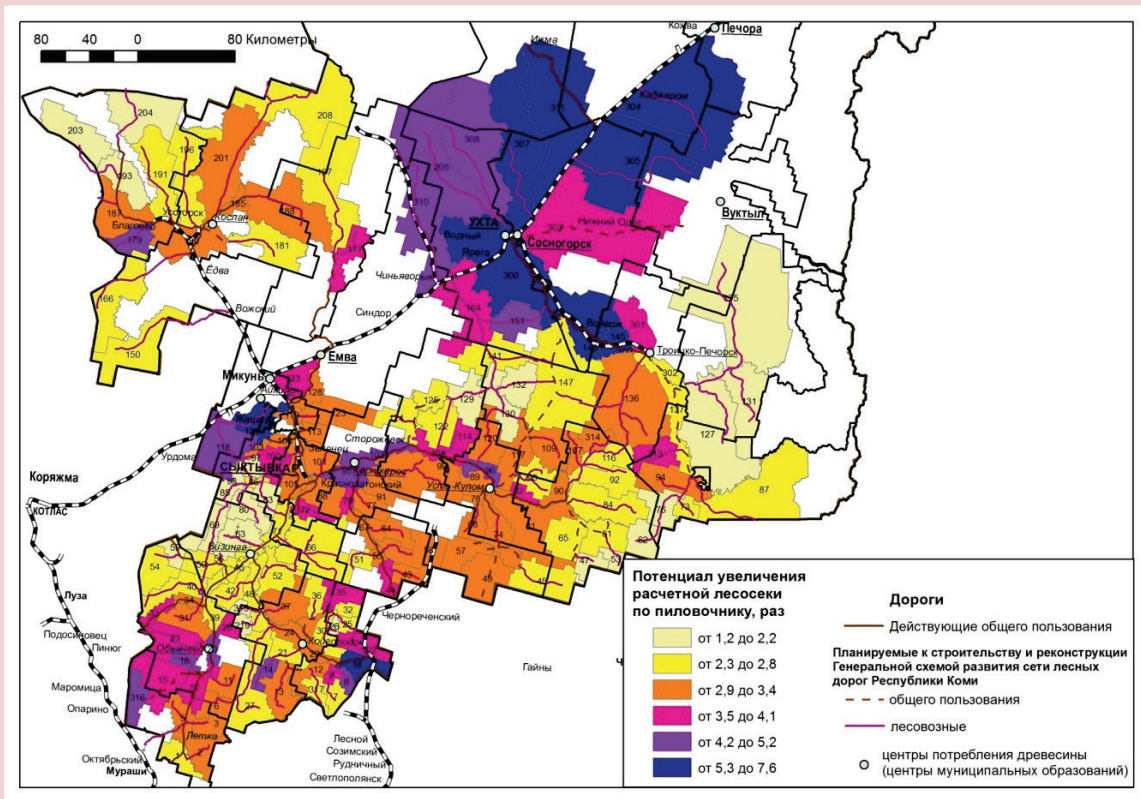
составляет от 25 до 55%. Иная картина в северной части, где наблюдаются низкие уровни товарности (от 20 до 44%) и соответственно высокие уровни истощения лесов – от 50 до 80%. Не случайно в северной части много массивов, выделенных белым цветом, где лесозаготовки практически не ведутся в силу значительного истощения лесного фонда, пройденного рубками, что подтверждает правильность расчетов.

Результаты оценки качества сортиментной структуры. Помимо общего истощения лесов важно понять его истощение по ключевому сортименту заготавливаемого леса – пиловочнику, который является наиболее ценным сырьем для лесопильной и деревообрабатывающей промышленности. Расчет проведен сопоставлением реальной и потенциальной доли пиловочника в расчетной лесосеке и показывает превышение объемов пиловочного сырья в эталонном лесу над фактическим (рис. 2).

Анализ рисунка показал, что истощение наиболее ценных лесов, прежде всего по пиловочному сырью, значительно выше среднего по древостоям, что логично, т.к. лесозаготовители изымают из леса наиболее ценную ликвидную древесину – пиловочник. Рассчитанный общий потенциал увеличения расчетной лесосеки по пиловочному сырью составил около 10 млн. куб. м в год (при одновременном сокращении расчетной лесосеки по балансовой древесине), что подтверждается статистически.

Так, в Республике Коми в начале 80-х годов на пике заготовки древесины в объеме до 25 млн. куб. м доля пиловочника составляла около 10–12 млн. куб. м. Безусловно, рассчитанная величина увеличения расчетной лесосеки по пиловочному сырью является теоретической величиной и была бы достижима при правильном и адекватном лесовосстановлении на протяжении всего оборота рубки.

Рис. 2. Потенциал увеличения расчетной лесосеки по пиловочнику

Источник: рассчитано по: данные Комитета лесов Республики Коми, Министерства инвестиций, промышленности и транспорта Республики Коми и Геопортала Республики Коми. Картограф В.А. Носков.

Результаты оценки влияния фрагментации на истощение лесов. Фрагментация территории древостоев после рубок приводит к нарушению пространственной целостности лесов и формированию довольно изолированных лесных массивов. Эта проблема является острой не только для нашей страны, но и для сопредельных стран, где разрабатываются методики ее оценки [35, 36].

Фрагментация существенно влияет на качество лесных ресурсов, усиливая их истощение. Кроме того, она существенно удорожает себестоимость лесозаготовок из-за необходимости дополнительного строительства лесовозных дорог. Дробление лесных массивов не позволяет малому и среднему бизнесу подбирать хорошие участки лесного фонда по договорам аренды, т.к. такие участки находятся в основном в аренде у крупных лесозаготовителей и редко расположены вблизи транспортных магистралей.

Для оценки фрагментации лесного фонда Республики Коми использованы показатель среднего объема ствола, характеризующего качество лесных ресурсов, и показатель максимальной концентрации соприкасающихся кварталов, как характеристика компактности группы кварталов с определенным объемом ствола.

Оценка проведена по сырьевым базам, выделенным при разработке Генеральной схемы развития сети лесных дорог республики, с помощью инструментов Геопортала Республики Коми, позволяющего визуализировать на квартальной карте участки с выбранными параметрами. С учетом невозможности прямого, автоматизированного совмещения квартальной сети на сайте Геопортала и карты сырьевых были отобраны лесосырьевые базы с основными типами лесов в лесничествах со значительным объемом лесозаготовок. Это сырьевые

базы южной периферии (Летское лесничество), юго-восточной периферии (Пруптское лесничество), центральной части (Корткеросское лесничество), северо-востока (Троицко-Печорское лесничество) и северо-запада (Удорское лесничество). Для оценки фрагментации сделана выборка кварталов, в которых средний объем ствола выше среднего по Республике Коми (0,23 куб. м). Результаты оценки представлены в *таблице 3*.

Результаты исследования фрагментации лесного фонда подтвердили не только общее истощение лесов, но и то, что хороших и ком-

пактных участков лесного фонда становится все меньше. Лучшие результаты выявлены в южной периферии Республики Коми. Например, Летское лесничество формально имеет крупные запасы древесины, в которой значительна доля крупномерной древесины – порядка 30–50% по отдельным сырьевым базам, но это древесина в основном лиственных пород для балансового сырья на ЦБП. Более высокая крупномерность объясняется, в том числе, лучшими природно-климатическими условиями произрастания на юге республики, а также совокупной величиной годового прироста древесины.

Таблица 3. Фрагментация лесного фонда Республики Коми

№ сырьевой базы	Лесничество	Всего кварталов, ед.	Кварталы с объемом ствола $\geq 0,23$ куб. м		
			Всего, ед.	Доля в числе кварталов базы, %	Максимальная концентрация соприкасающихся кварталов, ед.
<i>Южная периферия</i>					
3	Летское	144	90	62,5	61
6	Летское	83	38	45,8	30
1	Летское	85	34	40,0	25
2	Летское	141	53	37,6	23
5	Летское	91	21	23,1	12
<i>Юго-восточная периферия</i>					
48	Пруптское	121	59	48,8	39
45	Пруптское	71	38	53,5	31
57	Пруптское	61	0	0,0	0
<i>Восточная периферия</i>					
136	Троицко-Печорское	321	81	25,2	51
301	Троицко-Печорское	56	7	12,5	5
145	Троицко-Печорское	31	0	0,0	0
302	Троицко-Печорское	34	0	0,0	0
<i>Западная периферия</i>					
208	Удорское	135	20	14,8	15
188	Удорское	122	5	4,1	2
201	Удорское	207	4	1,9	1
196	Удорское	105	1	1,0	1
181	Удорское	182	0	0,0	0
185	Удорское	21	0	0,0	0
<i>Центр</i>					
91	Корткеросское	67	4	6,0	3
79	Корткеросское	24	1	4,2	1
77	Корткеросское	69	0	0,0	0
88	Корткеросское	81	0	0,0	0
95	Корткеросское	211	0	0,0	0
123	Корткеросское	59	0	0,0	0
Всего по выборке		2522	456	18,1	300
Источник: авторская разработка на основе данных Комитета лесов Республики Коми, Министерства инвестиций, промышленности и транспорта Республики Коми и Геопортала Республики Коми.					

Лесосырьевые базы юго-восточной и восточной периферии в целом похожи. В Троицко-Печорском лесничестве еще встречаются отдельные массивы хороших лесов в очень крупной лесосырьевой базе №321, где их доля доходит до четверти, при этом они достаточно компактно и плотно расположены. В Пруптском лесничестве остались массивы нетронутых лесов. Эти отдельные фрагменты встречаются лишь в труднодоступных местах и представляют интерес только для крупных лесозаготовителей и/или переработчиков, т.к. необходимо строить дороги.

Значительно сильнее фрагментированы леса западной периферии, прежде всего, из-за чрезмерных концентрированных рубок выше расчетной лесосеки в 70–80-х годах прошлого века. В Удорском лесничестве истощение лесов гораздо заметнее, здесь практически не осталось нетронутых массивов леса высокой хозяйственной ценности, отдельные фрагменты встречаются только в крайне труднодоступных местах и не представляют интереса даже для крупных лесозаготовителей и/или переработчиков.

В центральной части Республики Коми вырублены практически все массивы. Например, в Корткеросском лесничестве отдельные участки товарного леса встречаются в сырьевых базах №79, 91, однако их концентрация минимальна. Выборочные исследования по отдельным сырьевым базам центра Республики Коми, в частности Сыктывдинского, Корткеросского, Усть-Вымского, Сысольского, Койгородского районов, показали крайне низкую концентрацию качественных сырьевых баз: леса сильно истощены и отдельные участки товарного леса встречаются только на периферии этих районов в незначительных объемах.

В практическом плане это означает, что для развертывания любого крупного лесопильного производства потребуется строить дополнительные лесовозные дороги, что крайне обременительно, либо обеспечивать снабжение пиловочником из других районов. Не случайно новые инвестпроекты по созданию лесоперерабатывающих мощностей в центральной части Республики Коми сталкиваются с проблемами сырьевого обеспечения: ООО «Лесозавод №1» Усть-Вымского района работает на привозном сырье. Также нет уверенности в обеспечении

пиловочником введенного в эксплуатацию в 2017 г. лесоперерабатывающего производства ООО «Промтех-инвест» в Сысольском районе.

Следствием фрагментации лесного фонда Республики Коми является ограниченность крупных запасов высокопродуктивных лесов. Лесной фонд пройден рубками неоднократно, что приводит к тому, что даже крупные лесозаготовительные компании имеют десятки делянок в одном календарном году, чтобы иметь возможность заготавливать древесину, приемлемую по затратам и необходимой сортиментной структуры.

Восстановительная модель сохранения природного капитала лесов и направления модернизации регионального лесопользования

Модернизация биоресурсной экономики в части сохранения природного капитала лесов возможна при реализации нескольких сценариев, при которых в существующих реалиях приоритет отдается увеличению доли и глубины переработки древесины с целью компенсации истощения лесов. Однако этот сценарий в среднесрочной перспективе имеет ограничения, т.к. потенциально снижает объемы переработки древесины при достижении критических пределов переработки, что показывает важность реализации второго сценария, при котором сохраняется исходное качество лесов с тенденцией его улучшения.

Заслуживает внимания восстановительная модель лесопользования с использованием лесохозяйственных мероприятий, в том числе в рамках перехода на интенсивные методы лесопользования, что позволит в течение десятилетия полностью перестроить систему лесопользования и лесовосстановления и получить заметные результаты уже через 20–25 лет.

Примером является Финляндия, которая принципиально по-другому подходит к вопросам лесовосстановления [37]. Если в России при лесохозяйственных работах четко прослеживаются не экономические, а лесоводственные цели, то в Финляндии к выращиванию подходят не только с лесоводственных, но и технологических и экономических позиций: в основу коммерческих рубок ухода заложены редко повторяющиеся, довольно интенсивные и экономически целесообразные рубки. Объем коммерческих рубок ухода в 2004–2007 гг. составлял здесь до 40% всего объема заготовки

против 5% на Северо-Западе России. Во многом это связано с тем, что в России сплошные рубки ведутся примерно на половине расчетной лесосеки, в то время как в Финляндии — только на четверти.

Переход на интенсивные методы лесопользования в Финляндии в 60-е годы позволил увеличить совокупный запас древесины на 53%, а средний текущий прирост — на 77%. Это говорит о том, что эта страна смогла не только сохранить природный капитал лесов, но и существенно его увеличить, даже несмотря на то что с единицы площади рубок она заготавливает до 8–9 раз больше древесины, чем Россия. С 1960 по 2010 г. в Финляндии заготовлено более 2,2 млрд. куб. м древесины, что соответствует её нынешним лесным запасам. Фактически это означает, что при современном лесовосстановлении Финляндия смогла в два раза ускорить средний оборот рубки в 100–120 лет.

Таким образом, опыт передовых стран со схожими климатическими условиями показывает, что восстановительная модель лесопользования способна работать и в России. Проведенные авторами исследования этого вопроса показали, что в Республике Коми интенсивное лесопользование возможно только на юге региона, прежде всего в Прилузском, Сысольском, Койгородском, Сыктывдинском районах, а также в отдельных лесничествах Корткеросского и Усть-Куломского районов.

Лесной комплекс Республики Коми подошел к такому состоянию лесосырьевого обеспечения, которое не позволяет значительно наращивать объемы заготовки и переработки наиболее ценного пиловочного сырья.

Поэтому необходимы не только меры по восстановлению лесов, в том числе через переход на интенсивные методы лесовосстановления, что является задачей, прежде всего, лесного хозяйства, но и изменение правил и подходов к заготовке древесины. На основе проведенного анализа можно выделить несколько направлений модернизации.

1. Переход от пионерного освоения лесов к многократному использованию в рамках конкретной арендной базы. Механизмом такого перехода должно стать массовое использование выборочных рубок, при котором на делянке изымается только хозяйственно ценная древесина (до 10–30% запаса), остальная ее часть

остается на «доращивание» и изымается через 5–15 лет по мере перехода ее в статус «коммерчески ценной». Данная система широко применяется в европейских, и прежде всего Скандинавских, странах и пригодна для России, если учитывать, что договоры аренды заключаются на срок до 49 лет.

2. Снятие ограничений в Лесном кодексе на заготовку древесины по договорам купли-продажи для малого бизнеса, т.к. на лесных участках, предоставленных малому бизнесу для заготовки древесины, нельзя осуществлять строительство лесных дорог, лесных складов, других строений и сооружений, что существенно усложняет работу. Результаты по оценке фрагментированности древостоев выявили большое количество качественных участков лесного фонда, где запасы древесины не велики и не представляют интереса для среднего и крупного бизнеса, но малый бизнес из-за существующих ограничений не может фактически их заготавливать. Механизмом решения этой проблемы может стать увеличение сроков действия договоров купли-продажи до 2–3 лет, вместо существующего срока в один год, с возможностью строить капитальные сооружения.

3. Создание плана перспективного освоения лесных ресурсов (возможно в рамках корректировки Лесного плана Республики Коми), где для малого лесного бизнеса были бы зарезервированы участки лесного фонда, которые малопривлекательны для крупного лесного бизнеса, с учетом их фрагментизации. В свою очередь, крупный лесной бизнес мог бы получать компенсацию за передачу этих земель малому бизнесу, получая другие участки для лесозаготовок. Усиление влияния малого лесного бизнеса позволило бы повысить использование расчетной лесосеки, а следовательно, ресурсоэффективность.

4. Разрешение ограниченного объема коммерческой заготовки древесины в защитных лесах с целью сохранения и улучшения защитных функций этих древостоев через механизм выборочных рубок.

Выводы

В проведенном исследовании на примере Республики Коми выявлено, что декларируемый в лесном хозяйстве принцип непрерывного, неистощительного пользования лесов не соблюдается.

Установлено, что некоторые показатели оценки лесных ресурсов, предлагаемые на глобальном уровне, не способны определить специфику внутрирегиональных изменений. Методика исчисления расчетной лесосеки не учитывает текущее истощение лесов и всевозможные потери древесины, включает экономически недоступные лесные ресурсы, а самое главное, позволяет манипулировать возрастом рубки, завышая расчетную лесосеку, что ведет к переэксплуатации и существенному сокращению объемов пользования в среднесрочной перспективе. Значение расчетной лесосеки является административной величиной, используемой для расчета арендной платы и других целей, но никакого отношения не имеет к обеспечению непрерывности и неистощительности пользования.

Разработана методика оценки лесных ресурсов и его истощения на базе сопоставления их реального и эталонного состояния по изменению основных параметров качества – доли пиловочника, товарности древостоев, фрагментированности лесных массивов. Сравнение эталонных параметров леса с фактическими значениями указанных параметров сырьевых баз, выделенных при разработке Генеральной схемы развития сети лесных дорог Республики Коми, позволило определить фактическое истощение лесных ресурсов. Представлены карты крупномасштабной дифференциации снижения качества лесных ресурсов для разработки и выбора адекватных схем воспроизводства и использования лесных ресурсов.

Практическая ценность данного исследования заключается в том, что оно позволило, с одной стороны, скорректировать стратегию социально-экономического развития Республики Коми в части размещения перспективных лесозаготовительных и лесоперерабатывающих производств с учетом наличия необходимых лесных ресурсов, с другой стороны, позволяет выработать новые подходы к сохранению природного капитала лесов в широком смысле, особенно на сельских территориях, где лесной комплекс играет важную градообразующую роль и социально значим для местного населения. Кроме того, сохраняется роль лесных экосистем продуцировать весь комплекс экосистемных услуг.

Важной позицией методики оценки истощения лесов является учет фрагментизации в оценке лесных ресурсов. Он реализован через анализ пространственного размещения кварталов сырьевых баз, в которых показатель среднего объема ствола, имеющий прямую корреляционную связь с качеством древостоев, выше некоторого порогового значения, в данном случае выше республиканского среднего объема ствола по всем сырьевым базам. При этом оценивалась и концентрация примыкания таких кварталов, которая прямо влияет на возможность сырьевого обеспечения крупных или средних лесопильных производств сырьем по приемлемой себестоимости.

В ходе оценки выявлено значительное истощение лесного капитала на всей территории региона. Товарность древесины с момента начала промышленного освоения лесов снизилась в южных районах до 50%, в северной части, с учетом более неблагоприятных условий восстановления, – до 75%. Истощение по наиболее ценной древесине (пиловочнику, фанерному кряжу) в последние десятилетия идет опережающими темпами, создавая угрозу сырьевому обеспечению лесопильных и деревообрабатывающих производств. Анализ истощения сырьевых баз выявил корреляцию между фактическим спадом объемов заготовки пиловочника, составившим за последние 30 лет 5–6 раз, и расчетным истощением лесного капитала, достигшим по отдельным сырьевым базам от 4-х до 9 раз.

Результаты оценки подтвердили потенциальную неустойчивость снабжения крупных лесоперерабатывающих производств в среднесрочной перспективе в связи с невозможностью обеспечения стабильности поставок пиловочного сырья, что ограничивает рост переработки древесины.

Для восстановления и сохранения лесных ресурсов республики, а также тиражирования модели на другие лесные субъекты России обосновано комбинированное применение трех направлений:

- 1) лесохозяйственных мероприятий, соответствующих потенциалу лесовосстановления;
- 2) восстановительной модернизации лесопользования, предполагающей организацию лесопользования в форме периодически повторяющегося цикла выборочных рубок с после-

дующим восполнением вырубленного запаса за счет более молодого поколения деревьев для формирования насаждений высокой хозяйственной ценности;

3) компенсационной стратегии лесопереработки, использующей лучшие технологии для переработки древесины снижающегося качества.

Литература

1. Costanza R. et al. The value of the world's ecosystem services and natural capital. *Nature*, 1997, vol. 387, pp. 253-260.
2. Alcamo J. et al. *Ecosystems and human well-being: a framework for assessment*. Millennium Ecosystem Assessment. Washington, Covelo, London: Island Press, 2005. 268 pp.
3. Бобылев С.В., Захаров В.М. Экосистемные услуги и экономика. М.: Институт устойчивого развития; Центр экологической политики России, 2009. 72 с.
4. Глазырина И.П. Природный капитал в экономике переходного периода. М.: НИА-Природа, РЭФИА, 2001. 204 с.
5. Оценка экосистем на пороге тысячелетия. Экосистемы и благосостояние людей: рамки оценки. Вашингтон – Ковело – Лондон: World Resources Institute, 2005. 283 с.
6. Титова Г.Д. Понятие «природный капитал», развитие методологии и методов его экономической оценки // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. Геология. География. 2014. Вып. 1. С. 113-123.
7. Конюшков Д.Е. Формирование и развитие концепции экосистемных услуг: обзор зарубежных публикаций // Бюллетень Почвенного института им. В.В. Докучаева. 2015. Вып. 80. С. 26-49.
8. Тихонова Т.В. Экосистемные услуги: роль в региональной экономике и подходы к оценке // Известия Коми НЦ. Сыктывкар, 2016. № 3 (27). С. 134-143.
9. Pezzey J.C.V., Toman M.A. *The Economics of Sustainability: A Review of Journal Articles*. Washington, D.C., 2002. Available at: <http://www.rff.org/files/sharepoint/WorkImages/Download/RFF-DP-02-03.pdf>
10. Pearce D.W., Markandya A., Barbier E.B. *Blueprint for a Green Economy*. London: Earthscan, 1989. Available at: https://www.researchgate.net/publication/39015804_Blue-print_for_a_Green_Economy
11. Dasgupta P. Nature in economics. *Environmental and Resource Economics*, 2008, no 39, pp. 1-7. Available at: <http://paperity.org/p/6292007/nature-in-economics>
12. Рованиемийский план действий для лесного сектора в условиях развития «зеленой экономики». Женевское исследование по сектору лесного хозяйства и лесной промышленности №35 / Организация Объединенных наций. Женева, 2014. 58 с. URL: <http://www.nizrp.narod.ru/metod/kaftzkm/10.pdf>
13. Показатели зеленого роста ОЭСР 2014. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/environment/green-growth-indicators-2014_9789264256767-ru#page1
14. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. URL: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf
15. Экологический след субъектов Российской Федерации / общ. ред.: П.А. Боев; Всемирный фонд дикой природы (WWF). М.: WWF России, 2014. 88 с.
16. Система оценки управления лесами (СЕМАФОР), Организация Объединенных Наций, июль 2017 г. URL: <http://www.fao.org/3/a-mu338r.pdf>
17. Зомонова Э. М. Стратегия перехода к «зеленой» экономике: опыт и методы измерения = The strategy of transition to green economy: experience and measuring methods: аналит. обзор / Федер. гос. бюджет. учреждение науки Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, Байкальский институт природопользования Рос. акад. наук. Новосибирск : ГПНТБСОРАН, 2015. 283 с. (Сер. Экология. Вып. 104).
18. Lange G.M. et al. *The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium*. Washington, D.C.: World Bank, 2010. 221 p. Available at: <https://siteresources.worldbank.org/ENVIRONMENT/Resources/ChangingWealthNations.pdf>
19. Bartelmus P., Stahmer C., van Tongeren J. Integrated environmental and economic accounting: framework for a SNA Satellite System. *Review of Income and Wealth*, 1991, vol. 37, June, pp. 111–148. Available at: <http://www.roiw.org/1991/111.pdf>
20. Daly H.E., Cobb J.B. *For the Common Good: Redirecting the Economy Toward Community, the Environment, and a Sustainable Future (2nd ed.)*. Boston: Beacon Press, 1994. 534 p. Available at: <http://dlx.b-ok.org/>

- genesis/492000/bf43bf58185d49b784810f6cff75f183/_as/ [Herman_E._Daly,_John_B._Cobb_Jr.]_For_the_Common_(b-ok.org).pdf
21. Hueting R. The future of the environmentally sustainable national income. *Ökologisches Wirtschaften*, 2011, no. 4. Available at: <http://www.oekologischeswirtschaften.de/index.php/oew/article/viewFile/1161/130>
 22. Об утверждении Порядка исчисления расчетной лесосеки: приказ Рослесхоза от 27 мая 2011 г. № 191. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116416
 23. Шейнгауз А.С. Лесопользование: непрерывное и равномерное или экономически обусловленное? // Лесная таксация и лесоустройство. 2007. № 1 (37). С. 157-167.
 24. Каракчиева И.В. Проблемы ведения лесного хозяйства в России – расчетная лесосека // Современные наукоемкие технологии. 2010. № 9. С. 144-147.
 25. Соколов В.А. Основы организации устойчивого лесопользования // Сибирский лесной журнал. 2014. № 1. С. 14-24.
 26. Большаков Н.М., Жиделева В.В. Проблемы оценки стоимости истощения лесных ресурсов в системе национальных счетов // Роль государственной статистики в современном обществе: матер. Всерос. науч.-практ. конф.— Сыктывкар, 2009. С. 58-65.
 27. Чупров Н.П. К методике экономической оценки доступности древесных ресурсов леса // Известия вузов. Лесной журнал. 2004. № 6. С. 103-108.
 28. Починков С.В. Экономические основы устойчивого лесопользования: эффективное освоение и воспроизводство лесных ресурсов. Санкт-Петербург: Профикс, 2007. 109 с.
 29. Петров А.П. Экономическая организация использования лесов России в условиях рыночных отношений // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2013. № 4 (96). С. 42-45.
 30. Петров А.П., Морковина С.С. Рыночная организация лесного хозяйства: опыт зарубежных стран и российских регионов // Лесотехнический журнал. 2016. № 4 (24). С. 250-258.
 31. Моисеев Н.А., Моисеева Т.И. Экономический механизм организации устойчивого пользования и управления лесами // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2011. № 6. С. 149-155.
 32. Моисеев Н.А. Кризис в лесных делах России: истоки и возможные пути выхода из него // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2016. № 3. С. 116-125.
 33. Якубов И. Доска зеленая // Российские лесные вести. 2011. № 12(15). 18 апреля.
 34. Carlsson L., Olsson M.-O., Lundgren N.-G. If money only grew on trees – The Russian forest sector in transition. *The Forestry Chronicle*, 2000, July/August, vol. 76, no. 4, pp. 605-610. Available at: <http://www.didaktekon.se/mats/pdf-files/chronicle.pdf>
 35. Биатов А.П., Украинский П.А., Нарожняя А.Г. Сравнительный анализ фрагментированности ландшафтов Белгородской части бассейна Ворсклы и бассейна Мерлы (Харьковская область, Украина) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Естественные науки. 2014. Т. 26. № 3 (174). С. 157-165.
 36. Усова И.П. Оценка фрагментации лесов с использованием ландшафтных индексов (на примере восточно-белорусской ландшафтной провинции) // Актуальные проблемы геоботаники. III Всероссийская школа-конференция. II часть. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН. 2007. С. 250-253.
 37. Вяльккю Э., Лейнонен Т. Правила лесоводства в России и Финляндии // Леспроминформ. 2013. № 1. С.66–70. URL: <http://www.lesprominform.ru/jarchive/articles/itemshow/3001>

Сведения об авторах

Владимир Александрович Носков – младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: rubin35@yandex.ru)

Максим Александрович Шишелов – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: shishelov.maksim@gmail.com)

Noskov V.A., Shishelov M.A.

Approaches to the Assessment of the Natural Capital of Forests and the Prospects for Modernization of Forest Management in the Context of Green Economy

Abstract. The goal of the paper is to study approaches to the assessment of natural capital of forests, especially forest resources, and the prospects for modernization of forest management in the context of green economy. We show that current socio-economic development strategies in most countries encourage rapid accumulation of physical, financial and human capital through excessive depletion and degradation of natural capital, which includes natural resources and ecosystems. In order to prevent this threat, it is necessary to move to the concept of green economy that involves effective use of natural resources, ensuring the sustainability of natural ecosystems and reducing the use of resources in production and consumption. In this regard, we study indicators and methodological approaches used for measuring and assessing forest resources in the global and domestic practice. We reveal the shortcomings and limitations of their application, which are associated with the quantitative assessment of the state of forests, without taking into account qualitative and structural changes. On this basis, we develop our own original methodology for assessing forest resources and in the future – assessing their depletion on the basis of comparing the current state with the “reference” state. An important point in this technique is the account of fragmentation in the assessment of forest resources, implemented through the analysis of spatial distribution of the sections of raw materials bases. The results of our assessment confirm a significant depletion of forest resources throughout the Komi Republic. In order to restore and preserve them, we substantiate the combined use of three basic directions: forest management activities corresponding to the potential of reforestation; rehabilitation modernization of forest management, involving the organization of forest management in the form of recurrent cycle of selective cutting; and compensatory strategies of timber processing. The prospects for further research are related to the task of developing a model for the use of forest resources in the region, ensuring the sustainability of supply of timber processing industries with raw wood.

Key words: natural capital of forests, forest resources, forest management, modernization, green economy.

Information about the Authors

Vladimir A. Noskov – Junior Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation; e-mail: rubin35@yandex.ru)

Maksim A. Shishelov – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation; e-mail: shishelov.maksim@gmail.com)

Статья поступила 12.03.2018.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4

УДК 332.1 (470.12), ББК 65.050.23 (2Рос – 4Вол)

© Ворошилов Н.В., Губанова Е.С.

Дифференциация территорий и механизм ее снижения

**Николай Владимирович
ВОРОШИЛОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: niks789@yandex.ru

**Елена Сергеевна
ГУБАНОВА**

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация, 160000, ул. Ленина, д. 15
E-mail: gubanova_elena@mail.ru

Аннотация. Среди главных внутренних вызовов, препятствующих устойчивому развитию регионов России и переходу экономики к новому технологическому укладу, находится межтерриториальная социально-экономическая дифференциация. Ослабление экономических связей и неравномерность распределения ресурсов обусловили возрастание не только межрегионального, но и внутрирегионального неравенства в развитии территорий, что приводит к снижению связности единого экономического пространства. Поэтому возникает необходимость научного обоснования механизма регулирования территориального развития, способного снизить масштабы внутрирегиональной дифференциации и преодолеть ее негативные последствия, что и предопределило цель данного исследования. Исходя из цели, в статье на материалах Вологодской области систематизированы и проанализированы факторы, вызывающие внутрирегиональную дифференциацию, выявлены наиболее значимые из них; проведена оценка масштабов и глубины социально-экономической дифференциации; определены тенденции изменения социально-

Для цитирования: Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Дифференциация территорий и механизм ее снижения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 57-72. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4

For citation: Voroshilov N.V., Gubanova E.S. Territorial Differentiation and Mechanism for its Reduction. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 57-72. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4

экономического развития муниципальных районов; обосновано применение методов снижения неравенства территорий. Методологической основой исследования послужили методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, а также методический инструментарий, базирующийся на экономико-статистическом и компаративном анализе и экспертном опросе. Научная новизна результатов исследования состоит в развитии методов анализа и оценки внутрирегиональной дифференциации и методов ее регулирования. Результаты проведенного нами исследования могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных органов власти. Кроме того, полученные результаты необходимы для дальнейших исследований по данной тематике, касающихся более детальной проработки дифференцированного подхода к реализации мер государственной поддержки муниципалитетов с разным уровнем и потенциалом развития.

Ключевые слова: внутрирегиональная дифференциация, муниципальные образования, социально-экономическое развитие, механизм регулирования, Вологодская область.

Введение

Для России, самого большого по площади государства мира, характерно наличие значительных различий в природно-климатических условиях, природных ресурсах, национальном и культурном составе населения. При этом около 2/3 территории находится в климатической зоне Севера, характеризующейся неблагоприятными и крайне неблагоприятными природно-климатическими условиями. В стране проживают более 190 народов и народностей, отличающихся историческими, культурными, национальными традициями и особенностями, исповедующих все мировые религии. Эти и другие факторы обуславливают территориальную неоднородность экономического пространства страны. Вместе с тем при её переходе к рыночной экономике в 1990-х годах существенно снизилась роль государства в регулировании процессов пространственного, территориального развития; в процессе территориального разделения труда возросла конкуренция субъектов Федерации и муниципальных образований за население, средства инвесторов и федеральной поддержки, за размещение производства. Вследствие этого усилилась территориальная, а особенно внутрирегиональная дифференциация, под которой в данном исследовании мы понимаем явление, вызванное множеством факторов природно-географического, экономического, политического характера и выражающееся в значительных различиях между муниципальными образованиями по основным параметрам социально-экономического развития. Усиление дифференциации приводит к ослаблению связности экономиче-

ского пространства, потере управляемости территориями из-за «угасания» развития и «вымирания» целых населенных пунктов, к наличию проблемных территорий, для которых необходимы специальные меры поддержки (выравнивающие механизмы), а также к значительным различиям в уровне и качестве жизни населения, к его миграции в более благоприятные территории.

Актуальность исследования проблемы территориальной дифференциации подтверждается и тем, что в последнее время принят ряд важнейших документов на федеральном уровне, которые должны определить вектор развития российских регионов. Особое место среди подобных документов занимает Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 16.01.2017 г. № 13, в котором определены такие цели, как: обеспечение равных возможностей для реализации установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами экономических, политических и социальных прав граждан на всей территории страны; повышение качества их жизни; обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития регионов; повышение конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках на основе сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и максимального привлечения населения к решению региональных и местных

задач. В числе задач, требующих повышенного внимания и обозначенных в проекте Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, разработанном Министерством экономического развития Российской Федерации в 2018 году¹, также указывается сокращение различий в уровне социально-экономического развития субъектов Федерации и муниципалитетов.

Следует отметить, что в российской и зарубежной региональной науке и практике не абсолютизируется задача выравнивания развития территорий и снижения дифференциации до какого-то уровня. Принципиально важное значение имеет обеспечение равных условий и относительно равных возможностей развития территорий, достижение необходимых социальных стандартов и качества жизни населения. Проблемы территориальной дифференциации постоянно находятся в фокусе внимания как зарубежных [1; 2; 3; 4; 5], так и российских учёных [6–18]. В их работах предложены разные подходы к анализу и оценке внутрирегиональной дифференциации и инструменты по преодолению чрезмерного неравенства и его негативных последствий.

Заметим при этом, что в Российской Федерации в целом сформирован механизм регулирования и активизации развития муниципальных образований, базирующийся на применении широкого спектра методов и инструментов в рамках региональной и других видов государственной и местной социально-экономической политики. Вместе с тем этот механизм в полной мере не направлен на решение проблемы снижения внутрирегиональной дифференциации и преодоления ее негативных последствий. Вследствие чего, несмотря на прилагаемые усилия, темпы снижения социально-экономического неравенства остаются недостаточными, что создает угрозы устойчивому развитию регионов. При этом остаются нерешенными вопросы, связанные с комплексной оценкой неравномерности социально-экономического развития муниципалитетов и обоснованием выбора методов регулирования внутрирегиональной

дифференциации в зависимости от особенностей разных типов территорий и условий, в которых осуществляется их развитие.

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

Значимость проблемы социально-экономической дифференциации регионов и муниципальных образований обуславливает необходимость изучения причин этого явления. Каждая территория обладает определенным набором ресурсов: природно-географических (природные условия и ресурсы), трудовых, экономических (производственные фонды и мощности), финансовых, инфраструктурных (транспортная, коммунальная, производственная и иная инфраструктура), научно-инновационных (применяемые технологии, организации, занимающиеся исследованиями и разработками, инновационная инфраструктура), управленческих (квалификация управленческого персонала, технологии, применяемые в управлении), культурных и других. Количественные и качественные характеристики ресурсов, степень их вовлеченности в воспроизводственные процессы, взаимодействие друг с другом (внутри системы соответствующего уровня) и с внешней средой не только определяют особенности развития территории, но и формируют факторы территориальной дифференциации.

В ходе теоретического исследования было установлено, что в работах авторов (С.Н. Большаков, А.Г. Гранберг [6], А.А. Жабрев [11], Н.В. Зубаревич [7], Е.А. Коломак [8], В.А. Кривошей, О.В. Кузнецова [9], Е.И. Куликова, Б.Л. Лавровский [10], Н.М. Межевич [11], Т.Г. Морозова, А.О. Полынёв [16], В.А. Суханова, Е.В. Фролова, М.В. Шмакова и др.) значительное внимание уделено факторам, оказывающим влияние на процессы социально-экономического развития территорий и формирование регионального неравенства. В основном в указанных работах акцентируется внимание на выделении объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов, однако некоторые авторы не проводят их классификацию, ограничиваясь их простым перечислением.

Проведенный нами анализ позволяет говорить о недостаточности признаков для того, чтобы более полно оценить действие подоб-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (проект) / Минэкономразвития РФ. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd/201817081>

ного рода факторов и использовать классификацию для целей управления. В связи с этим нами предложены следующие основания классификации изучаемых факторов: 1) *по месту их возникновения* (внутренние, возникающие в границах территории субъекта Федерации, и внешние, существующие за его пределами); 2) *по внутреннему содержанию* (экономические, которые формируются и действуют в процессах экономических отношений различных субъектов, и неэкономические – природные, демографические, политические и др.), которые формируются в сферах деятельности, напрямую не связанных с экономическим развитием; 3) *по возможности управленческого воздействия* (неуправляемые, формирующиеся вне прямой зависимости от деятельности органов власти, которые не могут оказывать на них целенаправленного прямого влияния; управляемые, на изменение которых могут напрямую влиять органы власти различного уровня); 4) *по длительности воздействия* (краткосрочные – воздействие в течение 1–3 лет, среднесрочные – 3–6 лет, долгосрочные – более 6 лет); 5) *по уровням управления, в зависимости от уровня органов власти, которые могут воздействовать на фактор* (федеральный, региональный, муниципальный/местный); 6) *по характеру воздействия на развитие муниципальных образований* (прямые и косвенные); 7) *по возможности прогнозирования* (прогнозируемые, непрогнозируемые). Обобщенное представление о факторах дифференциации представлено в таблице 1.

Классификация факторов расширяет возможности более глубокого изучения причин изменения неравномерности развития регионов и более точной оценки места и роли каждого из них в данном процессе. Вместе с тем понимание особенностей (содержание, сила, характер, длительность, причины и условия возникновения) различных факторов и механизма их влияния на социально-экономическое развитие территории делает процесс регулирования более упорядоченным и системным по своему характеру. При этом использование разных классификационных признаков одновременно позволяет не только дать более развернутую характеристику каждого отдельно фактора, но и сделать более обоснованным

выбор методов воздействия соответствующих органов власти и управления. Наибольший интерес для государственной власти и органов местного самоуправления как субъектов управления социально-экономическими процессами на региональном уровне представляют внутренние факторы, воздействуя на которые, можно регулировать внутрирегиональную дифференциацию.

Признавая объективный характер внутрирегиональной дифференциации, мы считаем необходимым проведение её комплексной оценки, позволяющей исследовать реальное состояние процессов развития муниципальных образований региона и выявить причины различий, сложившихся в уровне социально-экономического развития территорий, обосновать методы преодоления чрезмерного неравенства и его негативных последствий. Как показал анализ работ российских учёных, существуют разные подходы к решению этих задач. Так, А.Г. Гранберг [6], А.О. Польшнев [16], С.А. Суспицин [17], Р.М. Мельников [12] оценивают территориальную дифференциацию на основе расчёта показателей вариации индикаторов социально-экономического развития, имеющих в официальной статистике (коэффициент вариации, осцилляции, размаха вариации, индекс Тейла и др.). Методический подход, предложенный в работах А.А. Победина [15], А.А. Митрошина [13], базируется на оценке внутрирегионального неравенства с использованием не только показателей вариации, но и комплексной оценки различий между муниципалитетами по уровню развития на основе расчёта интегрального показателя и типологизации территорий. В исследовании А.Е. Чепика [18] на основе показателей структурных сдвигов проводится анализ неравномерности развития муниципальных образований региона, далее осуществляется их многомерная классификация и дается оценка влияния факторов воспроизводства экономики на неравномерность развития муниципалитетов.

Отметим при этом, что некоторые методики отличаются сложностью расчетов, использованием чрезмерно большого количества показателей, часть из которых отсутствует в официальной статистике. Главными отличиями предлагаемого в нашем исследовании методи-

Таблица 1. Факторы дифференциации развития муниципальных образований

Фактор	По месту их возникновения	По внутреннему содержанию	По возможности управленческого воздействия	По длительности воздействия	По уровням управления	По характеру воздействия	По возможности прогнозирования
Экономико-географическое положение муниципалитета	Вт	Н	НУ	Д	-	Пр	Нпрог
Уровень накопленного экономического потенциала (природно-ресурсного, производственно-технического и др.) муниципалитета	Вт	Э	НУ	Д	-	Пр	Нпрог
Уровень развития человеческого капитала (способности, знания, навыки, состояние здоровья, миграция, мобильность и адаптивность населения, денежные доходы населения и т.д.) в муниципалитетах	Вт	Н	У	Д	Р, М	Пр	Прог
Агломерационные процессы на территории региона	Вт	Э	У	Д	Р, М	Пр	Прог
Степень развития в регионе рыночной инфраструктуры и институциональной среды	Вт	Э	У	Д	Р, М	Пр	Нпрог
Степень развития в муниципалитете производственной (транспортной, коммунальной, инновационной и др.) и социальной инфраструктуры	Вт	Н	У	Д	Р, М	Пр	Прог
Макроэкономическая ситуация в мире	Вш	Э	НУ	С	-	Кв	Прог
Макроэкономическая ситуация в стране	Вш	Э	НУ	С	Ф	Кв	Прог
Положение страны в системе мировых экономических отношений	Вш	Э	НУ	Д	Ф	Кв	Нпрог
Положение страны в системе мировых политических отношений	Вш	Н	НУ	Д	Ф	Кв	Нпрог
Деятельность хозяйствующих субъектов муниципалитета	Вт	Э	У	С	Р, М	Пр	Прог
Пространственная и отраслевая структура хозяйства региона	Вт	Э	У	Д	Р, М	Пр	Прог
Система расселения в регионе	Вт	Н	У	Д	Р, М	Пр	Прог
«Теневой сектор» экономики региона	Вт	Э	У	Д	Р, М	Кв	Нпрог
Федеральная нормативно-правовая база	Вш	Н	НУ	К	Ф	Пр	Нпрог
Региональная нормативно-правовая база	Вт	Н	У	К	Р	Пр	Нпрог
Нормативно-правовая база муниципального образования	Вт	Н	У	К	М	Пр	Нпрог
Действующий механизм государственного регулирования экономики	Вш	Н	У	С	Ф, Р	Пр	Нпрог
Система межбюджетных отношений в стране	Вш	Э	У	К	Ф	Кв	Прог
Система межбюджетных отношений в субъекте Федерации	Вт	Э	У	К	Р, Ф	Пр	Прог
Социально-экономическая политика субъекта Федерации	Вт	Э	У	С	Р	Пр	Нпрог
Социально-экономическая политика органов местного самоуправления	Вт	Э	У	С	М	Пр	Нпрог
Взаимодействие между органами государственной власти субъекта Федерации и органами местного самоуправления (формальные и неформальные отношения)	Вт	Н	У	К	М, Р	Кв	Нпрог
Межмуниципальные (производственные, культурные, организационные и иные) связи	Вт	Н	У	К	М	Кв	Нпрог
Эффективность деятельности органов местного самоуправления	Вт	Н	У	С	М	Кв	Нпрог

Обозначения факторов в таблице следующие: Вт – внутреннее, Вш – внешнее; Э – экономические, Н – неэкономические (внеэкономические); У – управляемые, НУ – неуправляемые; К – краткосрочные, С – среднесрочные, Д – долгосрочные; Ф – федеральный, М – региональный, Р – муниципальный (местный); Пр – прямые, Кв – косвенные; Прог – прогнозируемые, Нпрог – непрогнозируемые.

ческого подхода к оценке внутрирегиональной дифференциации является его комплексный характер, универсальность и простота проведения расчётов, использование экспертных оценок помимо статистических данных. В опоре на этот подход становится возможным решение комплекса взаимосвязанных задач при исполь-

зовании данных государственной статистики и экспертных оценок. Универсальный характер разработанного нами подхода предполагает возможность его использования в любом субъекте РФ и для любых типов территорий. Алгоритм проведения анализа представлен в *таблице 2*.

Таблица 2. Алгоритм анализа внутрирегиональной дифференциации

Этап	Содержание и результаты этапа
Предварительный	Отбор показателей (индикаторов), имеющихся в официальной статистической информации и характеризующих различные аспекты социально-экономического развития муниципалитетов, для формирования информационной базы исследования
Первый	Для оценки глубины, масштабов и тенденций дифференциации выполняется расчёт динамики показателей вариации отобранных для анализа индикаторов: 1) среднее значение показателя; 2) размах вариации; 3) среднее квадратическое (стандартное) отклонение; 4) коэффициент размаха вариации (соотношение между максимальным и минимальным значениями показателя); 5) коэффициент вариации; 6) индекс энтропии Тейла; 7) доля территории в общей величине коэффициента вариации и др.
Второй	<p>С целью выделения групп (типов) территорий со схожими параметрами и особенностями социально-экономического развития осуществляется оценка уровня социально-экономического развития муниципалитетов, последовательность которой заключается в выполнении следующих действий:</p> <p>1) формирование перечня (18 показателей) и блоков показателей («Демография», «Благоустройство»; «Уровень жизни», «Экономика»), отражающих различные стороны развития территорий [19; 20];</p> <p>2) стандартизация показателей относительно средних значений по региону (по районам):</p> $k_i = x_i / x_{\text{ср}i} \quad (1)$ $k_i = x_{\text{ср}i} / x_i \quad (2)$ <p>где k_i – стандартизированный коэффициент, который рассчитывается по формуле 1 для прямых показателей, а для обратных – в соответствии с формулой 2; x_i – значение i-го показателя в муниципальном образовании; $x_{\text{ср}i}$ – среднее значение i-го показателя по всем муниципальным районам и городским округам региона или только по районам;</p> <p>3) расчет синтетического показателя по каждому из блоков (R_j) по формуле:</p> $R_j = \left(\sum_{i=1}^n k_i \right) / n \quad (3)$ <p>где n – число показателей в блоке;</p> <p>4) расчет интегрального показателя уровня социально-экономического развития муниципалитета ($I_{\text{ср}j}$):</p> $I_{\text{ср}j} = (R_1 + R_2 + R_3 + R_4) / 4, \quad (4)$ <p>где R_1, R_2, R_3, R_4 – синтетические показатели соответствующих блоков;</p> <p>5) группировка муниципальных образований по уровню развития исходя из значений интегрального показателя: высокий – $I_{\text{ср}j}$ более 1,1; средний – $I_{\text{ср}j}$ от 0,9 до 1,1; низкий уровень – $I_{\text{ср}j}$ менее 0,9.</p>
Третий	<p>Для выявления факторов дифференциации и определения приоритетных сфер развития муниципалитетов с точки зрения регулирующих воздействий со стороны государства проводится анализ тенденций и факторов внутрирегиональной дифференциации. Во-первых, анализируется возможность сокращения неравенства (в рамках проверки концепции β-конвергенции) как за счёт сложившихся объективных процессов, так и за счёт действия различных факторов государственного регулирования (объёмов финансовой поддержки муниципалитетов из бюджета субъекта РФ, объёмов бюджетных инвестиций и т.д.).</p> <p>Во-вторых, исследуются зависимости между статистическими показателями, характеризующими масштабы, размах внутрирегиональных различий (соотношение между максимальным и минимальным значениями показателя), и показателями, отражающими последствия дифференциации (смертность, миграционный отток населения, сокращение численности населения и др.). Факторы выявляются также на основе экспертных оценок в рамках анкетного опроса глав муниципалитетов.</p>

Результаты исследования, анализ и пояснение полученных результатов

На конец 2016 года в Вологодской области функционировали 218 муниципальных образований, в т.ч. 2 городских округа (Вологда и Череповец), 26 муниципальных районов, 22 городских поселения и 168 сельских поселений. Общая картина развития муниципальных районов и городских округов представлена динамикой их ключевых показателей (табл. 3).

Согласно данным таблицы, развитие территорий региона в исследуемый период характеризовалось разнонаправленными тенденциями: в ряде районов отмечался рост промышленного производства (в Кадуйском районе – также и рост инвестиций), но в большинстве районов значения всех приведённых показателей снизились. В 2016 г. по сравнению с 2000 г. численность населения во всех районах области была ниже уровня 2000 г., в 11 районах (Бабушкинский, Белозерский, Вашкинский, Вытегорский, Кичменгско-Городецкий, Междуречен-

ский, Никольский, Нюксенский, Сямженский, Тарногский, Харовский) она сократилась более чем в 1,5 раза. Данные факты во многом предопределили усиление различий между муниципалитетами по ключевым параметрам социально-экономического развития (табл. 4).

Наибольшие различия между районами Вологодской области наблюдаются по объёму производства (отгрузки) промышленной продукции в расчёте на 1 жителя. Практически в 2 раза увеличилась по сравнению с уровнем 1996 года и дифференциация районов по показателю объёма сельскохозяйственного производства. Различия между районами области по размеру среднемесячной заработной платы сократились с 2,8 раза в 2005 г. до 2 раз в 2016 г. Сохраняются заметные различия по обеспеченности населения врачами (2,7–3,0 раза). На основании проведенного анализа можно заключить, что в исследуемый период произошло углубление внутрирегиональной дифференциации, достигающее в ряде случаев критических значений.

Таблица 3. Изменение основных экономических показателей в районах и городских округах Вологодской области, раз

Район (городской округ)	Н	ПП	СХ	И	Район (городской округ)	Н	ПП	СХ	И
	2016 г. к 1990 г.	2015 г. к 1990 г.	2016 г. к 1996 г.	2013 г. к 1990 г.		2016 г. к 1990 г.	2015 г. к 1990 г.	2016 г. к 1996 г.	2013 г. к 1990 г.
Бабаевский	↓1,45	↓3,8	↓3,9	↓5,5	Нюксенский	↓1,58	↑1,7	↓3,2	↓11,8
Бабушкинский	↓1,50	↓4,6	↓3,7	↓26,5	Сокольский	↓1,32	↓1,5	↓1,5	↓2,6
Белозерский	↓1,63	↑1,6	↓2,5	↓3,0	Сямженский	↓1,51	↓2,8	↓3,8	↓2,8
Вашкинский	↓1,73	↑1,6	↓2,6	↓9,8	Тарногский	↓1,55	↑2,4	↓1,9	↓5,6
Великоустюгский	↓1,36	↓1,5	↓2,4	↓4,7	Тотемский	↓1,22	↓1,6	↓1,2	↓8,7
Верховажский	↓1,41	↓2,1	↓2,5	↓6,9	Усть-Кубинский	↓1,42	↓5,9	↓2,3	↓2,4
Вожегодский	↓1,49	↓1,8	↓2,1	↓32,2	Устюженский	↓1,35	↓2,9	↑1,1	↓5,8
Вологодский	↓1,10	↑2,2	↑1,2	↓7,1	Харовский	↓1,74	↓1,6	↓2,3	↓1,3
Вытегорский	↓1,53	↑3,7	↓3,3	↓2,4	Чагодощенский	↓1,45	↓1,04	↓2,1	↓1,4
Грязовецкий	↓1,40	↓2,0	↑1,1	↓1,8	Череповецкий	↓1,22	↑1,4	↓1,2	↓5,8
Кадуйский	↓1,18	↑2,8	↓2,0	↑7,0	Шекснинский	↓1,03	↓1,7	↓1,1	↓5,0
Кирилловский	↓1,44	↓6,7	↓1,2	↓4,1	г. Вологда	↑1,08	↑1,8	-	↓1,2
Кичменгско-Городецкий	↓1,62	↓7,0	↓2,6	↓23,6	г. Череповец	↑1,01	↓1,1	-	↓1,3
Междуреченский	↓1,68	↑1,2	↓1,6	↓18,5	<i>По области</i>	↓1,15	↑1,2	↓1,2	↓1,03
Никольский	↓1,54	↑1,1	↓2,2	↓5,7					

Обозначения: ↑ – рост значения показателя; ↓ – снижение значения показателя; Н – численность постоянного населения на конец года; ПП – физический объём производства промышленной продукции; С/Х – физический объём производства сельскохозяйственной продукции; И – физический объём инвестиций в основной капитал.

Примечание. В связи с отсутствием статистической информации по отдельным показателям и ее несопоставимости в отдельные годы расчёты представлены за разный временной период.

Источник: здесь и в таблицах 4 и 5 рассчитано по: Муниципальные районы и городские округа Вологодской области. Социально-экономические показатели 2000–2016 : стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2017. 293 с.; Районы Вологодской области в 1990–1999 годах : стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2001. 384 с.

Таблица 4. Показатели вариации основных параметров социально-экономического развития муниципальных районов Вологодской области

Показатель	Вид показателя вариации	Год						
		1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016
Объём производства промышленной продукции на 1 жителя	Макс/мин, раз	16,2	368,7	100,4	69,1	507,5	29,3 [*]	33,5 [*]
	Квариации, %	59,9	143,1	188,7	120,9	140,4	78,6 [*]	97,8 [*]
Объём производства сельскохозяйственной продукции на 1 жителя	Макс/мин, раз	-	10,1 ^{**}	9,2	18,1	19,8	18,1	19,8
	Квариации, %	-	56,4 ^{**}	56,0	71,6	68,5	63,3	66,0
Объём инвестиций в основной капитал на 1 жителя	Макс/мин, раз	7,1	7,3	7,8	40,9	50,4	52,1 ^{***}	13,0 ^{***}
	Квариации, %	31,0	60,8	70,1	163,9	99,3	112,4 ^{***}	78,4 ^{***}
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	Макс/мин, раз	1,3	2,2	2,2	1,6	1,6	1,8	2,0
	Квариации, %	6,5	17,4	18,8	15,3	14,1	15,5	16,2
Оборот розничной торговли на 1 жителя	Макс/мин, раз	1,3	3,1	2,3	2,8	1,8	2,1	2,0
	Квариации, %	5,9	29,3	22,7	28,7	15,6	16,7	16,6
Обеспеченность населения врачами на 10 000 населения	Макс/мин, раз	2,3	2,7	3,0	3,5	3,0	2,5	2,7
	Квариации, %	20,9	26,2	25,7	25,8	25,1	22,2	23,5

Примечание. Макс/мин – соотношение между максимальным и минимальным значениями показателя по районам области; квариации – коэффициент вариации значений показателя среди районов области.
^{*} Вместо данных об объёме производства промышленной продукции за 2015-2016 гг., отсутствовавших в официальной статистической отчётности, представлены данные об объёме отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ и услуг (без учета объема производства субъектов малого предпринимательства).
^{**} Представлены данные за 1996 г.
^{***} Без субъектов малого предпринимательства.

В ходе исследования тенденций внутрирегиональной дифференциации было выявлено, что некоторые муниципальные образования региона имеют схожие характеристики, тенденции и особенности развития. Это может стать основанием выделения отдельных групп районов, для каждой из которых могут быть определены специфические приоритеты и инструменты реализации региональной и местной социально-экономической политики. Опираясь на положения методического подхода, изложенного выше, мы построили группировку муниципальных районов Вологодской области по уровню социально-экономического развития, которая подтверждает наличие значительной внутрирегиональной дифференциации (табл. 5). При этом уровень развития большинства районов области за анализируемый период существенно не изменился – практически половина районов относится к группе с низким уровнем развития. Результаты группировки муниципалитетов области позволяют сделать вывод о том, что для территорий, прилегающих к городским округам Вологде и Череповцу, характерен уровень социально-экономического развития и качества жизни выше среднего. В развитии этих территорий наблюдаются по-

зитивные тенденции, а также концентрация значительной доли общеобластного объёма производства и инвестиций, миграционный приток населения. Большинство периферийных районов области (за явным исключением Великоустюгского) отличают невысокий уровень развития, низкая инвестиционная привлекательность, что приводит к сдерживанию перспектив развития и миграционному оттоку населения в города и более благоприятные районы.

Судя по данным нашего исследования, основными факторами, формирующими внутрирегиональную дифференциацию, являются экономико-географическое положение (в том числе удалённость от крупных городов), социально-экономический потенциал, пространственная и отраслевая структура хозяйства, уровень развития производственной и социальной инфраструктуры, уровень развития человеческого капитала, несовершенство федеральной и региональной нормативно-правовой базы, недостаточные возможности органов местного самоуправления по решению имеющихся проблем и управлению развитием муниципалитета, низкая эффективность управления территориальным развитием

Таблица 5. Группировка муниципальных районов Вологодской области по уровню социально-экономического развития по итогам 2000 и 2016 гг.

Уровень	2000 г.	2016 гг.
Высокий	1. Кадуйский (1,655), 2. Вологодский (1,405), 3. Череповецкий (1,354), 4. Сокольский (1,265), 5. Шекснинский (1,222), 6. Чагодощенский (1,202), 7. Грязовецкий (1,149), 8. Великоустюгский (1,141).	1. Шекснинский (1,385), 2. Вологодский (1,370), 3. Грязовецкий (1,363), 4. Сокольский (1,237), 5. Кадуйский (1,226), 6. Тотемский (1,114), 7. Великоустюгский (1,110).
Средний	9. Тотемский (1,036), 10. Вытегорский (0,957), 11. Вашкинский (0,937), 12. Бабаевский (0,930), 13. Нюксенский (0,928).	8. Нюксенский (1,085), 9. Чагодощенский (1,062), 10. Тарногский (1,041), 11. Междуреченский (1,008), 12. Белозерский (1,007), 13. Череповецкий (0,990), 14. Харовский (0,954), 15. Кирилловский (0,949).
Низкий	14. Харовский (0,895), 15. Белозерский (0,878), 16. Кирилловский (0,872), 17. Тарногский (0,861), 18. Устюженский (0,857), 19. Междуреченский (0,840), 20. Вожегодский (0,818), 21. Усть-Кубинский (0,813), 22. Верховажский (0,766), 23. Бабушкинский (0,756), 24. Сямженский (0,755), 25. Кичменгско-Городецкий (0,709), 26. Никольский (0,693).	16. Верховажский (0,875), 17. Устюженский (0,869), 18. Бабаевский (0,867), 19. Сямженский (0,835), 20. Вытегорский (0,831), 21. Вожегодский (0,805), 22. Усть-Кубинский (0,791), 23. Вашкинский (0,783), 24. Никольский (0,743), 25. Бабушкинский (0,731), 26. Кичменгско-Городецкий (0,717).
Примечание. Районы отсортированы (с указанием места) по значению интегрального показателя уровня социально-экономического развития (представлено в скобках рядом с каждым районом области).		

и взаимодействия между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Особое внимание было уделено социально-экономической политике субъекта Федерации и взаимодействию между органами государственной власти субъекта Федерации и органами местного самоуправления. По результатам ежегодно проводимых ФГБУН ВолНЦ РАН опросов глав муниципальных образований Вологодской области² установлено, что эффективное решение органами местного самоуправления вопросов социально-экономического развития территорий затрудняют такие факторы, как: недостаточность финансовых ресурсов (дефицит собственных доходных источников, недостаточность финансовой поддержки со стороны государства); несовершенство законодательства в целом, касающегося вопросов функционирования и развития муниципальной власти; пассивность местного населения и отсутствие механизмов учёта баланса интересов бизнеса, власти и населения

² Для исследования проблем и перспектив реформы местного самоуправления Вологодским научным центром Российской академии наук (ВолНЦ РАН, ранее – ИСЭРТ РАН) с 2007 г. проводится анкетный опрос глав муниципальных образований Вологодской области. На вопросы анкеты (30–40 вопросов) ежегодно отвечают 160–210 глав муниципальных образований из 218–372-х, что позволяет обеспечить ошибку выборки 4–5%. Главы дают оценку по итогам прошедшего календарного года: например, в опросе 2017 года – по итогам 2016 года.

в процессе развития территории; недостаточно эффективное взаимодействие с органами государственной власти (зависимость от региональных органов управления, бюрократические проволочки, отсутствие согласованности программных документов, направленных на развитие территории); ограниченность полномочий в сфере экономического развития муниципалитета. Следует отметить, что перечень ключевых проблем развития муниципальных образований области остаётся постоянным на протяжении всех 11 проведённых опросов глав [20; 21].

Большинство глав муниципальных образований не отмечают существенных изменений в развитии муниципалитетов в результате реализации органами государственной власти области региональной политики (табл. 6). Причём почти 20% глав сельских поселений указали на отсутствие какой-либо помощи вообще со стороны региональных властей или на неэффективность предпринимаемых ими действий.

Таким образом, результаты проведенного анализа свидетельствуют о необходимости корректировки региональной и местной социально-экономической политики с учётом обозначенных выше факторов в целях создания условий для снижения межмуниципального неравенства и устранения его основных негативных последствий.

Таблица 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете действия региональных органов власти, направленных на поддержку муниципальных образований в ... году?» (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			городские поселения			сельские поселения		
	2009 г.	2015 г.	2016 г.	2009 г.	2015 г.	2016 г.	2009 г.	2015 г.	2016 г.
Не было оказано никакой помощи	3,8	0,0	0,0	18,2	11,1	0,0	12,0	14,6	19,8
В целом помощь была неэффективной (разработанные мероприятия трудно-осуществимы и не привели к улучшению ситуации)	19,2	5,9	16,7	27,3	0,0	0,0	21,5	26,8	14,3
Изменения произошли, но они несущественны	38,5	47,1	55,6	27,3	55,6	21,4	36,1	31,7	38,5
Осуществляемые действия привели к улучшению ситуации	23,1	29,4	22,2	18,2	33,3	57,1	12,0	8,5	14,3
Затрудняюсь ответить	15,4	17,6	5,6	9,1	0,0	21,4	18,4	18,3	13,2

Источник: База данных мониторинга изучения условий реформирования института местного самоуправления Вологодской области / ФГБУН ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН). Вологда, 2007–2017.

Решение проблем, связанных с усилением внутрирегиональной дифференциации, требует переосмысления подходов к регулированию указанного процесса с позиций основных положений Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 16.01.2017 г. № 13. Среди принципов, раскрывающих содержание государственной политики регионального развития, впервые указан дифференцированный подход к реализации мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей. Считаем, что именно этот принцип в совокупности с принципами целенаправленности, системности, учета особенностей развития муниципалитета, согласованности интересов, саморазвития и самоуправления, адаптированности, сбалансированности должен быть положен в основу научно-методического подхода к регулированию внутрирегиональной дифференциации.

Субъектами подобного регулирования являются органы государственной власти субъекта Российской Федерации и органы местного самоуправления. Ключевая роль отводится региональным органам управления (департаменты стратегического планирования, экономического развития, финансов), которые осуществ-

вляют разработку основных направлений пространственного развития региона с учетом социально-экономических особенностей муниципальных образований, а также реализацию мероприятий в соответствии с установленными целями и задачами.

Практика последних десятилетий показала заметное воздействие на процесс принятия решений органами законодательной и исполнительной власти так называемых субъектов влияния (региональные институты развития, бизнес-сообщества и население). Объектом регулирования являются процессы социально-экономического развития в муниципальных образованиях, отличительная особенность которых состоит в их значительной дифференциации.

Эффективность и результативность регулирования во многом определяется выбором и обоснованием главной цели и задач, в направлении которых осуществляется процесс развития муниципальных образований. Важно при этом учесть интересы всех участников и существующие ограничения, влияющие на процесс регулирования. Цель регулирования внутрирегиональной дифференциации состоит в создании условий для её снижения и преодоления негативных последствий. Реализация этой цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач по реализации соответствующих мероприятий (*табл. 7*).

Таблица 7. Задачи и основные мероприятия по регулированию внутрирегиональной дифференциации

Задача	Мероприятия
1. Обеспечение снижения отставания «проблемных» муниципалитетов по основным параметрам социального и инфраструктурного развития	Разработка и продвижение инвестиционных проектов, направленных на создание или реконструкцию объектов производственной, транспортной и социальной инфраструктуры; активная поддержка бизнес-структур, участвующих в реализации проектов на территориях «проблемных» районов
2. Создание стимулов для активизации развития всех муниципалитетов региона (обеспечения их саморазвития за счёт наиболее полного использования имеющегося потенциала)	Развитие кластеров (лесопромышленный, туристический, агропромышленный), территорий опережающего развития, зон территориального развития; активизация деятельности институтов развития (ГЧП, МЧП); стимулирование функционирования малого и среднего бизнеса, деятельности по закреплению кадров, привлечению отечественных и зарубежных инвесторов. Это будет способствовать открытию новых и расширению имеющихся производств, что позволит повысить уровень и качество жизни населения, наполняемость доходов местного бюджета.
3. Согласование интересов и эффективное взаимодействие (сотрудничество) органов государственной власти и местного самоуправления	Реализация мероприятий, связанных с вопросами разграничения полномочий, ответственности и собственности между органами государственной власти и муниципальными образованиями; поддержка проектов в сфере межмуниципального сотрудничества; активное развитие организационных форм взаимодействия органов власти (координационные советы, управленческие округа и др.).
4. Повышение роли института местного самоуправления в решении проблем развития муниципалитетов	Совершенствование различных форм самоорганизации населения и его участия в управлении на местном уровне (территориальное общественное самоуправление, самообложение граждан, проекты местных инициатив, фонды местных сообществ); осуществление финансовой, организационной поддержки указанных институтов со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления; изучение и распространение опыта лучших практик муниципального управления.

Осуществление указанных задач и мероприятий создает возможности для оптимального сочетания выравнивания и стимулирования развития муниципальных образований, а также будет способствовать повышению роли института местного самоуправления.

Сложность и взаимообусловленность задач, особый характер взаимоотношений между субъектами управления, постоянно изменяющаяся внешняя среда предъявляют соответствующие требования к механизму регулирования внутрирегиональной дифференциации, который определяется как совокупность форм, методов и инструментов, с помощью которых органы государственной власти и управления региона и органы местного самоуправления воздействуют на процессы социально-экономического развития муниципальных образований. К числу основных требований данного механизма следует отнести: гибкость и способность реагирования на различные изменения (среды, целей и задач), наличие обратных связей, обеспечение сбалансированного развития экономической и социальной сфер территорий, создание условий для взаимодействия региональных и местных органов власти и управле-

ния, результативность и эффективность. Для целей регулирования внутрирегиональной дифференциации, на наш взгляд, необходимо формирование специального механизма, общая схема которого представлена на *рисунке*.

В рамках рассматриваемого механизма предполагается реализация дифференцированного подхода к муниципалитетам с разным уровнем социально-экономического развития, что позволит определить приоритетные направления и инструменты регулирующего воздействия для каждой группы районов. Так, для районов с высоким уровнем развития важным является создание стимулов для обеспечения саморазвития территорий и формирования на этой основе «точек роста» регионального значения (в том числе генерация и распространение инноваций) и др. В районах со средним уровнем развития необходимо формирование условий для диверсификации их экономик и активизации неиспользуемых резервов развития. Наиболее проблемным территориям в первую очередь следует обеспечить гарантированное предоставление необходимого минимума инфраструктурных и социальных услуг для проживающего населения (в том числе развитие

Схема механизма регулирования внутрирегиональной дифференциации*

* Курсивом выделены не используемые в настоящее время элементы механизма управления.

дорожной и транспортной инфраструктуры), а также сохранение и развитие действующих производств и создание возможностей для открытия новых предприятий с более эффективным использованием всех имеющихся ресурсов развития.

Одним из направлений синхронизации действий органов государственной и муниципальной власти является образование в границах региона территориальных зон (управленческих округов), которые представляют собой особую форму взаимодействия органов государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления. Критериями выделения управленческих округов могут стать: наличие общих границ муниципальных районов/городских округов; похожая специализация экономики районов/городских округов; транспортная и географическая связность районов – рассто-

яние от административного центра округа до административных центров районов округа не должно превышать 200 км и, кроме того, должно быть постоянное транспортное сообщение по наиболее близким маршрутам; похожие тенденции в социально-экономическом развитии районов. На территории Вологодской области предлагается образовать 6 управленческих округов: Западный, Северо-Западный, Вологодский, Череповецкий, Северный, Восточный [22].

Для обеспечения эффективного взаимодействия участников процесса регулирования внутрирегиональной дифференциации целесообразно создание при высшем исполнительном органе государственной власти субъекта Российской Федерации совещательного и координирующего органа (не являющегося самостоятельным юридическим лицом) – Координа-

ционного совета по развитию муниципальных образований. Это позволит обеспечить комплексный и системный характер реализации региональной политики по развитию муниципальных образований. В состав Совета войдут представители законодательного и исполнительных органов государственной власти субъекта Федерации, органов местного самоуправления, науки и общественных организаций.

Повышение эффективности управления территориальным развитием должно стать ориентированным на формирование муниципально-территориального устройства, адекватного современным условиям и особенностям развития муниципалитетов. Муниципально-территориальное устройство представляет собой деление территории региона (субъекта Федерации) на муниципальные образования (или иные административно-территориальные единицы, которые являются объектом управления на местном уровне), а также процедуры преобразования муниципальных образований (объединение, разделение, изменение их статуса).

Для реализации проектов, направленных на развитие муниципалитетов региона с целью снижения внутрорегиональной дифференциации, целесообразно, на наш взгляд, разработать и принять в субъекте Федерации специальную государственную программу «Сбалансированное развитие территорий региона». Отличительная особенность этой программы, которая может занять свое место в числе других государственных программ субъекта Федерации, заключается в том, что она позволит объединить мероприятия, связанные не только с активизацией развития муниципалитетов, но и с повышением эффективности управления на местном уровне. В рамках данной программы будет предусматриваться финансирование: 1) приоритетных проектов в муниципалитетах, направленных на снижение различий в развитии муниципалитетов (прежде всего инфраструктуры и социальной сферы); 2) мероприятий по поддержке местного самоуправления (местных инициатив, территориального общественного самоуправления и пр.); 3) мероприятий по подготовке и переподготовке кадров для органов местного самоуправления. Для каждого из трех данных направлений предусматривается отдельная подпрограмма.

Источниками финансирования мероприятий и проектов являются: 1) средства федерального бюджета (участие в соответствующих федеральных программах); 2) средства бюджета субъекта РФ; 3) средства местных бюджетов; 4) внебюджетные источники (средства бизнеса при реализации совместных инвестиционных проектов в рамках государственно-частного и муниципально-частного партнерства, средства населения). Предложены возможные пропорции между указанными источниками суммарно по всей программе: 10, 50, 20 и 20% соответственно. Пропорции распределения средств между подпрограммами целесообразно установить в соотношении: 70% – на первую подпрограмму; 15% – на вторую; 15% – на третью.

В рамках подпрограммы «Активизация социально-экономического развития муниципальных образований» будет предусматриваться предоставление двух видов субсидий. Первый вид – на приоритетную поддержку инвестиционных и социальных проектов в муниципальных районах (городских округах), в которых значение интегрального индекса уровня развития ($I_{cэp,j}$), определённого в соответствии с предложенной выше методикой, менее 1. Размер поддержки для j -го муниципального образования (C_j) определяется по формуле:

$$C_j = A \cdot \frac{1 - I_{cэp,j}}{\sum_{j=1}^m (1 - I_{cэp,j})}, \quad (5)$$

где A – общий объём поддержки проектов на год в рамках данной субсидии в соответствии с подпрограммой 1; $I_{cэp,j}$ – значение индекса уровня социально-экономического развития j -го района (городского округа); m – число муниципальных образований со значением индекса менее 1.

Реализуемый проект(ы) должен быть направлен на решение конкретной цели и задачи развития муниципалитета и иметь измеримый результат, выражающийся в повышении обеспеченности населения отдельными услугами, объектами инфраструктуры и т.д. Право на получение второго вида субсидии должно иметь любое муниципальное образование на конкурсной основе. Критериями отбора проектов для

предоставления субсидий в рамках подпрограммы 1 могут быть такие, как: доля внебюджетных источников в софинансировании проекта; доля населения муниципалитета, для которого реализация данного проекта является актуальной; срок окупаемости проекта; соответствие решаемой задачи при реализации проекта целям и задачам социально-экономического развития субъекта РФ; наличие разработанной проектно-сметной документации проекта; уровень софинансирования проекта из местных бюджетов и др.

В рамках подпрограммы «Поддержка и развитие местного самоуправления в субъекте РФ» будут предоставляться межбюджетные трансферты муниципальным образованиям на софинансирование проектов территориального общественного самоуправления, проектов самообложения граждан, поддержки местных инициатив и пр. Подпрограмма «Развитие кадрового потенциала органов местного самоуправления субъекта РФ» потребует финансирования мероприятий по повышению квалификации и профессиональной переподготовке работников органов местного самоуправления, реализации различных кадровых проектов и проектов стимулирования муниципалитетов и их глав к повышению эффективности муниципального управления.

Кроме того, одним из условий решения проблем внутрирегиональной дифференциации должно быть развитие института местного самоуправления (поддержка территориального общественного самоуправления, самообложения граждан, фондов местных сообществ, проектов поддержки местных инициатив и др.). Для достижения этой цели предложен проект «Площадка общественного диалога», позволяющий на специальном интернет-портале обсуждать проблемы развития муниципалитета, предлагаемые идеи и проекты, мероприятия, а также объединять ресурсы населения, бизнеса и власти для реализации этих проектов.

Таким образом, вклад исследования, результаты которого представлены в данной статье, в развитие теоретической науки заключается в систематизации факторов, обуславливающих внутрирегиональную дифференциацию, в обосновании механизма ее регулирования; вклад в развитие прикладной науки — в совершенствовании методического инструментария для проведения комплексной оценки дифференциации и типологизации территорий для целей управления и в конкретных рекомендациях по совершенствованию региональной социально-экономической политики в целях снижения масштабов территориального неравенства и преодоления его негативных последствий.

Литература

1. Priorities for 2014–2020 // European Commission. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/how/priorities
2. *Territorial Agenda of the European Union 2020. Towards an Inclusive, Smart and Sustainable Europe of Diverse Regions*. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/what/territorial-cohesion/territorial_agenda_2020.pdf
3. Kutscherauer A. et al. *Regional disparities in regional development of the Czech Republic: their occurrence, identification and elimination*. Ostrava: VŠB-Technical University of Ostrava, 2010. 120 p.
4. Naschold F., Bogumil J. *Modernisierung des Staates: new public management in deutscher und internationaler Perspektive*. Wiesbaden: Springer Fachmedien GmbH, 2000. 250 p.
5. Porter M.E. *Regions and the New Economics of Competition: Global City-Regions: Trends, Theory, Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
6. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики : учебник для вузов. 3-е изд. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 495 с.
7. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
8. Коломак Е.А. Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты // Пространственная экономика. 2010. № 1. С. 26-35.
9. Кузнецова О.В. Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2014. № 2. С. 3-8.

10. Лавровский Б.Л. Территориальная дифференциация и подходы к ее ослаблению в Российской Федерации // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2003. Т. 7. № 4. С. 524-537.
11. Межевич Н.М., Жабрев А.А. Региональная дифференциация – фактор социально-экономического развития регионов // Экономика и управление. 2011. № 5 (67). С. 159-158.
12. Мельников Р.М. Проблемы теории и практики государственного регулирования экономического развития регионов : монография. М. : РАГС, 2006. 199 с.
13. Митрошин А.А. Методы оценки качества жизни населения и социально-экономической дифференциации территорий (на примере Московской области) : автореф. дис. на соиск. уч. ст. к.э.н.: 08.00.05. М., 2013. 23 с.
14. Орешин В.П., Фетисов Г.Г. Региональная экономика и управление: учебник. М. : ИНФРА-М, 2006. 416 с.
15. Победин А.А. Политика регулирования внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития (на примере Свердловской области): автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург, 2008. 24 с.
16. Польшев А.О. Межрегиональная экономическая дифференциация: методология анализа и государственного регулирования. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2011. 208 с.
17. Проект СИРЕНА: методы измерения и оценки региональной асимметрии / под ред. С.А. Суспицына. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2002. 248 с.
18. Чепик А.Е. Статистическое исследование неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований региона : автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.12. М., 2015. 23 с.
19. Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6 (36). С. 54-69. DOI: 10.15838/esc/2014.6.36.5
20. Социально-экономические проблемы локальных территорий : монография / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
21. Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 132-147. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.9
22. Ворошилов Н.В. Оценка эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7 (60). С. 54-59.

Сведения об авторах

Николай Владимирович Ворошилов – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: niks789@yandex.ru)

Елена Сергеевна Губанова – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: gubanova_elen@mail.ru)

Voroshilov N.V., Gubanova E.S.

Territorial Differentiation and Mechanism for its Reduction

Abstract. Interterritorial socio-economic differentiation is one of the main internal challenges that hamper sustainable development of Russian regions and impede the transition of the economy to a new techno-economic paradigm. The weakening of economic ties and the uneven distribution of resources have led to an increase not only in interregional, but also in intraregional inequality in the development of territories; this disrupts the cohesion of the common economic space. In this regard, it becomes

necessary to substantiate scientifically the mechanism of territorial development regulation that can reduce the scale of intraregional differentiation and overcome its negative implications; this predetermined the goal of our study. We use the data on the Vologda Oblast to systematize and analyze factors that cause intraregional differentiation; we identify the most significant of them, assess the scale and depth of socio-economic differentiation, determine the trends of change in socio-economic development of municipal districts, and substantiate the use of methods that help decrease the inequality of territories. We use analysis, synthesis, comparison, generalization, as well as methodological tools based on economic-statistical and comparative analysis and expert survey, as a methodological basis of the study. Scientific novelty of our research findings consists in the fact that they help develop methods to analyze, evaluate and regulate intraregional differentiation. The findings of our study can be used by federal and regional authorities and serve as a basis for further research on this topic to facilitate a more detailed study of a differentiated approach to the implementation of state support measures provided to municipalities with different development levels and capacities.

Key words: intraregional differentiation, municipal entities, socio-economic development, regulation mechanism, Vologda Oblast.

Information about the Authors

Nikolai V. Voroshilov – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: niks789@yandex.ru)

Elena S. Gubanova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of the Department of Finance and Credit, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: gubanova_elen@mail.ru)

Статья поступила 02.11.2018.

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.5

УДК 63001, ББК 4

© Кузин А.А., Медведева Н.А., Задумкин К.А., Вахрушева В.В.

Сценарии развития молочной промышленности России

**Андрей Алексеевич
КУЗИН**

Вологодская государственная молочнохозяйственная академия
им. Н.В. Верещагина
Вологда, с. Молочное, Российская Федерация, 160555, ул. Шмидта, д. 2
E-mail: pronich@molochnoe.ru

**Наталья Александровна
МЕДВЕДЕВА**

Вологодская государственная молочнохозяйственная академия
им. Н.В. Верещагина
Вологда, с. Молочное, Российская Федерация, 160555, г. ул. Шмидта, д. 2;
E-mail: named35@mail.ru

**Константин Алексеевич
ЗАДУМКИН**

Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и
лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
Вологда, с. Молочное, Российская Федерация, 160555, ул. Ленина, д. 14
E-mail: zkoo@mail.ru

**Вера Викторовна
ВАХРУШЕВА**

Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и
лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
Вологда, с. Молочное, Российская Федерация, 160555, ул. Ленина, д. 14
E-mail: vvesnina@mail.ru

Для цитирования: Сценарии развития молочной промышленности России / А.А. Кузин, Н.А. Медведева, К.А. Задумкин, В.В. Вахрушева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 73–88. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.5

For citation: Kuzin A.A., Medvedeva N.A., Zadumkin K.A., Vakhrusheva V.V. Development scenarios for Russia's dairy industry. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 73–88. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.5

Аннотация. Инновационная модернизация молочной промышленности России является ключевым фактором продовольственной и экологической безопасности страны в условиях усиления экспортной ориентации. Цель предпринятого исследования — обоснование концепции развития молочной отрасли в России¹ и разработка прогнозных сценариев ее функционирования на основе внедрения наилучших доступных технологий. В статье раскрыты особенности функционирования отрасли и формируемые ими противоречия. Сделан вывод о том, что эффективное развитие отрасли возможно только в результате сбалансированных мер государственной политики, учитывающих как стоящие перед отраслью вызовы, так и международный опыт. Выполнен анализ использования наилучших доступных технологий (НДТ) в молочной промышленности России и предложена модель разработки концепции развития молочной промышленности на базе наилучших доступных технологий. Практический интерес представляют разработанные авторами сценарии развития молочной промышленности России, а также вывод о том, что государственная политика развития данной отрасли должна основываться на инновационном сценарии, предполагающем ее системную модернизацию, позволяющую обеспечить продовольственную, экологическую безопасность страны и экспорт молочной продукции. Отмечено, что разработка и внедрение на предприятиях молочной промышленности наилучших доступных технологий с использованием зарубежного опыта и инструментов государственного регулирования может служить ответом на системные и стремительные трансформации, которые происходят в отрасли в настоящее время. Материал статьи может быть использован в учебно-образовательном процессе в вузах, он актуален для руководителей и специалистов молочной отрасли, ученых, занимающихся вопросами ее развития на основе использования НДТ.

Ключевые слова: молочная промышленность, наилучшие доступные технологии (НДТ), государственная политика.

Введение. Социально-экономические изменения в России в конце XX — начале XXI века, обусловленные глобализацией, требуют пересмотра подходов к управлению молочной промышленностью¹ как составной частью агропромышленного комплекса страны. В свете этого данную отрасль уместно рассматривать на основе функционального подхода с элементами системности, объединяющей демографические, экологические, экономические и институциональные аспекты [1]. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года» от 07.05.2018 г. №204 для осуществления научно-технологического прорыва в агропромышленном комплексе необходимо создание высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий. Согласно Концеп-

ции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года одним из основных факторов, предопределяющих стратегическое развитие экономики, являются технологические изменения. В европейской практике экологические и природоохранные разрешения входят в число ключевых инструментов снижения негативного воздействия промышленности на окружающую среду, содействия соблюдению промышленными предприятиями природоохранных требований и поощрения технологических инноваций [22]. Принцип НДТ введен в международную практику² в 2006 году [20; 21]. Между тем в России переход к внедрению наилучших доступных технологий слабо отражен в нормативных документах, определяющих вектор развития молочной промышленности. В этой связи глубокое исследование ее состояния и разработка концепции ее долгосрочного развития представляется важным и своевременным.

¹ Молочная промышленность — отрасль пищевой промышленности, объединяющая предприятия по выработке из молока различных молочных продуктов. В данной статье термины «молочная промышленность» и «молочная отрасль» используются как синонимы.

² О комплексном контроле и предотвращении загрязнения [Директива Европейского Совета от 24.09.1996 г. 96/61/ЕС]. Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1375085>

Целью научного исследования является обоснование выбора долгосрочной стратегии развития молочной промышленности на базе внедрения наилучших доступных технологий, обеспечивающих продовольственную и экологическую безопасность Российской Федерации. Решение поставленной цели было достигнуто за счет реализации следующих задач:

- обобщены теоретико-методологические аспекты разработки прогнозных сценариев развития экономических систем;
- выявлены и исследованы факторы, влияющие на развитие отрасли;
- определены особенности внедрения наилучших доступных технологий на основе зарубежного опыта;
- разработаны прогнозны сценарии развития молочной промышленности России на основе внедрения наилучших доступных технологий.

В статье раскрыты особенности функционирования отрасли и формируемые ими противоречия в ее развитии. Проведен анализ применения в ней наилучших доступных технологий и разработана концепция ее развития. Данный подход позволяет повысить достоверность отраслевых стратегий развития и снизить риски, возникающие в молочной промышленности. Научная новизна исследования состоит в предложенной модели разработки концепции развития молочной промышленности на основе внедрения наилучших доступных технологий до 2030 г.

В классических трудах школы профессора И.В. Бестужева-Лады [2] представлены исследования по разработке стратегий развития экономических систем начиная с 50-х годов XX века. Для аргументации сценариев долгосрочного прогноза выработывались глобальные теории. Коллектив ученых под руководством лауреата Нобелевской премии по экономике В.В. Леонтьева на базе уникальной межрегиональной модели межотраслевого баланса разработал долгосрочный прогноз развития экономики мира до двухтысячного года [3].

В 50-70-е годы в Советском Союзе образовалась прогностическая школа во главе с академиком А.Н. Ефимовым, А.И. Анчишкиным, В.А. Котельниковым [4; 5]. В восьмидесятых годах активность исследований по прогнозным

сценариям развития снизилась по причине перехода от индустриального общества к постиндустриальному.

В современном мире развитая экономика формируется на основе прогнозных экономических стратегий и сценариев. Как правило, в большинстве развитых стран мира прогнозирование рассматривается важнейшей управленческой функцией государства [6; 7; 8].

Обоснование методологии перспективного прогнозирования в России опробовано в плане ГОЭЛРО (1920–1935 гг.), составленном по ряду крупных районов России и учитывающем отраслевые и территориальные аспекты. Основными разработчиками концепций являлись ученые-экономисты Н.Д. Кондратьев, М.М. Соколов, С.Ф. Демидов, В.С. Немчинов. Основоположник теории предвидения, методологии прогнозирования и перспективного планирования – академик Н.Д. Кондратьев, представитель Тимирязевской сельскохозяйственной академии, создатель концепции «длинных волн» [9; 10]. На данном этапе определились три механизма разработки стратегий: североамериканский (Канада, США), азиатский (Китай, Япония, Южная Корея), западноевропейский (Швеция, Франция).

Во второй половине XX века оживились исследования по проблемам социально-экономического прогнозирования и научному обоснованию методологии предвидения. К наиболее ярким исследователям относятся М. Месарович и Е. Пестель [11; 12]. Результаты, достигнутые в данной области, позволили очертить круг проблем будущего по преодолению неравенства между странами, защите окружающей среды и нейтрализации климатических изменений под воздействием человеческого фактора, выбору альтернативных вариантов развития человеческой цивилизации [13; 14; 15].

Пренебрежение наукой как движущей силой технического прогресса в долгосрочной перспективе приводит к значительному отставанию страны от развитых в экономическом отношении государств. По словам директора Института мировой экономики и международных отношений РАН академика А.А. Дынкина, «глобализация влияет на количественные параметры роста, инновации – на качество и саму парадигму развития... Денежный оборот воз-

обновится только в том случае, если появится продукция нового качества, которая возродит спрос. Именно эти задачи решают инновации» [16, с. 56].

Всё вышесказанное в полной мере касается молочной промышленности России. Исследованию вопросов разработки стратегии ее развития посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых (С.А. Андрианов, И.М. Байназаров, М.Г. Миронов, П. Дракер, Б. Санто, Р. Нельсон). Создана научная база знаний, определяющая особенности стратегического развития в условиях массового и постоянного внедрения инноваций [17; 18]. Вместе с тем недостаточно исследованными остаются вопросы обоснования стратегии развития молочной промышленности на основе внедрения наилучших доступных технологий, позволяющих гарантировать экологическую безопасность продукции [19]. Поэтому целью нашего исследования, результаты которого отражены в настоящей статье, стало обоснование необходимости обеспечения развития отечественной молочной промышленности на базе внедрения наилучших доступных технологий.

Методология и методика. Молочный комплекс России, охватывая технологический цикл от создания молочного сырья до выпуска и реализации молочной продукции, включает молочное скотоводство, кормопроизводство, молочную промышленность, косвенно-обслуживающие и торговые организации. Объектом анализа данной статьи является молочная промышленность как экономическая система, в которую входят социальные, экономические и организационно-управленческие механизмы эффективного функционирования и развития. Предмет анализа – организационно-экономические, социальные процессы и отношения, характеризующие и определяющие обоснование прогнозов и стратегии развития молочной отрасли России. Исследование базируется на фундаментальных методологических и теоретических положениях, нормативно-правовых документах органов государственной власти Российской Федерации. При анализе использован ряд следующих методов и подходов: а) монографический (изучение закономерностей и тенденций развития молочной отрасли); б) аб-

страктно-логический (обобщение концептуально-методологических подходов к обоснованию направлений развития молочной промышленности); в) экономико-статистический (изучение тенденций развития отрасли); г) экспертные оценки (разработка прогнозов развития отрасли); д) сценарное прогнозирование (обоснование сценариев развития) и другие. Применение концептуальных положений данных теорий в качестве исходных при обосновании авторской версии позволило обеспечить ее преимущества и научный вклад, обусловленный интеграцией различных теоретических позиций и взглядов при сохранении целостности научных подходов к избранной научной проблеме.

Результаты исследований молочной промышленности России на современном этапе. В отрасли функционируют около 20 тысяч предприятий, которые производят около 30 млн. т молока и на которых занято свыше 1 млн. человек. Среднее потребление молока и молочной продукции в пересчете на молоко в 2016 году составило 238 кг на одного человека в год при норме потребления – 392 кг.

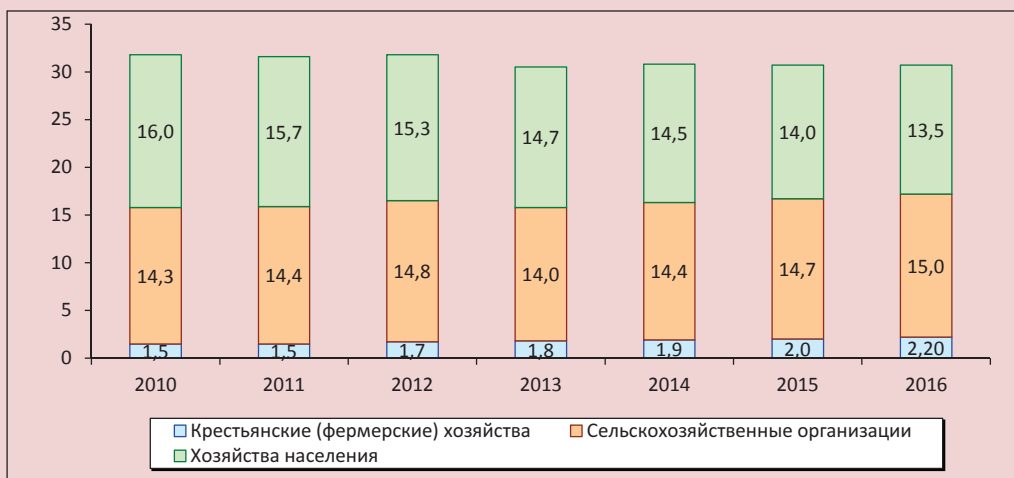
Являясь одним из крупнейших в мире производителей молока, Российская Федерация уступает по эффективности его производства странам с развитой экономикой, имея более низкую долю товарного молока в общем объеме производства – 65,3%. Объемы производства сырого молока в России характеризует *рисунок 1*.

Поголовье коров во всех категориях хозяйств за исследуемый период имеет тенденцию к снижению (8,8 млн. голов в 2010 г. против 8,3 млн. голов в 2016 г.; *рис. 2*), хотя их продуктивность неуклонно растет (*рис. 3*).

Перед молочной промышленностью страны стоит ряд вызовов и проблем. К ним относятся: а) неполное обеспечение предприятий молоко-сырьем (*табл. 1*), вызванное в том числе сокращением поголовья животных³; б) недостаточность государственной поддержки; в) несовершенная ценовая политика и др.

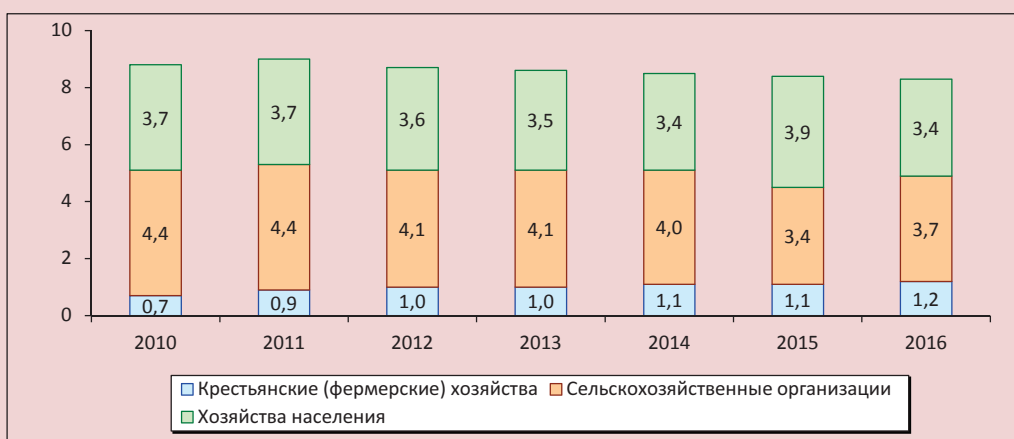
³ Молочная отрасль в условиях эмбарго: перспективы и инвестиционные возможности / Национальный союз производителей молока // Информационное агентство Milk News. 2016, октябрь.

Рис. 1. Объем производства молока в России, млн. тонн

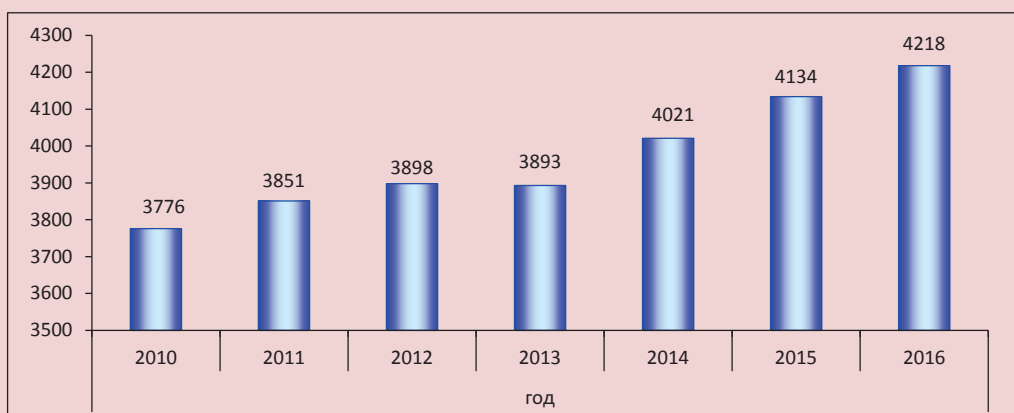
Источник: составлено авторами по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 870 с.

Рис. 2. поголовье коров в сельском хозяйстве России, млн. голов

Источник: составлено авторами по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 870 с.

Рис. 3. Продуктивность коров в сельском хозяйстве России, кг на корову

Источник: составлено авторами по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 870 с.

Таблица 1. Использование производственных мощностей в молокоперерабатывающей отрасли России, в %

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2014 г., в п.п.
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко)	61,1	60,1	59,10	- 2,00
Продукты молочные сгущенные	58,2	58,6	59,76	1,56
Сухое молоко и сухие сливки	42,4	40,3	39,05	- 3,35
Масло сливочное	32,1	33,1	30,94	- 1,16
Сыры и сырные продукты	62,4	60,9	59,06	- 3,34

Источник: составлено авторами по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 870 с.

Таблица 2. Производство основных видов молочной продукции в России, тыс. тонн

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2014 г., в %
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко)	11445,3	11625,7	11854,7	103,6
Молоко жидкое обработанное	5317,4	5377,9	5490,5	103,3
Сливки	115,5	121,1	125,5	108,6
Творог	382,6	413,3	405,1	105,9
Йогурт	776,9	765,5	778,8	100,2
Кефир	1082,8	1067,6	1068,1	98,6
Ряженка	216,2	217,2	221,3	102,3
Сметана	550,3	586,6	567,9	103,1
Сыры и продукты сырные	494,3	581,3	599,7	121,3
Масло сливочное	250,8	258,9	247,4	98,7

Источник: составлено авторами по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 870 с.

Несмотря на это, в 2016 году увеличился выпуск большинства видов молочной продукции, особенно сыров и сырных продуктов, и удельный вес отечественного молока и молокопродуктов в общем объеме их ресурсов (с учетом структуры переходящих запасов) (табл. 2).

Кроме экономических, перед предприятиями молочной промышленности Российской Федерации стоят проблемы технического перевооружения и задачи снижения негативного воздействия на окружающую среду. И они не менее значимы: только ежегодный сброс сточных вод, требующих очистки, составляет в отрасли 25–30 млн. куб. м.

Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей

среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 21.07.2014 № 219-ФЗ, который вступил в силу с 1 января 2015 года, регламентирует переход к системе технологического нормирования отрицательного воздействия на окружающую среду на основе наилучших доступных технологий [23; 24]. Порядок их определения прописан в ряде нормативных правовых актов⁴.

В соответствии с правилами, при отнесении технологических процессов, оборудования, технических способов и методов к НДТ, необходимо учитывать такие показатели, как:

- минимальное негативное воздействие на окружающую среду;
- экономическая эффективность внедрения и эксплуатации;

⁴ О порядке определения технологии в качестве наилучшей доступной технологии, а также разработки, актуализации и опубликования информационно-технических справочников по наилучшим доступным технологиям (утв. постановлением Правительства РФ от 23 декабря 2014 г. № 1458) // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/70829288/#ixzz5TQ7TcVss>; Правила определения технологии в качестве наилучшей доступной технологии, а также разработки, актуализации и опубликования информационно-технических справочников по наилучшим доступным технологиям (утв. постановлением Правительства РФ от 23 декабря 2014 г. № 1458) // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/70829288/#ixzz5TQ7t7e70>;

- применение ресурсо- и энергосберегающих методов;
- период времени для внедрения;
- промышленное освоение технологических процессов, оборудования, технических способов, методов на объектах, негативно влияющих на окружающую среду.

В процессе исследований о наилучших доступных технологиях, применяемых в молочной промышленности, использованы сведения, полученные в результате анкетирования предприятий отрасли, публикации в открытой печати и информация от отраслевых экспертов [25; 26].

Результаты анкетирования⁵ показывают, что крупные предприятия молочной промышленности Российской Федерации активно модернизируют производство, сокращая производственные затраты, связанные с эксплуатацией технологического оборудования. Так, в насто-

ящее время удельные расходы энергоносителей (тепловая и электрическая энергии) сопоставимы с данными европейских производителей молочной продукции [27] (табл. 3).

При производстве молочных продуктов вода является одним из важнейших потребляемых ресурсов. Она необходима для мойки технологического оборудования и производственных помещений, а также при охлаждении продукции. Удельные расходы воды на производство отдельных видов российских продуктов приближены к объемам, потребляемым европейскими производителями молочной продукции (табл. 4).

При анализе данных требуется учитывать коэффициент пересчета, который характеризует удельный расход молока на выработку молочного продукта (так, на производство одного килограмма сыра расходуется 10 литров молока). Потребление воды на одну тонну молока,

Таблица 3. Расход тепловой и электрической энергии на производство молочных продуктов российских и европейских производителей

Продукт	Удельный расход энергоносителей	
	По данным анкетирования отечественных предприятий, на 1 литр переработанного молока	По данным зарубежных источников*, на 1 литр переработанного молока
Электроэнергия, кВт·ч		
Питьевое молоко и кисломолочные продукты	0,02 – 0,24	0,07 – 1,1
Творог	0,14 – 0,39	Нет данных
Сыр	0,13 – 1,1	0,12 – 2,08
Масло	0,12 – 0,57	Нет данных
Сгущенное молоко	0,02	Нет данных
Сухое молоко	0,177 – 0,562	0,18 – 6,47 кВт·ч
Мороженое	0,5	0,75 – 1,6 кВт·ч
Тепловая энергия (пар), кг		
Питьевое молоко и кисломолочные продукты	0,08 – 0,16	Нет данных
Творог	0,08 – 0,66	Нет данных
Сыр	0,02 – 0,035	Нет данных
Масло	0,06 – 0,84	Нет данных
Сгущенное молоко	0,72	Нет данных
Сухое молоко	2,02	Нет данных
Мороженое	Нет данных	Нет данных
*Источник: официальный сайт European Commission. Режим доступа: http://eippcb.jrc.ec.europa.eu/reference/BREF/FDM/FDM_31-01-2017-D1_BW		

⁵ Развитие молочной отрасли до 2020 года. Режим доступа: <http://www.dairynews.ru/images4/BCG/Diagnostics%20Res.pdf>

Таблица 4. Расход воды на производство молочных продуктов российских и европейских производителей

Продукт	Удельный расход воды, литров	
	По данным анкетирования отечественных предприятий, на 1 литр переработанного молока	По данным зарубежных источников*, на 1 литр переработанного молока
Питьевое молоко и кисломолочные продукты	1,32 – 4,5	0,6 – 4,1
Творог	1,46 – 3,0	-
Сыр	2,4 – 3,0	1,2 – 3,8
Масло	1– 2,5	-
Сгущенное молоко	8	-
Сухое молоко	3,9	0,69 – 6,3
Мороженое	6	-

*Источник: официальный сайт European Commission. Режим доступа: http://eippcb.jrc.ec.europa.eu/reference/BREF/FDM/FDM_31-01-2017-D1_BW

находящегося в переработке на молокоперерабатывающих заводах, варьируется от 4,2 до 6 куб. м. Из всей совокупности водопотребления большая часть воды, до 85%, направляется молокозаводами в систему канализации уже после первичного использования.

При выработке одной тонны творога образуется порядка четырех тонн кислой сыворотки. Сточные воды в молочной промышленности, состоящие в основном из остатков молока, сыворотки (один кубический метр сыворотки равноценен 100 куб. м бытовых сточных вод), содержат щелочные и кислотные химические средства, которые использовались для санитарной обработки. Для сточных вод молокозаводов характерна высокая органическая нагрузка, неустойчивое значение рН и температуры, значительное содержание азота и фосфора. Как правило, данные стоки оказываются в городских очистных сооружениях, лишь небольшая доля молочных заводов имеют собственные очистные установки. Нагрузки на очистные сооружения по сточной воде достаточно высоки ввиду существенного количества остаточного молочного жира, белков и «коротких» углеводов, а также используемых для мойки оборудования химических соединений. Но основной проблемой при этом является колебание рН, нарушающее баланс работы биологических компонентов на очистных сооружениях. Во избежание этого на молочных заводах обычно создается участок предварительной обработки сточных вод.

К другому, не менее значимому экологическому вопросу, связанному с производством, относится загрязнение воздушной среды по-

рошком при сушке молочных продуктов. Для очистки отработанного в распылительных сушилках воздуха применяются различные аспирационные устройства, в том числе циклоны. Однако эффективность очистки в них недостаточна и в отводимом воздухе остается часть продукта. Так, при сушке обезжиренного молока на сушилках производительностью один куб. м испаренной влаги в час потери продукта с воздухом могут достигь 23 кг/ч, а отработанный воздух содержит от 40 до 170 мг продукта в 1 куб. м.

Таким образом, очистка сточных вод и воздуха представляется наиболее очевидными и востребованными отраслью направлениями внедрения НДТ.

Анализ и обобщение международного опыта по определению подходов к выбору наилучших доступных технологий для молочной промышленности и подготовке справочника НДТ позволяет сделать вывод, что в европейской практике комплексные (экологические, природоохранные) разрешения являются одним из ключевых инструментов нивелирования негативного воздействия промышленности на окружающую среду. Кроме того, они содействуют соблюдению промышленными предприятиями природоохранных требований и поощряют технологические инновации [28–32]. Следует отметить отсутствие в мировой практике прямого стимулирования перехода к наилучшим доступным технологиям. Затраты на их внедрение частично компенсируются сокращением издержек, связанных с выполнением установленных требований и снижением ответственности за

причинение возможного или реального вреда окружающей среде. При этом значительно возрастает роль таких рыночных стимулов, как ресурсосбережение, повышение конкурентоспособности производства.

Идея перехода к управлению развитием молочной промышленности России, формирующему среду функционирования, вместо «приспособленчества» к существующим обстоятельствам, является, по нашему мнению, ключевой в понимании стратегической цели обновления молокоперерабатывающих предприятий.

Суть выдвинутой нами концепции заключается в формировании направлений развития молочной промышленности, базирующихся на возрастании роли человеческого фактора, активизации инновационной деятельности на основе внедрения наилучших доступных технологий, обеспечивающих продовольственную и экологическую безопасность, позволяющих отрасли наращивать конкурентный потенциал.

Для достижения цели конструктивно использовать ряд идеологических подходов.

1. Целенаправленное совершенствование молочной отрасли в будущем требует понимания современных изменений, происходящих в России и мире в связи с развитием науки и технологий.

2. Основой внедрения НДТ является использование научных достижений, имеющихся в мире и России. При этом необходимо: обеспечить значительную поддержку государством фундаментальных научных исследований; организовать активное и системное взаимодействие образовательных учреждений и предприятий отрасли при подготовке высококвалифицированных кадров; создать мотивы и стимулы для экологической модернизации отечественной молочной промышленности.

3. Эффективным инструментом продвижения наилучших доступных технологий могут стать пилотные проекты, разработка справочника НДТ и технологических показателей.

4. Требуется внесение изменений в порядок сбора и систематизации информации: а) об уровнях эмиссий маркерных веществ; б) о потреблении сырья и энергоресурсов; проведении модернизации основного и природоохранного оборудования, а также об экономических аспектах внедрения наилучших доступных технологий.

5. Основой практического воплощения инновационной стратегии должны послужить энергосберегающие технологии.

6. Необходимо разработать систему эффективного использования ресурсов и создать благоприятный инвестиционный климат для увеличения инвестиций в сферу внедрения наилучших доступных технологий на предприятиях молочной промышленности.

Перечисленные подходы служат базой для разработанной концепции, опирающейся на внедрение наилучших доступных технологий (рис. 4).

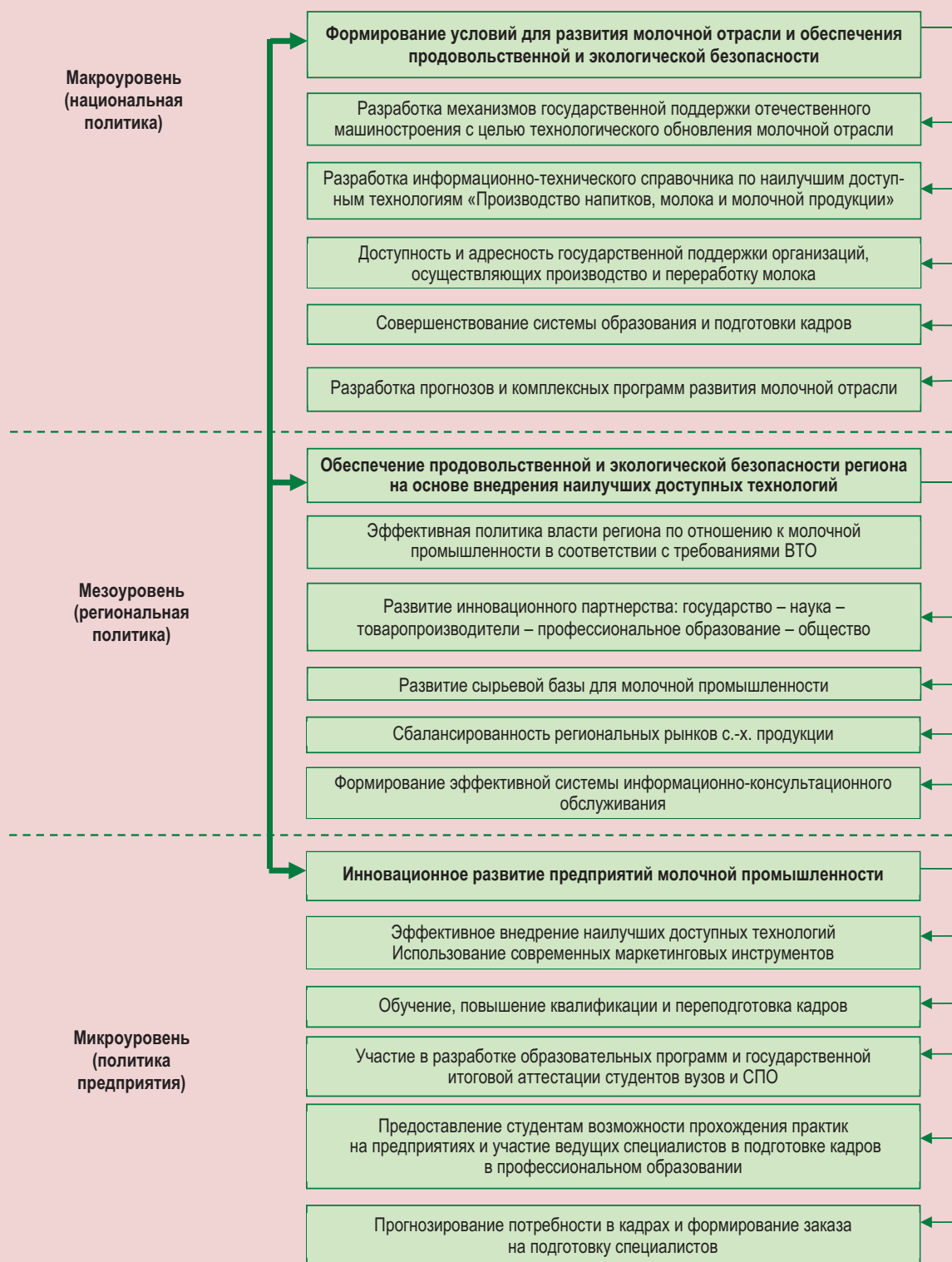
При разработке прогнозных сценариев развития молочной промышленности нами были учтены положения Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172, Прогноза долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г., Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 апреля 2012 г. № 559-р), Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 года № 1662-р), Государственной программы развития сельского хозяйства, регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы (утверждена распоряжением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717) [33–38].

Как установлено по результатам исследования, факторами, которые необходимо учитывать при долгосрочном прогнозировании тенденций развития молочной отрасли, являются:

- интенсивность инновационного обновления производства и динамика производительности труда;
- повышение качества трудовых ресурсов;
- уровень государственной поддержки;
- степень значимости продукции российского производства на внутреннем и внешнем рынках;
- уровень финансовой устойчивости молокоперерабатывающих организаций.

Учитывая перечисленные аспекты и их влияние на развитие молочной промышленности в долгосрочной перспективе, целесообразно

Рис. 4. Концепция развития молочной промышленности на основе внедрения наилучших доступных технологий

Источник: составлено авторами.

определить три сценария ее развития: 1) консервативный, 2) инновационный и 3) целевой (форсированный) (табл. 5).

Консервативный сценарий подразумевает замедленный долгосрочный подъем молочной отрасли, использующей имеющиеся в наличии ресурсы. Существенных изменений в организационно-экономических механизмах государственного регулирования АПК и размерах поддержки из бюджета не произойдет. Продолжится концентрация капитала и производственных мощностей в рамках крупных холдингов и постепенное сворачивание деятельности

мелких и средних независимых производств. Консервативный сценарий не дает конкурентных преимуществ организациям в условиях функционирования в ВТО и не обеспечивает выполнение требований Доктрины продовольственной безопасности РФ [38] и Федерального закона «Об охране окружающей среды». Реализация данного сценария не обеспечивает достижения конкурентоспособности молочной отрасли в долгосрочной перспективе.

Инновационный сценарий характеризуется усилением инвестиционной направленности в сельском хозяйстве. Он базируется на модерни-

Таблица 5. Основные характеристики сценариев развития молочной промышленности России

Сценарии развития	Критерии			
	Динамика развития молочной отрасли	Государственная поддержка	Образовательная деятельность	Инновационная деятельность в молочной отрасли
Консервативный	Не обеспечивается развитие молочной отрасли в долгосрочной перспективе. Использование имеющихся ресурсов. Производство продукции имеет тенденцию к снижению при росте импорта товаров и технологий. Низкий уровень внедрения НДТ.	Государственная политика основана на сохранении льготного режима налогообложения, что противоречит требованиям ВТО.	Сокращение финансирования учреждений высшего образования и развитие системы среднего образования.	Ресурсное обеспечение инновационной деятельности будет осуществляться частными инвесторами, что не позволит обеспечить необходимый объем капитальных вложений и отрицательно повлияет на изменение инфраструктуры АПК. Рост производительности труда в 1,1 раза к 2018 и в 1,5 раза к 2030 году по отношению к уровню 2016 года.
Инновационный	Развитие молочной отрасли с ежегодным приростом до 2–4% при условии сохранения государственного субсидирования. Увеличение доли продукции с использованием НДТ до 35–40% по отношению к 2016 г. Рост инвестиций к 2030 году в 2 раза по отношению к 2016 г. Расширение производства цельномолочной продукции в связи со снижением покупательной способности денежных доходов населения	Государственная поддержка в соответствии с требованиями ВТО. Улучшение инвестиционного климата.	Модернизация профессионального образования с качественным обновлением преподавательского состава. Повышение эффективности использования человеческого капитала.	Усиление инвестиционной и инновационной активности, модернизация основных фондов, технологическое перевооружение предприятий в АПК в соответствии с современными требованиями. Рост производительности труда в 1,2 раза в 2018 году и в 1,8 раза к 2030 г. по отношению к 2016 г. Формирование новых центров инновационного развития.
Целевой (форсированный)	Форсированные темпы роста АПК. Технологическое обновление молочной отрасли. Значительный приток иностранного капитала. Обеспечение требований Доктрины продовольственной безопасности РФ и Федерального закона «Об охране окружающей среды». Повышение конкурентоспособности молочной отрасли. Увеличение доли продукции с использованием НДТ до 75–80%.	Значительная государственная поддержка в соответствии с требованиями ВТО. Улучшение инвестиционного климата	Увеличение расходов на образование в целях улучшения качества подготовки обучающихся в аграрных образовательных организациях. Повышение качества человеческого капитала за счет создания Ресурсного центра в регионе.	Перевод АПК на инновационный путь развития. В молочной промышленности – формирование совместно с образовательными учреждениями научных коллективов и реализация прикладных научных исследований для молочной отрасли.

Источник: составлено авторами.

зации материально-технической базы молочной отрасли на основе внедрения НДТ и предполагает влияние инновационных факторов при одновременном повышении эффективности использования человеческого капитала в 2020–2022 гг. [39]. Сценарий позволит обеспечить продовольственную и экологическую безопасность страны. Он предполагает развитие молочной отрасли с ежегодным темпом роста до 2–4% (при сохранении государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей в ближайшие 10 лет). Повышение конкуренции на внутреннем и мировом рынках даст возможность привлечь в агропромышленный комплекс инвестиции, объем которых возрастет к 2030 году в 2 раза к уровню 2014 года, что способствует укреплению сырьевой базы молочной промышленности.

Осуществление данного сценария повлечет повышение расходов в сфере образования к 2030 году до 6,5% ВВП. Это позволит обеспечить поддержку вузов, готовящих кадры для молочной отрасли. Реформа образования подразумевает и качественное обновление состава преподавателей – неизбежен переход к эффективным контрактам между персоналом и образовательными учреждениями. Данный механизм гарантирует повышение квалификации научно-педагогических кадров благодаря усилению их ответственности за результаты работы.

Инновационный сценарий по сравнению с консервативным имеет ряд преимуществ, которые будут проявляться в повышении качественных параметров развития АПК, особенно в сфере эффективности использования человеческого капитала, уже в среднесрочной перспективе.

Целевой (форсированный) сценарий создан на платформе инновационного сценария. Его преимущества – ускоренные темпы роста производства и инвестиций. Сценарием предусматривается полномасштабная реализация всех задач, поставленных в указах⁶ Прези-

⁶ О долгосрочной государственной экономической политике: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 // Система ГАРАНТ. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70170954/#ixzz5RueCMAc4>; О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Система ГАРАНТ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

дента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 и 204. Ожидается, что доля продукции, произведенной на основе внедрения наилучших доступных технологий с использованием ресурсосберегающих технологий, достигнет в отрасли 75–80%.

Сценарий предполагает увеличение расходов на профобразование до 8% ВВП к 2030 году, что позволит осуществить изменения в отрасли, обеспечить внедрение современной системы образования и достижение по основным показателям средних значений для стран ОЭСР⁷. В сфере образования прогнозируются увеличение уровня оплаты труда преподавателей посредством перехода к системе эффективного контракта, к профильному обучению старшекласников, позволяющему создать условия для углубленного изучения отдельных предметов, определяющих выбор будущей профессии; поддержка вузов, осуществляющих подготовку кадров для отрасли; модернизация материально-технической базы сферы образования. Реализация прикладных научных исследований, направленных на применение новых знаний для достижения практических целей и решения задач для молочной промышленности, с привлечением бюджетных средств путем софинансирования работ по проекту и создания научных коллективов совместно с высшими учебными заведениями соответствующего профиля.

Выводы. Проведенное нами исследование наглядно показывает, что в настоящее время в России необходимо разработать действенный механизм реализации избранных приоритетов в рамках создания национальной инновационной системы. Этот механизм должен включать: а) разработку, периодическую корректировку долгосрочных прогнозов социально-экономического развития молочной промышленности с учетом мировых тенденций; б) выбор приоритетов развития; в) разработку региональных стратегических планов и целевых программ, реализующих выбранные приоритеты на основе инновационного партнерства предпринимательского сектора, государства, творческих личностей и общества.

⁷ Россия и страны мира. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 96.

Результаты проведенного исследования будут способствовать:

1. Принятию обоснованных управленческих решений с использованием комплексных прогнозных показателей развития молочной промышленности на основе использования наилучших доступных технологий на средне- и долгосрочную перспективу.

2. Повышению качества информационной базы анализа, прогнозирования и мониторинга результативности развития молочной промышленности как экономической системы.

3. Формированию научно обоснованных прогнозов параметров результативности раз-

вития молочной промышленности на средне- и долгосрочную перспективу.

Результаты исследования можно рекомендовать законодательным и исполнительным органам государственной власти для разработки нормативно-правовой базы государственной политики по развитию молочной отрасли согласно избранным приоритетам. Отдельные теоретические и практические рекомендации могут быть полезны в образовательном процессе в вузах, а также руководителям и специалистам молочной отрасли, которые занимаются вопросами развития молочной отрасли на основе использования НДТ.

Литература

1. Медведева Н.А. Прогнозирование развития сельского хозяйства Европейского Севера России. Вологда–Молочное: ИЦ ВГМХА, 2017. 181 с.
2. Мир нашего завтра: антология современной классической прогнозистики / под ред. И.В. Бестужева-Лады. М.: Эксмо, 2003. 214 с.
3. Кузык Б. Н., Яковец Ю.В. Россия-2050: стратегия инновационного прорыва. М.: Экономика, 2005. 624 с.
4. Анчишкин А.И. Прогнозирование темпов и факторов экономического роста. М.: МАКСПресс, 2003. 300 с.
5. Гулин К.А., Ермолов А.П. Стратегические подходы к развитию научно-технического потенциала территории // Проблемы развития территорий. 2016 № 1 (81). С. 7-14.
6. Повышение эффективности производства молока на основе совершенствования региональной системы кормопроизводства / К.А. Задумкин, А.Н. Анищенко, В.В. Вахрушева, Н.Ю. Коновалова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 170-191. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.11
7. Ускова Т.В., Сычев М.Ф., Чекавинский А.Н. Мониторинг функционирования агропромышленного комплекса Вологодской области: заключительный отчет о НИР. Вологда, 2010. 83 с.
8. Медведева Н.А. Системный подход к прогнозированию сельского хозяйства региона: механизмы и инструменты // Молочнохозяйственный вестник. 2016. № 3 (23). С. 100-111.
9. Кондратьев Н., Яковец Ю., Абалкин Л. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения М.: Экономика, 2002. 764 с.
10. Национальная безопасность России: внутренние угрозы реализации стратегии / В.А. Ильин, А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова и др. Вологда, 2015. 218 с.
11. Месарович М., Такаха Я. Общая теория систем: математические основы / под ред. В. С. Емельянова. М.: Мир, 1978.
12. Медведева Н.А. Сценарии развития сельского хозяйства региона // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия Экономика. 2014. № 3 (35). С. 60-65.
13. Mansfield E. *Microeconomics. Theory and Applications*. New York; London, 1979. Pp. 499-501.
14. Nakatani T. Price competition and technical choice. *Kobe University Economic Review*, 1979, no. 25, pp. 68-69.
15. Nelson R. Production sets, technological knowledge, and research and development: fragile and overworked constructions for analysis of productivity growth? *The American Economic Review, Papers and Proceeding*, 1982, vol. 70, no. 2, pp. 62-67.
16. Дынкин А.А. Мировой кризис – импульс для развития инноваций // Проблемы теории и практики управления. 2009. № 4. С. 8-15.

17. Система развития молочного скотоводства на основе современных технологий производства молока с учетом кормопроизводства, кормления и разведения крупного рогатого скота в условиях Европейского Севера Российской Федерации / А.В. Маклахов, Е.А. Тяпугин, Н.И. Абрамова и др. Вологда-Молочное, 2017. 160 с.
18. От земли до молока: практическое пособие / А.В. Маклахов, Г.А. Симонов, Е.А. Тяпугин и др. Вологда—Молочное, 2016. 136 с.
19. Организация и эффективность деятельности молочного кластера Вологодской области / А.А. Кузин, А.А. Лагун и др. // Молочнохозяйственный вестник. 2016. № 2(22). С. 117-127. Режим доступа: <http://molochnoe.ru/journal>
20. Дымар О.В. Энерго- и ресурсосбережение на предприятиях молочной промышленности // Материалы международного научно-практического семинара «Инновационные технологии и оборудование для молочной промышленности», 19.02.2011. Режим доступа: <http://www.dairynews.ru/upload/iblock/05e/2016%2002%2019.pdf>
21. Canut A., Pascual A. Pollution prevention in food industries through both cleaning of closed equipment with ozonated water and cleaning in place (CIP) systems WATER POLLUTION IX. In *WIT Transactions on Ecology and the Environment*. 2008. Vol. 111. Pp. 615-625.
22. Evrard D., Laforest V., Villot J., Gaucher R. Best Available Techniques as a sustainability tool in manufacturing: case study in the dairy sector. 23rd CIRP Conference on Life Cycle Engineering. *Procedia CIRP*, 2016, no. 48, pp. 520-525.
23. О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 219-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
24. Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II и IV категорий: Постановление Правительства РФ от 28 сентября 2015 г. № 1029 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
25. Агаркова Е.Ю., Кручинин А.Г., Рязанцева К.А. Оптимизация состава эмульсионных пастообразных продуктов // Молочная промышленность. 2016. № 8. С. 42-44.
26. О выборе оборудования для сушки молока и сыворотки / П.В. Кузнецов и др. // Молочная промышленность. 2015. №3. С. 34-37.
27. Официальный сайт European Commission. Режим доступа: http://eippcb.jrc.ec.europa.eu/reference/BREF/FDM/FDM_31-01-2017-D1_BW
28. Вестергаард В. Технология производства сухого молока. Выпаривание и распылительная сушка. Niro A/S, Копенгаген, Дания. Режим доступа: http://www.intent93.ru/useruploads/files/Samples/Niro_Z010_2004.pdf
29. Daddi T., De Giacomo M.R., Dils E., Polders C., Lepe G.R., Vázquez Calvo V. Transferring the Integrated Pollution Prevention and Control (IPPC) Approach and Best Available Techniques (BAT) Concepts to Egypt, Tunisia and Morocco. *Sustainability*, 2013, vol. 5, no. 7, pp. 2944-2959.
30. Midzic-Kurtagic S., Silajdzic I., Kupusovic T. Mapping of environmental and technological performance of food and beverage sector in Bosnia and Herzegovina. *Journal of Cleaner Production*, 2010, vol. 18, no. 15, pp. 1535-1544.
31. Torres Lopez E.R., Doval Leira R., Galera Martinez M., Bello Bugallo P.M. Integrated environmental permit through Best Available Techniques: Evaluation of the dairy industry. *Journal of Cleaner Production*, 2017, vol. 162, pp. 512-528.
32. *Reference Document on Best Available Techniques in the Food, Drink and Milk Industries, January 2017*. 1022 p.
33. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
34. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/
35. Об утверждении Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17.04.2012 № 559-р (ред. от 13.01.2017). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128940/

36. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) (вместе с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/
37. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 (ред. от 06.09.2018). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133795/
38. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
39. Лачуга Ю.Ф. Научно-методическое обеспечение развития фундаментальных и поисковых научных исследований в области сельского хозяйства АПК // Экономика, управление. 2015. № 2. С. 3-11.

Сведения об авторах

Андрей Алексеевич Кузин – кандидат технических наук, доцент, проректор по научной работе, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина (160555, Российская Федерация, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; e-mail: pronich@molochnoe.ru)

Наталья Александровна Медведева – доктор экономических наук, доцент, проректор по учебной работе, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина (160555, Российская Федерация, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; e-mail: named35@mail.ru)

Константин Алексеевич Задумкин – кандидат экономических наук, директор, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, Российская Федерация, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, д. 14; e-mail: zkoo@mail.ru, sznii@list.ru)

Вера Викторовна Вахрушева – кандидат сельскохозяйственных наук, ученый секретарь, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, Российская Федерация, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, д. 14; e-mail: vvesnina@mail.ru)

Kuzin A.A., Medvedeva N.A., Zadumkin K.A., Vakhrusheva V.V.

Development Scenarios for Russia's Dairy Industry

Abstract. Innovative modernization of Russia's dairy industry is a key factor in ensuring the country's food and environmental security in the context of increasing export orientation. The goal of our research is to substantiate the concept for development of the dairy industry in Russia and to develop forecast scenarios for its functioning based on the introduction of the best available technologies. The paper reveals specific features of functioning of the industry and the contradictions they cause. We conclude that effective development of the industry is possible only under balanced state policy that takes into account international experience and the challenges that the industry has to deal with. We analyze the use of the best available technologies in the dairy industry in Russia and propose a model for development of the concept of the dairy industry on the basis of the best available technologies. Our scenarios for development of Russia's dairy industry are of practical interest, as well as our conclusion that the state policy for the development of this industry should be based on an innovative scenario involving its system modernization, which will help ensure food and environmental security of the country and promote dairy

products exports. We note that the development and implementation of the best available technologies at enterprises of the dairy industry with the use of foreign experience and tools of state regulation can serve as a response to the system-wide and rapid transformations that are taking place in the industry at the present time. The material of the paper can be used in the educational process in universities; it is relevant for managers and specialists of the dairy industry and for scientists involved in its development through the use of the best available technologies.

Key words: dairy industry, best available technologies, state policy.

Information about the Authors

Andrei A. Kuzin – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Vice-Rector for Science, Vologda State Dairy Farming Academy Named After N.V. Vereshchagin (2, Shmidt Street, Molochnoe Rural Settlement, Vologda, 160555, Russian Federation; e-mail: pronich@molochnoe.ru)

Natal'ya A. Medvedeva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Vice-Rector for Education, Vologda State Dairy Farming Academy Named After N.V. Vereshchagin (2, Shmidt Street, Molochnoe Rural Settlement, Vologda, 160555, Russian Federation; e-mail: named35@mail.ru)

Konstantin A. Zadumkin – Candidate of Sciences (Economics), Director, Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute – Detached Unit of Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (14, Lenin Street, Molochnoye Rural Settlement, Vologda, 160555, Russian Federation; e-mail: zkoo@mail.ru)

Vera V. Vakhrusheva – Candidate of Sciences (Agriculture), Academic Secretary, Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute – Detached Unit of Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (14, Lenin Street, Molochnoye Rural Settlement, Vologda, 160555, Russian Federation; e-mail: vvesnina@mail.ru)

Статья поступила 15.10.2018.

DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.6

УДК 338.436, ББК 40.1

© Чередниченко О.А., Довготько Н.А., Яшалова Н.Н.

Устойчивое развитие агропродовольственного сектора: российские приоритеты и направления адаптации Повестки дня—2030

**Ольга Александровна
ЧЕРЕДНИЧЕНКО**

Ставропольский государственный аграрный университет
Ставрополь, Российская Федерация, 355017, Зоотехнический пер., 12
E-mail: chered72@mail.ru

**Наталья Анатольевна
ДОВГОТЬКО**

Ставропольский государственный аграрный университет
Ставрополь, Российская Федерация, 355017, Зоотехнический пер., 12
E-mail: ndovgotko@yandex.ru

**Наталья Николаевна
ЯШАЛОВА**

Череповецкий государственный университет
Череповец, Вологодская область, Российская Федерация, 162600,
Советский пр., 10
E-mail: natalij2005@mail.ru

Для цитирования: Чередниченко О.А., Довготько Н.А., Яшалова Н.Н. Устойчивое развитие агропродовольственного сектора: российские приоритеты и направления адаптации Повестки дня—2030 // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 89-108. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.6

For citation: Cherednichenko O.A., Dovgot'ko N.A., Yashalova N.N. Sustainable development of the agri-food sector: Russia's priorities and directions to adapt Agenda 2030 to Russian conditions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 89-108. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.6

Аннотация. На конференции Организации Объединенных Наций в 2015 г. была принята Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г., содержащая 17 глобальных целей, приоритетных для жителей любого государства. Научная значимость решения проблемы устойчивого развития состоит в актуальной для большинства стран задаче адаптации Целей в области устойчивого развития (ЦУР) к национальным условиям и формировании механизма их достижения в различных секторах экономики. Поскольку центральное место в Повестке дня отведено проблемам обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития сельского хозяйства, авторами выявлены возможности применения принятой системы ЦУР для дальнейшего устойчивого развития российского агропродовольственного сектора. Основная научная идея и цель представленной статьи заключаются в определении национальных приоритетов в области устойчивого развития на основе содержательного анализа современного состояния агропродовольственного комплекса и поиске возможных направлений адаптации Глобальной Повестки дня—2030 для последующего совершенствования действующих стратегий и программ развития АПК с учетом концепции ЦУР ООН. Применение в работе системного подхода и методов статистического анализа позволило выявить и конкретизировать актуальные для российского агропродовольственного сектора социально-экономические и экологические проблемы и на основе методологии ООН осуществить их систематизацию. Авторы полагают, что предложенное группирование проблем агропродовольственного сектора и выявленная их взаимосвязь с ЦУР ООН могут послужить основой для конструирования концепции его устойчивого развития. В работе показано, что для адаптации Повестки дня—2030 потребуются углубленный анализ действующих стратегий и программ развития агропродовольственного сектора на основе сравнения определенных в них целей, задач и индикаторов с глобальными ЦУР, выявления их несоответствия и возможностей изменения.

Ключевые слова: устойчивое развитие, национальная экономика, агропродовольственный сектор, Цели устойчивого развития ООН, российские приоритеты, индикаторы, адаптация.

Введение. В последние годы в мировой науке в качестве базовой модели до 2030 г. принято устойчивое развитие и экономика с явными социальными и экологическими приоритетами. Важной чертой новой модели экономики («зеленой» экономики) должны стать эколого-экономическая трансформация и обеспечение социального благополучия каждого человека в обществе [1].

Термин «устойчивое развитие» был введен Международной комиссией Организации Объединенных Наций (ООН) по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» в 1987 году для характеристики развития, при котором удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

Основой научного подхода к проблеме устойчивого развития являются решения конференций ООН, связанные с принятием целей устойчивого развития (ЦУР). Генеральная Ассамблея ООН в 2015 г. приняла резолюцию A/RES/70/1, в которой содержится документ

«Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [2] (далее – Повестка). В данном документе содержатся конкретные направления формирования новой экономики, ориентированной не только на экономический рост, но и на обеспечение социального благополучия человека в обществе, а также сокращение рисков для окружающей природной среды [3]. Мировые лидеры пришли к соглашению по 17 ЦУР и задачам, а также средствам для их реализации [2].

Вопросы, связанные с достижением целей устойчивого развития в сельском хозяйстве, затронуты в работах ученых всего мира. Особое внимание в них уделяется отдельным целям и мероприятиям, направленным на достижение устойчивого развития, как правило, в конкретном государстве. В частности, в работе М. Каддира с соавторами подробно рассматривается шестая цель устойчивого развития, связанная с обеспечением чистой водой жителей стран, испытывающих дефицит пресных водных источников [4].

Устойчивому развитию сельских районов Пакистана посвящена статья И. Падды и А. Ха-мида [5], в которой исследователи акцентируют внимание на первой и, по их мнению, главной ЦУР, направленной на ликвидацию нищеты. На основании представленной в работе оценки разных уровней депривации и бедности сельского населения Пакистана ученые обосновывают необходимость дополнительного финансирования государством мероприятий по социальному обеспечению, образованию, санитарии, водоснабжению и развитию сельского хозяйства в этой стране. Седьмую цель устойчивого развития (доступная и чистая энергия) подробно изучают ученые под руководством М. Кураты [6]. Исследователи пришли к выводу, что возобновляемые источники энергии (ВИЭ), применяемые в домохозяйствах в сельской местности без централизованного электроснабжения в Бангладеш, признаны стать перспективными технологиями для смягчения энергетического дефицита в этих районах. О важности развития ВИЭ заявляют в своей статье Ю. Террапон-Пфафф и др. [7], в которой взаимосвязь между водными, энергетическими и продовольственными ресурсами авторы признают в качестве концептуальной основы для эффективного достижения ЦУР.

Общеорганизационные моменты по достижению глобальных целей устойчивого развития проанализированы К. Алленом, Г. Меттернихтом, Т. Видманом [8], в публикации которых подчеркивается необходимость принятия научно обоснованных подходов к достижению ЦУР. Авторами статьи рекомендуется проводить систематические мониторинги национального прогресса для того, чтобы научное сообщество своевременно реагировало на вызовы времени.

Вопросы достижения устойчивого развития, в частности в сельском хозяйстве, нашли отражение в трудах отечественных ученых: Ю.А. Акимовой [9], О.Ю. Анциферовой и А.Г. Стрельниковой [10], Е.Ф. Муздина [11], В.М. Белоусова [12], А.В. Соболева и Н.И. Раимжановой [13], Е.В. Серовой [14], Н.И. Шагайды [15] и др. Основной акцент в исследованиях ученые делают на обеспечении продовольственной безопасности, повышении уровня жизни сельского населения, обеспечении их питьевой водой и др., что в целом совпадает с семнадцатью целями в

области устойчивого развития ООН на период до 2030 года.

Отметим, что одно из центральных мест в ЦУР занимает вторая цель (ЦУР 2), связанная с проблемами ликвидации голода, нищеты, обеспечения устойчивого характера развития сельского хозяйства, обеспечения продовольственной безопасности и питания, устойчивого управления природными ресурсами, развитием сельских территорий и агропродовольственного сектора. По прогнозам, к 2050 г. в мире будет проживать порядка 9 млн. чел., в связи с чем спрос на продовольствие возрастет. По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), для того чтобы обеспечить население мира адекватным продовольствием, необходимо увеличить его производство на 60%. При условии ведения сельского хозяйства теми же способами и средствами дополнительно понадобится 40% воды и энергии. Однако, с учетом ограниченности основных природных ресурсов и происходящих климатических изменений в планетарном масштабе, такой рост производства продовольствия малоочевиден.

В настоящее время Российская Федерация, как и другие страны мира, стоит перед глобальным экологическим вызовом, а обеспечение экономического роста в ее территориях и секторах экономики непосредственно влияет на качество окружающей среды. Так, на заседании Государственного совета по проблемам эколого-экономического развития России было показано, что по ряду направлений антропогенная нагрузка на экосистемы достигла критических значений и ежегодный ущерб составляет около 6% валового внутреннего продукта, а с учетом кумулятивного эффекта загрязнений и последствий для здоровья человека – до 15% в год [16]. Актуальность и важность обеспечения экологически устойчивого развития России в целом и различных секторов ее экономики является одной из долгосрочных и приоритетных задач развития страны. Немаловажное значение это имеет и для агропродовольственного сектора государства. Так, в **Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года** [17] отмечается, что одновременно с достаточно динамичным ростом агропромышленного комплекса ухудша-

ются экологические характеристики сельских территорий, уровень и качество жизни сельского населения в целом существенно отстает от уровня жизни в городах, сужается доступ населения к услугам организаций социальной сферы, углубляется информационный и инновационный разрыв между городской и сельской местностью, что ведет к росту миграционного оттока сельского населения и к утрате освоенности сельских территорий.

В связи с этим вопросы роста благосостояния и уровня занятости, борьба с бедностью, определение направлений и путей развития экономики и социальной сферы становятся приоритетными для научных и прикладных исследований во всем мире, включая Российскую Федерацию. Очевидно, что назрела острая необходимость корректной адаптации ЦУР применительно к российским социально-экономическим системам и отраслям народного хозяйства. В настоящее время на национальном уровне уже ведется работа по анализу взаимосвязи и субстантивного отражения ЦУР в соответствующих ключевых документах, определяющих развитие страны в различных областях социально-экономического и экологического развития на период до 2030 г. Наиболее значимым результатом в этой области являются ежегодные исследования, выполняемые Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации, – Доклады о человеческом развитии в Российской Федерации за конкретный год, в котором исследователи максимально адаптируют основные приоритеты ЦУР ООН на 2015–2030 гг. к российским реалиям и перспективам. В частности, авторы доклада за 2016 год – С.Н. Бобылев и Л.М. Григорьев сделали попытку интерпретировать и использовать методологию ООН для российских условий, указав на то, что в стране при достаточном количестве данных и индикаторов, отражающих динамику развития социально-экономических составляющих устойчивого развития, до последнего времени ощущается дефицит статистических данных и индикаторов по экологизации экономики [18].

Очевидно, что подобные исследования требуются и для отдельно взятых отраслей народного хозяйства, включая агропродовольственный сектор. Обращение к проблемам и пер-

спективам **его устойчивого развития обусловлено тем обстоятельством, что он является ведущим системообразующим сектором экономики страны, обеспечивающим её продовольственную и экономическую безопасность.** Таким образом, цель данной статьи – поиск национальных приоритетов и ориентиров устойчивого развития агропродовольственного сектора экономики, а также выявление возможных направлений адаптации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. к российским условиям для последующего совершенствования действующих стратегий и программ развития АПК.

Принципиальная новизна авторского взгляда на проблему заключается в системном исследовании и разработке научных основ для конструирования концепции устойчивого развития российского агропродовольственного сектора экономики с учетом принятой Повестки дня, а также в обосновании необходимости создания национальной системы индикаторов для осуществления мониторинга и оценки прогресса в развитии исследуемого сектора экономики.

Методика исследования и обоснование ее выбора. Как указывалось ранее, для достижения ЦУР в целом потребуются их достижение в отдельных секторах. Исходя из этого авторами статьи предпринята попытка рассмотреть цели устойчивого развития применительно к российскому агропродовольственному сектору на основе анализа ключевых и взаимосвязанных проблем, характерных для аграрной сферы, а также систематизировать их в соответствии с ЦУР.

Следует напомнить, что принятые в 2015 г. мировым сообществом Цели устойчивого развития (*Sustainable Development Goals*) на период до 2030 г. стали в некотором сравнении преемником Целей развития тысячелетия (ЦРТ), расширяя и углубляя их. Помимо цели искоренения нищеты и голода, что являлось главной задачей ЦРТ, Повестка дня до 2030 г. делает акцент на устойчивом развитии и включает действия, оказывающие влияние на окружающую среду, социальную сферу и экономику [19]. Для построения системы ЦУР был сохранен иерархический структурный подход «цели – задачи – индикаторы», использованный в ЦРТ.

Действующая Повестка универсально применима как к развитым, так и развивающимся странам, реализует принципы устойчивости, соответствует международному праву, учитывает национальные особенности, возможности и приоритеты, включает приоритеты и цели, которые выработало мировое сообщество. В документе предложено 17 целей устойчивого развития, для реализации которых разработано 169 задач и более 240 индикаторов. Предложенная система ЦУР достаточно сбалансирована: в ней достигнут определенный баланс между экономическими, социальными и экологическими целями. Многие цели сочетают по несколько компонентов устойчивости [20]. В свою очередь, каждая из семнадцати ЦУР содержит ряд показателей, которые должны быть достигнуты к 2030 г.

На современном этапе измерение устойчивого развития является достаточно сложной проблемой, поскольку необходимо учитывать все его аспекты. При всей своей многогранности устойчивое развитие является динамичным понятием, при котором экономические, социальные и экологические явления развиваются различными темпами [21]. В мировой практике сложились два основных подхода к оценке устойчивого развития: построение системы индикаторов и агрегирование интегрального индикатора – индекса [22]. Первый из них предусматривает построение системы показателей: экологических, экономических, социальных [23]. Примерами реализации этого подхода являются системы индикаторов ООН, Европейского союза, Всемирного банка и др.

Второй подход предусматривает расчет интегрального индекса, позволяющего получить комплексную оценку устойчивости социально-экономического развития. Интегральный индекс определяется как средняя геометрическая из трех групповых индексов экономической, социальной и экологической устойчивости. Показатели приводятся к сопоставимому виду путем сравнения с эталонным значением или с наилучшим показателем по выборке рассматриваемых территорий [24].

Безусловно, для измерения прогресса в достижении устойчивости развития на национальном уровне требуется адаптация целей и задач Повестки, а также разработка российской системы индикаторов. В этих целях на офи-

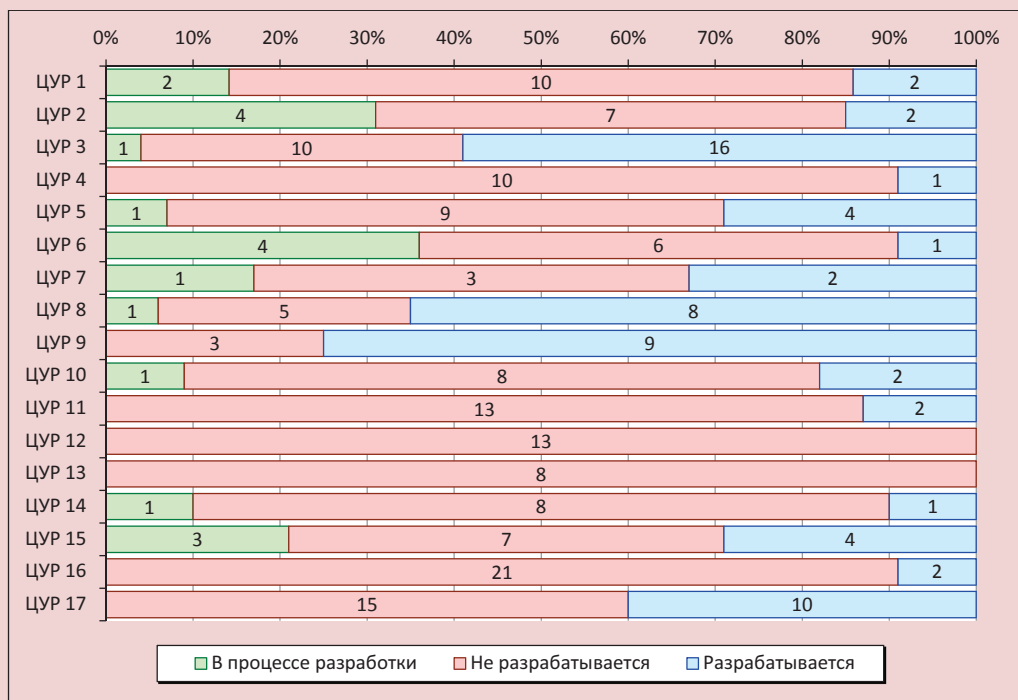
циальном сайте Федеральной службы государственной статистики создан специальный раздел «Цели устойчивого развития», в котором систематизирована информация по вопросам статистического учета и мониторинга показателей ЦУР [25]. Несмотря на то что в настоящее время ресурс находится в разработке, он уже применяется в качестве национальной тематической платформы отчетности по устойчивому развитию. Следует отметить, что для разработки национальной системы ЦУР Росстатом была сохранена формулировка целей и задач Повестки дня, предложенной ООН, но при этом существенные изменения, как качественные, так и количественные, претерпела система индикаторов. В частности, большая часть из 244 предложенных глобальных индикаторов – 156 (или 64%) в нашей стране не разрабатываются, так как они не характерны для Российской Федерации и не имеют разработанной и согласованной на международном уровне методологии. В процессе разработки находятся 19 индикаторов (7%), по ним в настоящее время разрабатывается методология и определяется круг ведомств, ответственных за предоставление данных. В предложенной ООН формулировке отражаются всего лишь 69 (28%) показателей, и все они включены в федеральный план статистических работ.

Наглядно ЦУР и статус разработки индикаторов ООН в Российской Федерации представлены на *рис. 1*.

Таким образом, из предложенной ООН Повестки в первоначальном виде принято к разработке лишь 69 показателей. Остальные формируются с учетом национальных приоритетов и доступности статистической отчетности. На данном этапе на сайте Росстата предлагается к обсуждению национальная система индикаторов в рамках ЦУР, а в работе по формированию статистической информации по этим показателям принимают участие более 30 федеральных органов исполнительной власти.

Результаты исследования и их анализ. В целях поиска национальных приоритетов и ориентиров устойчивого развития агропродовольственного сектора экономики России охарактеризуем его социально-экономические и экологические проблемы на основе официальных статистических данных и эмпирических фактов (*табл. 1*).

Рис. 1. Цели устойчивого развития и статус разработки индикаторов ООН

Источник: составлено по [25].

Таблица 1. Динамика показателей, характеризующих состояние и развитие сельского хозяйства и сельских территорий в 2000–2016 гг.

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Отклонение (+; -) 2016 к 2000
Макроэкономические и отраслевые экономические показатели										
Доля валовой добавленной стоимости сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства в общем объеме ВДС в основных ценах, %	н/д	4,7	3,6	3,8	3,5	3,6	3,9	4,3	4,5	-
Продукция сельского хозяйства во всех категориях хозяйств (в фактически действовавших ценах), млрд. руб., в том числе:	742,4	1380,9	2587,8	3261,7	3339,2	3687,1	4319,1	5164,9	5505,7	4763,3
растениеводство	394,7	669,8	1191,5	1703,5	1636,4	1918,8	2222,5	2791,4	3035,8	2641,1
животноводство	347,7	711,1	1396,3	1558,2	1702,8	1768,3	2096,6	2373,5	2469,9	2122,2
Индекс роста цен	1	1,90	3,11	3,30	3,52	3,75	4,18	4,72	4,98	-
Продукция сельского хозяйства во всех категориях хозяйств (в сопоставимых ценах с учетом инфляции), млрд. руб., в том числе:	742,4	726,8	832,1	988,4	948,6	983,2	1033,3	1094,3	1105,6	363,2
растениеводство	394,7	352,5	383,1	516,2	464,9	511,7	531,7	591,4	609,6	214,9
животноводство	347,7	374,3	449,0	472,2	483,7	471,5	501,6	502,9	496,0	148,3
Динамика инвестиций в основной капитал по ВЭД «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» (в фактически действовавших ценах), млрд. руб.	34,8	142,3	303,8	446,9	476,4	516,6	510,3	505,8	605,8	571,0

Окончание таблицы 1

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Отклонение (+; -) 2016 к 2000
Динамика инвестиций в основной капитал по ВЭД «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» (в сопоставимых ценах с учетом инфляции), млрд. руб.	34,8	74,9	97,7	135,4	135,3	137,8	122,1	107,2	121,7	86,9
Степень износа основных фондов по ВЭД «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство», %	н/д	н/д	38,1	37,3	38,2	38,8	39,7	40,7	41,1	-
Энергообеспеченность сельскохозяйственных организаций (энергетические мощности в расчете на 100 га посевной площади), л.с.	329	270	227	212	211	201	201	197	200	-129
Эколого-экономические показатели										
Внесение минеральных удобрений на один гектар под посевы в сельскохозяйственных организациях, кг	19	25	38	39	38	38	40	42	49	30,0
Внесение органических удобрений на один гектар под посевы в сельскохозяйственных организациях, т	0,9	0,9	1,1	1,0	1,1	1,1	1,3	1,3	1,4	0,5
Доля сельскохозяйственных угодий, обработанных пестицидами, в общей площади сельхозугодий, %	14,8	20,5	26,7	31,6	33,3	35,4	36,1	36,8	39,2	24,4
Забор воды из природных водных объектов для использования по ВЭД «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство», млн. м ³	21060	16084,7	14858,9	13996,6	15183,0	14639,8	14858,9	13996,6	13785,1	-7274,9
Потери воды при транспортировке по ВЭД «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство», млн. м ³	690,0	605,4	480,9	612,4	523,9	498,3	573,6	549,9	561,3	-128,7
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты по ВЭД «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство», млн. м ³	1408	1035,5	842,1	891,6	853,2	819,4	783,0	771,9	816,8	-591,2
Социально-экономические показатели										
Доля сельского населения, %	26,9	26,9	26,2	26,0	25,8	26,0	25,9	26,0	25,9	-1,0
Общий прирост (убыль) сельского населения за год, %	-0,6	-0,52	-0,87	-0,35	-0,23	-0,30	н/д	-0,26	-0,30	0,3
Доля занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве, %	13,9	11,2	9,8	9,7	9,5	9,4	9,2	9,2	н/д	-
Уровень безработицы сельского населения, %	11,2	11,4	11,1	10,0	9,0	8,7	8,2	8,4	н/д	-
Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников сельского хозяйства к среднероссийскому уровню, %	44,3	42,6	50,9	53,3	53,1	52,8	54,5	58,0	59,3	15,0
Доля малоимущего населения, проживающего в сельских поселениях, %	32,6	37,6	39,1	37,7	39,1	39,5	37,1	36,1	36,0	3,4
Доля крайне бедного населения, проживающего в сельских поселениях, %	н/д	н/д	н/д	50,8	44,9	47,1	45,4	45,7	48,6	-
Средний возраст сельского населения, лет	37,3	38,1	38,7	38,8	39,0	39,1	39,2	39,4	39,5	2,2
Естественный прирост (убыль) численности сельского населения, на 1 тыс. чел.	-7,3	-7,6	-2,1	-1,1	-0,1	-0,02	-0,1	-1,6	-2,0	5,3
Доля сельского населения старше трудоспособного возраста, %	22,7	21,4	22,2	22,6	23,1	23,7	24,3	24,6	24,9	2,2
Источник: составлено по [25, 26, 27, 28, 31].										

Как видно из данных таблицы, за период с 2000 по 2016 г. на долю агропродовольственного сектора Российской Федерации приходилось от 3,5 до 4,7% объема ВВП (в 2016 г. – 4,5%). Действительно, в последние годы отечественный АПК демонстрировал достаточно высокие темпы экономического роста: в 2015 г. – 3%, в 2016 году – 4,8%. Объем продукции сельского хозяйства в 2016 г. достигал 5,5 трлн. руб., в том числе продукции растениеводства – 3 трлн. руб., животноводства - 2,5 трлн. руб.

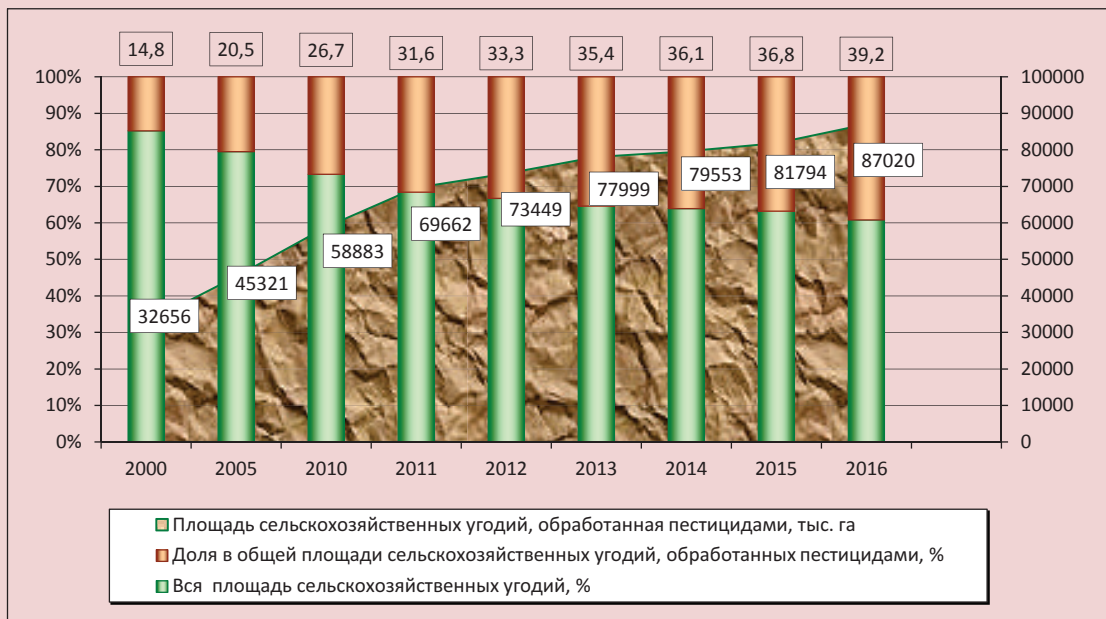
Однако, как показывает практика, усиленная интенсификация аграрного производства приводит к серьезным негативным последствиям для окружающей среды. В частности, до сих пор остается нерешенной проблема безопасного применения химических средств защиты растений. Данные *рисунка 2* свидетельствуют, что площадь сельскохозяйственных угодий, обработанная пестицидами, выросла в период с 2000 по 2016 г. на 54 364 тыс. га., а доля сельскохозяйственных угодий, обработанных пестицидами, в общей площади сельскохозяйственных угодий увеличилась за этот же период на 24,4%. На рисунке наглядно представлено также, что за период 2000–2016 гг. площадь пашни, обра-

ботанной химикатами, увеличилась почти в 3 раза, её доля в общей площади сельскохозяйственных угодий – с 15 до 40%.

Весьма негативным является и тот факт, что в результате интенсивного использования земельных ресурсов, а также сокращения объема работ по мелиорации и внесению удобрений практически во всех регионах страны сократилось содержание гумуса и элементов питания в почвах. Так, по данным Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, 35% пахотных земель имеют повышенную кислотность, 31% – низкое содержание гумуса, 22% – недостаток фосфора [27].

Общеизвестно, что сельское хозяйство относится к отраслям, в наибольшей степени подверженным эффектам изменения климата, а с изменением климатических условий связано и увеличение частоты неблагоприятных гидрометеорологических явлений. За последнее двадцатилетие количество метеорологических опасных явлений увеличилось более чем в 2 раза. По данным Росгидромета, в 2016 г. на территории страны было зарегистрировано 590 случаев возникновения опасных метеорологических явлений [27]. Безусловно, подобные процес-

Рис. 2. Площадь сельскохозяйственных угодий, обработанная пестицидами, с 2000–2016 гг.

Источник: составлено по [26].

сы вызывают изменение зон растениеводства и влекут за собой снижение урожайности в теплых климатических зонах. Следует также отметить, что в последние десятилетия средняя температура приземного воздуха на территории нашей страны повышается со скоростью в 2,5 раза быстрее, чем в мире в целом. Более высокие температуры и связанные с ними экстремальные погодные явления в виде засухи и повышения засушливости на территориях ряда регионов способствуют ускорению деградации почвы. По этой же причине на большей части территории Российской Федерации происходит более раннее освобождение ото льда рек и водоемов, приводящее к дальнейшему подтоплению сельскохозяйственных угодий.

Нельзя оставить без внимания и то важное обстоятельство, что агропродовольственный сектор является основным потребителем водных ресурсов. При существующих технологиях ведения аграрного производства происходят значительные потери воды в системах орошения. Данные Росстата свидетельствуют, что при транспортировке в сельском хозяйстве величина потерь воды составляет в среднем около 60% от общероссийских потерь. Кроме того, интенсивное использование водных ресурсов в АПК приводит к их загрязнению в результате сброса сточных вод. При этом основными источниками загрязнения являются сбросы перерабатывающих предприятий, крупных животноводческих комплексов, смыв дождевыми потоками ядохимикатов и удобрений с полей [28]. Современное аграрное производство характеризуется высокой энергоемкостью и низкой энергоэффективностью, по настоящее время сельское хозяйство страны сохраняет высокую степень зависимости от централизованного энергоснабжения. Из-за наличия больших малонаселенных территорий, где ведется аграрное производство, возникают проблемы, связанные с большой протяженностью сетей и рассредоточенностью сельских потребителей.

По мнению экспертов, в результате воздействия природно-антропогенных факторов ежегодно в Российской Федерации наблюдается недобор сельскохозяйственной продукции порядка 47 млн. т (в зерновом эквиваленте) [29]. На стадии потребления также происходят существенные потери продовольствия: в год на россиянина приходится 56 кг пищевых отхо-

дов. Около четверти всех пищевых продуктов остаются неупотребленными и утилизируются до использования [14].

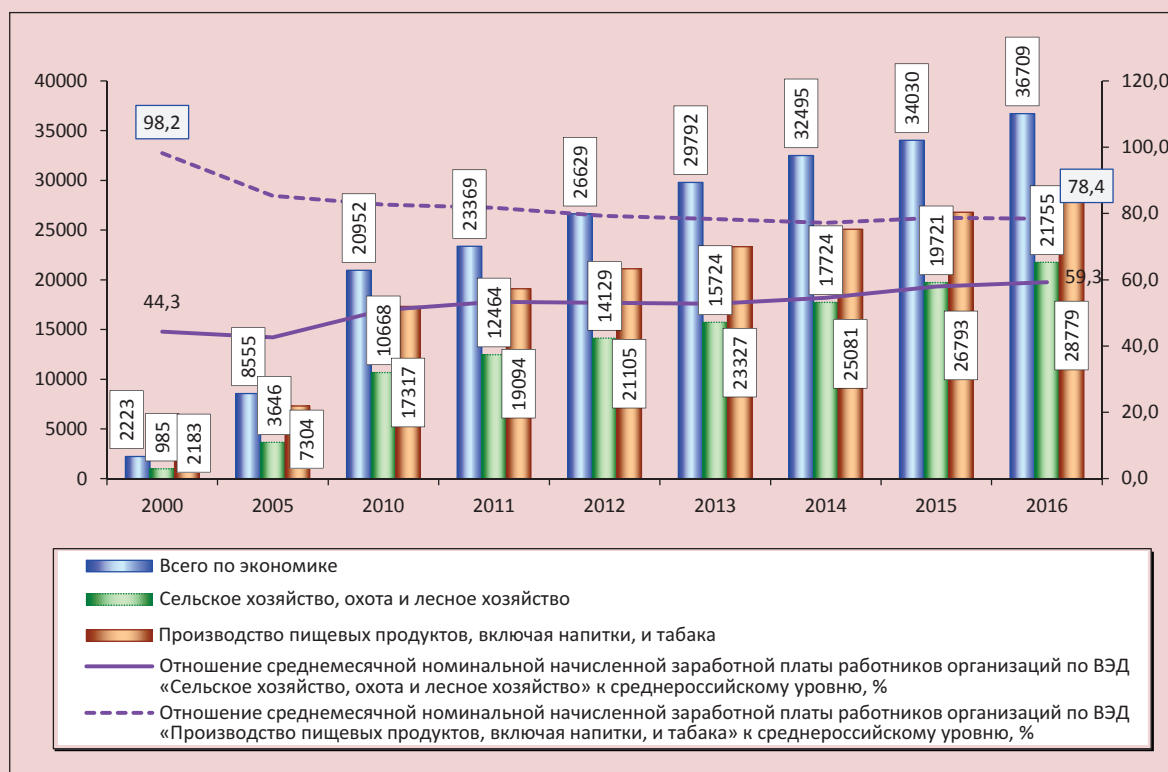
В настоящее время для российского агропродовольственного сектора особенно актуальны проблемы безработицы в сельской местности и депопуляции сельских территорий, поскольку уровень и качество жизни сельского населения существенно отличается от уровня жизни в городах. В представленной выше таблице 1 показано, что в последние годы доля занятых в основных отраслях сельской экономики (сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство) сократилась с 13,9 до 9,2%.

На рисунке 3 представлена динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций по видам экономической деятельности «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» и «производство пищевых продуктов».

Как видно из приведенных данных, несмотря на увеличение в 2016 г. среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников сельского хозяйства в фактически действовавших ценах почти в 10 раз (21 755 руб.) по сравнению с 2000 г. (2 223 руб.), она по-прежнему остается на 40% ниже средней по экономике. С учетом инфляции за исследуемый период (см. табл. 1) рост заработной платы в этой сфере экономической деятельности увеличился только в два раза. Именно по причине низкого уровня заработной платы на долю сельского населения приходится более трети от общей численности малоимущего населения страны (36%) и почти половина крайне бедного населения (48,6%), при том что сельские жители составляют лишь четверть от численности населения Российской Федерации [30]. Массовая миграция в города сельского населения, особенно молодежи, имеет серьезные негативные демографические последствия, так как именно молодежь является наиболее трудоспособной частью населения и на её долю приходится три четверти рождений детей.

За последние двадцать лет существенно сократилась численность женщин, приходящихся на 1 000 мужчин, и в том числе женщин репродуктивного возраста. Общеизвестно, что сельские женщины по сравнению с мужчинами в значительной степени занимаются тяжелым неоплачиваемым трудом, выполняя работу по

Рис. 3. Динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций по видам экономической деятельности, руб.

Источник: составлено по [30].

дому, в личном подсобном хозяйстве. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, в 2015 г. на долю женщин, у которых основная работа была связана с производством сельскохозяйственной продукции в собственном домашнем хозяйстве, в среднем по стране приходилось 52% (на долю мужчин – 24%). Женщины по сравнению с мужчинами до сих пор не имеют равного доступа к процессам принятия решений, к распределению финансовых результатов и пр. Имеющиеся препятствия на пути обеспечения гендерного равенства в сфере занятости и мобильности сельских женщин на рынке труда напрямую зависят от ограниченности доступа женщин к приобретению профессиональных навыков и знаний, от развития инфраструктуры в сфере дошкольного образования и сфере бытовых услуг, транспортных коммуникаций и пр. Естественным барьером для формирования кадровой

базы развития агропродовольственного сектора страны. Усугубляет сложившуюся ситуацию стабильно высокий уровень потребления сельским населением алкогольных напитков, что вызывает многочисленные негативные социальные и медицинские последствия, приводит к физической и нравственной деградации. Отмечается, что особенно часто злоупотребляют алкоголем люди трудоспособного возраста, проживающие в сельской местности и имеющие низкий уровень доходов.

Как известно, в сельском сообществе, и особенно в малочисленных населенных пунктах, преобладает население пожилого и старшего возраста, которое характеризуется адаптивно-пассивным поведением, приверженностью к сохранению традиционного сельского образа жизни и слабо мотивировано к изменению жизненного уклада. Все эти условия и факторы влекут за собой низкую социальную и экономическую активность сельского общества.

К сожалению, в настоящее время депопуляция населения в сельской местности достигла критической точки, а это напрямую влияет на пополнение отраслей сельского хозяйства трудовыми ресурсами. На *рисунке 4* отражена информация о динамике среднегодовой численности занятых всего и по виду экономической деятельности «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» за период 2000–2016 гг.

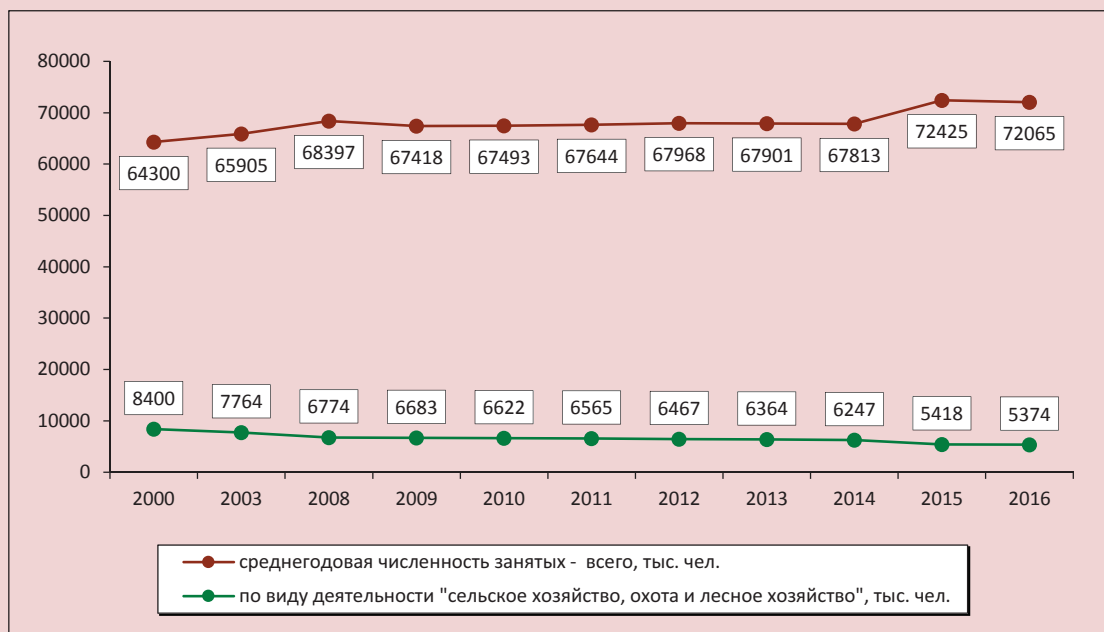
Судя по данным рисунка, за последние шестнадцать лет среднегодовая численность занятых в сельском и лесном хозяйстве сократилась почти на 40% – с 8,4 до 5,3 млн. чел. По-прежнему между городской и сельской местностью продолжает усугубляться информационный и инновационный разрыв, что ведет к утрате освоенности сельских территорий. В последние десятилетия наблюдается существенный рост площади районов жилой застройки, что сопряжено с пагубными последствиями для пригородных и сельских территорий. Стихийная урбанизация не только наступает на сельскохозяйственные земли и естественную среду обитания, но и приводит к увеличению дальности поездок, ухудшению показателей использо-

вания ресурсов на душу населения, повышению выбросов и рассредоточению факторов производства. Отсутствие развитой транспортной инфраструктуры в сельской местности связано с дефицитом средств на строительство, ремонт и содержание дорог, приобретение новой техники, а также с недостатком квалифицированного инженерно-технического персонала.

Итак, проведенный анализ развития агропродовольственного сектора позволил выявить целый ряд социально-экономических и экологических проблем, существующих сегодня в аграрной сфере экономики. Несмотря на то что они имеют особую специфику, они все же во многом схожи с мировыми проблемными вопросами. В этой связи нами предпринята попытка систематизации выявленных проблем в аграрном секторе национальной экономики в соответствии с Целями устойчивого развития (ЦУР) принятой Повестки дня на период до 2030 года.

В *таблице 2* представлены итоговые результаты проведенного исследования, сформулированы и систематизированы ключевые проблемы агропродовольственного сектора в со-

Рис. 4. Динамика среднегодовой численности занятых всего и по виду экономической деятельности «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство», тыс. чел.

Источник: составлено по [20].

Таблица 2. Систематизация ключевых проблем агропродовольственного сектора России в соответствии с Целями устойчивого развития ООН

Цели Глобальной Повестки дня	Формулировка проблемы
ЦУР 1. Ликвидация нищеты	Низкий уровень доходов сельского населения и занятых в АПК
	Нарушение прав собственников земельных долей (паёв)
ЦУР 2. Ликвидация голода и устойчивое сельское хозяйство	Неполноценное питание во всех формах
	Ограничение физической доступности продуктов питания
	Ограниченная экономическая доступность продовольствия
	Безопасность пищевых продуктов; снижение качества продовольствия
	Неустойчивое производство продовольствия
	Высокий уровень зависимости от импорта генетических ресурсов
	Недостаток средств у сельхозтоваропроизводителей для осуществления модернизации и расширенного воспроизводства
ЦУР 3. Хорошее здоровье и благополучие	Рост уровня заболеваемости
	Злоупотребление алкоголем
	Ограниченный доступ к услугам здравоохранения
ЦУР 5. Гендерное равенство	Ограничение прав сельских женщин; тяжелые условия домашнего труда
ЦУР 6. Чистая вода и санитария	Нерациональное использование водных ресурсов
	Сброс загрязненных сточных вод в водоемы; низкий уровень оборотного и последовательного использования воды
ЦУР 7. Недорогостоящая и чистая энергия	Низкий уровень обеспечения питьевой водой нормативного качества, водопроводом и канализацией
	Ограниченный доступ к современным источникам энергии; низкая энергоэффективность
ЦУР 8. Достойная работа и экономический рост	Сокращение уровня занятости, безработица, отток молодых квалифицированных кадров
ЦУР 9. Индустриализация, инновации и инфраструктура	Неустойчивая инфраструктура*
	Ограниченный доступ к финансовым ресурсам и каналам сбыта мелких производителей сельхозпродукции
	Устаревшее оборудование и технологии
	Слабая инновационная активность и научно-исследовательская деятельность
ЦУР 10. Уменьшение неравенства	Отличие качества жизни в сельской местности от городской
	Низкая активность сельского населения (преимущественно пожилого и старшего возраста) в социальной, экономической и политической жизни
ЦУР 11. Устойчивые города и населенные пункты	Неразвитость транспортной инфраструктуры
	Урбанизация; стихийная застройка пригородных и сельских территорий
ЦУР 12. Ответственное потребление и производство	Потери продовольствия в процессе производства и потребления на различных стадиях
	Образование большого количества отходов производства, слабый уровень переработки вторичного сырья
ЦУР 13. Борьба с изменением климата	Негативное влияние сельского хозяйства на изменение климата; влияние последствий изменения климата на сельское хозяйство
ЦУР 14. Сохранение морских экосистем	Нерациональное использование и загрязнение морских экосистем; сокращение морских биологических ресурсов
ЦУР 15. Сохранение экосистем суши	Деградация природной среды вследствие нарушения технологических процессов; сокращение биологического разнообразия и рост чувствительности культур к вредителям и болезням
* Авторами под термином «неустойчивая инфраструктура» подразумевается неразвитость сельской инфраструктуры, характеризующаяся низким качеством дорог, слабым уровнем обеспеченности современными системами электро- и водоснабжения, телекоммуникационными системами, ограниченным доступом к общественному транспорту. Источник: составлено авторами.	

ответствии с ЦУР, конкретизированными авторами в качестве актуальных для российского АПК.

Как свидетельствуют данные таблицы, с проблемным состоянием агропродовольственного сектора и его развитием прямо или косвенно связаны 14 целей (ЦУР 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15). В рамках этих целей авторами определены 78 актуальных задач (46%). Отметим, что ни одна цель не может быть достигнута отдельно от других, а все цели связаны с предложенными задачами. При этом обеспечение сбалансированности и взаимосвязи между тремя измерениями устойчивого развития отражено не только на уровне целей, но и на уровне целевых задач.

На *рисунке 5* обозначены задачи Повестки дня, выделенные авторами в качестве актуальных для агропродовольственного сектора.

Представленная информация дает основание полагать, что наибольшее количество задач, актуальных для агропродовольственного сектора, должно будет решаться в рамках ЦУР 2 (Ликвидация голода и устойчивое сельское хозяйство), ЦУР 8 (Достойная работа и экономический рост), ЦУР 12 (Ответственное потребление и производство), ЦУР 14 (Сохранение морских экосистем) и ЦУР 15 (Сохранение экосистем суши). При этом действия, направленные на решение соответствующих задач и достижение одной цели, будут непосредствен-

но связаны с достижением других целей. В этом смысле Цели в области устойчивого развития функционируют как взаимосвязанная система, независимо от того, на каком уровне они рассматриваются: национальном, региональном или отраслевом (секторальном).

Ниже представлена выявленная нами взаимосвязь обозначенных проблем агропродовольственного сектора, целей и задач принятой Повестки дня ООН. Так, Цель 1 направлена на ликвидацию нищеты. В нашей стране проблема нищеты как таковая отсутствует, но имеется высокая доля малоимущего населения, располагающего доходом ниже прожиточного уровня. С учетом того факта, что практически половина крайне бедных граждан проживает в сельской местности, становится очевидным, что эта цель не может быть достигнута без повышения занятости в сельской местности (Цель 8) и доходов сельского населения (Цель 2, задача 2.3). Поэтому в ближайшей перспективе потребуются повышение производительности труда и доходов в сельскохозяйственном производстве, а также значительное расширение занятости в несельскохозяйственном секторе сельской местности. Одновременно расширение сферы действия систем социальной защиты имеет решающее значение не только для создания новых рабочих мест в сельской местности, но и для обеспечения роста производства в сельском хозяйстве.

Рис. 5. Цели и задачи Повестки дня, актуальные для агропродовольственного сектора

ЦУР 1	ЦУР 2	ЦУР 3	ЦУР 5	ЦУР 6	ЦУР 7	ЦУР 8	ЦУР 9	ЦУР 10	ЦУР 11	ЦУР 12	ЦУР 13	ЦУР 14	ЦУР 15
1.2	2.1	3.4	5.a	6.3	7.1	8.1	9.1	10.1	11.2	12.1	13.1	14.1	15.1
1.4	2.2	3.5		6.4	7.2	8.2	9.3	10.2	11.a	12.2	13.2	14.2	15.2
1.5	2.3	3.8		6.6	7.3	8.3	9.4			12.3	13.3	14.3	15.3
	2.4	3.9		6.b	7.a	8.4	9.5			12.4		14.4	15.4
	2.5	3.d			7.b	8.5				12.5		14.5	15.5
	2.a					8.6				12.6		14.6	15.6
	2.b					8.8				12.7		14.7	15.7
	2.c					8.9				12.8		14.a	15.8
						8.b				12.a		14.b	15.9
										12.b		14.c	15.a
													15.b
													15.c

Источник: составлено авторами по [32].

Задача¹ 2.3 Цели 2 предусматривает удвоение к 2030 году продуктивности сельского хозяйства и доходов мелких производителей продовольствия. В России существует значительный потенциал для повышения продуктивности сельского хозяйства. В частности, в стране может быть достигнуто существенное увеличение урожайности сельскохозяйственных культур за счет расширения использования средств повышения плодородия, в том числе биологического происхождения, а также внедрения более эффективных агротехнологий и оборудования. Удвоение продуктивности и доходов семейных фермерских хозяйств тоже вполне достижимо и будет иметь важнейшее значение для решения задачи 2.3. Кроме того, значительный рост доходов мелких сельхозпроизводителей может быть обеспечен и за счет лучшего распределения доходов вдоль цепочек добавленной стоимости [33]. И наконец считаем необходимым расширять доступ к услугам, знаниям, рынкам, ресурсам и финансовым средствам для мелких сельхозпроизводителей и семейных ферм в целях повышения их производительности и доходов.

При обсуждении вопроса продовольственной безопасности (ЦУР 2) в России традиционно говорят об объемах производства, но не о необходимости обеспечить экономический доступ населения к продовольствию. Приоритет производства над обеспечением доступа выражается в ранжировании задач, включенных в национальную Доктрину продовольственной безопасности, и в критериях оценки ее состояния. Так, задачи по обеспечению физической и экономической доступности, а также безопасности пищевых продуктов (задача² 2.1) стоят в

¹ Задача 2.3 ЦУР: к 2030 году удвоить продуктивность сельского хозяйства и доходы мелких производителей продовольствия, в частности женщин, представителей коренных народов, фермерских семейных хозяйств, скотоводов и рыбаков, в том числе посредством обеспечения гарантированного и равного доступа к земле, другим производственным ресурсам и факторам сельскохозяйственного производства, знаниям, финансовым услугам, рынкам и возможностям для увеличения добавленной стоимости и занятости в несельскохозяйственных секторах.

² Задача 2.1 ЦУР: к 2030 году покончить с голодом и обеспечить всем, особенно малоимущим и уязвимым группам населения, включая младенцев, круглогодичный доступ к безопасной, питательной и достаточной пище.

конце списка, а критериями фактически выступают коэффициенты самообеспеченности продукцией собственного производства [15, 34].

Хотя масштабы проблемы неполноценного питания (ЦУР 2) в Российской Федерации считаются относительно небольшими, в некоторых регионах страны конкретные группы населения остаются уязвимыми с точки зрения продовольственной безопасности. Негативное влияние на доступ к продуктам питания оказывают тяжелые экономические условия и отсутствие достойно оплачиваемых рабочих мест. Чтобы обеспечить всем, особенно малоимущим уязвимым группам населения, круглогодичный доступ к «безопасной, питательной и достаточной пище», потребуются безотлагательное решение задачи 2.1. Из различных аспектов неполноценного питания наиболее важной задачей, в том числе, и в России, остается борьба с ожирением. Среди нарушений в рационе питания также отмечается значительный уровень дефицита питательных микроэлементов. Проблема в этом контексте связана с задачей³ 2.2 Цели 2, в которой содержится призыв покончить со всеми формами неполноценного питания [35]. Для сокращения масштабов этой проблемы требуется существенное улучшение качества рациона и значительное изменение образа жизни. В связи с этим следует стимулировать внедрение системы здорового рациона питания в дошкольных, школьных и государственных учреждениях, на рабочих местах и в каждой семье.

Цель 8 Повестки дня касается непосредственно вопросов, связанных с занятостью и средствами к существованию. Агропродовольственный сектор является основным источником занятости во многих регионах нашей страны, и поэтому обеспечение полной занятости, достойных условий труда и равенства в области заработной платы в этих регионах в решающей степени будет зависеть от развития сельского хозяйства как отрасли [35]. В этой связи приоритетными мерами в области повышения занятости населения и регулирования рынка труда

³ Задача 2.2 ЦУР: к 2030 году покончить со всеми формами недоедания, в том числе достичь к 2025 году согласованных на международном уровне целевых показателей, касающихся борьбы с задержкой роста и истощением у детей в возрасте до пяти лет, и удовлетворять потребности в питании девочек подросткового возраста, беременных и кормящих женщин и пожилых людей.

в сельской местности должны стать: создание новых и модернизированных рабочих мест, а также условий для привлечения квалифицированных молодых специалистов в сельскую местность; развитие предпринимательства, самозанятости и форм семейной занятости на базе личных подсобных хозяйств и потребительской кооперации и пр. [17].

Как известно, устойчивое функционирование агропродовольственного сектора предполагает экономическую устойчивость, экологическую целостность и социальное благополучие. Так, устойчивость доходов производителей продуктов питания и работников, занятых в производственно-сбытовых продовольственных цепочках, и снижение потерь и отходов в агропродовольственных системах подразумевает экономическую устойчивость. Возможность ее обеспечения нашла отражение в рамках ЦУР 2 и ЦУР 12. Так, задача 2.3 Цели 2 касается повышения доходов мелких производителей продовольствия, а задача 12.3 Цели⁴ 12 направлена на снижение потерь и отходов в продовольственной системе. Существующая ситуация в системах производства и распределения продовольствия представляет собой как проблему, так и возможность для укрепления экономической составляющей устойчивости агропродовольственного сектора. Социальная устойчивость относится к обеспечению основных прав и достойных условий жизни для людей, занятых в агропродовольственном секторе. Эти аспекты рассматриваются в рамках задачи⁵ 8.5. Цели 8, предусматривающей достижение полной и производительной занятости и достойных условий труда для всех [35].

Экологическая устойчивость подразумевает устойчивое использование природных ресурсов и сведение к минимуму негативного антропогенного воздействия на окружающую среду. Цель 2, задачи 2.4 (Устойчивое производство

продовольствия⁶) и 2.5 (Биоразнообразие⁷), Цель 6, задача 6.4 (Эффективность водопользования⁸), Цель 12, задачи 12.1 (Устойчивое производство и потребление⁹), 12.2 (Рациональное использование природных ресурсов¹⁰), а также различные задачи в рамках Цели 13 (Изменение климата), Цели 14 (Океаны и морские ресурсы) и Цели 15 (Леса и земли) касаются различных аспектов экологической устойчивости в рамках функционирования агропродовольственного сектора [35].

Цель 13 Повестки дня охватывает вопросы климатических изменений и борьбы с их последствиями. В России и в мире изменение климата уже привело к увеличению случаев теплового стресса и к формированию экстремальных погодных условий. Агропродовольственный сектор ощущает на себе все последствия изменения климата, проявляющиеся в увеличении числа случаев экстремальных погодных явлений и стихийных бедствий, таких как под-

⁶ Задача 2.4 ЦУР: к 2030 году обеспечить создание устойчивых систем производства продуктов питания и внедрить методы ведения сельского хозяйства, которые позволяют повысить жизнестойкость и продуктивность и увеличить объемы производства, способствуют сохранению экосистем, укрепляют способность адаптироваться к изменению климата, экстремальным погодным явлениям, засухам, наводнениям и другим бедствиям и постепенно улучшают качество земель и почв.

⁷ Задача 2.5 ЦУР: к 2020 году обеспечить сохранение генетического разнообразия семян и культивируемых растений, а также сельскохозяйственных и домашних животных и их соответствующих диких видов, в том числе посредством надлежащего содержания разнообразных банков семян и растений на национальном, региональном и международном уровнях, и содействовать расширению доступа к генетическим ресурсам и связанным с ними традиционным знаниям и совместному использованию на справедливой и равной основе выгод от их применения на согласованных на международном уровне условиях.

⁸ Задача 6.4 ЦУР: к 2030 году существенно повысить эффективность водопользования во всех секторах и обеспечить устойчивый забор и подачу пресной воды для решения проблемы нехватки воды и значительного сокращения числа людей, страдающих от нехватки воды.

⁹ Задача 12.1 ЦУР: осуществлять Десятилетнюю стратегию действий по переходу к использованию рациональных моделей потребления и производства с участием всех стран, причем первыми к ней должны приступить развитые страны, и с учетом развития и потенциала развивающихся стран.

¹⁰ Задача 12.2 ЦУР: к 2030 году добиться рационального освоения и эффективного использования природных ресурсов.

⁴ Задача 12.3 ЦУР: к 2030 году сократить вдвое в пересчете на душу населения общемировое количество пищевых отходов на розничном и потребительском уровнях и уменьшить потери продовольствия в производственно-сбытовых цепочках, в том числе послеуборочные потери.

⁵ Задача 8.5 ЦУР: к 2030 году обеспечить полную и производительную занятость и достойную работу для всех женщин и мужчин, в том числе молодых людей и инвалидов, и равную оплату за труд равной ценности.

топления, засухи и оползни. Эти последствия уже привели к деградации природных ресурсов, изменениям в доступности водных ресурсов и утрате биоразнообразия. Одной из важнейших задач для российского агропродовольственного сектора в этом направлении остается сокращение антропогенной нагрузки на окружающую среду.

Сохраняют свою актуальность для нашей страны и задачи, рассмотренные в рамках Цели 14, поскольку, несмотря на усилия, прилагаемые со стороны государства, продолжается рост масштабов незаконного промысла морских биологических ресурсов и нелегального вывоза рыбной продукции за рубеж. В области добычи морских ресурсов прогрессируют процессы криминализации [36]. Морские экосистемы продолжают загрязняться нефтью и нефтепродуктами, сточными водами, промышленными и бытовыми отходами. Цель 14 содержит основные направления развития, касающиеся океанов, морей и морских ресурсов. Реализация этих направлений позволит обеспечить эффективное регулирование добычи, предотвращение незаконного рыбного промысла и губительной рыбопромысловой практики. Согласование национальной политики с различными задачами в рамках Цели 14 будет способствовать сохранению и рациональному использованию морских ресурсов.

Признавая важность лесов для развития сельских территорий, обеспечения биологического разнообразия, биоэнергетики и решения проблем, связанных с изменением климата, в нашей стране необходимо актуализировать государственную программу развития лесного хозяйства с упором на устойчивое управление лесами. Задача¹¹ 15.3 Цели 15 Повестки отражает проблемы деградации земель, которая затрагивает значительную часть регионов России. Борьба с деградацией земель требует целенаправленной инвестиционной и технической поддержки для улучшения управления земельными и водными ресурсами.

¹¹ Задача 15.3 Цели 15: к 2030 году вести борьбу с опустыниванием, восстановить деградировавшие земли и почвы, включая земли, затронутые опустыниванием, засухами и наводнениями, и стремиться к тому, чтобы во всем мире не ухудшалось состояние земель.

Такими, по мнению авторов статьи, должны быть основные приоритеты в процессе перехода российского агропродовольственного сектора к устойчивому развитию и, соответственно, возможные направления адаптации Повестки дня к национальным условиям с учетом выявленных проблем в аграрной сфере экономики.

Заключение. Сформулируем главные выводы и результаты проведенного нами исследования.

1. В современной России на основе ключевых политических документов, определяющих развитие страны в областях социально-экономического и экологического развития на период до 2030 года, ведется работа по выявлению национальных приоритетов и возможностей адаптации Повестки дня – 2030. Безусловно, концепция ЦУР ООН дает хорошую возможность для системной попытки адаптации мировых целей к российским условиям с учетом относительно высокого уровня развития страны в целом и отдельных секторов экономики, в частности. В ряде случаев рекомендованные ООН цели, включая уровни конкретных показателей, в российских условиях достигнуты. Однако в настоящее время приходится говорить лишь об определенных ориентирах, которые могли бы стать важным элементом национальной дискуссии о будущем устойчивом развитии экономики страны и ее отдельных секторов. По нашему мнению, чтобы достичь устойчивого развития в целом, оно одновременно должно быть достигнуто во всех сферах и отраслях экономики. При этом, учитывая амбициозный и всеобъемлющий характер Повестки дня на период до 2030 года, предполагаем, что все министерства и ведомства национальных правительств должны будут согласовать свою политику и программы, а также интегрировать в них задачи ЦУР.

2. Предпринята попытка систематизации проблем, существующих в аграрном секторе национальной экономики, в соответствии с целями устойчивого развития (ЦУР) и задачами Повестки дня на период до 2030 года. Считаем, что с проблемным состоянием агропродовольственного сектора и его развитием прямо или косвенно связаны 14 целей (ЦУР 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15). В рамках этих целей определены 78 актуальных задач (46%).

Наибольшее количество задач, актуальных для агропродовольственного сектора, должно будет решаться в рамках ЦУР 2 (Ликвидация голода и устойчивое сельское хозяйство), ЦУР 8 (Достойная работа и экономический рост), ЦУР 12 (Ответственное потребление и производство), ЦУР 14 (Сохранение морских экосистем) и ЦУР 15 (Сохранение экосистем суши). При этом действия, направленные на решение соответствующих задач и достижение одной цели, будут непосредственно связаны с достижением других целей. В этом смысле Цели в области устойчивого развития функционируют как взаимосвязанная система, независимо от того, на каком уровне они рассматриваются: национальном, региональном или отраслевом (секторальном). Таким образом, предложенная систематизация проблем аграрного сектора и выявленная их взаимосвязь с ЦУР ООН может послужить научной основой для конструирования концепции устойчивого развития исследуемого сектора национальной экономики.

3. Показано, что для достижения устойчивого развития необходимы не только выявление проблем и их решение, но и сопутствующая разработка соответствующих индикаторов для измерения прогресса в этом направлении. В настоящее время Росстатом предложена национальная система индикаторов устойчивого развития, для большинства из которых доступна статистическая информация. Ряд разработанных

Росстатом показателей актуален и для агропродовольственного сектора, хотя этот вопрос является предметом научных дискуссий. Так, прежде всего необходимо исследовать систему индикаторов на предмет возможности их применения для мониторинга прогресса в области устойчивого развития конкретно агропродовольственного сектора. Для этого требуется глубокий анализ действующих стратегий и программ развития аграрного сектора экономики путем сравнения определенных в них целей, задач и индикаторов с глобальными ЦУР для выявления несоответствия и возможностей их изменения.

4. Перспективными направлениями дальнейшего исследования станет углубленный анализ действующих программ развития агропродовольственного сектора, сопоставление их с глобальными ЦУР и задачами для выявления несоответствия и возможностей изменения, а также совершенствование и разработка специфических индикаторов для осуществления мониторинга и оценки прогресса в развитии конкретного сектора экономики. Подобное направление будущих исследований, безусловно, представляет научный интерес и потребует создания в дальнейшем интерактивного инструмента, синтезирующего статистические данные в целях разработки национальной системы индикаторов для измерения устойчивости развития агропродовольственного сектора страны.

Литература

1. Потравный И.М., Новоселов А.Л., Генгут И.Б. Формализация общей модели зеленой экономики на региональном уровне // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 2. С. 438-450.
2. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года / ООН. Нью-Йорк, 2015. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420355765>.
3. Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Ховавко И.Ю. Государственная экологическая политика: идентифицируя новые экономические и правовые приоритеты // Экологическое право. 2016. № 4. С. 43-49.
4. Qadir M., Schubert S., Oster J. High magnesium waters and soils: emerging environmental and food security constraints. *Science of the Total Environment*, 2018, vol. 642, pp. 1108-1117.
5. Padda I.U., Hameed A. Estimating multidimensional poverty levels in rural Pakistan: a contribution to sustainable development. *Journal of Cleaner Production*, 2018, vol. 197, pp. 435-442.
6. Kurata M., Matsui N., Ikemoto Y. Do determinants of adopting solar home systems differ between households and micro-enterprises? Evidence from rural Bangladesh. *Renewable Energy*, 2018, vol. 129, pp. 309-316.
7. Terrapon-Pfaff J., Ortiz W., Dienst C. Energising the WEF nexus to enhance sustainable development at local level. *Journal of Environmental Management*, 2018, vol. 223, pp. 409-416.
8. Allen C., Metternicht G., Wiedmann T. Initial progress in implementing the Sustainable Development Goals (SDGs): a review of evidence from countries. *Sustainability Science*, 2018, vol. 13, no. 5, pp. 1453-1467.

9. Акимова Ю.А. Устойчивое развитие сельского хозяйства в контексте основных целей единой аграрной политики ЕС // *Контентус*. 2017. № 1. С. 21-29.
10. Анциферова О.Ю., Стрельникова А.Г. Механизм реализации целей устойчивого развития сельского хозяйства // *Теоретические и прикладные аспекты современной науки*. 2014. № 4-2. С. 110-113.
11. Муздин, Е.Ф. Роль органического сельского хозяйства в достижении целей устойчивого развития // *Вектор экономики*. 2017. № 11. С. 17.
12. Белоусов В.М. Обоснование системы целей устойчивого развития аграрного сектора экономики // *Агропродовольственная политика России*. 2017. № 1. С. 33-39.
13. Соболев А.В., Раимжанова Н.И. Глобальные вызовы и цели устойчивого развития: стратегия для сельского хозяйства и кооперативов // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2017. № 1. С. 10-16.
14. Серова Е.В. Цель – устойчивое развитие // *Экономика сельского хозяйства России*. 2017. № 7. С. 2-3.
15. Шагайда Н., Узун В. Продовольственная безопасность: проблемы оценки // *Вопросы экономики*. 2015. № 5. С. 63-78.
16. Стенограмма Государственного совета по вопросу об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений от 27 декабря 2016 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53602>.
17. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2.02.2015 г. № 151-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933.
18. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. 298 с.
19. Бобылев С., Соловьева С. ООН: смена целей // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 5. Т. 60. С. 30-39.
20. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Новые цели для новой экономики // *Мир новой экономики*. 2016. № 1. С. 6-14.
21. Зомонова, Э.М. Стратегия перехода к «зеленой» экономике: опыт и методы. Аналитический обзор. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2015. 283 с.
22. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Цели устойчивого развития для будущего России // *Проблемы прогнозирования*. 2017. № 3. С. 26-33.
23. Показатели устойчивого развития: структура и методология: пер. с англ. Тюмень: ИПСО СО РАН, 2000.
24. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
25. Материалы Федеральной службы государственной статистики. Цели устойчивого развития. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/m-sotrudn/CUR/cur_STATUS.htm.
26. Охрана окружающей среды в России: материалы Федеральной службы государственной статистики. Сборник. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919459344.
27. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году: государственный доклад. М.: Минприроды России; НИА-Природа, 2017. 760 с.
28. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году: государственный доклад. М.: Минприроды России; НИА-Природа, 2016. 639 с.
29. Чередниченко О.А., Рыбасова Ю.В. Экологизация экономики как основа рационального использования и воспроизводства ресурсного потенциала аграрного сектора // *Островские чтения*. 2017. № 1. С. 300-308.
30. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 332 с.
31. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 201 с.
32. Доклад Межучрежденческой группы экспертов по показателям достижения целей в области устойчивого развития, 8-11 марта 2016 года. URL: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/47th-session/documents/2016-2-IAEG-SDGs-Rev1-R.pdf>.

33. Содействие созданию устойчивых производственно-сбытовых цепочек в сфере продовольствия. Руководящие принципы. Рим: ФАО, 2015. URL: <http://www.fao.org/3/a-i3953r.pdf>.
34. Федоренко И.Н. Актуальный взгляд на налогообложение малого бизнеса в контексте экономической и продовольственной безопасности // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. № 11. С. 52-55.
35. Цели в области устойчивого развития и их влияние на развитие сельского хозяйства и сельских районов в регионе Европы и Центральной Азии. Анталия 2016. URL: <http://www.fao.org/3/a-mp172r.pdf>.
36. Бобкова С.С. Предупреждение незаконной добычи водных биоресурсов (на примере Камчатского края) // Молодой ученый. 2010. № 1-2. Т. 2. С. 124-130.

Сведения об авторах

Ольга Александровна Чередниченко – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Ставропольский государственный аграрный университет (355017, Российская Федерация, г. Ставрополь, Зоотехнический пер., 12; e-mail: chered72@mail.ru)

Наталья Анатольевна Довготько – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Ставропольский государственный аграрный университет (355017, Российская Федерация, г. Ставрополь, Зоотехнический пер., 12; e-mail: ndovgotko@yandex.ru)

Наталья Николаевна Яшалова – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Череповецкий государственный университет (162600, Российская Федерация, Вологодская область, г. Череповец, Советский пр., 10; e-mail: natalij2005@mail.ru)

Cherednichenko O.A., Dovgot'ko N.A., Yashalova N.N.

Sustainable Development of the Agri-Food Sector: Russia's Priorities and Directions to Adapt Agenda 2030 to Russian Conditions

Abstract. In 2015, at a UN Summit, the 2030 Agenda for Sustainable Development was adopted; it contains 17 sustainable development goals crucially important for any country in the world. The scientific significance of solving the problem of sustainable development consists in the urgent task to adapt the sustainable development goals (SDGs) to national conditions of different countries and to form a mechanism for their achievement in various economic sectors. Since the central place in the Agenda is devoted to food security and sustainable development of agriculture, we identify the possibility of applying the system of SDGs to promote further sustainable development of Russian agricultural sector. The main scientific idea and goal of the present paper is to determine national priorities in the field of sustainable development on the basis of meaningful analysis of the current state of the agri-food complex; besides we search for possible directions to adapt the global Agenda 2030 to Russian conditions so as to improve existing agriculture development strategies and programs, taking into consideration the UN SDGs. We use system approach and statistical analysis to identify and specify relevant socio-economic and environmental issues in the Russian agri-food sector and to systematize them on the basis of the UN methodology. We believe that the proposed grouping of agri-food sector problems and their relationship with the UN SDGs can serve as a basis for constructing a concept for its sustainable development. We show that in order to adapt the 2030 Agenda it is necessary to conduct an in-depth analysis of existing strategies and programs for development of the agri-food sector by comparing their goals, objectives and indicators with the global SDGs, identifying their inconsistencies and the possibilities to adjust them.

Key words: sustainable development, national economy, agri-food sector, UN sustainable development goals, Russian priorities, indicators, adaptation.

Information about the Authors

Ol'ga A. Cherednichenko – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor at the department for economic theory and economics of the agro-industrial complex, Stavropol State Agrarian University (12, Zootekhnikeskii Lane, Stavropol, 355017, Russian Federation; e-mail: chered72@mail.ru)

Natal'ya A. Dovgot'ko – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor at the department for economic theory and economics of the agro-industrial complex Stavropol State Agrarian University (12, Zootekhnikeskii Lane, Stavropol, 355017, Russian Federation; e-mail: ndovgotko@yandex.ru)

Natal'ya N. Yashalova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of economics and management department, Cherepovets State University (10, Sovetskii Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation; e-mail: natalij2005@mail.ru)

Статья поступила 28.09.2018.

Налогообложение в системе природопользования и его влияние на экономическое развитие северных территорий*

Виталий Николаевич

ЛАЖЕНЦЕВ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера

ФИЦ «Коми НЦ» УрО РАН

Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ГСП-2, Коммунистическая, 26

E-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru

Светлана Ивановна

ЧУЖМАРОВА

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

Сыктывкар, Российская Федерация, 167001, ул. Старовского, д. 55

E-mail: swetlana_ch@bk.ru

Андрей Иванович

ЧУЖМАРОВ

Коми республиканская академия государственной службы и управления

Сыктывкар, Российская Федерация, 167000, ул. Коммунистическая, 1

E-mail: andry_ch@bk.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Коми, проект № 18-410-110005.

Для цитирования: Лаженцев В.Н., Чужмарова С.И., Чужмаров А.И. Налогообложение в системе природопользования и его влияние на экономическое развитие северных территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 109-126. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.7

For citation: Lazhentsev V.N., Chuzhmarova S.I., Chuzhmarov A.I. Taxation in the system of natural resource management and its influence on the economic development of Northern territories. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 109-126. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.7

Аннотация. Рассмотрены виды налогов и платежей за использование природных ресурсов, показаны их объем и динамика в регионах Севера России. Налоговая политика в системе природопользования освещена под углом зрения согласования частных и общественных интересов, соблюдения социальной и территориальной справедливости. Целью статьи является представление результатов исследования теории и практики налогообложения в системе природопользования и его влияния на экономическое развитие северных территорий. Задачами являются: определение видов налоговых изъятий за использование невозпроизводимых природных ресурсов, фиксация актуальных проблем налогово-бюджетных отношений, установление общих принципов налогообложения природопользования и оценка его результативности. Научная новизна исследования состоит в оценке диспропорций в системе экономического федерализма в части налогообложения и чрезмерного разрыва между местами производства и потребления доходов от природных ресурсов. Практическая значимость проведенного исследования заключается в фиксации актуальных проблем налогово-бюджетных отношений, установлении общих принципов налогообложения природопользования, существенных для стратегии государственного экономического управления, анализе и оценке его результативности в северных регионах России. Методика исследования базируется на теориях налогообложения, экономики природопользования и региональной экономики. Для выполнения поставленных целей и задач исследования использованы методы количественных сравнений, динамического и статического анализа налоговых поступлений в бюджет за использование природных ресурсов в северных регионах России, что позволило выявить актуальные проблемы налогово-бюджетных отношений.

Ключевые слова: виды налогов и платежей, использование природных ресурсов, налогообложение в мире и России, северные регионы, оценка результативности, объем, динамика и структура налогов, финансово-бюджетные отношения.

Введение

Авторы считают, что методически правильная фиксация «северных» налогов и платежей может оказать значительное влияние на оценку состояния всей финансово-бюджетной системы страны. Финансовые отношения между центром (Федерацией) и северными регионами в настоящее время приобретают особую актуальность в связи с обострением проблемы пространственного разрыва между созданным и потребленным прибавочным продуктом. Разделение доходов между государством и предприятиями добывающей промышленности также сопряжено с трудностями соблюдения баланса их интересов на базе определенного компромисса. Общая исходная позиция авторов заключается в том, что налогообложение природопользования необходимо формировать с учетом будущего сырьевых регионов и проводить эффективную трансформацию природных ресурсов в ресурсы непосредственного социального назначения.

Конкретные виды налоговых изъятий имеют свою специфику в отдельных отраслях природно-ресурсной экономики, при этом заметно

повышается перспективная роль биологических и водных ресурсов. Но текущая проблематика регионализации налогово-бюджетных отношений в большей мере связана с добычей полезных ископаемых, в первую очередь углеводородов.

Представленный анализ актуальных ныне проблем распределения налогов от природных ресурсов авторы попытались ввести в русло существующих теорий налогообложения под углом зрения необходимости совершенствования региональной политики.

Содержание проблемы

Освоение и использование природных ресурсов – основа социально-экономического развития северных регионов России. Доля природно-ресурсных отраслей в их ВРП составляет от 25% в Камчатском крае до 69% в Ненецком АО (2015 г.). Меньше доля в численности занятых, например, в Ненецком АО она составляет 23%. Но характер и динамика всех других видов занятости предопределена главным образом организацией добывающей промышленности, ее институтами и ролью, которую играет природ-

но-ресурсный фактор в научно-техническом развитии страны. Большинство исследователей регионов ресурсного типа критически относятся к тезисам о «ресурсном проклятии», «нефтяной игле», «сырьевой зависимости» и т.п. [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Главная посылка заключается в том, что «ресурсное богатство и хорошие институты представляют собой два фундаментальных фактора, которые обеспечивают устойчивый экономический рост в долгосрочном историческом тренде. В сущности, это — политико-экономическая аксиома, не нуждающаяся в особых доказательствах» [8, с.88].

Вопрос «добывать или не добывать» не является проблемным; проблемы возникают на фоне разнообразия способов оценки ресурсных потенциалов, их правильного использования, включения «сырья и материалов» в систему общественного воспроизводства, формирования сквозных технологических циклов «сырье — полуфабрикаты — готовые изделия», исчисления и распределения рентных и других доходов, исполнения конституционной нормы в части совместного (Федерации и субъектов Федерации) государственного регулирования процессов и финансовых результатов природопользования. Именно в данном аспекте актуализируется тематика экономической науки с ориентацией на формирование новой системы капитализации труда и природных богатств общества [9, 10]. С точки зрения необходимости и целесообразности совершенствования рентного налогообложения, повышения его роли в устойчивом развитии регионов проводятся исследования по конкретным минерально-сырьевым и топливно-энергетическим комплексам Сибири и Европейского Севера России с учетом мирового опыта институализации природопользования [11, 12, 13] и распределения соответствующих доходов по уровням бюджетов и фондам будущего. Забота о будущем сырьевых регионов и центров добывающей промышленности связана с природно-ресурсной цикличностью и предполагает заблаговременное накопление средств для их модернизации или коренного переустройства.

Возможно предположить, что отношения в системе природопользования вполне осознаны и нормативно зафиксированы. И все же они до сих пор остаются непрозрачными, не достаточно систематизированными, противоречивыми,

а в итоге социально и территориально несправедливыми. Ситуация здесь такова, что приходится вновь возвращаться к теоретическим основам проблематики налогообложения, их коррекции под влиянием угроз депрессии районов сырьевой специализации.

Результаты исследования

Экономической базой налоговых платежей за пользование природными ресурсами является государственная собственность, в том числе на недра, большую часть земли, лесов, воды, а также необходимость создания фондов общественного воспроизводства и национальной безопасности. Принципы установления платежей за пользование природными ресурсами предполагают согласование частных и общественных интересов. Учитываются различия в воспроизводстве минерально-сырьевых и биологических ресурсов.

С позиций закономерностей общественного воспроизводства и социальной справедливости изъятие государством части доходов конкретных хозяйствующих субъектов является совершенно оправданным. В системе природопользования необходимость данного изъятия (кроме классического подхода к налогам на прибыль и экологическим платежам) подкрепляется теорией природно-ресурсной ренты (абсолютной и дифференцированной), сформированной в трудах классиков политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс) и ученых-экономистов современности (Дж. Стиглиц, Д. Эллерман, Дм. Львов и др.). Региональный аспект рентного налогообложения с учетом географических, горно-геологических и социальных условий основательно проанализирован в работах В.А. Крюкова, В.В. Шмата, Т.Е. Дмитриевой и других авторов [14, 15, 16, 17, 18]. Особо фиксируется северная проблематика общественно значимого подхода к финансово-экономическим отношениям [19, 20, 21]. В отмеченных работах критически рассмотрены различные варианты платежей за право осваивать месторождения полезных ископаемых и установления норм изъятия сверхдоходов. Показано, что «идеальное» исчисление, изъятие и распределение природно-ресурсной ренты могло бы внести незначительные изменения в объем и структуру ВРП, но существенные — в формирование доходов населения и территориальных бюджетов. Выявлены методические

трудности разработки однозначно приемлемого практического решения по исчислению и изъятию рентного дохода.

Надо принять во внимание и тот факт, что в нашей стране величина налоговой нагрузки на недропользователей самая высокая в сравнении с другими секторами экономики: в 2017 г. в РФ – 10,8%, в секторе добычи топливно-энергетических полезных ископаемых – 45,4%, в секторе добычи полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических, – 18,8%. Здесь уплата налогов идет как по традиционной системе, включая налог на прибыль, налог на добавленную стоимость, налог на имущество, транспортный налог, экспортные и импортные пошлины и иные обязательные платежи, с помощью которых реализуется фискальный суверенитет страны, так и по линии специальных налоговых платежей непосредственно за природопользование, а именно налог на добычу полезных ископаемых, водный, земельный налоги. К перечисленному добавим сборы за пользование объектами животного мира и других биологических ресурсов¹.

Анализ и пояснения полученных результатов
Налоги в природопользовании оказывают значительное влияние на оценку состояния всей финансово-бюджетной системы страны. Например, в 2015 г. ВВП в РФ был равен 80 трлн. рублей, налоги и сборы – 14 трлн., налоговая нагрузка составляла всего лишь 17,5%, т.е. относительно невысокий уровень. Но «...фактический уровень налогового бремени существенно выше официально заявляемого. Если при его исчислении учесть поступления названных платежей, выведенных из состава налоговой системы, а также нефтегазовые доходы (налог на добычу нефти и газа, экспортные таможенные пошлины по нефти, газу и нефтепродуктам), которые не отражаются в доходах бюджета текущего года, а направляются в государственные (федеральные) резервные фонды стабилизационного характера, то налоговое бремя в экономике за последние годы в среднем составило...38–40% ВВП. Это уровень, который примерно соответствует средневропейскому налоговому бремени (при его разбросе по странам от 27,8% в Ирландии до 48,2% в Дании) и суще-

¹ Налоговые изъятия за использование невозпроизводимых природных ресурсов достаточно разнообразны и включают в себя следующие: бонусы за аренду, рента, роялти, налог на добычу полезных ископаемых, натуральные платежи, получаемые на основе соглашений о разделе продукции и ряд других. Бонусы за аренду представляют собой предварительные платежи, размеры которых могут устанавливаться по результатам конкурса на право использования того или иного природного объекта. Рента (арендная плата), как и бонусы, не зависит от объема добычи сырья или прибыльности объекта (месторождения) и вносится ежегодно, обеспечивая тем самым стабильное пополнение доходной части бюджета. Размер ренты может устанавливаться как за всю законтрактованную территорию, так и за единицу её площади. Роялти – плата собственнику за право разработки природных ресурсов, по сути являющийся налогом на разработчика полезных ископаемых, устанавливается по фиксированной ставке с каждой тонны добытого сырья или рассчитывается в процентах к его рыночной стоимости. Данный вид налогового изъятия гарантирует государству определенный минимум доходов с начала и вплоть до окончания эксплуатации месторождения. Рентный налог на природные ресурсы является инструментом изъятия части ренты, источником которой являются сверхдоходы, превышающие альтернативную стоимость капитала для компании. Данный налог уплачивают только от реализации высокодоходных проектов и может применяться как дополнение к роялти. Соглашение о разделе продукции – договор между государством и инвесторами (как правило, иностранными) о разделе добываемого полезного ископаемого в рамках реализации конкретного инвестиционного проекта.

В разных странах используются различные сочетания приведенных платежей. В России добыча невозобновляемых природных ресурсов, в частности углеводородов, сопровождается изъятием налога на добычу полезных ископаемых, акцизов (на автомобильный бензин, дизельное топливо, моторные масла для дизельных и (или) карбюраторных (инжекторных) двигателей, прямогонный бензин, средние дистилляты (т.е. смеси углеводородов в жидком состоянии, полученные в результате первичной и (или) вторичной переработки нефти, газового конденсата, попутного нефтяного газа, горючих сланцев), бензол (т.е. жидкость с содержанием (по массе) соответствующего простейшего ароматического углеводорода 99%), параксиллол, ортоксиллол, авиационный керосин, нефтяное сырье (т.е. смесь углеводородов, состоящая из одного компонента или нескольких компонентов, включая нефть, газовый конденсат стабильный, вакуумный газойль, гудрон, мазут), темное судовое топливо (т.е. смеси углеводородов в жидком или твердом состоянии, полученные в результате первичной и (или) вторичной переработки нефти, стабильного газового конденсата, попутного нефтяного газа, горючих сланцев), природный газ), налога на прибыль организаций, экспортных (вывозных) пошлин на нефть и менее фискальными изъятиями – роялти, бонусов, сборов за участие в конкурсе, за выдачу лицензии, платой за геологическую информацию о недрах, а также заключением договоров о разделе продукции. (Подробнее см.: Налоговые платежи за пользование природными ресурсами, их краткая характеристика // <http://pravo.studio/kreditovanie/nalogovyie-plateji-polzovanie-prirodnymi-46235.html>)

ственно превышает его значение в экономике США (24%) и Японии (28,1%)... Напрашивается однозначный вывод: необходимо вернуть в налоговую систему: таможенные пошлины; плату за заготовку сырой древесины (лесной налог); регулярные платежи за негативное воздействие на окружающую среду (экологический налог)» [22]. Из приведенного примера следует: прежде чем объявлять «о нашем щадящем налогообложении в сфере сырья и топлива», необходимо четко зафиксировать все финансовые и бюджетные потоки. Кроме того, мониторинг действия специфических налоговых ставок при добыче многокомпонентных комплексных руд в Красноярском крае, установленных по налогу на добычу полезных ископаемых с 1 января 2017 года, позволит подготовить рекомендации по их распространению на другие виды полезных ископаемых, включая общераспространенные, и на другие регионы, учесть особенности природопользования северных регионов при налогообложении [23].

Финансовые отношения между центром (Федерацией) и регионами в настоящее время актуализируются под влиянием обострения проблемы пространственного разрыва между созданным и потребленным прибавочным продуктом. Эта проблема имеет исторические предпосылки развития капитализма в России. В свое время ее суть показал Н.Н. Баранский на примере дореволюционной ситуации в городах Иваново-Вознесенске и Москве: в первом создавался товар (ткани), а во втором оседала прибыль от продажи этого товара. Такого рода ситуация рассматривалась рабочими Иваново-Вознесенска как социально несправедливая, что в значительной мере способствовало их революционному настроению [24]. И в настоящее время география доходов и потребления отражает территориально-социальную несправедливость: Москва и некоторые другие крупные центры и их окружение выигрывают благодаря концентрации капитала, а другие регионы, прежде всего северные, проигрывают, в том числе по причине невыявленной и нормативно нераспределенной природно-ресурсной ренты, которая в чрезмерно большой доле оседает не там, где создается. Проблемы пространственного разрыва между созданным и потребленным прибавочным

продуктом сохраняются и после введения с 1 января 2019 года нового режима налогообложения для нефтяного сектора – налога на дополнительный доход при добыче углеводородного сырья, поступления которого в бюджет будут зависеть от величины расчетного денежного потока от деятельности по разработке отдельного участка недр (с учетом сложившихся на мировых рынках цен на углеводородное сырье) и капитальных и операционных затрат на его добычу, фактически понесенных и оплаченных налогоплательщиком. Поскольку поступления в бюджет с введением налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья и снижение в рамках нового режима налогообложения суммарной величины доходов бюджета (налога на добычу полезных ископаемых и вывозной таможенной пошлины на нефть), обусловленной зависимостью от валовых показателей, затрагивают лишь федеральный уровень.

Разделение доходов между государством и природопользователем сопряжено с трудностями соблюдения баланса их интересов на базе определенного компромисса. Но в любом случае государство не должно позволять природопользователю присваивать незаработанную часть прибыли. В распоряжении последнего должна оставаться прибыль в размере, достаточном для развития производства и сохранения экономических стимулов к эксплуатации не только лучших или высокорентабельных, но и трудноосваиваемых месторождений. Здесь нужно учесть и организацию взаимных отношений между бизнесом и властью на местах. Так, в Республике Коми стала более заметной тенденция укрепления связей между корпоративным и территориальным развитием. В 2018 г. корпорации, работающие в Коми, стали вкладывать значительные средства не только в производство, но и в развитие территорий, в социальную среду. ЛУКОЙЛ, Газпром, Роснефть, Транснефть, Монди СЛПК, Ренова, Северсталь, Русал и другие компании увеличили объемы финансовой поддержки республики до 4,2 млрд. рублей² (5,5% от объема доходов консолидированного бюджета республики).

² БНК. Электронный ресурс. Дата обращения: 07.05.2018.

Налогообложение природопользования предполагает учет будущего сырьевых регионов и эффективную трансформацию природных ресурсов в ресурсы непосредственного социального назначения. Проведенный Т.Е. Дмитриевой анализ формирования и распределения фондов будущих поколений, например Постоянного фонда Аляски, показал, что их можно рассматривать как территориально-ресурсные траст-фонды [25]. Основные моменты формирования и использования такого рода траст-фондов: установление конкретных источников формирования, выгодное размещение капитала, составление дивидендной программы, организация управления, информация населения. Генеральная идея – приумножение и защита отечественного финансового капитала, источником которого является общая ресурсная ответственность.

Кроме фиксации актуальных ныне проблем налогово-бюджетных отношений, теория налогообложения природопользования позволяет понять общие принципы, существенные для стратегии государственного экономического управления:

- законодательное установление налогов и сборов за пользование природными ресурсами должно осуществляться на основе юридических норм: всеобщности и равенства налогообложения; учета фактической способности хозяйствующих субъектов к их уплате; недопустимости дискриминационного характера налогообложения и манипулирования элементами налогов (дифференцированных ставок налогов и сборов за пользование природными ресурсами и налоговых льгот) в зависимости от формы собственности налогоплательщика, гражданства физических лиц – природопользователей или места происхождения капитала;

- установление налогов и сборов за пользование природными ресурсами не должно нарушать единство экономического пространства страны и ограничивать свободное перемещение капитала;

- соблюдение паритета между фискальной и регулирующей функциями налогов за пользование природными ресурсами с учетом общенациональных и региональных интересов.

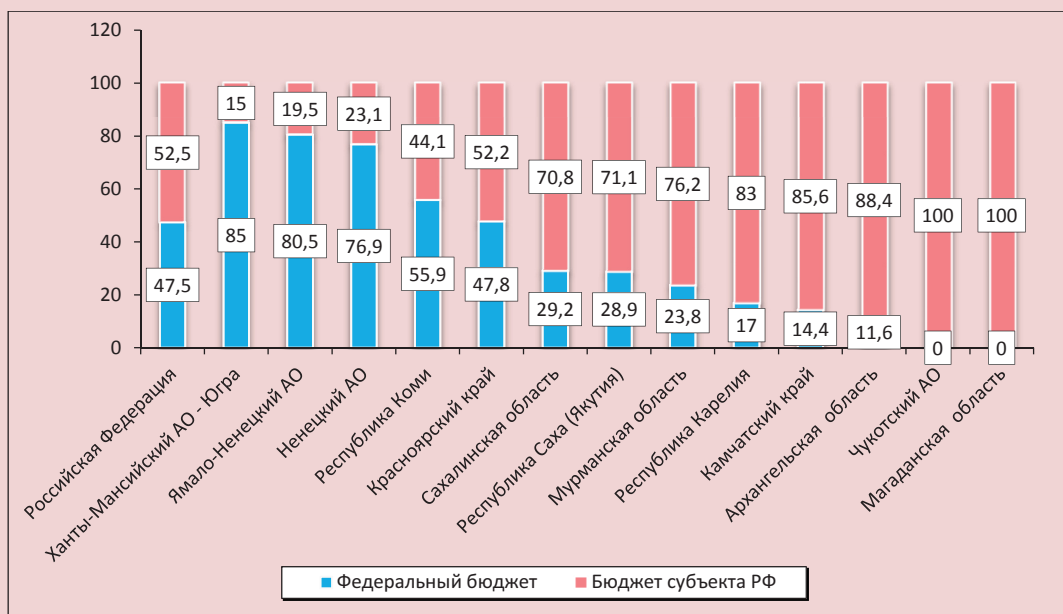
Оценка результативности налогообложения природопользования в северных регионах России

Удельный вес налогов, поступающих в федеральный бюджет и консолидированные бюджеты северных субъектов РФ, составил соответственно 47,5 и 52,5%, то есть вполне приемлемой пропорции. Но данное соотношение существенно различается по конкретным регионам (*рис. 1*). Так в 2016 г. соотношение налоговых доходов федерального и территориальных бюджетов составило (в процентах): в Ханты-Мансийском автономном округе – 85:15; Ямало-Ненецком автономном округе – 81:20; Ненецком автономном округе – 77:23; Республике Коми – 56:44 (для сравнения: в 2000 г. – 42:58).

В указанных субъектах РФ удельный вес налогов, сборов и ресурсных платежей за пользование природными ресурсами (всего), поступивших в федеральный бюджет и бюджеты субъектов РФ в 2016 г., составил более 99% (*рис. 2*). При этом в шести из двенадцати исследуемых северных регионов более 60% общей суммы платежей за пользование природными ресурсами поступило в бюджеты субъектов РФ: в Чукотском автономном округе – 60%, Мурманской области – 63, Камчатском крае – 67, Республике Карелия – 68, Магаданской области – 81, в Архангельской области – 99%.

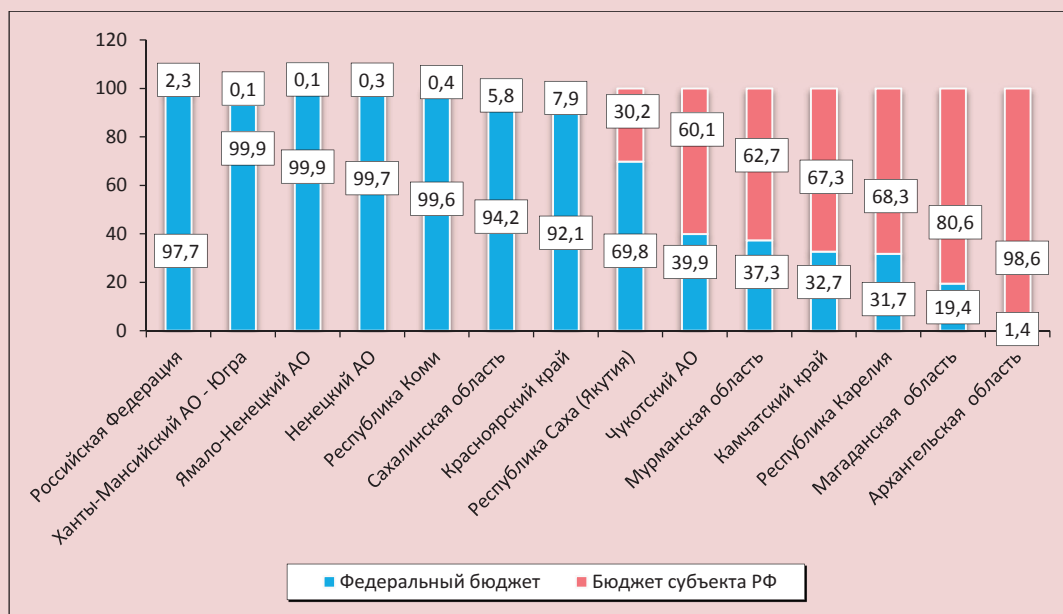
Перераспределение природно-ресурсных налогов и платежей в пользу федерального либо территориальных бюджетов зависит от вида ресурсов (налоги от нефти, газа, угля, земли, леса, воды распределяются по-разному). Поэтому сама проблема неудовлетворительного состояния территориальных бюджетов также должна рассматриваться дифференцированно. Она особенно остро проявляется в районах нефтяной и газовой специализации, но мало заметна в местах концентрации промыслового, сельского и лесного хозяйства. Наличие конкретных видов природно-ресурсной экономики предопределяет и динамику поступлений в бюджет налогов, сборов и платежей за пользование природными ресурсами и ее зависимость от конъюнктуры мировых рынков. Именно по этой причине в шести из двенадцати северных

Рис. 1. Удельный вес налогов, поступивших в федеральный бюджет и бюджеты северных субъектов РФ в 2016 г., %

Источник: Статистическая налоговая отчетность ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.03.2018 г.).

Рис. 2. Удельный вес налогов, сборов и ресурсных платежи за пользование природными ресурсами (всего), поступивших в федеральный бюджет и бюджеты северных субъектов РФ в 2016 г., %

Источник: Статистическая налоговая отчетность ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.03.2018 г.).

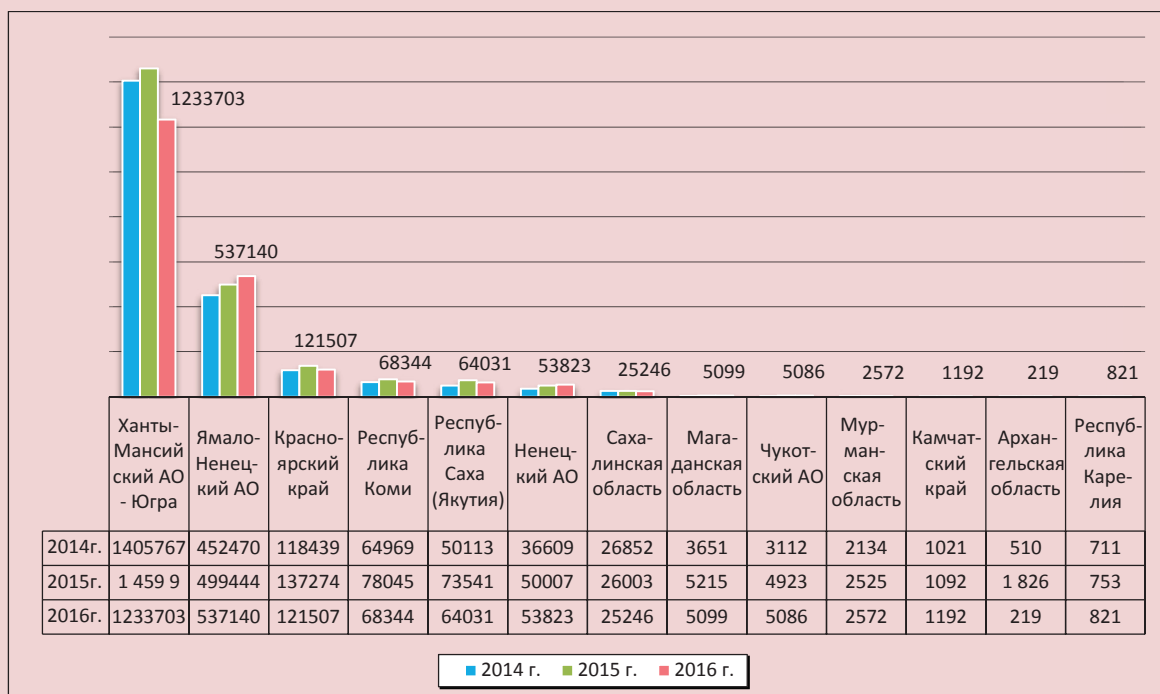
субъектов РФ поступления в бюджет ресурсных платежей снизились, в том числе в Ханты-Мансийском автономном округе, Красноярском крае, Республике Коми, Республике Саха (Якутия), Сахалинской и Магаданской областях (рис. 3).

По северным регионам структура поступлений в бюджет налогов и сборов за пользование природными ресурсами значительно колеблется (табл. 1), что обусловлено различием видов и объемов природных ресурсов, вовлекаемых в хозяйственный оборот страны. А именно суммарный объем добычи углеводородного сырья и других полезных ископаемых в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком, Ненецком и Чукотском автономных округах, Республике Коми, Красноярском крае и Республике Саха (Якутия) и других северных регионах России позволил собрать в бюджет страны 2,1 млрд. руб. налога на добычу полез-

ных ископаемых. Таким образом, на северные регионы приходится 72% от всего объема поступлений в бюджет данного налога. При среднем по стране значении удельного веса налога на добычу полезных ископаемых – 20,4% – показатель колеблется от 2% в Камчатском крае до 84% в Ненецком автономном округе. Удельный вес водного налога и сборов за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов по всем северным регионам незначителен – менее 1 % (за исключением Камчатского края – 1,89%), уд. вес земельного налога не достигает и 2%.

Налогообложение добычи полезных ископаемых. Налог на добычу полезных ископаемых занимает наибольший удельный вес среди ресурсных платежей. Его динамика по северным регионам страны значительно колеблется (табл. 2).

Рис. 3. Динамика поступлений в бюджет налогов, сборов и ресурсных платежей за пользование природными ресурсами в северных регионах России в 2014–2016 гг., млн. руб.

Источник: Статистическая налоговая отчетность ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.03.2018 г.).

Таблица 1. Структура поступлений в бюджет налогов и сборов за пользование природными ресурсами в северных регионах России в 2016 г.

Субъекты РФ	Налоговые доходы, всего	НДФЛ		Водный налог		Сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов		Земельный налог					
		Млн руб.	Уд. вес в общей сумме налоговых доходов, %	Уд. вес субъекта РФ, %	Млн. руб.	Уд. вес в общей сумме налоговых доходов, %	Уд. вес субъекта РФ, %	Млн. руб.	Уд. вес в общей сумме налоговых доходов, %	Уд. вес субъекта РФ, %			
Российская Федерация	14386061	2929408	20,4	100	2270	0,02	100	2593	0,02	100	176417	1,23	100
Ханты-Мансийский АО – Югра	1700643	1233552	72,5	42,1	142	0,01	6,3	9	0,00	0,4	1467	0,09	0,8
Ямало-Ненецкий АО	810744	537107	66,3	18,3	28	0,00	1,2	5	0,00	0,2	227	0,03	0,1
Красноярский край	371289	121384	32,7	4,1	94	0,03	4,1	29	0,01	1,1	1475	0,40	0,8
Республика Коми	148441	68325	46,0	2,3	15	0,01	0,7	4	0,00	0,2	284	0,19	0,2
Республика Саха (Якутия)	159646	63997	40,1	2,2	13	0,01	0,6	21	0,01	0,8	575	0,36	0,3
Ненецкий АО	61907	52014	84,0	1,8	3	0,00	0,1	10	0,02	0,4	30	0,05	0,0
Сахалинская область	178249	8994	5,1	0,3	12	0,01	0,5	463	0,26	17,9	314	0,18	0,2
Магаданская область	18843	5050	26,8	0,2	2	0,01	0,1	46	0,24	1,8	46	0,24	0,0
Чукотский АО	15797	5044	31,9	0,2	1	0,01	0,0	41	0,26	1,6	18	0,11	0,0
Мурманская область	79311	2250	2,8	0,1	5	0,01	0,2	317	0,40	12,2	401	0,51	0,2
Архангельская область	52981	2117	4,0	0,1	6	0,01	0,3	74	0,14	2,9	713	1,35	0,4
Республика Карелия	25498	771	3,0	0,03	1	0,00	0,0	49	0,19	1,9	406	1,59	0,2
Камчатский край	30428	602	2,0	0,02	21	0,07	0,9	568	1,87	21,9	297	0,98	0,2

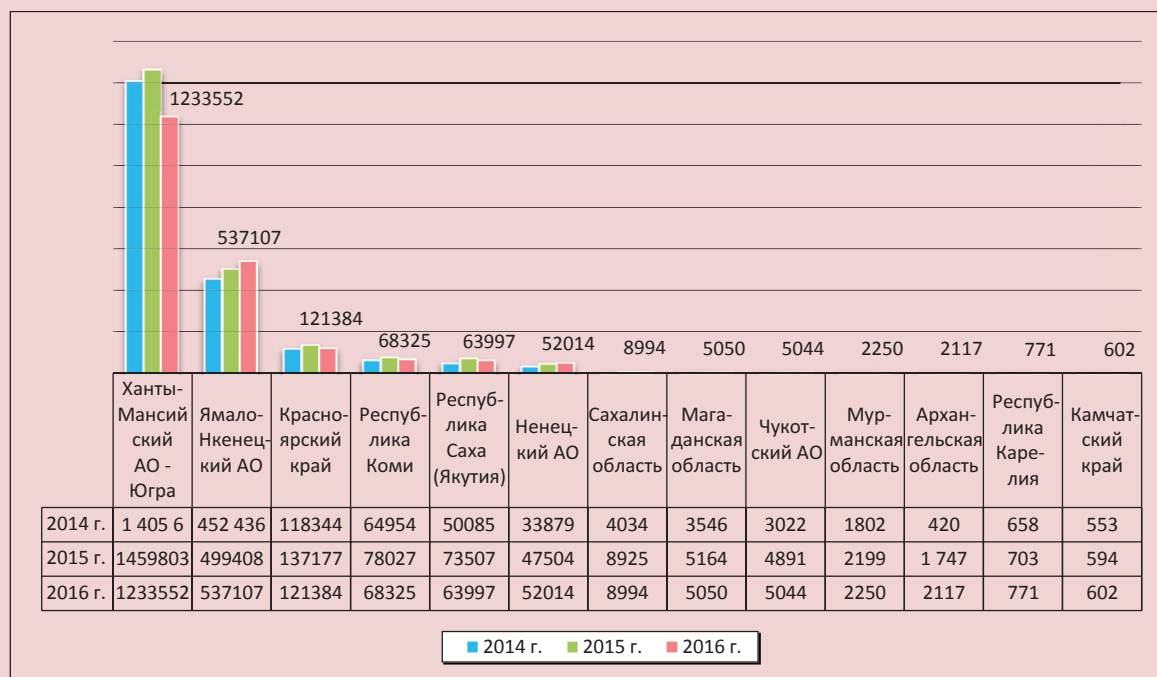
Источник: Статистическая налоговая отчетность ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.03.2018).

Таблица 2. Налог на добычу полезных ископаемых в северных регионах РФ в 2014–2016 гг., млн. руб.

Субъекты РФ	2014 г.	2015 г.	Годовая динамика, 2015 г. к 2014 г., %	2016 г.	Уд. вес, %	Годовая динамика, 2016 г. к 2015 г., %, %
Российская Федерация	2 904201	3226831	111,1	2929408	100	90,8
Ханты-Мансийский АО – Югра	1405651	1459803	103,9	1233552	42,1	84,5
Ямало-Ненецкий АО	452436	499408	110,4	537107	18,3	107,6
Красноярский край	118344	137177	115,9	121384	4,1	88,5
Республика Коми	64954	78027	120,1	68325	2,3	87,6
Республика Саха (Якутия)	50085	73507	146,8	63997	2,2	87,1
Ненецкий АО	33879	47504	140,2	52014	1,8	109,5
Сахалинская область	4034	8925	221,4	8994	0,3	100,8
Магаданская область	3546	5164	145,6	5050	0,2	97,8
Чукотский АО	3022	4891	161,8	5044	0,2	103,1
Мурманская область	1802	2199	122,0	2250	0,1	102,3
Архангельская область	420	1747	416,0	2117	0,1	121,2
Республика Карелия	658	703	106,8	771	0,03	109,7
Камчатский край	553	594	107,4	602	0,02	101,3

Источник: составлено по: Статистическая налоговая отчетность ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.03.2018 г.).

Рис. 4. Динамика поступлений в бюджет РФ налога на добычу полезных ископаемых по северным регионам России в 2014–2016 гг., млн. руб.

Источник: Статистическая налоговая отчетность ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.03.2018 г.).

Поступления в бюджет налога на добычу полезных ископаемых по РФ за последние 10 лет увеличились в 2,4 раза. В 2016 г. по сравнению с предыдущим годом поступления налога снизились на 9,2%, в том числе в пяти (из

двенадцати) северных субъектах РФ: в Ханты-Мансийском автономном округе – на 15,5%, Красноярском крае – на 11,5, Республике Коми – на 12,4, Республике Саха (Якутия) – на 12,9, Магаданской области – на 2,2% (рис. 4). При

этом значимость для страны северных субъектов РФ различна. Несмотря на снижение абсолютной величины налога, у Ханты-Мансийского автономного округа наибольший удельный вес – 42,1% общей суммы налога на добычу полезных ископаемых по стране. На снижение поступлений налога на добычу полезных ископаемых в бюджет повлияли следующие факторы: динамика мировых цен на нефть, недооценка перспективных возможностей развития обрабатывающего сектора экономики России, налоговое администрирование.

Водный налог. Его роль в доходах бюджета страны и северных регионов незначительна (табл. 3). Удельный вес северных регионов колеблется от 6,3% в Ханты-Мансийском автономном округе до 0% в Чукотском автономном округе, что обусловлено особенностями водопользования.

Поступления в бюджет водного налога по РФ за период 2007–2016 гг. увеличились в 1,5 раза: с 1484 до 2270 млн. руб. Их объем и динамика по регионам (рис. 5) зависят от характера производства, численности населения и тарифной политики. Из других факторов отметим следующие:

1. Отсутствие у органов власти субъектов РФ компетенций по изменению элементов водного налога – как федерального налога. Заметим, что до 2005 г. органам власти субъектов РФ предоставлялось право корректировать, в зави-

симости от физико-географических, гидрорегимных и других признаков водных объектов, федеральные ставки платы в пределах их максимальных и минимальных значений. Данное право желательно восстановить.

2. Недооценка экологического значения водного налога. Так, сброс сточных вод исключен из объекта налогообложения. Взимается плата за сброс загрязняющих веществ в водные объекты, что не имеет прямой связи со всей системой водного хозяйства.

3. Чрезмерное налоговое администрирование.

Указанные недостатки связаны с отсутствием или использованием устаревших измерительных приборов, необходимых для учета количества забранной воды. Этот показатель определяется налогоплательщиками «от обратного», то есть по объему воды, предъявленного покупателям в счетах-фактурах, а также по нормам использования воды населением, не установившим счетчики, без учета потерь при ее заборе или в сетях водопроводов.

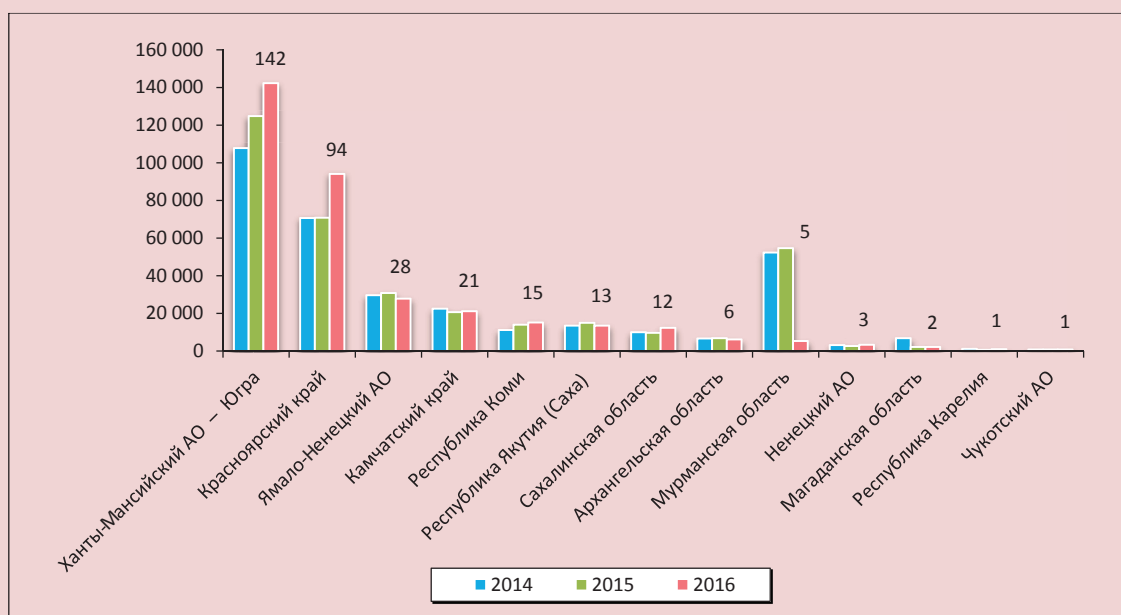
Сборы за пользование объектами животного мира и объектами водных биологических ресурсов. Они носят разрешительный и одновременно компенсационный характер, что обусловлено правом собственности государства на природные ресурсы. Их роль в формировании доходов бюджета незначительна (табл. 4).

Таблица 3. Водный налог в северных регионах РФ в 2014–2016 гг., млн. руб.

Субъекты РФ	2014 г.	2015 г.	Годовая динамика, 2015 г. к 2014 г., %	2016 г.	Уд. вес., %	Годовая динамика, 2016 г. к 2015 г., %
Российская Федерация	2201	2551	115,9	2270	100	89,0
Ханты-Мансийский АО – Югра	108	125	115,7	142	6,3	113,6
Красноярский край	71	71	100	94	4,1	132,4
Ямало-Ненецкий АО	30	31	103,3	28	1,2	90,3
Камчатский край	22	21	95,5	21	0,9	100
Республика Коми	11	14	127,3	15	0,7	107,1
Республика Якутия (Саха)	14	15	107,1	13	0,6	86,7
Сахалинская область	10	10	100	12	0,5	120
Архангельская область	7	7	100	6	0,3	85,7
Мурманская область	52	55	105,8	5	0,2	9,1
Ненецкий АО	3	3	100	3	0,1	100
Магаданская область	7	2	28,6	2	0,1	100
Республика Карелия	1	1	100	1	0,0	100
Чукотский АО	1	1	100	1	0,0	100

Источник: составлено по: Статистическая налоговая отчетность ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.03.2018 г.).

Рис. 5. Динамика поступлений в бюджет РФ водного налога по северным регионам России в 2014–2016 гг., млн. руб.

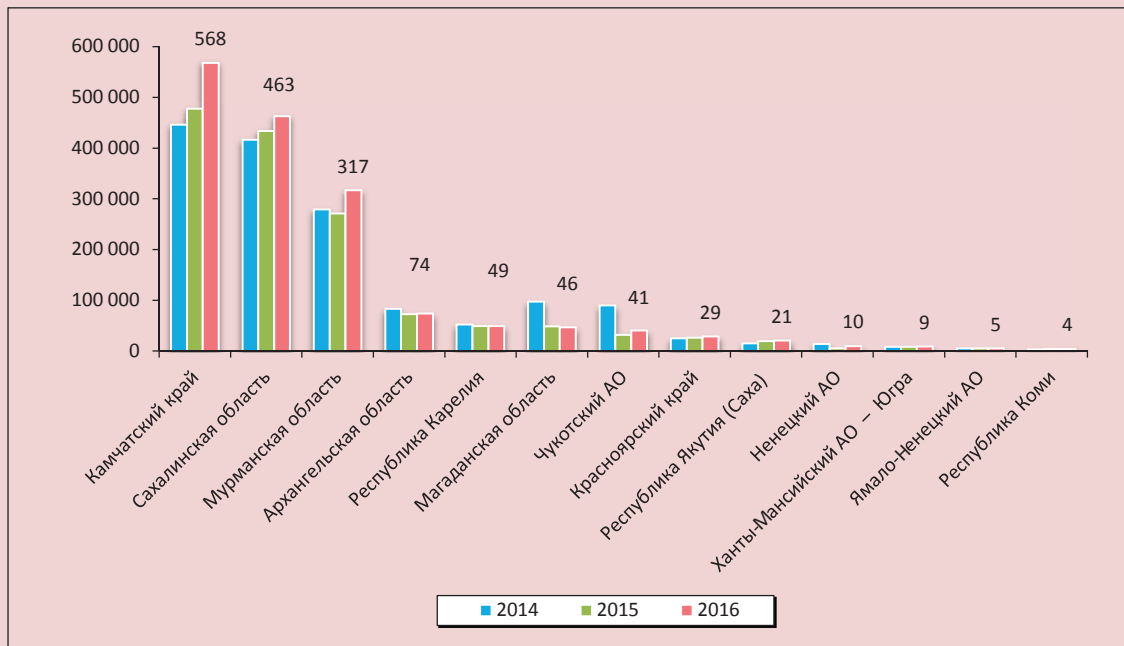
Источник: Статистическая налоговая отчетность ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.03.2018 г.).

Таблица 4. Сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов по северным регионам РФ в 2014-2016 гг., млн. руб.

Субъекты РФ	2014 г.	2015 г.	Годовая динамика, 2015 г. к 2014 г., %	2016 г.	Уд. вес., %	Годовая динамика, 2016 г. к 2015 г., %
Российская Федерация	2386	2237	93,7	2593	100	115,9
Камчатский край	446	477	107,0	568	21,9	119,1
Сахалинская область	416	434	104,3	463	17,9	106,7
Мурманская область	280	271	96,8	317	12,2	117,0
Архангельская область	83	72	86,7	74	2,9	102,8
Республика Карелия	52	49	94,2	49	1,9	100
Магаданская область	98	48	49,0	46	1,8	95,8
Чукотский АО	90	32	35,6	41	1,6	128,1
Красноярский край	25	26	104,0	29	1,1	111,5
Республика Якутия (Саха)	15	20	133,3	21	0,8	105,0
Ненецкий АО	14	5	35,7	10	0,4	200
Ханты-Мансийский АО – Югра	8	8	100	9	0,4	112,5
Ямало-Ненецкий АО	5	5	100	5	0,2	100
Республика Коми	4	4	100	4	0,2	100

Источник: составлено по: Статистическая налоговая отчетность ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.03.2018 г.)

Рис. 6. Динамика поступлений в бюджет РФ сборов за пользование объектами животного мира и объектами водных биологических ресурсов по северным регионам России в 2014–2016 гг., млн. руб.

Источник: Статистическая налоговая отчетность ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.03.2018 г.).

Поступления в бюджет сборов за пользование объектами животного мира и объектами водных биологических ресурсов по РФ за последние 10 лет увеличились незначительно, лишь на 15%, и составили в РФ (2016 г.) 2593 млн. руб. (рис. 6). В 2016 г. по сравнению с предыдущим годом поступления увеличились или остались на достигнутом уровне в одиннадцати северных субъектах РФ из двенадцати. Снижение сборов произошло в Магаданской области (на 4,2%).

Незначительный объем поступлений в бюджет сборов за пользование объектами животного мира и объектами водных биологических ресурсов по северным регионам России обусловлен следующими факторами:

- отсутствие компетенций у органов власти субъектов РФ по изменению элементов сборов с учетом особенностей региона, включая возможность увеличения или уменьшения ставок сборов в зависимости от изменения популяции объектов животного мира на отдельных территориях;

- проблемы администрирования сборов, связанные со сложностью учета популяции животных и птиц, объектов водных биологических ресурсов;

- отсутствие в перечне объектов обложения сборами объектов животного мира и объектов водных биологических ресурсов, установленном статьей 333.3 Налогового кодекса РФ, некоторых видов объектов охоты, распространенных в северных регионах России, включая уток, куропаток, гусей, лис, зайцев;

- безлицензионное использование объектов животного мира и объектов водных биологических ресурсов, при котором субъекты охоты и рыболовства указанные сборы не исчисляют и не уплачивают в бюджет.

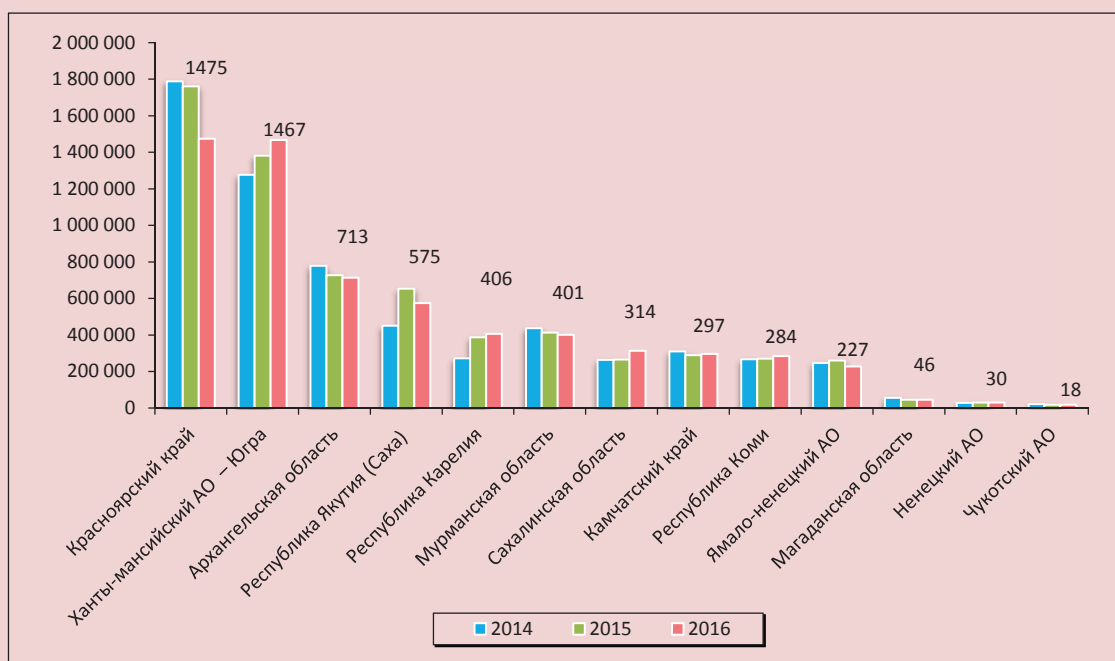
Земельный налог. В условиях Севера значимость земельного налога для местных бюджетов и бюджета страны невелика – менее 1% (табл. 5). Поступления в бюджет земельного налога по РФ за последние 10 лет увеличились в 2,6 раза: с 68 943 млн. руб. в 2007 г. до 176 417 млн. руб. в 2016 г.

Таблица 5. Земельный налог по северным регионам РФ в 2014–2016 гг., млн. руб.

Субъекты РФ	2014 г.	2015 г.	Годовая динамика, 2015 г. к 2014 г., %	2016 г.	Уд. вес, %	Годовая динамика, 2016 г. к 2015 г., %
Российская Федерация	175299	185131	105,6	176417	100	95,3
Красноярский край	1789	1762	98,5	1475	0,8	83,7
Ханты-Мансийский АО – Югра	1277	1381	108,1	1467	0,8	106,2
Архангельская область	779	726	93,2	713	0,4	98,2
Республика Якутия (Саха)	451	653	144,8	575	0,3	88,1
Республика Карелия	272	386	141,9	406	0,2	105,2
Мурманская область	438	413	94,3	401	0,2	97,1
Сахалинская область	264	265	100,4	314	0,2	118,5
Камчатский край	309	289	93,5	297	0,2	102,7
Республика Коми	267	270	101,1	284	0,2	105,2
Ямало-Ненецкий АО	247	260	105,3	227	0,1	87,3
Магаданская область	56	46	81,1	46	0,0	100
Ненецкий АО	28	30	107,1	30	0,0	100
Чукотский АО	22	19	86,4	18	0,0	94,7

Источник: составлено по: Статистическая налоговая отчетность ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.03.2018 г.).

Рис. 7. Динамика поступлений в бюджет РФ земельного налога по северным регионам России в 2014–2016 гг., млн. руб.

Источник: Статистическая налоговая отчетность ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 14.03.2018 г.).

По сравнению с предыдущим годом налог снизился на 4,7%, в том числе в шести (из двенадцати) северных субъектах РФ: в Красноярском крае – на 16,3%, Архангельской области – 1,8%, Республике Саха (Якутия) – 11,9%, Мурманской области – 2,9%, Ямало-Ненецком автономном округе – 12,7%, Чукотском автономном округе – 5,3% (рис. 7).

Проблемы налогообложения земельных участков обусловлены рядом обстоятельств, таких как: отсутствие учета особенностей зон рискованного земледелия; неполный учет количества земельных участков и долей в праве на земельные участки; параллельное действие права пожизненного наследуемого владения и права собственности, частые изменения в структуре совокупной налоговой базы; заявительный характер оценки стоимости земельных участков, на которых расположены многоквартирные жилые дома; неправомерное использование нормы льготного налогообложения по ставке 0,3% земельных участков, отнесенных к землям сельскохозяйственного назначения, используемых для иных целей; информационные ресурсы налоговых органов и иных органов государственной власти и местного самоуправления зачастую не взаимосвязаны, не решены вопросы их использования для принятия управленческих решений.

Полемика по поводу результатов

Научно-аналитический обзор различных видов налогообложения в системе природопользования наводит на мысль об их роли в будущем. Можно зафиксировать момент недооценки экономической работы в части земельных, водных и лесных ресурсов. Биоресурсная экономика ныне отодвинута на второй план после минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. Но для организации жизнедеятельности в регионах Арктики и Севера она в скором времени приобретет первостепенное значение, а потому следует создать новый механизм перетока капитала из отраслей добычи полезных ископаемых в отрасли сельского, лесного и водного хозяйства. Именно в этом процессе правильно организованное налогообложение природопользования и совершенствование бюджетной деятельности, по

мнению авторов, может привести к желаемому результату стабильного развития.

Заключение

Изучение авторами практического опыта налогообложения в сфере природопользования с учетом проблематики регионов природно-ресурсного типа раскрыло некоторые недостатки как внутри налоговой политики, так и в ее недостаточной роли в стимулировании северных территорий. Авторы полагают, что необходимо:

- провести «инвентаризацию» законодательства РФ о налогах и сборах и иных нормативных актов, регламентирующих общественные отношения в области природопользования, с целью системной увязки всех его составляющих частей;
- разработать методические указания по определению, изъятию и распределению рентного дохода с применением типологии месторождений, земельных, лесных и водных площадей по условиям их освоения; в качестве возможного организатора может выступить Министерство финансов России, сформировав рабочую группу с привлечением ученых, экспертов;
- более основательно оценить экологическую составляющую при определении налоговой нагрузки на природопользователей с учетом их участия в охране окружающей среды за счет собственных финансовых ресурсов;
- организовать специальный аудит и независимую экспертизу достоверности показателей общей налоговой базы и налогового потенциала в области природопользования;
- совершенствовать межбюджетные отношения с целью увеличения доходов бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований, в том числе за счет применения долговременных стабильных нормативов;
- максимально учитывать особенности Арктики и Севера; в рамках налоговой политики стимулировать рациональное природопользование в условиях экстремальных и сложных климатических условий с применением инструментов налогового регулирования (налоговые ставки, корректирующие коэффициенты к налоговой базе, налоговые льготы и налоговые вычеты, налоговый кредит, налоговые санкции).

Литература

1. Гуриев С., Плеханов А., Сонин К. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 4-24.
2. Auty R.M. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. London: Routledge, 1993. 273 p.
3. Baldwin R.E. *Patterns of Development in Newly Settled Regions*. Manchester School of Social and Economic Studies, 24. Pp. 161-179.
4. Hirshman A.O. A generalized linkage approach to development with special reference to staples. In: M. Nash *Essays on Economic Development and Cultural Change in Honor of Bert F. Hoselitz*. Chicago III: University of Chicago Press, 1977. Pp. 67-98.
5. Sachs J.D., Warner A.M. Natural resource abundance and economic growth / NBER Working Paper Series no. 5398. December 1995; Sachs J., Warner A. Fundamental Sources of Long Run Growth. *American Economic Review Papers and Proceedings*, 1997, vol. 87, no. 2, pp. 184-188.
6. Шеломенцев А.Г., Беляев В.Н. Оценка влияния освоения минерально-сырьевых ресурсов на экономическую безопасность России // Экономика региона. 2012. № 2. С. 144-152.
7. Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В., Чойжил Э. Социально-экономическое развитие постсоветского пространства через призму концепции «Сырьевого проклятия» // Журнал экономической теории / Институт экономики УрО РАН. 2015. № 2. С. 17 – 29.
8. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. акад. Кулешова В.В. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.
9. Львов Д.С. Экономический манифест // Свободная мысль. 1998. № 6. С. 5-22.
10. Львов Д.С. Развитие экономики России и задачи экономической науки / Отд-ние экон. РАН. М.: Экономика, 1999. 79 с.
11. Ponkratov V.V. Oil production taxation in Russia and the impact of the maneuver. *Journal of Tax Reform*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 100-111.
12. Garnaut R., Clunies-Ross A. *Taxation of Mineral Rents*. Oxford University Press. 1983. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:oxp:obooks:9780198284543>
13. Daniel P., Keen M., McPherson C. *The Taxation of Petroleum and Minerals: Principles, Problems and Practice*. Routledge Taylor & Francis Group. New York, 2010. 480 p.
14. Крюков В.А., Токарев А.Н., Шмат В.В. Проблемы дифференциации налогообложения в газовой промышленности России // Сборник материалов международного научного конгресса «ГЕО-Сибирь-2007»: Недропользование. Новые направления и технологии поиска, разведки и разработки месторождений полезных ископаемых. Новосибирск: Сиб. гос. геодезическая акад., 2007. Т. 5. С. 88-92.
15. Крюков В., Токарев А., Шмат В. Дифференциация налогообложения в газовой промышленности: нужен пошаговый подход к реализации // Газовый бизнес. 2007. С. 18-22.
16. Севастьянова А.Е., Шмат В.В. Ситуационный анализ диверсификации экономики нефтегазодобывающего региона // Регион: экономика и социология. 2006. № 2. С. 49-66.
17. Топливный сектор Республики Коми: направления и методы регулирования развития / колл. авт. ; отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2002. 416 с.
18. Kireyeva E. Tax regulation in agriculture: current trends, selection of a state support forms. *Journal of Tax Reform*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 179-192.
19. Лаженцев В.Н. Общественный характер концепций развития экономики северных и арктических районов России // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. 2016. № 4. С. 43-56.
20. Формирование социально-экономической политики северных регионов России с учетом фактора освоения природных ресурсов: Коллективная монография / А.Г. Шеломенцев, С.В. Дорошенко, О.А. Козлова, В.Н. Беляев, В.Э. Тоскунина, А.А. Проворова, О.В. Губина, Е.А. Илинбаева. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. 140 с.
21. Чужмарова С.И. Социально-экономическое развитие северных регионов в условиях реформирования налогообложения добычи полезных ископаемых // Федерализм. 2009. № 2 (54). С. 179-190.

22. Никулина О.М. Налоговая нагрузка в России: основные подходы. URL:<http://1-fin.ru/?id=972> (дата обращения: 27.05.2018.).
23. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов (утв. Минфином России) // Сайт Министерства финансов РФ. URL:<https://www.minfin.ru> (дата обращения 19.11.2018.).
24. Баранский Н.Н. Избранные труды: Становление советской экономической географии / Редкол.: В.А. Анучин и др. М.: Мысль, 1980. 287 с.
25. Лаженцев В.Н., Дмитриева Т.Е. География и практика территориального хозяйствования. Екатеринбург: Наука, 1993. 137 с.
26. Ильин В. А., Поварова А. И. Недостатки налогового администрирования крупного бизнеса и их влияние на региональные бюджеты // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 1. С. 25-37.
27. Чужмарова С.И., Чужмаров А.И. Налогообложение пользования объектами животного мира в северных (арктических) регионах России: эколого-экономический подход // Экономика и управление. Известия Дальневосточного федерального университета, 2018. С. 146-155.

Сведения об авторах

Виталий Николаевич Лаженцев – доктор географических наук, член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ «Коми НЦ» УрО РАН (167982, Российская Федерация, Сыктывкар, ГСП-2, Коммунистическая, 26; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Светлана Ивановна Чужмарова – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой, профессор, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (167001, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Старовского, д. 55; e-mail: swetlana_ch@bk.ru)

Андрей Иванович Чужмаров – кандидат экономических наук, проректор по образовательной и научной деятельности, Коми республиканская академия государственной службы и управления (167000, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 1; e-mail: andry_ch@bk.ru)

Lazhentsev V.N., Chuzhmarova S.I., Chuzhmarov A.I.

Taxation in the System of Natural Resource Management and its Influence on the Economic Development of Northern Territories

Abstract. The paper considers types of taxes on and payments for the use of natural resources and shows their volume and dynamics in Northern regions of Russia. We highlight tax policy in the system of natural resource management from the point of view of coordinating private and public interests and observing social and territorial justice. The goal of the paper is to present the findings of a research on the theory and practice of taxation in the system of environmental management and its impact on economic development in the Northern territories. The objectives are as follows: to determine the types of tax exemptions for the use of non-renewable natural resources, to reveal current problems in fiscal relations, to establish general principles of taxation of environmental management and to assess its effectiveness. Scientific novelty of our study consists in the fact that we assess imbalances in the system of economic federalism in terms of taxation and the excessive gap between the places of production and consumption of natural resource revenues. Our study is relevant in a practical perspective because it determines current problems in tax and budget relations, establishes general principles of taxation of environmental management essential for the strategy of public administration in economics, analyzes and evaluates its effectiveness in Russia's Northern regions. The research methodology we use is based on the theories of taxation, environmental economics and regional economics. In order to achieve the goals and objectives of the study, we use

methods such as quantitative comparison, dynamic and static analysis of tax revenues related to the use of natural resources in the Northern regions of Russia; this makes it possible to reveal relevant problems in fiscal relations.

Key words: types of taxes and payments, use of natural resources, taxation in the world and Russia, Northern regions, performance assessment, volume, dynamics and structure of taxes, fiscal relations.

Information about the Authors

Vitalii N. Lazhentsev – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Geography), Professor, Chief Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Svetlana I. Chuzhmarova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of banking department, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Starovsky Street, Syktyvkar, 167001, Russian Federation; e-mail: swetlana_ch@bk.ru)

Andrei I. Chuzhmarov – Candidate of Sciences (Economics), Vice Rector for Education and Research, Komi Republic Academy of Public Service and Administration (1, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167000, Russian Federation; e-mail: andry_ch@bk.ru)

Статья поступила 21.08.2018.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.8

УДК 316.4, ББК 60.5

© Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Андрианова Е.В., Лазутина Д.В.

Метафора доверия: «зонтичный эффект» в мировой науке*

**Владимир Александрович
ДАВЫДЕНКО**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия, 652003, ул. Володарского, 6
E-mail: vlad_davydenko@mail.ru

**Гульнара Фатыховна
РОМАШКИНА**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия, 652003, г. ул. Володарского, 6
E-mail: gr136@mail.ru

**Елена Владимировна
АНДРИАНОВА**

Тюменский государственный университет
Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
Тюмень, Россия, 652003, г. ул. Володарского, 6
E-mail: e.a.andrianova@utmn.ru

**Дарья Васильевна
ЛАЗУТИНА**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия, 652003, ул. Володарского, 6
E-mail: 72ldv@mail.ru

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта, поддержанного РФФИ № 16-03-00500.

Для цитирования: Метафора доверия: «зонтичный эффект» в мировой науке / В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина, Е.В. Андрианова, Д.В. Лазутина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 127-142. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.8

For citation: V.A. Davydenko, G.F. Romashkina, E.V. Andrianova, D.V. Lazutina A metaphor for trust: the “umbrella effect” in global science. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 127-142. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.8

Аннотация. Цель статьи – рассмотрение зарубежного опыта концептуализации и изучения доверия, представление критического обзора многодисциплинарной проблематики доверия в современной мировой науке, актуальность которой обусловлена всё возрастающим дефицитом общественного доверия. Научную новизну работы составляет идентификация форм, типов, тенденций в предметной области доверия с точки зрения определения внутренних и междисциплинарных границ различных гуманитарных наук. Представлена междисциплинарная тематика доверия в терминах «зонтного эффекта» конкурирующих парадигм и подходов; выполнена концептуализация дефиниции доверия как многомерной конструкции; категориально-концептуальный аппарат типологии доверия составляют переменные: пулы ресурсов (доступность и конфигурация); правила игры (обмен ресурсами и координация); целевые функции (эффективность, продуктивность); функции, ориентированные на людей (социальные роли и практики, межличностные отношения); смыслообразование (реалистический и воспринимаемый эффекты); ориентации на действие (практические эффекты); ориентации на восприятие (интерпретируемые эффекты). Доверие как выбор позволяет решать теоретические проблемы в специфических контекстах между доверителем и доверенным лицом; метафоры «тени будущего», «уязвимости», «скачка веры» обнаруживают признаки континуума доверия в ситуации неопределенности; идентификация напряженности доверия как его естественного и амбивалентного свойства между альтруизмом и корыстью, сопряжённых с контролем и различением перспектив, приобретает значение размерности доверия в самых разнообразных институциональных контекстах. Области применения полученных результатов: научная, образовательная, управленческая, информационно-аналитическая.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, дефиниции, доверие, многомерная конструкция, типологии, «зонтная структура», модели, типы.

1. Введение. Изучение зарубежного опыта концептуализации и изучения доверия, результаты недавних (2017 и 2018 гг.) исследований во многих странах мира показывают, что обобщённое (генерализованное) доверие и институциональное доверие находятся на своих исторических минимумах; уровни доверия населения к институтам власти, бизнеса, неправительственным организациям, средствам массовой информации и отдельным публичным лицам упали до рекордно низких значений [1 (Edelman, 2018); 2 (Gallup, 2018); 3 (Pew Research Center, 2018)]. Вследствие негативной динамики проявлений доверия на различных уровнях и в различных гуманитарных науках сделан вывод, что роль доверия в обществе радикально недооценена [4, с. 219], а провалы доверия отражают серьёзные общественные изъяны.

Доверие – это междисциплинарный феномен, но в рамках каждой отдельной дисциплины при изучении проблем доверия имеется собственная специализация. Так, в современной экономической науке понимание доверия зависит от того, каковы выбранные базовые предпосылки. Будет ли

это версия традиции эмпирической теории рационального выбора Чикагской школы (Г. Беккер, Г. Демсец, Дж. Стиглер, Ф. Найт, Г. Саймонс, М. Фридман, А. Харбергер) или, к примеру, конкурирующая с ней версия научной традиции теории аксиоматического рационального выбора Принстонской экономической школы (П. Кругман, Х. Лейбенштайн, Ф. Махлуп, О. Моргенштерн, фон Дж. Нейман, Д. Нэш, Т. Сарджент, К. Симс), будут весьма разнообразны узловые моменты и границы собственно «теории доверия». В психологии доверия имеется четыре разных базовых подхода к доверию: в качестве поведенческого намерения или внутреннего действия, похожего на выбор, суждения или предпочтения; выражение достоверности (trustworthiness), когда доверие изучается в контекстах персональных характеристик, которые внушают позитивные ожидания достоверности со стороны других («чужих»); как грань личности, которая развивается в раннем возрасте и через всю взрослую жизнь остаётся относительно стабильной; как синоним сотрудничества или выражение принятия риска [5, с. 909].

Аналогичные проблемы создания адекватных ментальных конструкций по «тематике и границам доверия» обнаруживаются в антропологии, истории, менеджменте, политологии, социологии, философии, экономике, этике, других поведенческих науках, набор дисциплин указан по признаку количества представленности учёных соответствующих наук на трёх международных конференциях по доверию 2016–2017 гг. [6; 7; 8].

Цель статьи: представить критический обзор многодисциплинарной проблематики доверия в современной мировой науке. *Задачи статьи:* выявить набор ключевых признаков, идентифицирующих формы, типы и тенденции в предметной области доверия; оценить междисциплинарные границы в предметной области доверия.

Статья опирается на *гипотезу* о том, что спектр релевантных признаков предметных областей доверия может быть разработан на основе системного анализа, современных данных эмпирических и теоретических исследований и в концентрированном виде представлен через метафоры доверия. Рассмотрены неопределённости, риски и сложности в различных дисциплинах при определении концепций доверия, в том числе в контексте постсовременности или рефлексивной модернизации. Один из примеров генезиса доверия — это выход на смысл доверия как ресурса посредством трансформации его структуры [9].

Особенности применяемой методологии и методов исследования

В статье применены методы контекстуального анализа и отбора идей, почерпнутых из дискуссий текстов выступлений, «включённого наблюдения и участия», из статей и монографий ведущих учёных, экспертов и исследователей; анализ метафор [10]; делается акцент на структурно-функциональном анализе, понимающей социологии и феноменологии [11], интеграции этих компонентов как частей теорий в единое смысловое пространство. Приведены систематизация функциональных аспектов различных уровней и типов доверия (см. табл. 1) и примеры операционализации микроуровней доверия и недоверия (см. табл. 2).

Статья организована следующим образом: после введения предлагается обзор литературы,

в котором прослеживаются предметные границы доверия. Затем кратко рассмотрены важнейшие, на наш взгляд, подходы, которые были предложены на трёх научных международных конференциях по доверию. Далее следует краткий обзор литературы по доверию по специальным направлениям. Показано, как определялись релевантные признаки предметной области доверия с точки зрения установления внутренних и междисциплинарных границ различных гуманитарных наук. В качестве одного из главных выводов сформулирована одна из метафор доверия — «зонтичный эффект» в мировой науке.

2. Обзор литературы

Среди многих *социологических* интерпретаций категории доверия доминируют подходы, разработанные в рамках теорий рационального выбора (Дж. Коулман [12]), теории систем (Н. Луман [13–16]), структуризации (Э. Гидденс [9; 17]), социального действия, опирающиеся на научную традицию М. Вебера (например, М. Эндресс [18]); «культуры доверия» как макросоциологической перспективы социальных изменений (П. Штомпка [19–21]), «морального доверия» (Э. Усланер [22–23]).

Понимание того, что использование термина доверия широко варьируется в различных науках (так, Р. Сеппанен, К. Бломквист и С. Сундквист выявили более 70 определений концепций доверия [24]) и бывает противоречиво в рамках даже одной дисциплины, содержащей конкурирующие парадигмы, побуждает к выбору базовой концепции. В качестве теоретического фундамента для изучения доверия нами был выбран системный анализ и неосистемная теория Н. Лумана [25, с. 1]. Кроме того, применялась методология анализа «метафоры доверия» [26, с. 149]. В указанном контексте был проведен анализ одной из лучших, на наш взгляд, исторических монографий по тематике «метафоры доверия» Д. Хоскинга — «Доверие: история», по которой можно проследить генезис категории доверия [27].

Классики социологии обосновывали концепты доверия, исходя из признания теории социального воспроизводства современного мира, когда люди действуют в условиях неполной информации, в условиях риска и потенциальных нежелательных изменений, что де-

лает доверие необходимым. Концепт доверия И. Гоффман воспринимал как сопряжённую с действием зависимость от свидетельств других, основываясь на предположениях о единстве их моральных качеств, обратив внимание на дорефлективные, функционирующие и недоступные знания доверия [28]. Продолжая эту теоретическую линию, Э. Гидденс применил терминологию «структурирующего социального контекста», различая «доверие личностное» (доверие «между известными людьми») и «доверие к абстрактным системам» как продукты «позднего модерна». Выявляя сущность современных институтов, Э. Гидденс зафиксировал тенденцию: значимость институтов всё больше становится «верой в правильность принципов, которых никто не знает» [9, с. 33]. Использование категорий для анализа менее известных предметов привело к преодолению межпредметных границ. Например, «политика изменения климата» открывается «парадоксом Гидденса» применительно к проблеме рисков изменения климата: если эти риски по-прежнему неосознаны, опосредованы и невидимы в повседневной жизни, то очень немногие сталкиваются с ними серьёзно, [17, с. 2-3, 7-9]. «Критическое или активное доверие» возрастает, если больше граждан тщательно изучают требования к знаниям и критически анализируют экспертизы. Описывая понятие «двойной структуризации», Гидденс включил не только наличие правил, задействованных в производстве социальных систем, но и сами «ресурсы» [9, с. 68]. Тем самым «ресурс» вошел в структуру доверия.

Итак, оценивая дискуссии, у классиков социологии возможно выявить разные теоретические нюансы понятия доверия. Дж. Коулман разработывал её рационально-рефлективную версию, Э. Гидденс обращался преимущественно к доверию в терминах «двойной структуризации»; И. Гоффман подчеркивал в контексте доверия социально-интегративную функцию действия, Н. Луман привлекал перспективы развития доверия в контексте управления социальной сложностью.

О предметных границах «доверия»

Типологии подходов по различным социологическим школам показывают, что идеи доверия у классиков являются собой довольно широкий теоретический спектр. Как указывал

А. Селигмен, «использование термина доверие имеет тенденцию быть вольным и неточным, поскольку оно варьируется от микро- до макроуровней, используется для выражения базовых идей, от солидарности Дюркгейма до простой уверенности вкупе с идеями итераций во взаимодействиях» [29, с. 28].

Известна метафора Н. Лумана о доверии как соединении (шарнире: «Scharnier») между разнообразными системами, способном уменьшать сложность, стабилизировать ожидания и увеличивать системные возможности действий людей. Н. Луман указывал, что доверие есть универсальный инструмент, с его помощью процесс принятия решений остаётся в «управляемых границах», а многие источники напряжения становятся преодолимыми [15, с. 20]. Согласно этому воззрению, в сложных поведенческих и рискованных ситуациях индивидуальное действие парадоксальным образом становится предсказуемым, «правила поведения» становятся социально ограничивающими. Благодаря таким ожиданиям своё поведение многие люди сводят к достаточно простым образцам, легко понимаемым и предсказуемым как ими самими, так и другими лицами.

Аналогом ожиданий в экономике считаются *предпочтения* (preferences); которые обозначают склонности индивида, которые относятся к его потреблению и согласно теории рационального выбора [30]. В такой логике термин «доверие» означал рациональность согласия, когда две или более договаривающиеся стороны являются максимизаторами полезности. Исходя из этой теории, Р. Хардин разработал концепцию доверия как «инкапсулированного интереса». Смысл последнего заключался в том, что у любого индивида есть стремление доверять и продолжать отношения, которые особенно ценны [31, с. 88]. Концепт доверия на уровне межличностных отношений описывает ожидания опекуна или попечителя (trustee; bezugspersonen) и доверителя (trustor; vollmachtgeber), и их действия должны складываться на основе общих ценностей и общих моральных убеждений. В теории рационального действия приняты схожие, но несколько иные термины: принципал как лицо, принимающее решения, в отличие от агента, выступающего в качестве исполнителя решений.

Анализ семантического поля доверия выявляет его фундаментальную двойственность: прагматичную и моральную. Э. Услэнер, попытался раскрыть особенности «морально-го» доверия в рамках социологической теории [23]. Э. Услэнер ввёл этот термин как доверие некоему «обобщенному другому», «незнакомцу», без ожидания взамен чего-то конкретного, реализуя заповедь: «Относиться к другим хорошо, даже при отсутствии взаимности» [23, с. 18] и воплощая в жизнь категорический императив Э. Канта как предписание, относящееся к сфере морально должного: «Мы должны доверять друг другу» [23, с. 23]. Но парадокс состоит в том, что моральная независимость приводит к *этической уязвимости*, которая может быть защищена только соблюдением принципов чести, уважения, достоинства. Отметим сходный момент в психологии: в известном определении Д. Роуссиау (и соавторов) в качестве главного смыслового *психологического ориентира* дефиниции доверия даётся «... психологическое состояние, включающее желание принять уязвимость, основанную на позитивных ожиданиях намерений или поведения другого» [32, с. 395]. На наш взгляд, в этих дефинициях этические и психологические определения доверия содержательно близки. Разница между концептами *доверия* и *надежды* состоит в том, что надежда хотя и включает возможность негативных последствий хода событий, но ориентирована только на положительный результат. В то время как доверие намного больше, чем просто надежда, доверие имеет сложно организованную структуру. Основания доверия в самых разнообразных подходах и теориях аргументируются достоверностью, надёжностью, подлинностью и другими значениями. Люди заинтересованы в доверии и надёжности, что позволяет сотрудничать для взаимной выгоды. Сотрудничество является приоритетной, главной задачей. Но существуют многочисленные примеры сотрудничества, которые не нуждаются и, вполне вероятно, не связаны с доверием.

Возвращаясь к цели статьи — внести ясность и пролить свет на то, как доверие исследуется и оценивается в различных предметных областях, обратимся к опыту анализа идей по доверию на сравнительно недавних международных конференциях.

Обзор трёх научных международных мероприятий по доверию

Отметим вклад новых идей и опыта в изучение предмета доверия участниками конференций в Токио («Trust Research from Multi-Disciplinary Perspectives», 18–20 ноября 2017 г. [6]; на научном семинаре по междисциплинарным перспективам доверия в Университете Небраски-Линкольна (США), по итогам которого издана книга в 2016 г. [7]; и исследования доверия как риска на базе докладов экспертной группы Европейского союза (Люксембург, 2017 г.), в которых представлены среднесрочные последствия для политики и институтов в случае снижения уровня и качества доверия [8].

На конференции «Trust» в Токио П. Штомпка предложил оттолкнуться от «шести моральных связей, которые составляют основу морального пространства: это лояльность, взаимность, солидарность, уважение, справедливость, доверие» [33]. Штомпка сформировал теоретическую и метафорическую конструкцию, в которой «доверие обеспечивает мост над морем неопределенности». Б. Ноутбум (Нидерланды) обратил внимание, что дефиниция доверия до сих пор имеет много двусмысленности и путаницы. Ноутбум отметил, что, если мы смотрим на любое сотрудничество, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой экономии затрат: это поиск информации о партнере, альтернативных сделках, ценах на продукты; характеристики предмета сделки; переговоры и процессы подписания контракта; защита контракта от посягательства со стороны третьих лиц; контроль за соблюдением условий договора между партнерами. Возникла дискуссия с некоторыми утверждениями экономистов. Например, О. Уильямсон утверждал, что в рыночных условиях доверие невозможно [34]. По мнению Уильямсона, доверие на рынках имеет смысл только в случае, если оно не выходит за рамки личных интересов. Ноутбум не согласился с такой постановкой вопроса. Действительно, в любом бизнесе первичен личный интерес, прибыль, но есть также место и для чего-то похожего на доверие. В условиях радикальной неопределенности укрепление доверия является инвестиционной сделкой. Как экономист, Ноутбум на первый план выдвинул теории транзакционных издержек и оппортунистического поведения в доверии; как социолог, он наста-

ивал на том, что доверие — основа общества; а полное понимание доверия требует уместного сочетания компонентов из экономики, социологии, социальной психологии, когнитивной науки. Р. Бахманн определил современную ситуацию с доверием как тектонический сдвиг в понимании и интерпретации организационных и социально-экономических условий [35]. В докладе Р. Салерно прозвучали оценки новых способов операционализации доверия. Здесь концепт «доверие» — яркий пример того общего случая, что антрополог К. Леви-Стросс назвал как «плавающее означающее» («floating signifier») [25, с. 11]. По оценке Р. Салерно, феномен «плавающих означающих» в социологии доверия имеет поистине фундаментальное значение и глубокий смысл подобно тому, как «иной», «чужой», «другой» стали центральными философскими и социокультурными категориями, определяющими другого как «не-Я» [26].

Г. Мёллеринг выделил четыре части основных проблем доверия в менеджменте: «старая/новая; реальная/большая». Решение «старой» проблемы отвечает на вопросы: «Как системы могут доверять системам?». Решение «новой» проблемы связано с ответами на вопросы по поводу рефлексивности межорганизационного доверия: «Каким способом системы могут избежать “тёмных сторон” доверия?; Что означают на деле понятия нежелательного, дисфункционального или ложного доверия, чрезмерного или оптимального доверия?» Решение «реальных» проблем связано с самоукрепляющимися межорганизационными доверительными процессами. Переходя к «большим» проблемам доверия, Мёллеринг описал явления «ловушек доверия», демонстрирующих циклы обратной связи и самоподкрепления: общие и межорганизационные; ловушки возможностей, обязательств, бюрократического цикла, зависимости от организационного пути и от критических моментов развития. По оценке Мёллеринга, проблема критических связей в доверительных отношениях особенно актуальна в тех случаях, когда восприятие достоверности превращается в доверительные практики, а готовность быть уязвимым превращается в фактическое состояние беспомощности [36–38]. На этой конференции были даны объяснения того, почему в мире происходят процессы снижения уровня социального доверия в целом, к правительствам и оппозиционным партиям в частности,

растёт популизм. Например, «брексит» и избрание Трампа сопряжены с глубокой обидой людей по поводу оскорбления их чувства национальной идентичности. В итоге мотивация самоидентификации («доверие к своей стране, сохраняющее чувство идентичности») оказалась сильнее денежной мотивации («доверия к деньгам»). Было признано (в терминах Гидденса), что элитами не был вычерчен правильный «профиль риска».

На научном мероприятии «Многодисциплинарный симпозиум и междисциплинарный семинар (университет Небраски-Линкольна, США) усилия были направлены на поиск теоретической и методологической интеграции компонентов доверия. По итогам была издана научная монография в 2016 г. с публикацией 12 лучших статей, отражающих многоуровневую концептуализацию доверия [7]. Обсуждались отношения между легитимностью, процессуальной справедливостью и сотрудничеством в контексте социологии, политологии, криминологии, влияние политической поляризации на институциональное доверие; дисциплинарные и контекстуальные различия в использовании доверия [7]. Участники отметили, что опыт, наработанный и накопленный участниками семинаров «Trust» в Университете штата Небраска, был «жёстким, умопомрачительным и разочаровывающим», что требуется междисциплинарная работа, но она редко выполняется в исследованиях по доверию [7].

Третье направление обзора — изучение доверия на базе докладов экспертной группы ЕС (Люксембург, 2017 г.), в которых были представлены оценки решения социальных проблем на основе концепта «доверия к надёжности» в противовес альтернативной концепции «доверия к риску», экспертные оценки среднесрочных последствий для политики и институтов в случае снижения уровня и качества доверия в различных странах мира [8]. Понятие *функции доверия* относится к узловым положениям, которые были инициированы Европейской комиссией для воссоздания доверия граждан к европейскому проекту [8, с. 18]. Показаны возможные последствия разрушения и краха доверия в различных областях. Утверждается, что демократии во многих странах находятся под угрозой, поскольку утрачено ясное понимание, где пролегают «границы доверия». Когда социальное доверие разрушается, социальная ткань

перестраивается в направлении образований, учреждений, институтов более низкого уровня, которые затем создают вокруг себя жёсткие непроницаемые границы, тогда доверие имеет тенденцию переориентироваться на другой силовой центр: политическую партию, религиозное движение, этническую группу, регионального лидера, лидера вождистского типа, сильного военного лидера или экономически могущественного деятеля; такие группы и их лидеры очерчивают жёсткие границы, и недоверие ещё более возрастает. Тогда любой толчок к убийственному конфликту может стать непреодолимым; и мы это видим на примерах того, что происходит в Украине и на Ближнем Востоке [8, с. 14]. Вместе с тем надо признать, что наиболее глубокие и фундаментальные причины и обстоятельства подобного рода «тёмных сценариев уничтожения доверия» в настоящее время ещё полностью не изучены.

Обзор идей и поиск междисциплинарных границ доверия исходя из «учебников-справочников» (Handbooks)

Мы изучаем и сравниваем общие контексты доверия, выявляя их границы, начиная с экономики, переходя к социологии и социальной теории, двигаясь к психологии и философии, захватывая менеджмент и историю, и далее — собственно к специализированным изданиям по доверию и социальному капиталу.

В Оксфордском учебнике-справочнике по «политической экономике» последняя трактуется как взаимосвязь между экономикой и политикой; собственно экономический подход, называемый общественным выбором, который выделял индивидуальную рациональность; и социологический подход, уровень анализа которого носил чисто институциональный характер [39, с. 4]. Доверие сквозь призму этих трех подходов отображает контекстуальные проблемы (кого избиратели знают и кому доверяют); игры в контексте подготовки и организации регистрации избирателей; формы доверия между политиками и бюрократами, теория асимметричной информации. Дебаты с позиций «политической экономики» доверия привели к разработке целых блоков вопросов риска морального ущерба вкупе с нацеленностью акторов на различные интересы, групповой выбор и решения о возможности сотрудничества. Например, было показано использование недоверия в логике террора, что

сегодня особенно актуально [39, с. 33, 144, 258, 291, 698, 863, 976, 1006].

В учебнике-справочнике по современной экономике роста [40] был сделан вывод, что фундаментальными причинами долгосрочного роста становятся институты доверия, важно также «высокое доверительное равновесие с высоким качеством». В связи с этим фактор доверия рассмотрен как элемент институционального выбора, особенно при заключении и исполнении контрактов. Такая логика приводит к понятию «коллективной репутации», способствующей успеху и процветанию общества. Как противоположные по содержанию приведены понятия «дисфункциональность» или «неадаптированность», когда агенты принимают систему убеждений или способов действий, связанных с рентоориентированным поведением; коррупцией, культурой доверия только близким или членам своих семей и отказом от сотрудничества в широком контексте [40, с. 303-304, 364-365, 402-404, 430, 519].

Современные микроэкономические подходы, представленные традиционными темами потребительского выбора, спроса и предложения, производства [41; 42], используют различные теоретико-игровые модели; исследования предпосылок модели доверия «человека реципрокного» [41, с. 56, 257, 264, 301, 313], оценки иррационального экономического поведения в контекстах доверия и недоверия, тематики патентных прав и антимонопольных законов [42, с. 93, 451-458, 529, 580].

Издание по современной поведенческой экономике посвящено проблемам, которые не удалось решить традиционными подходами, аккумулируя выводы психологов, социологов, политологов, правоведов и биологов [43]. Доверие представлено в терминах структуры личности, изучалось в контексте биологических и нейроповеденческих систем. Модели доверия поведенческой экономики могут быть применимы к новым вызовам глобальной торговли и бизнеса, которые основываются на уважении к себе и другим, динамичному взаимодействию индивида и эмпатии, если торговля проводится без угроз конфликта [43, с. 33, 142-146, 152, 261, 268, 339, 400-418, 458-463, 654].

Продолжая анализ парадигмы доверия в русле новой институциональной экономики, надо подчеркнуть, что её центральной современной темой стала проблема разрушения че-

ловеческого взаимодействия, вызванная неспособностью выдержать надёжность обязательств на уровне людей и институтов [44]. Тематика доверия имеет ключевое значение, поскольку отсутствие достоверных обязательств разрушает три типа человеческого взаимодействия: экономический обмен, отношения между избирателями и политиками и общественный договор. Решать проблемы в каждой из сфер достоверных обязательств и надёжной приверженности помогают те социальные нормы, которые вызывают доверие и надёжность. Чтобы объяснить возникновение и устойчивость заслуживающих доверия действий или совместного поведения в условиях отношений «принципала – агента» или добровольного предоставления общественных благ, изучаются такие вроде бы чисто социологические явления, как динамика социального остракизма или участие в плотных горизонтальных сетях. Нормы доверия как продукты повторяющихся игр и формальных институтов считаются одними из самых жёстких институтов, но при этом широко варьируются между странами, оказывая значительное влияние на экономические результаты. Культуре доверия между незнакомцами способствуют сети ассоциаций, помогающие преодолевать проблемы коллективных действий, что также стыкуется с тематикой социального капитала. В новой институциональной экономике метафора доверия связана в основном с решениями рациональных субъектов, издержками и выгодами, которые они учитывают при выборе с учётом социальных норм. Последние, в отличие от социологии, используются более ограниченно для решения проблем коллективных действий [44, с. 16-17, 108-109, 180, 213-214, 614-628, 684, 702-721].

В публикациях по социальным исследованиям рационального выбора [45] и сравнительному институциональному анализу [61] проблемы доверия представлены в существенно более специфицированных и потому в более интересных контекстах. В исследованиях рационального выбора рассматриваются концепты доверия в сопряжении с надёжностью, даются результаты различных ситуаций, доверие исследуется в теоретико-игровых моделях, когда ожидания относительно затрат и выгод в значительной степени зависят от стереотипов социальных групп (статус, раса, пол, возраст). Доверие интерпретируется как «тень будущего»; основная черта

социальной дилеммы с участием двух субъектов разбирается как «конфликт» между индивидуальной и коллективной рациональностью. Этот конфликт в экономике назван «проблемой общественных благ»; в социологии – это ситуация «проблемы коллективных действий»; в политической науке – «трагедия общего достояния». В процессе анализа доверия выявляются ценные нюансы: повторные переговоры, как правило, стимулируют оппортунистическое поведение, поскольку неожиданная непредвиденная ситуация обычно укрепляет переговорные позиции одного партнера и ослабляет позиции другого; сильная взаимность может привести к ситуации пренебрежения доверием, а укрепляют доверие результаты действия рациональных акторов, учитывающих долгосрочные эффекты их поведения [45, с. 48-51, 60-74, 114-117, 122-127].

В Оксфордском издании по сравнительному институциональному анализу [46] показано, как формы, результаты и динамика экономической организации (фирмы, сети, рынки) соотносятся с другими социальными институтами (например, системы обучения, политики, права и другие) и каковы последствия для экономического роста, инноваций, занятости и неравенства. К этим вопросам применен сравнительный подход. Редакторы весьма озабочены «прочерчиванием границ» из той «общей области интересов», которая представлена целым рядом дебатов, концепций и аргументов, содержательно похожих, но отличающихся от других предметных областей [46, с. 1-3]. По отношению к доверию здесь рассмотрены контракты; кратко- и долгосрочный оппортунизм; отношения между работниками и работодателями; закон; сети, типы государств и особенности политической обстановки, институциональные режимы. Приведены соотношение видов доверия и моделей рынка, нерыночных отношений; анализ влияния доверия на динамику макроэкономических показателей через институты. Зафиксировано, что низкие уровни доверия часто связаны с хищными государствами и с непредсказуемыми финансовыми системами [46, с. 47-48, 93, 123, 213-218, 285, 378, 468-482, 533, 618].

В Оксфордском учебнике-справочнике по аналитической социологии предметная область кратко определена как «стратегия понимания социального мира» [47]. Утверждается, что концепт доверия как основы для действий на базе

сигнальной теории теоретиками и практиками был сильно недооценен. Доверие взаимодействует с неформальными механизмами контроля, и актуальная проблема заключается в том, как влияет на них доверие, как подрывает и как поддерживает такие механизмы. Глубокий интерес для аналитической социологии представляют последствия доверия на макроуровне, и особенно часто отмечено снижение доверия (лиц и институтов) [47, с. 83-87, 160-169, 173-180, 185-188]. Аналитическая социология объясняет доверие детализацией механизмов, посредством которых возникают социальные факты, и эти механизмы неизменно относятся к действиям отдельных лиц и отношениям, которые связывают друг с другом субъекты действия.

Интеллектуальная архитектура экономической социологии связана с афористичным определением её классиков как «социологической перспективы применительно к экономическим явлениям» [48, с. 3-5]. *Экономическая антропология* определяется как «описание и анализ экономической жизни с использованием антропологической перспективы». Доверие, как и другие социокультурные феномены, антропологи воспринимают и описывают через призму амбивалентных поведенческих паттернов как реальных образцов поведения [50, с. 1-2].

При рассмотрении рефлексивного и функционирующего доверия, разделительной границей может выступать концепт скачка веры [36; 49]. Соотношение между этими двумя видами доверия отражает постоянно продолжающийся поиск равновесия между доверием, понимаемым как надёжность, покоящимся на рутине повседневных поступков (рефлексивное доверие), и доверительными действиями в условиях неопределенности (функционирующее доверие). Количественные измерения и оценки отношения доверия измеряют только рефлексивную уверенность (рефлексивное доверие), не могут быть легко восприняты как имеющие отношение к поведению. При использовании понятия функционирующего доверия речь идет в первую очередь о социологической интерпретации структурной амбивалентности доверия, и поэтому существует необходимость различения уровней рефлексии доверия в действии. Надо понимать значимость форм, темпы роста и рас-

пространения «радиусов доверия» людей, «действующих на другой стороне». На уровне теоретического осмысления современного общества и его структур возрастает роль «промежуточных» типов доверия, а также феноменологии доверия в рамках общих социальных изменений. Наконец, важно прояснить детерминанты социального доверия с учётом динамики уровня доходов и социальных статусов, особенно ввиду усиливающейся тенденции к групповому эгоизму (обособлению) и особых представлений о справедливости (в версиях «свой—чужой»). Возникает и необходимость расширить концепцию познания за счет охвата феноменологической перспективы, проводя анализ смысловых структур жизненного мира. Функционирующее доверие в этом плане предстаёт как альтернатива рефлексивному доверию, а трактовка отношения человека к собственным поступкам и убеждениям, где проявляется его уверенность в своей правоте, контрастирует с анализом смысловых структур жизненного мира. Если доверие представлено как специфический модус отношений, как некоторая связь, то свойства этой связи, описываемые в понятиях рефлексивного и функционирующего доверия, могут быть обусловлены противостоянием рутинного действия и действия, отклоняющегося от нормы. В этом моменте мы выходим на понимание доверия в социологии, экономике и антропологии как выбора, что помогает решать теоретические проблемы специфического контекста, использовать метафоры как «тени будущего», уязвимости и возможности из-за «скачка надежды».

Смысловая нагруженность и содержательный характер рефлексивного и функционирующего доверия связаны с проблематикой радикальной неопределенности индивида; напряженностью доверия и его амбивалентного свойства между альтруизмом (солидарностью) и корыстью, сопряжённой с личным интересом и контролем.

Обсуждение результатов

Критический анализ теоретических позиций классических и современных зарубежных исследователей привёл нас к пониманию, что доверие может быть определено рядом разнородных признаков, которые взаимосвязаны по различным обоснованиям (табл. 1). Разные уровни и типы доверия могут отражаться на

Таблица 1. Функциональные аспекты различных уровней и типов доверия

Уровни	Типы	Системные функции и модели реализации	Контексты, создающие смыслы
Мега- (mega-); и макро- (macro-)	системное доверие (systemic trust)	Снижение сложности (reduction of complexity), свободный поток информации (free information flow); облегчение обмена информацией (facilitate the exchange of information); действие общих правил (effect of generic rules)	Системные контексты, формирующие репертуары смыслов (systemic contexts that shape the repertoires of meanings); фундаментальный институциональный дизайн (fundamental institutional design); системные институты репутации (system reputation of the institutions)
	Социетальное доверие (societal trust)	Институциональная беспристрастность достоверности действий; межличностное доверие (interpersonal trust), понимаемое во всеохватывающем смысле; социетальное доверие как обобщенное доверие (societal trust as generalized trust)	Социетальные коммуникации (societal communication); социальные правила взаимности (societal rules of reciprocity); институциональный дизайн государственных форм управления (institutional design of government forms)
	Абстрактное доверие (abstract trust)	Контролируемое абстрактными правилами поведение сторон в контексте анонимных социальных структур, направляемые взаимные ожидания, обеспечивая устойчивые паттерны взаимодействия	Обобщенные нормы и правила делового поведения (contexts of generalized norms and rules of business conduct); а также институциональные формы (context of trust as institutional forms);
	Моральное доверие (moral trust); этическое доверие (ethic trust); Культурное доверие (culture trust)	Модели морального доверия (patterns moral of the trust); установки (аттитюды) на “морально достойное” доверие (setting to “morally decent” of the trust); действие общих принципов морали, обеспечивающее гарантированное доверие (guarantee trust effect by moral principles); модели доверия, укоренённые в данном типе культуры (models of trust rooted in this type of culture); проблемы морального риска (problems of moral hazard); мораль как вопрос рациональности (morality as a matter of rationality); моральный рационализм как подход, подчёркивающий гипотетическое согласие (moral rationalism emphasizes hypothetical agreement)	Моральные (moral), политические (political) и социо-экономические (socio-economic) взаимные ожидания и модели сотрудничества (mutual expectations of cooperation); моральные генераторы (moral generators) репертуаров смысла (repertoires of meaning); моральный риск и оппортунизм (moral hazard and opportunism); “моральные провалы рынка” (“morality arises from market failure”), когда рациональное поведение агентов рынка, адекватно реагирующих на порождаемую рынком информацию, не обеспечивает Парето-эффективного распределения ресурсов
	Институциональное доверие (institutional trust)	Модели институционального доверия (models of institutional trust); функции институтов, формирующие паттерны поведения (functions of institutions that form patterns of behavior)	Институциональные стили принятия решений (institutional decision-making styles); репертуары смыслов (repertoire of meaning)
Мезо- (meso-)	региональное доверие (regional trust)	Укоренённые в каждом члене регионального сообщества культурные особенности; отличительные признаки региональной самобытности; концептуальный поворот Р. Патнэма (conceptual twist R. Putnam): социальный капитал как собственность местных сообществ; действие правил мезоуровня (meso rules)	Признаки культурной укоренённости (signs of cultural embeddedness); институциональный дизайн местного управления (institutional design of local governance); региональные показатели институционального уровня (regional indicators of the institutional level) как признаки мезоуровня (meso rules)
Микро- (micro-)	Групповое доверие (group trust)	Реализация общих ценностей, целей, интересов конкретных групп (realization of values, goals, special interests of specific groups); эквиваленты транзитивности фирменного наименования (equivalents of transitivity of a trade name); организационный контекст (organizational context)	Идентификационный, организационный и системно-интерактивный контексты (identification-based, organizational and systemic-interactionist contexts) целей, ценностей, интересов конкретных групп (goals, values, interests of the specific groups)
	Личностное доверие (personality trust)	Реализация ценностей, целей, особых интересов индивида (realization of values, goals, special interests of personality)	Идентификация ожиданий, обещаний, предпочтений, ограничений, намерений, обязательств, обеспечивающих связями взаимности (identification of expectations, promises, preferences, limitations, intentions, obligations providing ties reciprocity)

Таблица 2. Примеры операционализации микроуровней доверия и недоверия

Дифференциация уровней доверия	Типы доверия	Системные функции доверия (недоверия)	Контексты доверия
«Свой (us) – чужой» (them)	Доверие на основе личной преданности или на основе лояльности (trust on the basis of personal devotion or loyalty)	Минимизация экзистенциального риска (minimizing of existential risk); доверие на основе принадлежности к клану, или религии (секте), или семейным связям (trust based on clan or religious (sect) affiliation or family connections)	Личная преданность; (personal devotion); личная лояльность (personal loyalty)
Уровень группы (group level)	Доверие на базе идентичности (identity-based trust); доверие на базе интеракций (interactionist-based trust)	Идентификация с общими целями, ценностями, правилами, нормами (identification with common goals, values, rules, norms); интеракции и коммуникации (interactions and communications); сплоченность (cohesion); доступ к общим ресурсам социального капитала, который «принадлежит коллективно!» и «генерирован коллективно» (access to common resources social capital that is «owned collectively» and «generated collectively»)	Идентификационный (identification-based) и интерактивный (interactionist-based) контексты доверия; возможность доступа к ресурсам социального капитала (access to social capital resources)
	Недоверие (distrust)	Защита от чрезмерной сплоченности групп (excessive group cohesion), независимое принятие решений (independent decision making), мониторинг процессов (monitoring of processes); преодоление взаимного недоверия (overcome mutual distrust); опыт дискриминации, ведущий к общему недоверию (own experience of discrimination leading to general distrust)	Различные виды защит от недоверия (various types of protection against distrust)
Уровень: доверитель – доверенное лицо (level: trustor – trustee)	Калькуляционное доверие (calculus-based trust); доверие знаниевое (based knowledge trust)	Ядро компетенции для общих проектов и бизнес-моделей (nucleus of competence for common projects and business models); безбарьерная связь (barrier-free communication); нормативное руководство (normative guidance)	Контексты моделей рационального действия (contexts of rational action model)
Уровень фирм (level firms), уровень предпринимателей (level entrepreneurs)	Доверие на базе реляционных контрактов (relation-based contracts); доверие на базе репутационных эффектов (effects by reputation)	Модели доверия (patterns of trust): «норма обобщенной взаимности» («norm of generalized reciprocity»), влекущая общее ожидание отдачи, которая возвращается в будущем «virtuous circle»; «добродетельный круг» цикл – «virtuous circle»; вознаграждения от прошлых взаимодействий должны будут способствовать расширению сетей сотрудничества, что способствует дальнейшему сотрудничеству	Фирмы с общими ресурсами (firms with shared resources); институты пула (pool institutions); институты репутации (reputation of the institutions); рост совместных проектов (growth joint projects)
	Оппортунизм (opportunism); оппортунистическое поведение (opportunistic behaviour)	Оппортунистическое поведение как достижение своих интересов обманным путём, включая явные формы неправды: лукавство, хитрость, коварство, ложь, воровство, мошенничество, предательство (opportunistic behaviour as achieve the own interests of fraudulently, including explicit forms of untruth: slyness, cunning, guile, lies, theft, fraud, betrayal (O. Williamson))	Гарантии реляционных контрактов (guarantees of the relation-based contracts); эффекты репутации (effects by reputation)
	Доверие как снижение неопределённости (trust as reducing uncertainty)	Обязательства доверия как средства уменьшения неопределённости (obligations of trust as a means of reducing uncertainty); укрепление доверия путем создания поведенческих обязательств, отказываясь от других альтернатив	Принятие на себя важных обязательств как конкретных средств уменьшения неопределённости
	Доверие как «скачок веры» (trust as a leap of faith)	Определение границ доверия, фиксирующих различные уровни и качество доверия для принятия соответствующих решений	«Скачок веры» как волевое преодоление неопределённости
	Доверие как «продукт» (trust as product)	Определение качества доверия как «рыночного продукта» для принятия соответствующих решений	Доверие как «продукт» (trust as product)
	Доверие как риск (trust as risk)	Риск, дающий возможность продемонстрировать свою надёжность (risk makes it possible to demonstrate its reliability)	Ситуации различных типов риска

различных аналитических платформах, в частности, возможны базовые теоретические подходы как основополагающие системы доступа в рамках структурно-функционального анализа или феноменологического подхода (Э. Гуссерль, А. Шютц), системной теории (Н. Луман), той или иной версии понимающей социологии (М. Вебер, Г. Зиммель) или версий этнометодологических подходов (Г. Гарфинкель), изучающих обыденные нормы и правила поведения, смыслы языка в рамках повседневного взаимодействия или стремления к взаимопониманию в социальных процессах. Доверие дифференцировано по микро-, мезо-, макро-, мегауровням с анализом конкретных процессов генерации. Фундаментальные значения в своих возможных различиях имеют тематическое, рефлексивное, рациональное, эмоциональное, отношенческое, деловое, функционирующее виды доверия (доверие как действия); между явной и неявной формами или функциями доверия. Принципиальны различия между межличностным, институциональным и системным видами доверия, и их взаимными отношениями друг с другом. Возможные комбинации этих признаков и видов обеспечивают самые разнообразные формы представленности доверия. Например, на микроуровне нами были определены четыре системы операционализации для социологии, психологии, экономики и смежных к ним наук (табл. 2). В экономической литературе выявляются механизмы, позволяющие агенту действовать в соответствии с контрактом. Основным таким механизмом является включение стимулов таким образом, что полезность агента увеличивается, если контракт выполняется. В этом пункте возникает важный момент «концептуального расхождения» между предметными областями экономики и социологии: напряженность доверия выступает как имманентно присущее ему амбивалентное свойство между альтруизмом (солидарностью в терминах Э. Дюркгейма) и корыстью, сопряжённой с личным интересом, и форм контроля этого противопоставления.

По нашему мнению, для понимания границ доверия имеет значение книга Д. Хоскинга «Доверие: история» [27]. Центральной её темой стали «доверие и недоверие» в их социально-историческом измерении, когда ключевые особенности «доверия и недоверия» высвече-

ны в самых разнообразных обществах и в самых различных периодах истории. Хоскинг выявил причины нынешнего кризиса доверия в различных сферах социальной жизни, обращая особое внимание на исторические предпосылки современных проблем [27, с. 7]. Хотя в название книги вынесено слово «доверие», её нужно читать скорее как «историю недоверия», переосмысливая, как пример, период сталинизма. Хоскинг вспоминает, что Сталин говорил: «Я никому не верю, я не верю даже себе самому» [27, с. 15]. Сталинский террор для автора книги является катастрофическим надломом доверия в стране и в аппарате государственной власти.

Заключение и предварительные выводы

Результаты данной работе можно представить на уровне «зонтичной теории», где представлены формы и типы доверия из различных предметных областей, а также такие «отдельные соцветия», как «обязывающее доверие», генерирующее модели связывания; «мостообразующее доверие», производящее модели наведения мостов; «сцепляющее доверие», порождающее модели связывания (или сцепления) и прочие его виды. Учёт особенностей «зонтичных эффектов» доверия проявляется, например, в преимуществах гибкости при изменении спроса на доверительные отношения в тех или иных локальных континуумах; в самостоятельности и независимости доверителей и доверяющих; дифференциации различных продуктов доверительных отношений. Операционализация доверия как выбора помогает решить теоретические проблемы специфического контекста, понимания различий перспектив между доверителем и доверенным лицом; использовать метафоры «тени будущего», уязвимости и возможности из-за «скачка надежды». Смысловая нагруженность и содержательный характер доверия связаны с проблематикой радикальной неопределенности индивида; напряженностью как амбивалентного свойства между альтруизмом (солидарностью) и корыстью, сопряжённой с личным интересом и контролем; имеет значение степень размерности доверия и её учёт в самых разнообразных институциональных контекстах.

Выявлены общие недостатки эмпирических подходов. Ограниченные количественными измерениями отношения и, таким образом, измеряющие только рефлексивную уверенность,

они не восприняты как имеющие отношение к поведению и представляют собой лишь весьма конкретный интерес к предмету доверия. Выявлены главные трудности в определении междисциплинарных границ *доверия*. Постоянно растущий интерес к доверию и сопряжённым группам концепций, таких как социальный капитал, вера, уважение, признание, уверенность, ассоциативность, социальная сплоченность, легитимность, уязвимость, гражданское общество, тесно связаны с широко распространёнными проблемами поздней современности: риски и безопасность, многосложность обществ, снижающееся значение государства как сообщества, основанного на общих нормах и ценностях.

Ряд значительных событий в последние десятилетия буквально потрясли доверие людей — друг к другу, к институтам, организациям, государствам. Одним из неприятных последствий мирового кризиса 2008 года названа инерция общественного цинизма по отношению к устоявшимся моральным нормам, общественным благам, культурным ценностям и доверию. Тем

не менее, нынешний дефицит общественного доверия нельзя объяснить только последствиями финансового кризиса, поскольку он нарастал также из-за множества провалов, затрагивающих правительства, регулирующие органы, фирмы и корпорации.

Здоровое общество опирается на признание того, что политика не является естественной средой для прочных доверительных отношений и поэтому включает в себя разумное недоверие в отношении к интересам других, особенно влиятельных и сильных. Прогрессивные общественные системы предоставляют гражданам много возможностей для надзора за теми, кто наделен такой силой и властью, тем самым институционализируют недоверие. В то же время общественное доверие является социальным строительным блоком коллективных действий, и по этой причине любая публичная власть не может обойтись без доверия. Любые общественные институты зависят от доверия между гражданами, достаточного для представительства, сопротивления и альтернативных форм управления.

Литература

1. Edelman. *Edelman Trust Barometer. New York: Edelman Associates. Expectations for CEOs.* 2018.
2. Gallup. *Confidence in Institutions.* 2018.
3. Pew Research Center. *Trust in Government. Washington, DC: Pew.* 2018.
4. Cook, Karen and Gerbasí, Alexandra. *Trust. In: Handbook of Analytical Sociology. Edited by Peter Bearman, Peter Hedström. Oxford University Press, 2009, pp. 218-245.*
5. Colquitt, J. A., Scott, B. A., & LePine, J. A. *Trust, trustworthiness, and trust propensity: A meta-analytic test of their unique relationships with risk taking and job performance.* Journal of Applied Psychology, 2007 (92), p. 909-927.
6. Report of International Conference on Trust. Institute of Social Sciences, Chuo University. November 18-20, 2017. Available at: <http://global.chuo-u.ac.jp/english/news/2017/12/9833/>.
7. Interdisciplinary Perspectives on Trust. Towards Theoretical and Methodological Integration Ellie Shockley, Tess M.S. Neal, Lisa M. PytlikZillig, Brian H. Bornstein (eds.) University of Nebraska-Lincoln. Lincoln, NE, USA. 2016. 223 p.
8. Trust at Risk: Implications for EU Policies and Institutions. Report of the Expert Group “Trust at Risk? Foresight on the Medium-Term Implications for European. Research and Innovation Policies (Trust foresight)”. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. 196 p.
9. Giddens, Anthony. *The Consequences of Modernity.* Stanford University Press, 1990. 186 p.
10. Lakoff, George & Johnson, Mark. *Metaphors we live by.* London: The University of Chicago press, 2003. 191 p.
11. Schütz, Alfred. *The phenomenology of the social world.* Evanston: Northwestern University Press, 1974. 255 p.
12. Coleman, James. *Foundations of Social Theory.* Cambridge: Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1990, xvi, 993 p.
13. Luhmann Niklas. *Vertrauen. Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität. München. Die Originalausgabe erschien 1968 im F. Enke Verlag, Stuttgart. 5 Auflage.* 2014. 128 p.
14. Luhmann, Niklas. *Trust and Power. Chichester [Eng.]; New York: John Wiley & Sons, 1979, xix, 208 p.*

15. Luhmann Niklas. *Vertrautheit, Zuversicht, Vertrauen: Probleme und Alternativen // Vertrauen: Die Grundlage des sozialen Zusammenhalts / Hrsg. Von M. Hartmann, C. Offe. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus, 2001, pp. 143-160.*
16. Luhmann, Niklas. *Familiarity, confidence, trust: Problems and alternatives. In D. Gambetta (Ed.), Trust: Making and Breaking of Cooperative Relations. Oxford: Basil Blackwell, 1988, pp. 94-107.*
17. Giddens, Anthony. *The politics of climate change. Polity Press Reprinted, 2009. 265 p.*
18. Endreß, Martin. *Vertrauen – Bielefeld: Transcript, Verl., der Reihe Einsichten, 2002. 105 p.*
19. Sztompka, Piotr. *Kapital społeczny; teoria przestrzeni międzyludzkiej. Wydawnictwo znak, Krakow, 2016. 350 p.*
20. Sztompka, Piotr. *Trust: A Sociological Theory. Cambridge, UK; New York, NY: Cambridge University Press, 1999. Xii, 214 p.*
21. Sztompka, P. *Trust, distrust and two paradoxes of democracy. European Journal of Social Theory, 1998, №1 (1), pp. 19-32.*
22. Uslaner, Eric. *Corruption, Inequality, and the Rule of Law. Cambridge. University press, 2008. Xiii, 345 p.*
23. Uslaner, Eric. *The Moral Foundations of Trust. Cambridge University Press, 2002. 312 p.*
24. Seppanen, R., Blomqvist K. and Sundqvist S. *Measuring inter-organisational trust: a critical review of the empirical research in 1990-2003', Industrial Marketing Management, 2007, №36 (2), pp. 249-265.*
25. Jalava, Janne. *Trust as a Decision. The Problems and Functions of Trust in Luhmannian Systems Theory. Published by the Department of Social Policy, University of Helsinki. Research Reports, 2006. 222 p.*
26. White, Hayden. *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. The Johns Hopkins University Press. 1973. 448 p.*
27. Hosking, Geoffrey. *Trust: A History. Oxford: Oxford University Press, 2014. 211 p.*
28. Goffman, Erving. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge: Harvard, 1986. 586 p.*
29. Seligman, Adam. *The Problem of Trust. Princeton: Princeton University Press, 1997. 231 p.*
30. Stigler, George & Becker, Gary. "De Gustibus Non Est Disputandum." *American Economic Review, 1977, 67: pp. 76-90.*
31. Hardin, Russell. *Trust. Cambridge, UK: Polity, 2006. 214 p.*
32. Rousseau, D.M., Sitkin S.B., Burt R.S. and Camerer C. *Not so different after all: a cross-discipline view of trust, Academy of Management Review, 1998, № 23 (3), pp. 393-404.*
33. Sztompka, Piotr. *Trust in the Moral Space. Report of International Conference on Trust (Institute of Social Sciences, Chuo University) (November 18-20, 2017). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=6KXOfZaZBZs>.*
34. Williamson, Oliver. *Calculativeness, trust, and economic organization. Journal of Law and Economics, 1993, 36 (April), pp. 453-486.*
35. Bachmann Reinhard, Gillespie N., & Pfriem R. *Repairing trust in organizations and institutions: Toward a conceptual framework. Organization Studies, 2015, № 36 (9), pp. 1123-1142.*
36. Möllering, Guido & Sydow, Jorg. *Trust trap? Self-reinforcing processes in the constitution of inter-organizational trust [Chapter prepared for Sasaki, M. (Ed., 2018) Trust in Contemporary Society. Leiden: Brill], 10 March 2018, 24 p.*
37. Möllering, Guido. *Cultivating the field of trust research, Journal of Trust Research, 2017, № 7 (2), pp. 107-114.*
38. Möllering, Guido. *Trust: Reason, Routine and Reflexivity. Oxford: Elsevier, 2006. 230 p.*
39. *The Oxford Handbook of political economy edited by Barry R. Weingast, Donald A. Wittman and Robert E. Goodin, edited. Oxford University Press, department of the University of Oxford. University press, 2009. 1094 p.*
40. *Handbook of Economic Growth. Editors: Aghion P, Durlauf S. Handbook of Economic Growth. North-Holland: Elsevier; 2005. 1867 p.*
41. *Microeconomics: A Modern Approach, edited by Andrew Schotter, South-Western College Publishers, New York University, New First Edition, 2009. 743 p.*
42. *Intermediate Microeconomics: A Modern Approach. 8th Edition by Hal R. Varian. Published edited by W.W. Norton & Company, Inc, 2010. 806 p.*
43. *Handbook of Contemporary Behavioral Economics. Foundations and Developments, edited by Morris Altman, Publisher: Routledge, 2006. 784 p.*

44. Handbook of New Institutional Economics. *Claude Menard and Mary M. Shirley, edited. Springer-Verlag Berlin Heidelberg.* 2008. 885 p.
45. The Handbook of Rational Choice Social Research. *Edited by Rafael Wittek (Editor), Tom A.B. Snijders (Editor), Victor Nee (Editor),* 2013. 624 p.
46. The Oxford Handbook of Comparative Institutional Analysis. *Edited by Glenn Morgan, John Campbell, Colin Crouch, Ove Kaj Pedersen, and Richard Whitley. Oxford.* 2010. 728 p.
47. Handbook of Analytical Sociology. *Edited by Peter Bearman, Peter Hedström. Oxford University Press,* 2009. 794 p. 48. The Handbook of Economic Sociology. *Edited by Neil J. Smelser and Richard Swedberg. British Library Cataloging-in-Publication,* 2005. 629 p.
49. Bradford, B., Sargeant, E., Murphy, T. and Jackson, J. *A leap of faith? Trust in the police among migrants in England and Wales. British Journal of Criminology,* 2017, №57 (2), pp. 381-401.
50. A Handbook of Economic Anthropology. *Edited by James G. Carrier,* 2012. 662 p.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Давыденко – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центр, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет (652003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6; e-mail: vlad_davidenko@mail.ru)

Гульнара Фатыховна Ромашкина – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой, Тюменский государственный университет (652003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6; e-mail: gr136@mail.ru)

Елена Владимировна Андрианова – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой, Тюменский государственный университет, старший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (652003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6; e-mail: e.a.andrianova@utmn.ru)

Дарья Васильевна Лазутина, кандидат экономических наук, доцент, директор, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет (652003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6; e-mail: 72ldv@mail.ru)

V.A. Davydenko, G.F. Romashkina, E.V. Andrianova, D.V. Lazutina

A Metaphor for Trust: the “Umbrella Effect” in Global Science

Abstract. The purpose of the article is to consider the foreign experience in conceptualization and study of trust, to provide a critical review of the multidisciplinary issues of trust in modern world science, the relevance of which is explained by the increasing shortage of public trust. The research novelty of the study lies in the identification of forms, types, and trends in the subject area of trust in terms of determining the internal and interdisciplinary boundaries of various humanitarian fields. The interdisciplinary subject of trust in terms of the “umbrella effect” of competing paradigms and approaches is presented; the definition of trust as a multidimensional construct is conceptualized; the category-concept set of classification of trust include variables: resource pools (availability and configuration); rules of the game (resource share and coordination); target functions (efficiency, productivity); functions focused on people (social roles and practices, interpersonal relations); sense-making (realistic and perceived effect); focus on action (practical effects); focus on perception (interpretive effects). Trust as a choice addresses theoretical issues in specific contexts between the trustee and the trusted; metaphors such as “shadows of the future”, “vulnerability”, “leap of faith” reveal signs of a trust continuum in an uncertain situation; identification of the tension of trust as its natural and ambivalent property between altruism

and self-interest associated with control and differentiation of prospects, acquires the meaning of trust dimension in a variety of institutional contexts. The results can be applied in the following fields: scientific, educational, management, information, and analytical..

Key words: interdisciplinary approach, definitions, trust, a multi-dimensional design, classifications, “umbrella structure”, models, types.

Information about the Authors

Vladimir A. Davydenko – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Research Center at Institute for Economics and Finance, University of Tyumen (6, Volodarskii Street, Tyumen, 652003, Russian Federation; e-mail: vlad_davydenko@mail.ru)

Gul'nara F. Romashkina – Doctor of Sociology, Professor, Head of Department, University of Tyumen (6, Volodarskii Street, Tyumen, 652003, Russian Federation; e-mail: gr136@mail.ru)

Elena V. Andrianova – Candidate of Sciences (Sociology), Head of Department, University of Tyumen, Senior Researcher at West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, Volodarskii Street, Tyumen, 652003, Russian Federation; e-mail: e.a.andrianova@utmn.ru)

Dar'ya V. Lazutina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Director of Institute for Economics and Finance, University of Tyumen (6, Volodarskii Street, Tyumen, 652003, Russian Federation; e-mail: 72ldv@mail.ru)

Статья поступила 29.09.2018.

DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.9

УДК 330.59, ББК 65.261.94

© Белехова Г.В., Калачикова О.Н.

«Век живи – век учись»: концептуальный дискурс о финансовой грамотности населения*

**Галина Вадимовна
БЕЛЕХОВА**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького д. 56а
E-mail: belek-galina@yandex.ru

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького д. 56а
E-mail: onk82@yandex.ru

Аннотация. В современной социальной реальности благополучие человека, в том числе финансовое, всё в большей степени становится зоной личной ответственности. При этом российская действительность сохраняет для большинства населения практически абсолютную зависимость от единственного источника дохода – заработной платы, что, наряду с низким уровнем финансовой грамотности, является реальным риском как для человека, так и для финансовой системы страны. Следовательно, возрастает значение адекватных финансовых знаний, навыков и действий, формируемых в рамках системы финансового просвещения и образования. Это актуализирует задачи выявления «слабых зон» финансовой грамотности и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 18-010-00919 «Повышение финансовой грамотности как фактор снижения социально-экономических рисков для населения».

Для цитирования: Белехова Г.В., Калачикова О.Н. «Век живи – век учись»: концептуальный дискурс о финансовой грамотности населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 143-162. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.9

For citation: Belekhova G.V., Kalachikova O.N. “Live and learn”: conceptual discourse on people’s financial literacy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 143-162. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.9

уязвимых групп населения для последующей разработки действенных управленческих решений, что требует наличия проработанного инструментария исследования финансовой грамотности. Цель статьи состоит в критическом анализе существующих теоретико-методологических подходов к исследованию финансовой грамотности населения (ФГ) для того, чтобы, во-первых, сформировать справочно-информационное поле, пригодное для использования в научной и управленческой деятельности, и, во-вторых, предложить концепцию авторской методики оценки финансовой грамотности населения. Для достижения цели были изучены зарубежные и отечественные исследования по финансовой грамотности населения, систематизированы подходы к определению данной категории и представлено ее авторское понимание как трехкомпонентной структуры, сопоставлены методики ее оценки и обоснована концепция авторской методики оценки ФГ. Отличительной чертой выполненного исследования является обращение не только к широко применяемым подходам к пониманию и методикам оценки финансовой грамотности, но и к современным методологическим конструкциям, учитывающим актуальные тенденции в развитии этого динамичного и гетерогенного явления. Полученные результаты могут быть использованы в качестве теоретико-методологической базы в научных изысканиях, а также в практической деятельности органов власти и других заинтересованных акторов, занимающихся вопросами повышения финансовой грамотности и финансового просвещения населения.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовые знания, финансовые навыки, денежные установки, социологический инструментарий, международный опыт оценки финансовой грамотности.

Введение

Одним из главных критериев эффективности государственного управления в современной России выступает его способность повышать качество жизни граждан, удовлетворяя их интересы на основе увеличения реальных доходов и обеспечения устойчивости экономического роста [1, с. 48]. В связи с этим как в государственных программах, так в отдельных указах Президента РФ, касающихся вопросов национальной безопасности страны, значительное внимание уделяется решению задач по оценке качества жизни граждан и оказанию на него положительного воздействия [2, с. 125]. При этом в условиях глобальной экономики, когда изменения в системе финансового посредничества и в структуре накопления капитала повышают международную инвестиционную активность, усиливают финансовую глобализацию и приводят к финансиализации мировой экономики [3, с. 32-33], всё большее влияние на содержание и приоритеты экономической политики начинает оказывать финансовый сектор. В данном контексте, как справедливо отметил заместитель министра финансов РФ С.А. Сторчак, «рост благосостояния и улучшение благополучия граждан в огромной степени за-

висят от уровня финансовой грамотности широких масс населения, их готовности к принятию самостоятельных и тщательно обдуманных решений, связанных с управлением бюджетами домашних хозяйств»¹.

Позитивный эффект от финансовой грамотности для различных финансовых решений и моделей поведения нашел неоднократное эмпирическое подтверждение. Доказано, что повышение финансовой грамотности оказывает положительное влияние на планирование пенсионного обеспечения и жизни на пенсии (Clark et al., 2012), участие на фондовом рынке (van Rooij et al., 2011), личные сбережения (Jappelli and Padula, 2013), надлежащее использование долга (Stango and Zinman, 2009) и кредитных карт (Xiao et al., 2012; Norvilitis et al., 2006) [4]. Установлена корреляция между финансовыми знаниями и богатством (van Rooij et

¹ См.: Проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». Том 1. 2011–2015: справочно-информационное издание. Минфин России, 2016. С. 15. URL: http://вашифинансы.рф/upload/medialibrary/Obzor_O_proekte.pdf (дата обращения: 28.08.2018).

al., 2012) [4]. Другими словами, обладая должными финансовыми знаниями и навыками, люди могут получать существенные выгоды как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе [4].

Опросы, регулярно проводимые Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ), показывают, что среди россиян преобладают умеренные самооценки уровня финансовой грамотности — около половины оценивают свои знания и навыки как удовлетворительные (44% в 2010 г., 51% в 2016 г., 47% в 2018 г.), при этом большинство не учитывают поступления и траты (69% в 2010 г., 72% в 2016 году, 60% в 2018 г.) и лишь треть сравнивают условия предоставления финансовых услуг (30% в 2010 г., 32% в 2016 г., 36% в 2018 г.)². Международные данные подтверждают масштабность проблемы. Согласно отчетам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которых отражены результаты исследований по странам «большой двадцатки» (G20; в т.ч. и России), общий уровень финансовой грамотности в этих странах составил 12,7 балла из возможных 21 балла³. В среднем по странам G20 менее половины взрослых (48%) смогли правильно ответить на 70% вопросов по финансовым знаниям; только три из пяти домохозяйств (60%) указали, что ведут семейный бюджет; малая доля опрошенных (15%) отметили, что используют независимые источники для сравнения финансовых продуктов и организаций; четверть домохозяйств (25%) не всегда вовремя оплачивали счета; более трети опрошенных за последние 12 месяцев столкнулись с ситуацией, когда их расходы на проживание превышали получаемый ими доход⁴.

Финансовая грамотность — универсальная проблема, не имеющая универсального решения. С одной стороны, «любая здоровая экономика заинтересована в грамотных, а значит, благополучных и предсказуемых потребителях

финансовых услуг»⁵. Поэтому подавляющее большинство стран G-20 реализуют национальные стратегии повышения финансовой грамотности населения (Канада, Франция, Турция, Индия, Бразилия), а некоторые из них уже осуществляют обновленные стратегии (Япония, Австралия, США, Великобритания)⁶. С другой стороны, несмотря на продолжительную историю исследования феномена финансовой грамотности, в зарубежной и отечественной науке и практике не сложилось общепринятого понимания ее сущности, не разработан стандартизированный инструментарий ее оценки, не определены однозначно эффективные меры по ее повышению.

Измерение уровня финансовой грамотности населения входит в круг приоритетных задач для стран, которые стремятся разработать действенные национальные стратегии и программы её повышения, обеспечить эффективное финансовое образование и оценить его воздействие на национальном уровне. Так, в совместном проекте Минфина России и Всемирного банка «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» и в «Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы» (утв. Распоряжением Правительства РФ №2039-р от 25 сентября 2017 г.) задача проведения комплексной масштабной оценки и мониторинга уровня финансовой грамотности и финансового поведения населения является неотъемлемым условием достижения главной цели — создания целостной инфраструктуры и системы качественного финансового образования для формирования финансово грамотного поведения населения как необходимого условия благополучия домохозяйств и обеспечения

² Россияне стали выше оценивать свой уровень финансовой грамотности // НАФИ. URL: <https://nafir.ru/analytics/rossiyane-stali-vyshe-otsenivat-svoy-uroven-finansovoy-gramotnosti/> (дата обращения: 19.11.2018).

³ Подробнее см.: G20/OECD INFE report on adult financial literacy in G20 countries // OECD, 2017. URL: <http://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/g20-oecd-infe-report-adult-financial-literacy-in-g20-countries.htm> (дата обращения: 17.08.2018).

⁴ Там же.

⁵ Мнение Н. Сорена — координатора социальных программ Всемирного банка в РФ (см.: проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». Том 1. 2011–2015: справочно-информационное издание. Минфин России, 2016. С. 28. URL: http://вашифинансы.рф/upload/medialibrary/Obzor_O_proekte.pdf (дата обращения: 28.08.2018)).

⁶ G20/OECD INFE report on adult financial literacy in G20 countries // OECD, 2017. URL: <http://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/g20-oecd-infe-report-adult-financial-literacy-in-g20-countries.htm> (дата обращения: 17.08.2018).

устойчивого экономического роста. В обозначенных программных документах основательно доказывается актуальность работы по повышению финансовой грамотности населения, приводятся определение категории «финансовая грамотность» и перечень базовых индикаторов для оценки ее уровня.

На наш взгляд, проблема состоит не в том, что в существующей научной литературе и управленческой деятельности финансовая грамотность как экономическая категория не содержит унифицированного определения и единого инструментария измерения, который обладал бы приемлемой надежностью и достоверностью⁷. Актуальными и значимыми в теоретическом и практическом плане являются задачи поиска, сравнения и выявления наиболее объективных и достоверных определений и методик измерения финансовой грамотности, улучшения сопоставимости результатов различных опросов на основе универсальных индикаторов и методов измерения.

В рамках исследования была поставлена цель выявить и критически проанализировать теоретико-методологические подходы к пониманию сущности и измерению финансовой грамотности населения. Это позволило сформировать своеобразное справочно-информационное поле для дальнейшей работы по данному вопросу (в частности, для разработки авторского инструментария оценки финансовой грамотности населения с целью проведения межрегиональных исследований). Следует пояснить, что в рамках предпринятого исследования мы стремились изучить ключевые подходы, т.е. наш исследовательский интерес был направлен на те разработки, которые 1) хорошо зарекомендовали себя и нашли многократное применение в научной и управленческой деятельности, 2) хорошо документированы (т.е. методические материалы находятся в открытом доступе), 3) обладают признаками новизны (т.е. содержат либо новые методы измерения, либо новые подходы к операционализации понятия и проч.), 4) направлены на изучение личных финансов и/или финансов домашних хозяйств.

⁷ Такая ситуация вполне допустима в условиях плюрализма научных концепций, взаимопроникновения теоретико-методологических подходов смежных наук (экономики, социологии, психологии и т.д.), многообразия исследовательских и практических целей и задач.

Естественно, в экономической литературе уже опубликованы разнообразные обзоры теоретико-методологических основ исследования финансовой грамотности населения⁸. Но в быстро меняющемся экономическом контексте некоторые из используемых вопросов (т.е. из рассматриваемых аспектов финансовой грамотности), во-первых, могут стать излишними и не соответствующими реальным условиям, во-вторых, могут изменить свое содержание и некорректно интерпретироваться участниками исследований. Кроме того, с учетом возникновения новых потребностей, новых финансовых инструментов требуют добавления, комментирования, апробации и отладки соответствующие им новые вопросы и индикаторы. Важным моментом, особенно актуальным в российской действительности, следует указать то, что, в условиях отсутствующего единого национального мониторинга и имеющейся у региональных властей, экспертных сообществ и научных сотрудников свободы выбора исследовательского инструментария, «свежий» взгляд на методические подходы к измерению финансовой грамотности будет весьма полезным, а именно для регулирующих органов и частных инициатив, которые занимаются вопросами повышения финансовой грамотности населения, разрабатывают и внедряют программы финансового образования, опираясь на социологические опросы населения.

Финансовая грамотность населения: сущность и факторы

Концептуализация понятия представляет собой наиболее важный этап в построении методики измерения экономического явления. В то же время одна из особенностей проанализированных нами исследований по финансовой грамотности заключается в том, что во мно-

⁸ Например, см.: Кузина О.Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты анализа в России // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 129-148; Алифанова Е.Н., Евлахова Ю.С. Анализ методических подходов к разработке индикаторов финансовой грамотности населения // Финансы и кредит. 2013. № 12 (540). С. 18-26; Huston S.J. Measuring Financial Literacy // The Journal of Consumer Affairs. 2010. № 2. Vol. 44. Pp. 296-316; Hung A.A., Parker A.M., Yoong J.K. Defining and Measuring Financial Literacy: working paper № 708 // RAND Corporation, 2009. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/working_papers/2009/RAND_WR708.pdf

гих из них она концептуально не определяется, а выводится из контекста эмпирического исследования как совокупность нескольких компонентов. Например, согласно результатам мета-анализа 71 исследования по тематике финансовой грамотности, выполненного профессором Техасского технологического университета S. Huston (2010), почти три четверти исследований не уточняли используемый термин; остальные использовали определения с различными элементами (например, знание, способность, навык, действие, результат) [5, с. 303].

Другая особенность состоит в том, что основная масса исследователей использует широкий подход к определению финансовой грамотности, подразумевая под ней «знания и навыки в области финансов, которые должны применяться в повседневной жизни и принести положительные финансовые результаты» [6, с. 131-132]. Отсюда вытекает третья особенность: наряду с широким подходом, в исследованиях встречаются более узкие определения, фиксирующие отдельные аспекты финансовой грамотности и зачастую используемые как взаимозаменяемые (например, финансовые знания, финансовые компетенции, финансовая компетентность, финансовая осведомленность, финансовое образование⁹). Для исследователей из США и Австралии характерно использование категории «финансовая грамотность», для ученых из Великобритании и Канады, а также специалистов Всемирного банка – категории «финансовая компетентность» [7; 8]. В российских исследованиях, как и в работах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), преобладает обращение к категории «финансовая грамотность» (ФГ) в широком толковании. С одной стороны, отсутствие единой концепции ФГ ограничивает возможность проведения сравнительного анализа как по отдельным компонентам, так по общему уровню финансовой грамотности. Это своеобразный критический барьер, поскольку все остальные этапы разработки инструментария зависят от наличия четко определенной концепции [5,

с. 305]. С другой стороны, создание унифицированной концепции финансовой грамотности объективно затруднено в силу сложности самого явления, разнообразия исходных теоретических предпосылок и исследовательских задач. Поэтому, на наш взгляд, задача по выработке единого толкования финансовой грамотности, применяемого для эмпирических исследований разного уровня и направленности, представляется архаичной, в то время как формирование концептуально однородных и внутренне непротиворечивых теоретико-методологических подходов к изучению финансовой грамотности населения является весьма актуальным направлением научных изысканий.

Обобщая, отметим, что, по мнению большинства исследователей, финансовая грамотность не ограничивается простым знанием и пониманием некоторых финансовых понятий и концепций, общей осведомленностью о тех или иных финансовых продуктах и ситуации в экономической сфере. Она предполагает наличие реального опыта и прикладных навыков работы на рынке финансов, оформленного отношения к деньгам и прочим активам и осознанного представления о своих финансовых целях и задачах. Наиболее используемые концептуальные и операциональные определения категории «финансовая грамотность» приведены в *таблице 1*.

В таблице представлены подходы к определению именно финансовой грамотности (financial literacy). Другим «полюсом», особенно в зарубежных исследованиях, является финансовая компетентность (financial capability), концепция которой изначально разрабатывалась в Великобритании, а в настоящее время активно развивается Всемирным банком в рамках проекта Russia Financial Literacy and Education Trust Fund. Финансовая компетентность подразумевает способность человека жить в соответствии с имеющимися у него ресурсами и принимать соответствующие финансовые решения (см.: Financial Services Authority; Atkinson, McKay, Kempson, & Collard, 2006; HM Treasury, 2007) [14, с. 344]. Использование термина «финансовая компетентность» специалисты объясняют тем, что в отличие от грамотности (которую они рассматривают как аспект финансовой компетентности в части знания и

⁹ См. подробный обзор данных категорий в статье: Кузина О.Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты анализа в России // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 129-148.

Таблица 1. Трактовка категории «финансовая грамотность» (ФГ)

Подход	Автор	Определение
Когнитивный (ФГ как знание)	O.E. Кузина, 2012	ФГ – это знания и навыки в области финансов, которые должны применяться в повседневной жизни и приносить положительные финансовые результаты.
	J. Kim, 2001	ФГ – базовые знания, которые необходимы людям для выживания в современном обществе.
	L.J. Servon and R. Kaestner, 2008	ФГ – способность человека понимать и использовать финансовые термины.
	A.M. Lusardi, 2008	ФГ как знание основных финансовых концепций, таких как расчет сложных процентов, разница между номинальными и реальными величинами, диверсификация рисков.
Деятельностный (ФГ как набор действий / компетенций)	Jelley, 1958; Noctor et al., 1992	ФГ – это компетенция человека в области управления деньгами; способность принимать эффективные и обоснованные решения в отношении использования денег и управления ими.
	Graham, 1980; Danes and Haberman, 2007	ФГ – это способность интерпретировать, обобщать, вычислять и развивать независимые суждения относительно денежных ресурсов и принимать на основе этого меры, чтобы процветать в сложном финансовом мире.
	Johnson and Sher- raden, 2007	ФГ – финансовые возможности, финансовая компетентность (financial capability) – это компетенции, способность действовать исходя из имеющихся знаний и возможность действовать в экономической системе в целях простого выживания или обеспечения полноценной жизни.
	A.M. Lusardi, O.S. Mitchell, 2007	ФГ – процесс, посредством которого потребители могут собирать финансовую информацию, развивать навыки и уверенность, осознавать риски и возможности, изучать соответствующие ресурсы для помощи и предпринимать действия для улучшения своего финансового положения.
	A.M. Lusardi, O.S. Mitchell, 2014	ФГ – способность людей обрабатывать экономическую информацию и принимать обоснованные решения о финансовом планировании, накоплении богатства, долгах и пенсиях.
	L. Mandell, 2007	ФГ – способность оценивать новые и сложные финансовые инструменты и принимать обоснованные суждения как по выбору инструментов, так и по степени их использования в соответствии с долгосрочными интересами.
	A.B. Зеленцова и др., 2012	ФГ – способность физических лиц управлять своими финансами и принимать эффективные краткосрочные и долгосрочные финансовые решения.
Комплексный	D.L. Remund, 2010	ФГ объединяет в себе 5 компонентов: 1) знание финансовых концепций; 2) способность к обсуждению финансовых вопросов; 3) склонность к управлению персональными финансами; 4) умение принимать финансовые решения, 5) уверенное эффективное планирование для достижения финансовых целей. ФГ обозначает уровень, на котором человек понимает ключевые финансовые концепции, обладает способностью и уверенностью управлять личными финансами посредством краткосрочных решений и долгосрочного планирования с учетом экономических событий и меняющихся условий.
	В. Кардашов; Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ)	ФГ – это понимание ключевых финансовых понятий, знания о финансовых институтах и предлагаемых ими продуктах, умение их использовать и принимать разумные решения для реализации жизненных целей и обеспечения собственного благополучия, а также понимание последствий своих действий.
	Организация экономического сотрудничества и развития (OECD)	ФГ – это сочетание осведомленности, знаний, навыков, установок и поведения, связанных с финансами и необходимых для принятия обоснованных финансовых решений и в конечном итоге достижения личного финансового благополучия.
	Л.Ю. Рыжановская, 2010	ФГ – это неотделимая от человека способность сознательно участвовать в общественном воспроизводстве в качестве инвестора, которая при разумном и ответственном подходе к выбору финансовых инструментов должна генерировать доход или, по крайней мере, обеспечивать финансовую стабильность носителю знаний.
	Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы	ФГ – результат процесса финансового образования, который определяется как сочетание осведомленности, знаний, умений и поведенческих моделей, необходимых для принятия успешных финансовых решений и в конечном итоге для достижения финансового благосостояния.
Источники: составлено авторами на основе [6, 8, 9, 10, 11, 12, 13].		

понимания финансовых концепций и конкретных продуктов) она позволяет отслеживать как непосредственно наблюдаемые аспекты действий, так и взаимодействие между осуществляемыми действиями (компетентностями) и средой¹⁰. Наибольшее внимание обычно уделяется четырем компетентностям: «жить по средствам» (адекватное управление имеющимися финансовыми ресурсами); «отслеживание» (мониторинг личного финансового состояния); «планирование/краткосрочное и долгосрочное планирование» (финансовые меры, принятые на ближайшее и отдаленное будущее); «быть информированным / быть в курсе» (привычка следить за текущими экономическими событиями) [14, с. 344].

Концепция финансовой грамотности включает в себя несколько аспектов: финансовые знания (ANZ, 2005; Hung et al., 2009; FINRA, 2010; Gallery, 2010; Huston, 2010; Remund, 2010; OECD, 2013); финансовый опыт (Orton, 2007; FINRA, 2010; OECD, 2013); способность использовать различные финансовые концепции и инструменты (Hung et al., 2009; Huston, 2010; Remund, 2010); способность принимать адекватные финансовые решения (Remund, 2010; OECD 2013); отношение к использованию финансовых инструментов (Orton, 2007); доверие людей к финансовым операциям (Huston, 2010; Remund,

¹⁰ Например, знания или познавательные навыки непосредственно измеряются: если у респондента есть соответствующие знания, он будет отвечать правильно. С другой стороны, навыки, связанные с управлением деньгами, не могут проявляться независимо от внешних факторов, таких как уровень ресурсов и доступность финансовых продуктов. Например, даже если человек способен планировать свою старость, он может этого не делать, потому что его доход слишком низок даже для удовлетворения текущих потребностей. По этой причине измерение отношения (например, причины делать/не делать что-либо) помогает получить более достоверную картину компетентности человека. К другим внешним факторам, которые могут повлиять на финансовую компетентность, относятся финансовые ресурсы, социальные нормы и обязательства, финансовая инфраструктура и существующие законодательные механизмы в сфере финансов и защиты прав потребителей (см.: Making Sense of Financial Capability Surveys around the World. A Review of Existing Financial Capability and Literacy Measurement Instruments // International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, 2013. URL: <http://hdl.handle.net/10986/16251>; <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/16251> (дата обращения: 17.08.2018)).

2010; OECD, 2013); реальное финансовое поведение (Orton, 2007; Huston, 2010) [7, с. 38-39]. Существуют разнообразные группировки представленных областей: например, A. Zait и P.E. Berteau (2014) группируют их по пяти измерениям: (1) знания о финансовых концепциях и продуктах (переменная «финансовые знания»); (2) коммуникационные способности относительно финансовых концепций (переменная «финансовая коммуникация»); (3) способность использовать знания для принятия необходимых финансовых решений (переменная «финансовая способность»); (4) реальное использование различных финансовых инструментов (переменная «финансовое поведение»); (5) уверенность людей в своих предыдущих финансовых решениях и действиях (переменная «финансовое доверие») [7, с. 39].

Обобщение исследований и авторские размышления позволили сформировать концептуальное представление о финансовой грамотности населения (*рисунок*) и выделить следующие ее компоненты:

- финансовые знания (базовые и специфические/продвинутые) – информация о финансовой системе и связанных с ней аспектах, «зафиксированная в памяти человека и осознанно воспринятая» [15];
- финансовые навыки – действия по управлению денежными и другими финансовыми ресурсами для решения конкретных задач, сформированные благодаря повторению и характеризующиеся высокой степенью освоения;
- финансовые установки – предрасположенность к восприятию и поведению в отношении объектов и ситуаций, касающихся личных финансов [16, с. 19]. Они отвечают за формирование у индивида потребности в финансовых услугах и обеспечивают понимание последствий своих действий [9, с. 94]. Установки зависят от ситуационных и косвенных факторов, менее устойчивы, чем индивидуальные черты [14, с. 344].

Таким образом, под финансовой грамотностью мы будем понимать способность человека, предполагающую сочетание знаний, навыков и установок, а также информированности, ответственности и отношения, которая помогает ему принимать обоснованные финансовые решения для обеспечения собственного материаль-

ного благосостояния¹¹. Следовательно, финансовая грамотность, сочетая в себе когнитивный, деятельностный и ценностно-мотивационный компоненты, проявляется в конкретных финансовых решениях и действиях, в совокупности формирующих финансовое поведение.

Для качественной проработки методики измерения ФГ важно иметь представление о факторах (независимых пояснительных переменных), влияющих на ее уровень и реализуемое финансовое поведение. Включение данных факторов в инструментарий измерения ФГ позволит получить более достоверную оценку и определить точки приложения управленческих усилий (например, в рамках программ финансового образования или повышения доступности финансовых продуктов для конкретных групп населения). Лучше всего представить возможные факторы посредством эмпирически установленных взаимосвязей.

Вполне закономерно, что наиболее сильные взаимосвязи обнаружены между ФГ и уровнями дохода и образования. Беднейшие слои обще-

¹¹ Принятое определение отражает наиболее распространенный подход к пониманию финансовой грамотности населения, который разработан специалистами OECD и используется во многих зарубежных и отечественных исследованиях.

ства подвержены наибольшему риску наступления неблагоприятных финансовых событий, потому что, имея незначительные финансовые «запасы» (или вообще не имея таковых), они наиболее уязвимы к последствиям экономических кризисов и шоков [17]. Например, в Великобритании случаи изъятия недвижимости за неуплату ипотеки чаще всего происходят в районах с самыми низкими показателями занятости и с доходами ниже среднего уровня¹². В США люди с низким социально-экономическим статусом чаще вынуждены прибегать к продаже заложенного имущества, чем их более богатые сограждане [14, с. 345; 17].

По мере роста уровня образования наблюдается повышение финансовой грамотности [18]. Как установлено исследованиями, окончившие колледж с большей вероятностью формируют сбережения и менее склонны использовать дорогостоящие заимствования [12]. Bernheim, Garrett and Maki (2001) доказали, что наличие школьного финансового образования

¹² Levels of Financial Capability in the UK. Results of a Baseline Survey. FSA Consumer Research Paper №47 / A. Atkinson, S. McKay, E. Kempson, S. Collard // FSA. London, 2006. 150 p. URL: http://www.pfrc.bris.ac.uk/publications/Reports/Fincap_baseline_results_06.pdf (дата обращения: 17.08.2018).

значительно увеличивает уровень сбережений домашнего хозяйства и общий уровень богатства в течение жизни [19; 20, с. 971].

Значимое влияние на финансовую грамотность оказывают демографические факторы. В исследованиях Лусарди и Митчелл (Lusardi and Mitchell, 2014) зафиксирована волнообразная взаимосвязь между возрастом и финансовой грамотностью, что подразумевает более низкий её уровень в молодом и старшем возрасте и более высокий уровень в среднем возрасте [12; 21, с. 48]. Например, опрос FINRA среди лиц старшего возраста (60+ лет) показал, что более половины из них совершали неудачные инвестиции, а каждый пятый при взаимодействии с финансовыми агентами был введен в заблуждение или обманут [12].

Интересные зависимости обнаружены в гендерном разрезе: женщины более эмоционально относятся к деньгам и менее «рациональны» в своем финансовом поведении [22, с. 707], а также, согласно Chen and Volpe (2002), Lusardi et al. (2010) и Agarwalla et al. (2015), имеют более низкий уровень финансовой грамотности по сравнению с мужчинами [21, с. 48].

Выявлено положительное воздействие на финансовую грамотность семейного положения, так как брак обязывает пару хорошо управлять своими финансами и быть разумными в расходовании денег [21, с. 49].

Поскольку люди получают финансовые знания не только от официальных образовательных сетей, но и от взаимодействия с агентами социализации, такими как друзья, семья и средства массовой информации, то вполне закономерно, что процессы первичной и вторичной социализации оказывают важное влияние на отношение людей к деньгам и на уровень финансовой грамотности. В частности, установлено, что дети приобретают многие свои денежные привычки от родителей, а в целом родительский фактор (уровень образования, социальные и политические ценности) влияет на практику формирования сбережений у детей во взрослой жизни [22, с. 707, 711]. Семья сильно влияет и на финансовые знания [23]. Студенты колледжа, которые описывают своих родителей как важный источник финансовой информации, как правило, обладают уверенными финансовыми знаниями и лучшими финансовыми практиками [4].

Финансовая грамотность подвержена воздействию когнитивных и поведенческих переменных, таких как познавательные способности, математический счет, финансовая социализация (Shim et al., 2009; Hira et al., 2013; Grohmann et al., 2015) [21, с. 49]. По оценкам Gerardi, Goette и Meier (2013) у групп населения с наибольшими математическими способностями вероятность дефолта по ипотечным кредитам примерно на 20% меньше, чем в группе с самыми низкими математическими способностями [12]. Согласно Christelis et al. (2010), изучившим взаимосвязь между когнитивными способностями и акционерным капиталом, склонность напрямую или косвенно вкладывать средства в акции (через паевые фонды и пенсионные счета) тесно связана с математическими способностями, вербальными умениями (т.е. способностью понятно излагать мысли), со свободным владением специальной терминологией [24; 25, с. 2780].

Таким образом, можно констатировать, что в исследованиях, посвященных финансовому поведению и финансовой грамотности, зачастую не проводится четкого и однозначного разграничения между знаниями, грамотностью, способностями и компетентностью, поскольку указанные понятия тесно взаимосвязаны и поэтому преимущественно используются как эквивалентные. Наибольшее распространение получили исследования финансовой грамотности и финансовой компетентности. Ориентируясь на сложившуюся в отечественной науке традицию исследования сферы личных финансов и финансовой грамотности, а также принимая во внимание утвержденную Стратегию повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы, в нашем исследовании мы основываемся на широком подходе к пониманию финансовой грамотности и считаем, что она охватывает финансовые знания, навыки, установки, личную ответственность, реализуемые в тех или иных финансовых действиях в целях обеспечения материального благополучия. Тем не менее не следует забывать, что различия в определениях понятий предполагают потенциальные проблемы с интерпретацией и сопоставлением результатов отдельных исследований.

Методики измерения финансовой грамотности населения

Первые измерения финансовой грамотности проведены относительно недавно – в начале 1990-х годов, и на сегодняшний день в мировой практике разработаны и применяются разнообразные методики оценки финансовой грамотности, а также сводные показатели и обобщающие индексы, используемые для сопоставления результатов. При этом отсутствие унифицированной трактовки и стандартного показателя финансовой грамотности населения побуждает исследователей создавать новые подходы и инструменты для её оценки.

В соответствии с результатами упомянутого выше исследования S. Huston (2010) девять из каждых десяти рассмотренных исследований не выводят обобщающего индикатора уровня финансовой грамотности, а в остальных (менее 20%) представлены отдельные параметры финансовой грамотности и система для интерпретации результатов [5, с. 304]. При этом анализируются преимущественно четыре аспекта (в том или ином наполнении): базовые знания, управление деньгами, сбережения и инвестиции и управление рисками. Все четыре аспекта финансовой грамотности отслеживаются только в 25% исследований [21].

Ключевой целью исследований финансовой грамотности населения (как и финансовой компетентности) выступает получение сводной оценки её «слабых зон» и определение целевых групп населения для выявления по-

требности в финансовом образовании. Дополнительно могут быть идентифицированы слабые зоны в финансовом поведении и соответствующие (наименее способные в финансовом плане) группы населения, а также обозначены темы для финансового просвещения и потенциальные каналы предоставления финансовой информации.

Одна из наиболее известных и широко применяемых методик оценки финансовой грамотности разработана *Lusardi* и *Mitchell*, которые положили в её основу три аспекта: (1) способность выполнять расчеты, связанные с процентными ставками (в частности, расчет сложных процентов); (2) понимание инфляции; (3) понимание диверсификации рисков [12; 26]. Идея такого подхода исходит из того, что именно данные аспекты составляют основу индивидуальных решений об оптимальном распределении получаемого дохода между потреблением и сбережениями в рамках жизненного цикла. Ученые разработали стандартный набор вопросов по указанным аспектам (табл. 2) и впервые апробировали его в 2004 году на выборке респондентов из США (в возрасте 50 лет и старше) в рамках Исследования по вопросам здравоохранения и пенсионного обеспечения (U.S. Health and Retirement Study). Впоследствии методика была добавлена к другим исследованиям в США, включая обзор NLSY 2007–2008 (для молодых респондентов в возрасте 23–28 лет), RAND American Life Panel, Исследование финансовой эффективности 2009 и 2012 годов [12].

Таблица 2. Методика измерения уровня финансовой грамотности, разработанная *Lusardi* и *Mitchell* (2014)

Измеряемый аспект	Пояснение	Формулировка вопроса
Расчет процентов	Измеряет математическую грамотность т.е. навыки работы с данными и базовых вычислений (способность делать расчет, связанный с вычислением простых и сложных процентов).	Предположим, у вас было 100 долларов на сберегательном счете, а процентная ставка составляла 2% в год. Через 5 лет, как вы думаете, сколько у вас было бы на счете, если бы вы оставили деньги для роста? [более 102 долларов / ровно 102 доллара США / менее 102 долларов США / Не знаю / Отказ от ответа]
Понимание инфляции	Измеряет базовое понимание о временной стоимости денег.	Представьте, что процентная ставка на вашем сберегательном счете составляла 1% в год, а инфляция составляла 2% в год. Через 1 год вы могли бы купить: [больше, чем сегодня / столько же, как и сегодня / меньше, чем сегодня / Не знаю / Отказ от ответа]
Понимание диверсификации рисков	Комплексный вопрос, поскольку предполагает знание как о самих финансовых инструментах, так и о распределении рисков.	Отметьте, верно ли следующее утверждение: «Покупка акций одной компании обычно является более безопасным вложением, чем приобретение пакета акций в паевом инвестиционном фонде» [Да, верно / Нет, не верно / Не знаю / Отказ от ответа]

Источник: составлено авторами на основе [12].

Таблица 3. Методика измерения уровня финансовой грамотности, разработанная ОЭСР (OECD)

Аспект	Измеряемые элементы	Пояснение
Финансовые знания (минимум 6 правильных ответов, чтобы считаться финансово грамотным)	Предназначены для проверки знаний по финансовым терминам, принципам и процессам: - один вопрос направлен на оценку навыков по выполнению математических вычислений, связанных с временной стоимостью денег; - три вопроса определяют способность рассчитать процентные ставки; - два вопроса касаются взаимосвязи между стоимостью денег и инфляцией; - два вопроса измеряют знание взаимосвязи между риском и возвратом в стратегиях финансовых инвестиций.	Базовые знания финансовых концепций и способность применять навыки счета в финансовом контексте гарантируют, что потребители могут действовать автономно для управления своими финансовыми вопросами и реагировать на новости и события, которые могут иметь последствия для их финансового благополучия.
Финансовое поведение	Ряд позитивных и негативных форм поведения: - ведение семейного бюджета; - активное сбережение; - обдуманная покупка; - своевременная оплата счетов; - отслеживание финансовых операций; - определение долгосрочных финансовых целей; - выбор финансовых продуктов	Поведение потребителей – это то, что в конечном итоге формирует их финансовое положение и благосостояние как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Основное внимание здесь уделяется конкретным финансовым выборам, которые делают люди, а не контексту действий.
Установки к деньгам и финансированию	Три вопроса об отношении к деньгам и о долгосрочном финансовом планировании.	Даже если у человека есть достаточные знания и способность действовать определенным образом, его финансовые установки будут влиять на решения о том, действовать или нет.

Источник: составлено авторами на основе: Measuring Financial Literacy / OECD. URL: <http://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/measuringfinancialliteracy.htm>

В настоящее время описываемая методика активно используется в международных и национальных исследованиях, при этом ее зачастую дополняют несколькими специфическими для той или иной страны вопросами¹³.

В 2010–2011 году ОЭСР представила международный опрос по финансовой грамотности, который был организован с целью помочь правительствам и государственным органам «определить национальные уровни финансовой грамотности», «дать базовые показатели и установить ориентиры для национальных [образовательных] стратегий», а также «определить потребности населения, группы с наибольшими

потребностями и пробелами в обеспечении» [27]. Вопросник ОЭСР состоит из четырех основных частей: первая часть включает общие вопросы социально-демографического и экономического плана; остальные три сосредоточены на измерении финансовой грамотности посредством финансовых знаний, финансового поведения и установок к деньгам и финансированию (табл. 3).

Первоначальная версия инструментария была опробована в международном пилотном исследовании в 2010 году в 14 странах мира; последний подробный отчет был опубликован в 2017 году и содержал сравнение данных по 30-ти странам мира¹⁴.

В соответствии с международной методикой, разработанной в ходе проекта *Russia Financial Literacy and Education Trust Fund* (нод

¹³ Например, см.: Anderson A., Baker F., Robinson D.T. Precautionary Savings, Retirement Planning and Misperceptions of Financial Literacy // *Journal of Financial Economics*. 2017. Vol. 126. Pp. 383-398; Klapper L., Lusardi A., Oudheusden P. Financial Literacy Around the World: insights from the standard & poor's ratings services global financial literacy survey // *Standard & Poor's*, 2015. URL: http://gflec.org/wp-content/uploads/2015/11/3313-Finlit_Report_FINAL-5.11.16.pdf?x87657

¹⁴ Подробнее см.: G20/OECD INFE report on adult financial literacy in G20 countries / OECD, 2017. URL: <http://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/g20-oecd-infe-report-adult-financial-literacy-in-g20-countries.htm>

эгидой Всемирного Банка), рассчитываются индексы финансовой компетентности по десяти компонентам¹⁵:

1. Планирование расходов (budgeting).
2. Жизнь по средствам (living within means).
3. Мониторинг расходов (monitoring expenses).
4. Использование информации и дисциплинированность (using information).
5. Отсутствие лишних трат (not overspending).
6. Установка на сбережение (saving).
7. Забота о непредвиденных расходах (covering unexpected expenses).
8. Долгосрочная ориентация на будущее (attitude toward the future).
9. Отсутствие импульсивности (not being impulsive).
10. Достигательная мотивация (achievement orientation).

В Российской Федерации в ходе реализации проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в РФ» была сформирована «система базовых компетенций» или «набор «стандартов» финансовой грамотности», в который вошли: способность жить по средствам, следить за состоянием своих финансов, планировать свои будущие доходы и расходы, правильно выбирать финансовые продукты, искать информацию и уметь ее анализировать, разбираться в финансовых вопросах¹⁶. Следом была обоснована система (рамка) финансовых компетенций для взрослого населения Российской Федерации, состоящая из девяти предметных областей: (1) доходы и расходы; (2) финансовое планирование и бюджет; (3) личные сбережения; (4) кредитование; (5) инвестирование; (6) стра-

хование; (7) риски и финансовая безопасность; (8) защита прав потребителей; (9) общие знания экономики и азы финансовой арифметики¹⁷.

Исходя из данных разработок, в 2012 г. была сформирована, а в августе 2013 г. – апробирована анкета всероссийского опроса (исполнители – ЗАО «Демоскоп» и ЗАО «Прогностические решения»). В ее основу легли наработки проекта по созданию универсальной методологии измерения финансовой грамотности Russian Trust Fund и методика ОЭСР, а также вопросы, которые задавались в ряде предыдущих российских исследований финансовой грамотности населения (на знание финансовых инструментов, доверие финансовым институтам и установки на патернализм/индивидуализм). В итоге сформированная операциональная модель финансовой грамотности включила в себя следующие блоки¹⁸:

- 1) управление деньгами;
- 2) планирование;
- 3) выбор между альтернативами;
- 4) поддержание информированности;
- 5) тестовые вопросы на знания о финансовых продуктах и услугах;
- 6) контекстуальные переменные (психологический блок – отношения к деньгам, импульсивность, самооценка);
- 7) контекстуальные переменные (институциональный блок – доверие, патернализм);
- 8) потребности в знаниях и навыках, предпочтительные формы обучения;
- 9) социально-демографический и экономический профиль респондентов.

Практическое применение находят и многочисленные «частные» методики оценки финансовой грамотности населения, некоторые из них представлены в таблице 4.

¹⁵ Подробнее см.: Financial Literacy and Education – Russia Trust Fund / World Bank. URL: <http://responsible-finance.worldbank.org/news-and-events/financial-literacy-and-education-russia-trust-fund/>; Кузина О.Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты анализа в России // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 136-138; 140-142.

¹⁶ Проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». Том 1. 2011–2015: справочно-информационное издание. Минфин России, 2016. С. 60-61. URL: http://вашифинансы.рф/upload/medialibrary/Obzor_O_proekte.pdf (дата обращения: 28.08.2018).

¹⁷ Проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». Том 1. 2011–2015: справочно-информационное издание. Минфин России, 2016. С. 63. URL: http://вашифинансы.рф/upload/medialibrary/Obzor_O_proekte.pdf (дата обращения: 28.08.2018).

¹⁸ Проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». Том 1. 2011–2015: справочно-информационное издание. Минфин России, 2016. С. 75-76. URL: http://вашифинансы.рф/upload/medialibrary/Obzor_O_proekte.pdf (дата обращения: 28.08.2018).

Таблица 4. Частные методики оценки финансовой грамотности населения

№ п/п	Автор	Измеряемые индикаторы
1.	Zait A. и Bertea P.E. (2014)	<p>Пять переменных-индикатора: (1) финансовые знания; (2) способность финансовой коммуникации; (3) способность использовать финансовые знания для принятия решений; (4) реальное использование финансовых инструментов (финансовое поведение); (5) финансовое доверие.</p> <p>Четыре предметные области: (а) личное бюджетирование, (б) сбережения, (с) кредиты, (d) инвестиции.</p> <p>Для каждого измерения рассматривается от трех до пяти вопросов.</p>
2.	Kiliyanni A.L. и Sivaraman S. (2016)	<p>Четыре индикатора финансовой грамотности: (1) базовые знания, (2) управление капиталом, (3) сбережения и инвестиции, (4) управление рисками.</p> <p>Используется тест из 34 вопросов: 18 вопросов с множественным выбором для оценки знаний респондентов по 4 указанным индикаторам (предметным областям), 1 вопрос на самооценку финансовой грамотности, 2 вопроса для определения мнения респондента о необходимости финансового образования; 13 дополнительных вопросов для определения демографических и социально-экономических характеристик респондентов.</p>
3.	Ващенко Т.В., Иванова Я.Я. Сокольников И.В. (2017)	<p>Оцениваются 6 элементов, формирующих финансовую грамотность:</p> <ul style="list-style-type: none"> (1) знание основных понятий и определений, относящихся к сфере финансов; (2) способность ориентироваться в основных продуктах, предлагаемых современным финансовым рынком; (3) способность использовать современные технологии получения и анализа информации, доступные в сети Интернет; (4) навыки управления денежными средствами и совершения необходимых операций через системы мобильных банковских услуг, интернет-банков; (5) знание основных рыночных индикаторов и финансовых показателей, позволяющих оценить эффективность финансовых операций и продуктов; (6) способность выявлять факторы возможного риска и последствия наступления рискованных ситуаций. <p>Для оценки используется критериальный тест, по итогам которого выделяется 4 степени финансовой грамотности:</p> <ul style="list-style-type: none"> 1 степень (менее 20 баллов) – практически полное отсутствие ФГ; 2 степень (20-45 баллов) – низкий уровень ФГ; 3 степень (46-80 баллов) – средний уровень ФГ; 4 степень (более 80 баллов) – высокий уровень ФГ.
Источники: составлено авторами на основе [7, 21, 28].		

Обобщая изученные методики оценки ФГ, необходимо выделить следующие моменты. Во-первых, подавляющее большинство методических подходов к измерению уровня финансовой грамотности разработано и апробировано в рамках национальных программ финансового просвещения или в ходе реализации программ пенсионного обеспечения и по существу оценивает ФГ в широком смысле, т.е. как совокупность финансовых знаний, навыков, установок и их реализацию в конкретных поведенческих практиках, иными словами финансовая грамотность расширяется до финансовой компетентности. Во-вторых, все методики основаны на применении социологического инструментария и предполагают разработку опросников разной степени детализа-

ции. В-третьих, наиболее часто исследуемыми предметными областями ФГ являются базовые знания об управлении деньгами (бюджет и финансовое планирование, понимание инфляции и процентов); особенности финансовых продуктов и их использования (вклады и сбережения, инвестиции, кредиты); риски и защита от них. В-четвертых, в качестве способов измерения компонентов финансовой грамотности и финансовой компетентности используются либо критериальные (проверочные) тесты, либо самооценка, но чаще всего они дополняют друг друга и применяются совместно. Кроме того, они позволяют рассчитывать частные (по компонентам ФГ) и сводные (общий уровень ФГ) индексы, повышая тем самым наглядность интерпретации результатов.

Концепция авторской методики оценки финансовой грамотности населения

Прежде чем перейти к раскрытию концепции авторской методики оценки финансовой грамотности, считаем необходимым обратить внимание на соотношение понятий «грамотность» и «компетентность». Согласно Большому энциклопедическому словарю грамотность подразумевает «степень владения навыками чтения и письма в соответствии с грамматическими нормами родного языка. Применительно к характеристике населения она выступает одним из базовых показателей его социально-культурного развития»¹⁹. Трактовка грамотности в зарубежных исследованиях достаточно идентична: «Грамотность предполагает использование печатной и письменной информации для функционирования в обществе, достижения своих целей и развития когнитивного потенциала» [5, с. 306].

«Конкретное содержание грамотности исторически изменчиво, имеет тенденцию к расширению с ростом общественных требований к развитию индивида: от элементарных умений читать, писать, считать – к владению комплексом различных общественно необходимых знаний и навыков, позволяющих человеку сознательно участвовать в социальных процессах»²⁰. По мнению специалистов Высшей школы экономики, «современная грамотность» складывается из базовой инструментальной грамотности, основанной на использовании инструментов коммуникации, и базовых специальных знаний и умений, соответствующих областям жизнедеятельности человека (например, правовая «грамотность», экологическая «грамотность», «грамотность» в области здоровья) [29, с. 18].

Под компетентностью понимается способность эффективно мобилизовывать (выбирать и использовать наиболее подходящие) знания и умения для решения конкретных задач [29, с. 15]. Компетентность как специфическое личностное качество формируется и развивается в процессе общественной деятельности

[30, с. 143]. Кроме того, компетентность – ситуативная категория, поскольку выражается в готовности к осуществлению какой-либо деятельности в конкретных ситуациях [31, с. 11].

Ранее мы уже отмечали, что финансовая грамотность концептуализируется через два аспекта – понимание (знание личных финансов) и навыки («автоматические», базовые действия на основе знаний), тогда как финансовая компетентность означает не автоматическую, а осознанную способность управлять финансовыми ресурсами и использовать финансовые услуги так, чтобы наилучшим образом удовлетворять индивидуальные потребности в существующих социально-экономических условиях.

В соответствии с авторской концепцией финансовой грамотности, представленной на рисунке, финансовая грамотность определяется как измерение того, насколько хорошо человек знает, понимает и применяет финансовую информацию с учетом объективно влияющих на любое человеческое поведение мотивационно-ценностных аспектов (т.е. финансовых установок). Другими словами, мы операционализируем финансовую грамотность через три компонента – знания, навыки, установки, вынося за скобки конкретные финансовые действия, составляющие в своей совокупности финансовое поведение.

Выбор категории «грамотность», а не «компетентность» обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, это традиция, сложившаяся в большинстве российских исследований, оценивающих именно грамотность. Во-вторых, утвержденная Стратегия и продолжающийся совместный проект Минфина и Всемирного банка, использующих данную категорию. В-третьих, терминологическое словосочетание «финансовая грамотность населения», на наш взгляд, прочно вошло в повседневный обиход, широко узнаваемо и, кроме того, по сравнению с финансовой компетентностью интуитивно более понятно рядовому потребителю финансовых услуг. Подчеркнем, что принятое определение не противоречит существующим в литературе определениям «грамотности» как таковой и согласуется с конструкциями «финансовой грамотности», используемыми в других исследованиях.

¹⁹ Грамотность // Большой энциклопедический словарь. URL: <https://www.vedu.ru/bigencdic/16168/> (дата обращения: 13.08.2018).

²⁰ Там же.

Таблица 5. Концепция авторской методики оценки финансовой грамотности населения

№ п/п	Предметная область ФГ	Компонент ФГ	Пояснение
1.	Доходы и расходы	Знания	Понимание того, как распоряжаться доходами и распределять их на сбережение и потребление, как вести финансовые отчеты, производить платежи и хранить деньги в безопасности. Базовые знания об инфляции.
		Навыки	Целевое распределение доходов.
		Установки	Отношение к деньгам (цель жизни или средство для жизни) и богатству, импульсивность, склонность к экономии.
2.	Семейный бюджет и финансовое планирование	Знания	Понимание того, как вести бюджет и что такое финансовое планирование, понимание необходимости наличия запаса средств «на черный день».
		Навыки	Хранение финансовых документов, выбранный способ ведения семейного бюджета, «умение жить по средствам», постановка финансовых целей.
		Установки	Отношение к будущему (т.е. ориентация на «жизнь сегодняшним днем» или на долгосрочное планирование), наличие долгосрочных целей, стремление к достижению целей.
3.	Сбережения и вклады	Знания	Понимание сущности и особенностей использования банковских вкладов; знание определения термина «процент», знания о системе страхования вкладов (ССВ).
		Навыки	Расчет процента, критерии выбора банка.
		Установки	Осознанное сбережение или сбережение по остаточному принципу, целевое сбережение или нецелевое сбережение.
4.	Кредитование	Знания	Понимание сущности и особенностей использования банковского кредита, кредитной дисциплины, аннуитетных платежей, знание критериев для выбора кредита.
		Навыки	Расчет кредитного платежа, соблюдение кредитной дисциплины, использование кредитов.
		Установки	Склонность к заимствованиям.
5.	Инвестирование и налоги	Знания	Понимание принципов инвестирования, знание о соотношении риска и доходности, знание о видах налоговых вычетов.
		Навыки	Расчет НДФЛ, использование инвестиционных услуг, оформление получения налогового вычета.
		Установки	Наличие долгосрочных целей, стремление к достижению целей.
6.	Страхование и пенсии	Знания	Понимание основ пенсионного обеспечения, знание о возможных способах накопления на старость, знание страховых продуктов.
		Навыки	Обеспечения старости (планирование дохода), использование страховых продуктов.
		Установки	Патернализм или расчет на собственные силы, склонность к планированию будущего и инвестированию.
7.	Риски и финансовая безопасность	Знания	Знание о существовании финансовых рисков, знание признаков финансовой пирамиды, знание о способах сокращения рисков (диверсификация), знание правозащитных организаций.
		Навыки	Безопасное использования банковских карт, внимательное чтение договоров, сравнение услуг, использование разнообразных источников информации.
		Установки	Склонность к обдуманному или рискованному поведению; ориентация на то, чтобы быть информированным.
8.	Защита прав потребителей	Знания	Знание правозащитных организаций.
		Навыки	Опыт обращения с жалобой на финансовую организацию.
		Установки	Ориентация на то, чтобы быть информированным; жизненная позиция (активная, т.е. есть возможность оказывать влияние на происходящее, или пассивная, т.е. «в жизни все определено»).
9.	Азы финансовой арифметики	–	Финансово-математическая грамотность, т.е. проверка способности использовать стандартные математические навыки в контексте управления финансовыми ресурсами, в частности для расчета процентов, налогов, кредитных платежей и проч.

Источник: составлено авторами.

Выбор конкретных вопросов для измерения компонентов ФГ и непосредственно разработка методики ее оценки должны опираться на ряд принципов:

- вопросы должны быть достаточными, т.е. полноценно раскрывать изучаемую предметную область и соответствующий компонент ФГ;
- вопросы должны быть измеримы;
- некоторые вопросы должны быть «общими», т.е. повторяться в обследованиях, проводимых в других регионах или в рамках национальных опросов;
- вопросы должны быть одинаково применимы для всех групп населения.

В качестве образца был использован инструментарий оценки финансовой грамотности, разработанный и применяемый ОЭСР²¹. Предметные области выделены на основании предложенной Министерством финансов РФ рамки финансовой компетентности взрослого населения РФ (табл. 5). По каждой области (за исключением финансовой арифметики) закладываются измерения трех структурных компонентов ФГ, таких как: финансовые знания, финансовые навыки, финансовые установки. Для выяснения решений населения, принятых на основе финансовой грамотности, предполагается включить в опросник вопросы о сберегательном и кредитном поведении, об использовании прочих финансовых продуктов, а также вопросы, связанные с финансовым образованием.

Помимо основных вопросов для измерения финансовой грамотности опросник будет включать «объяснительные переменные»: возраст, пол, семейное положение, образование, характеристику материального положения, статус занятости.

Опросник составляется с использованием открытых и закрытых вопросов, порядковых и интервальных шкал (например, шкала Лайкерта) и качественных вопросов.

Для обобщенной оценки, исходя из выделенных компонентов, предполагается расчет нескольких индексов ФГ: индекса финансовых

знаний, индекса финансовых навыков, индекса финансовой арифметики. Расчет индекса по финансовым установкам не предусматривается, поскольку вопросы по установкам будут использоваться для углубленного анализа, в частности, выделения групп населения в соответствии с особенностями ценностно-мотивационного отношения к деньгам и другим финансовым ресурсам.

Применение предлагаемой нами методики оценки финансовой грамотности населения направлено на решение нескольких задач:

- выявление «слабых зон» финансовой грамотности населения в разрезе трех компонентов (знаний, навыков и установок), а также слабых областей финансового поведения;
- определение целевых групп населения для программ финансового образования и наименее способных с точки зрения финансового поведения групп населения для разработки стимулирующих мероприятий;
- оценка необходимости предоставления финансовой информации в разрезе конкретных тем, а также определение наиболее предпочтительных форм / способов получения подобной информации;
- изучение особенностей финансовой грамотности и финансового поведения в разрезе социально-демографических групп населения;
- изучение взаимосвязи между компонентами финансовой грамотности и финансовым поведением.

Более того, в случае закрепления опроса по финансовой грамотности на постоянной основе станет возможным отслеживание изменений в уровне финансовой грамотности и выяснение влияния программ финансового образования на ФГ и финансовое поведение.

Заключение

Финансовые цели людей индивидуальны, они мотивируются жизненной ситуацией и их социально-экономическим статусом²². Поэтому существует значительная гетерогенность как в финансовом поведении, так и в финансовой грамотности. Экономические исследования

²¹ См.: Atkinson A., Messy F. Measuring Financial Literacy: Results of the OECD / International Network on Financial Education (INFE) Pilot Study // OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions No. 15. OECD Publishing, Paris, 2012. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5k9csfs90fr4-en>

²² Стахович Л.В. Необходимость повышения финансовой грамотности молодежи как важнейший приоритет государственной политики // Интернет-конференция «Дети и молодежь». URL: <https://iq.hse.ru/more/finance/neobhodimost-povishenia-finansovoj-gramotnosti> (дата обращения: 08.08.2018).

финансовой грамотности преследуют вполне очевидные цели выявления слабых зон в финансовых знаниях и навыках населения, определения наименее финансово «подкованных» групп населения для разработки эффективных программ финансового образования. Однако всегда необходимо помнить, что невозможно и даже нежелательно делать каждого человека финансовым экспертом.

Разработка стройной концепции финансовой грамотности предполагает четкую интерпретацию термина и соответствующую ему методику оценки. Определение такой сложной экономической категории, как «финансовая грамотность», затруднено из-за самого контента, разнообразия мнений и исследовательских задач. Поэтому работа по выработке ее универсального толкования для применения в эмпирических исследованиях разного уровня и направленности представляется архаичной, в то время как формирование внутренне непротиворечивых теоретико-методологических подходов к изучению и измерению финансовой грамотности населения является весьма актуальной научной задачей.

В нашем исследовании мы предлагаем рассматривать *финансовую грамотность* как способность человека, предполагающую сочетание знаний, навыков и установок, а также информированности и ответственности, которая помогает ему принимать обоснованные финансовые решения для обеспечения собственного материального благосостояния. Предлагаемая трактовка не противоречит существующим в научной литературе определениям «грамотности» как таковой и согласуется с конструкциями «финансовой грамотности», используемыми в других исследованиях.

Ключевой целью эмпирической оценки финансовой грамотности населения является получение информации о её «слабых зонах» и определение целевых групп населения, нуждающихся в обучении по программам финансового образования. Указанные действия могут быть реализованы аналитическими структурами региональных исполнительных органов власти (департаментами стратегического планирования, финансов или экономического развития), научно-исследовательскими организациями (вузами, научными учреждениями, социологи-

ческими компаниями) и непосредственно финансовыми организациями, а также в формате взаимодействия указанных структур.

Используемая методика оценки финансовой грамотности должна соответствовать принятому определению и охватывать все указанные в нем компоненты. Согласно авторскому подходу, финансовая грамотность населения операционализируется через три компонента — знания, навыки, установки (когнитивный, деятельностный и ценностно-мотивационный компоненты), при этом «за скобки» выносятся конкретные финансовые действия, составляющие финансовое поведение. В качестве образца принята методика оценки финансовой грамотности, разработанная и применяемая ОЭСР. Предметные области выделены на основании предложенной Министерством финансов РФ рамки финансовой компетентности взрослого населения РФ. Методика предполагает не только получение сводной социологической информации по отдельным компонентам финансовой грамотности, но и расчет нескольких частных индексов ФГ (индекс финансовых знаний, индекс финансовых навыков, индекс финансовой арифметики).

Стоит отметить, что, несмотря на проведение национальных мониторингов финансовой грамотности, осуществление частных (местных и межрегиональных) исследований весьма значимо. Исследование феномена финансовой грамотности на основе регионального опроса представляет собой более подробное дополнение к национальным и международным исследованиям. Во-первых, реализуется возможность уделить больше внимания отдельным аспектам финансовой грамотности или определенным группам населения, которые обладают уникальными социально-экономическими, демографическими или профессиональными характеристиками. Во-вторых, в «местных» исследованиях можно задавать более узкие, специфические вопросы об анализируемом явлении. В-третьих, такие исследования позволяют сосредоточиться на особенностях, которые характерны для местного сообщества, в значительной степени определяющих уровень финансовой грамотности и теряются в ходе национальных опросов. В-четвертых, подобного рода исследования могут быть поставлены

на поток, т.е. при заинтересованности региональных органов власти и высокой эффективности проводимых опросов последние могут быть закреплены на постоянной основе (с некой периодичностью). В-пятых, они помогают

решить проблему наполнения эмпирического массива о финансовой грамотности населения качественными данными, являющимися ценным дополнением к «сухим» количественным показателям.

Литература

1. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 48-63.
2. Россошанский А.И. Методика индексной оценки качества жизни населения российских регионов // Проблемы развития территории. 2016. № 4 (84). С. 124-137.
3. Хесин Е.С. Современная мировая экономика: финансы и накопление капитала // Деньги и кредит. 2016. № 8. С. 31-36.
4. Hanson T.A., Olson P.M. Financial literacy and family communication patterns. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*, 2018. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbef.2018.05.001> (дата обращения: 13.08.2018).
5. Huston S.J. Measuring financial literacy. *The Journal of Consumer Affairs*, 2010, no. 2, vol. 44, pp. 296-316.
6. Кузина О. Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты анализа в России // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 129-148.
7. Zait A., Berteau P.E. Financial literacy – conceptual definition and proposed approach for a measurement instrument. *Journal of Accounting and Management*, 2014, vol. 4, no. 3, pp. 37-42.
8. Remund D.L. Financial Literacy explicated: the case for a clearer definition in an increasingly complex economy. *The Journal of Consumer Affairs*, 2010, no. 44 (2), pp. 276-295.
9. Белехова Г.В., Калачикова О.Н. Финансовая грамотность молодежи (на материалах Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2016. № 5 (85). С. 90-106.
10. Зеленцова А.В., Блискавка Е.А., Демидов Д.Н. Повышение финансовой грамотности населения: международный опыт и российская практика / Центр исследований платежных систем и расчетов. М.: КНОРУС, 2011. 108 с.
11. Lusardi A., Mitchell O.S. Financial Literacy and retirement preparedness: evidence and implications for financial education. *Business Economics*, 2007, no. 42 (1), pp. 35-44.
12. Lusardi A., Mitchell O.S. The economic importance of financial literacy: Theory and Evidence. *Journal of Economic Literature*, 2014, vol. 52 (1), pp. 5-44. URL: <http://dx.doi.org/10.1257/jel.52.1.5>
13. Hung A.A., Parker A.M., Yoong J.K. Defining and measuring financial literacy. *RAND Corporation. Working paper-708*, 2009. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/working_papers/2009/RAND_WR708.pdf
14. Stumm S., O’Creevy M.F., Furnham A. Financial capability, money attitudes and socioeconomic status: risks for experiencing adverse financial events. *Personality and Individual Differences*, 2013, vol. 54, pp. 344-349.
15. Ивонина А. И., Чуланова О. Л., Давлетшина Ю. М. Современные направления теоретических и методических разработок в области управления: роль soft-skills и hard-skills в профессиональном и карьерном развитии сотрудников // Наукоедение: интернет-журнал. 2017. № 1. Т. 9. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/90EVDN117.pdf> (дата обращения: 27.08.2018).
16. Алифанова Е. Н., Евлахова Ю. С. Анализ методических подходов к разработке индикаторов финансовой грамотности населения // Финансы и кредит. 2013. № 12 (540). С. 18-26.
17. Pollack C., Lynch J. Health status of people undergoing foreclosure in the philadelphia region. *American Journal of Public Health*, 2009, no. 99, pp. 1833-1839.
18. Grohmann A., Kouwenberg R., Menkhoff L., 2015. Childhood roots of financial literacy. *Journal of Economic Psychology*, 2015, vol. 51, pp. 114-133.
19. Bernheim B.D., Garrett D.M., Maki D.M. Education and saving: the long-term effects of high school financial curriculum mandates. *Journal of Public Economics*, 2001, vol. 80, pp. 435-465.
20. Sohn S.-H., Joo S.-H., Grable J.E., Lee S., Kim M. Adolescents’ financial literacy: the role of financial socialization agents, financial experiences, and money attitudes in shaping financial literacy among South Korean youth. *Journal of Adolescence*, 2012, vol. 35, pp. 969-980.

21. Kiliyanni A.L., Sivaraman S. The perception-reality gap in financial literacy: evidence from the most literate state in India. *International Review of Economics Education*, 2016, vol. 23, pp. 47-64. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.iree.2016.07.001> (дата обращения: 17.08.2018).
22. Furnham A., Wilson E., Telford K. The meaning of money: the validation of a short money-types measure. *Personality and Individual Differences*, 2012, vol. 52, pp. 707-711. DOI:10.1016/j.paid.2011.12.020
23. Shim S., Xiao J.J., Barber B.L., Lyons A.C. Pathways to life success: a conceptual model of financial well-being for young adults. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2009, vol. 30 (6), pp. 708-723.
24. Christelis D., Jappelli T., Padula M. Cognitive abilities and portfolio choice. *European Economic Review*, 2010, vol. 54 (1), pp. 18-38.
25. Jappelli T., Padula M. Investment in financial literacy and saving decisions. *Journal of Banking & Finance*, 2013, vol. 37, pp. 2779-2792.
26. Lusardi A., Mitchell O.S. (Eds.). Financial literacy and planning: implications for retirement wellbeing. In: Lusardi A., Mitchell O.S. *Financial Literacy: Implications for Retirement Security and the Financial Marketplace*. Oxford, Oxford University Press, 2011. Pp. 17-39.
27. Atkinson A., Messy F. Measuring financial literacy: results of the OECD. International Network on Financial Education (INFE) Pilot Study. *OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions No. 15*. OECD Publishing, Paris, 2012. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5k9csfs90fr4-en>
28. Вашенко Т.В., Иванова Я.Я., Сокольникова И.В. Финансовая грамотность населения: проблемы оценки и анализа // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 9 (ч.3). С. 18-21.
29. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования / И.Д. Фрумин, М.С. Добрякова, К.А. Баранников, И.М. Реморенко; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 28 с.
30. Луговая А.В. Компетенция и компетентность: к проблеме соотношения и определения понятий // Вестник Воронежского института ФЦИН России. 2013. № 2. С. 142-144.
31. Сергеев А.Г. Компетентность и компетенции: монография. Владимир: Изд-во Владимирского государственного университета, 2010. 107 с.

Сведения об авторах

Галина Вадимовна Белехова – научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, заместитель директора, зав. отделом, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Belekhova G.V., Kalachikova O.N.

“Live and Learn”: Conceptual Discourse on People’s Financial Literacy

Abstract. In modern social reality, well-being of individuals, including their financial well-being, is increasingly becoming a zone of personal responsibility. At the same time, in the Russian context, the majority of people remain almost entirely dependent on wages as the only source of income. This fact, along with a low level of financial literacy, is an actual risk for individuals and the financial system of the country. Consequently, the importance of adequate financial knowledge, skills and actions within the financial education and training system is increasing. This brings to the fore the task of revealing “weak spots” in financial literacy and identifying vulnerable population groups so as to develop effective management decisions; this can be done with the help of well-elaborated tools used to study financial literacy. The goal of our paper is to carry out critical analysis of available theoretical and methodological

approaches to the study of people's financial literacy. It is done, first, to form a reference and information field suitable to be used in scientific and management activity, and second, to put forward a concept of our own methodology for assessing people's financial literacy. To achieve the goal, we review foreign and domestic studies on people's financial literacy, systematize approaches to the definition of this category and provide our own understanding of this category as a three-component structure. Moreover, we compare methods for its assessment and substantiate the concept of our own methodology for assessing people's financial literacy. A distinctive feature of our study is the fact that it appeals not only to widely used approaches to understanding financial literacy and its assessment techniques but also to modern methodological structures that take into account current trends in the development of financial literacy, a dynamic and heterogeneous phenomenon. The findings of our study can be used as a theoretical and methodological basis in scientific research, as well as in the practical activities of authorities and other interested actors involved in improving people's financial literacy and financial education.

Key words: financial literacy, financial knowledge, financial skills, monetary attitudes, sociological tools, international experience in assessing financial literacy.

Information about the Authors

Galina V. Belekova – Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Ol'ga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director, head of department, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)

Статья поступила 06.09.2018.

ЭКОНОМИКА ТРУДА

DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.10

УДК 331.2, ББК 65.245

© Гринберг Р.С., Ахунув Р.Р., Володин А.И., Губарев Р.В., Дзюба Е.И.

Новая (смешанная) система оплаты труда российских госслужащих «по результатам»

**Руслан Семенович
ГРИНБЕРГ**
Институт экономики Российской
академии наук
Москва, 117218, Российская
Федерация, Нахимовский пр-т,
д. 32
E-mail: grinberg@inecon.ru

**Роман Владимирович
ГУБАРЕВ**
Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация,
117997, Стремянный пер., д. 36
E-mail: gubarev.roma@yandex.ru

**Рустем Ринатович
АХУНОВ**
Уфимский федеральный
исследовательский центр РАН
Уфа, Республика Башкортостан,
Российская Федерация, 450054,
пр-т Октября, д. 71
E-mail: priemnaya.akhunov@mail.ru

**Евгений Иванович
ДЗЮБА**
Отделение Общероссийского
народного фронта
Уфа, Республика Башкортостан,
Российская Федерация, 450077,
ул. Кирова, д. 1
E-mail: intellectRus@yandex.ru

**Андрей Игоревич
ВОЛОДИН**
Университет Реджайны
Канада, S4S 0A2, г. Реджайна,
ул. Васкана Паркуэй, д. 3737
E-mail: andrei.volodin@uregina.ca

Для цитирования: Новая (смешанная) система оплаты труда российских госслужащих «по результатам» / Р.С. Гринберг, Р.Р. Ахунув, А.И. Володин, Р.В. Губарев, Е.И. Дзюба // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 163-183. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.10

For citation: Grinberg R.S., Akhunov R.R., Volodin A.I., Gubarev R.V., Dzyuba E.I. Performance-based pay – a new (mixed) payment scheme for Russian civil servants. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 163-183. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.10

Аннотация. Научным коллективом разработан принципиально новый подход коллективного материального стимулирования (премирования) госслужащих, не противоречащий концепции Нового государственного управления (NPM) и имеющий определенное сходство с корпоративным (азиатским) типом системы оплаты труда «по результатам». В контексте исследования под «результатами» понимается достигнутый уровень социально-экономического развития российских регионов. Авторская методика разрабатывается и апробируется в два последовательных этапа: сначала проводится ретроспективная оценка уровня развития субъектов РФ (по данным региональной статистики), а затем осуществляется расчет объема премирования госслужащих «по результатам». Исходя из уровня социально-экономического развития, путем нейромоделирования решается задача кластеризации российских регионов. Также на основе нейросетевых технологий (путем формирования адекватного байесовского ансамбля динамических нейромоделей) реализуется и прогностическая функция. Результаты ретроспективной оценки, кластеризации и прогнозирования уровня социально-экономического развития субъектов РФ являются фундаментом для применения коллективного материального стимулирования госслужащих L-типа, поскольку расчет премирования госслужащих «по результатам» осуществляется на основе предварительно разработанной (методом экспертных оценок) прогрессивной шкалы (индекс социально-экономического развития российских регионов – уровень премирования госслужащих). Предлагаемый в рамках работы подход к премированию российских госслужащих «по результатам» будет способствовать координации деятельности министерств и ведомств субъектов РФ за счет «привязки» коллективных стимулирующих выплат к уровню социально-экономического развития регионов страны. Применение на практике такого подхода позволит также осуществлять контроль целевого расходования средств российского бюджета. Методика носит универсальный характер и в случае ее адаптации (варьирования системы социально-экономических индикаторов развития регионов страны) может применяться в любой стране мира с федеративным устройством.

Ключевые слова: оценка эффективности госуправления, социально-экономическое развитие, субъекты РФ, нейромоделирование, премирование госслужащих «по результатам», прогрессивная шкала, бюджетные расходы.

Введение. Общемировой тенденцией является реформирование национальных систем госуправления за счет соблюдения ключевого принципа (управления и оплаты труда госслужащих «по результатам») парадигмы Нового государственного управления (*New Public Management – NPM*) [1]. Анализ российских и зарубежных исследований, посвященных системам государственного управления «по результатам», указывает на наличие как позитивных [2], так и негативных [3] эффектов от их внедрения. Однако последнее не приводит к снижению «интереса» со стороны руководства стран мира и их регионов (не исключением является и Россия) к *NPM*, т.е. внедрению или реформированию существующей системы госуправления «по результатам» [4]. В настоящее время объем стимулирующих выплат (премий) российским госслужащим в лучшем случае определяется на основе оценки индивидуальных показателей эффективности без учета

коллективных «результатов» деятельности [5]. Причем размер стимулирующих выплат госслужащим в России «не привязан» к достигнутому уровню социально-экономического развития страны. Поэтому в условиях действующей системы оплаты труда (в части премирования) российских госслужащих не обеспечивается материальная «заинтересованность» таких работников в социально-экономическом развитии РФ. Учитывая вышесказанное, отметим, что основной целью работы является разработка принципиально новой методики коллективного материального стимулирования российских госслужащих (премирования «по результатам») в рамках парадигмы *NPM* с учетом зарубежного опыта. Внедрение такой методики в практику стимулирования результативной коллективной деятельности российских госслужащих может послужить научной основой для решения проблемы обеспечения эффективности системы госуправления в стране.

Новизна проведенного исследования и полученных результатов заключается в следующем:

1) проводится оценка эффективности современной системы госуправления в России;

2) изучается зарубежный опыт реформирования госслужбы путем краткого рассмотрения нескольких наиболее известных парадигм госуправления;

3) освещаются особенности различных типов зарубежных систем оплаты труда госслужащих и подчеркиваются основные их недостатки;

4) раскрываются основные теоретико-методологические особенности авторской методики премирования российских госслужащих «по результатам»;

5) проводится апробация (тестирование) такой методики на данных региональной статистики России за 2011–2016 годы¹.

Оценка эффективности современной системы госуправления в России. В рамках работы, опираясь на результаты теоретических и эмпирических исследований, включая зарубежные, попытаемся оценить эффективность современной системы госуправления в России.

Актуальность такой оценки подтверждается многочисленными и в том числе междисциплинарными исследованиями российских политологов, социологов и экономистов. Ярким примером может служить работа В.А. Ильина и М.В. Морева, в которой выявлен и проанализирован путем установления причинно-следственных связей широкий спектр ключевых проблем современной системы госуправления в России. По итогам исследования указанные авторы сделали вывод «о необходимости принятия Президентом жестких решений, направленных на повышение эффективности системы государственного управления» [6].

Начнем оценку эффективности системы госуправления в России с изучения места страны в новом рейтинге (ключевых субрейтингах) благополучия стран мира² (рис. 1). Британским аналитическим центром The Legatum Institute ежегодно формируется рейтинг благополучия

(*The Legatum Prosperity Index*) 149 стран мира. Выбор рейтинга не случаен: во-первых, он широко популярен за рубежом, а во-вторых, на наш взгляд, характеризуется методологической проработанностью формирования индекса (субиндексов). Индекс процветания стран мира определяется на основе 104 социально-экономических индикаторов, объединенных в 9 групп (субрейтинги): экономика, предпринимательство, государственное управление, личные свободы, социальный капитал, безопасность, образование, здравоохранение и экология. Он является комбинированным показателем, поскольку базируется не только на статистическом анализе, но и социологических исследованиях, а также экспертных оценках участников опроса.

Как видно из данных рисунка, странами-соседями России по новому рейтингу благополучия стран мира являются Индия (100 место) и Таджикистан (102 место), которые нельзя отнести к благополучным странам мира с эффективной системой государственного управления, развитой экономикой и высокой степенью социальной защищенности населения. При этом необходимо отметить, что РФ только по такому ключевому субрейтингу, как экономика с уровнем развития выше среднего, заняла 70 место, т.е. оказалась намного выше, чем в итоговом рейтинге (101 место) благополучия стран мира. По двум другим основным субрейтингам (государственное управление и социальный капитал) нашей страны наблюдалась обратная ситуация. Так, согласно субрейтингу государственное управление и социальный капитал в РФ характеризовались низким уровнем развития, а страна занимала соответственно только 115 и 130 места.

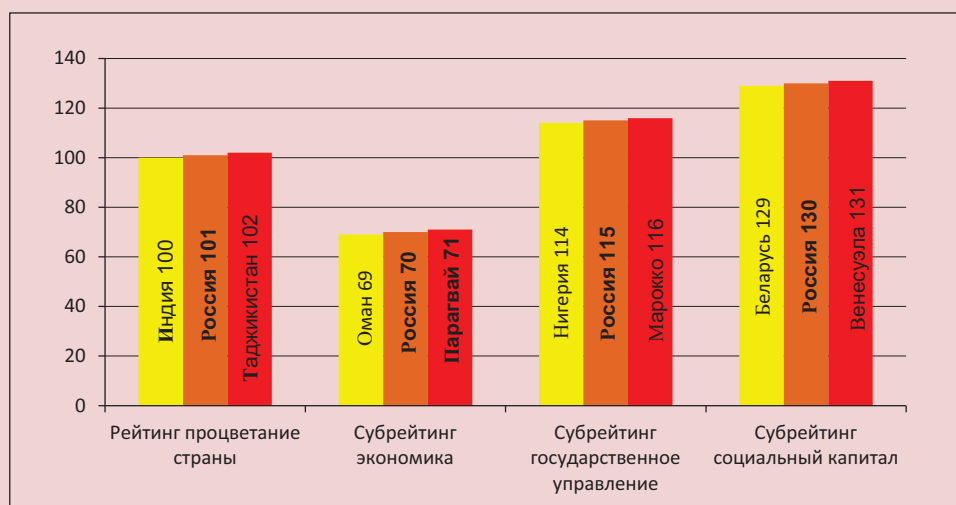
Если поставить под сомнение результаты оценки процветания страны международными экспертами по причине политизированности ее места в рейтинге благополучия, то низкая эффективность государственного управления в России подтверждается результатами количественно-качественного анализа такой системы.

В частности, необходимо отметить, что современная иерархическая система государственного управления в России в отличие от всех стран мира является не двухуровневой (страна – регионы), а трехуровневой (страна

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017.

² The Legatum Prosperity Index 2017 (2016). URL:<http://www.prosperity.com/about/resources>.

Рис. 1. Место России в новом рейтинге (ключевых субрейтингах) благополучия стран мира

Источник: составлено авторами по данным нового рейтинга благополучных стран мира.

— макрорегионы — субъекты РФ). Так, в настоящее время все субъекты страны объединены в 8 федеральных округов (макрорегионы). Наличие дополнительного уровня в структуре государственного управления косвенно свидетельствует о ее низкой эффективности и попытке руководства страны адекватно отвечать на многочисленные «вызовы» в социально-экономической сфере за счет экстенсивного пути развития госслужбы. На это указывает и структура федерального правительства страны, сформированная не только по функциональному, но и географическому признаку. Так, в его состав на современном этапе развития страны входят министерства по развитию Дальнего Востока и делам Северного Кавказа³.

Основные результаты количественного анализа, базирующегося на расчете и интерпретации значений коэффициентов (бюрократизации и оплаты) эффективности госслужбы по методике Г.А. Борщевского [7], представлены в работе [8]. Поэтому в рамках исследования ограничимся дополнением такого анализа путем расчета и интерпретации не менее информативных еще двух коэффициентов (расходов и полезности) эффективности госслужбы по вышеуказанной методике. Информационной

³ Правительство РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/ministries/>.

базой количественного анализа национальной системы госуправления являются данные российской статистики за 2011–2016 годы⁴.

Первый коэффициент (расходов) показывает долю бюджетных расходов на госслужбу в общей величине расходов бюджета страны. В 2011–2012 и 2015–2016 годах значение показателя возрастало — соответственно с 22 до 22,4% и с 23,9 до 24,4%. В 2013–2014 годах значение коэффициента расходов фиксировалось на одном уровне — 22,9%. Из приведенных цифр видно, что на протяжении как двух подпериодов, так и всего анализируемого периода наблюдался некоторый рост показателя в динамике, означающий повышение нагрузки на бюджет в части финансирования госслужбы. Такую тенденцию нельзя признать позитивной с позиции эффективности госслужбы.

Второй коэффициент (полезности) определяется исходя из матрицы соотношений динамики бюджетных расходов страны на госслужбу и среднелюшевого ВВП. В 2011–2016 годах происходил ежегодный рост среднелюшевого ВВП на фоне увеличения бюджетных расходов на государственную службу (оба индикатора выражены в текущих ценах). Этому соответствует второй квадрант матрицы, означающий проме-

⁴ Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017.

жуточное состояние эффективности госслужбы, т.е. имеются не только реальные возможности для повышения эффективности госслужбы, но и риск ее снижения в перспективе.

Отсюда, расчет и интерпретация еще двух коэффициентов (расходов и полезности) эффективности госслужбы также позволяет констатировать наличие определенных серьезных проблем и существенных рисков в сфере эффективности российской госслужбы. По мнению научного коллектива, руководству страны необходимо ускорить и переосмыслить процесс реформирования госслужбы. На наш взгляд, в современной России первоочередной задачей становится решение проблемы перехода с экстенсивного на интенсивный путь развития национальной госслужбы, уделяя особое внимание вопросам не только повышения качественного состава ее кадрового резерва наряду с «разумной» оптимизацией численности госслужащих, но и вопросам их материального стимулирования, являющегося важнейшим инструментом обеспечения и повышения эффективности госуправления в условиях рыночной экономики.

Краткий обзор тематической литературы. В настоящее время активно протекают процессы не только эволюции парадигмы Нового государственного управления, но и формирования принципиально других концепций (парадигм). Так, в частности, наряду с парадигмой *NPM* в зарубежных странах существует еще несколько популярных альтернативных по отношению к ней парадигм, например парадигма Общественно-государственного управления (*Good Governance* – *GG*) и парадигма Ответственного космополитического государства (*Responsible Cosmopolitan State* – *RCS*). При этом нельзя не отметить, что происходит «размывание» границ между современными парадигмами госуправления, т.е. их смешивание (гибридизация) путем взаимопроникновения и трансформации ряда ключевых функций. Поэтому кратко охарактеризуем развитие (эволюцию) трех вышеуказанных парадигм.

«Парадигма общественно-государственного управления принадлежит современной эпохе, характеризующейся началом и развитием административного кризиса. Именно поэтому с самого начала своего развития данная пара-

дигма проявляла практико-ориентированный характер» [9]. Ее принципы до сих пор описываются на основании известного доклада ЮНЕСКО.

«Тем не менее теоретические конструкции *GG* могут быть выстроены на основании признания совместной ответственности государства, граждан и общественных организаций за разрешение проблем современной общественной жизни» [10]. «Неолиберальным решением» проблем является интеграция различных организаций в государственную систему управления [11]. В этом случае происходит отказ государства от монопольного осуществления ряда функций, в процесс управления активно вовлекаются общественные организации (так называемое сетевое взаимодействие акторов) [12], не исключением является даже оказание публичных услуг [13]. В работе [9], на наш взгляд, достаточно точно охарактеризована роль государства в рамках парадигмы *GG*: «Государство выступает как распорядительная (через достижение общественного согласия), но не автономная, часть данной сети взаимодействий» [9].

Другая парадигма *RCS* появилась как попытка решения проблемы слабоструктурированных национальных систем госуправления. Действительно, в настоящее время в разных странах мира применяются трудно сопоставимые между собой иерархические системы управления с серьезными организационными проблемами, выражающимися в отсутствии четкого разграничения полномочий даже в рамках определенного министерства и ведомства, дублировании выполняемых функций такими организациями, а в конечном итоге слабой скоординированностью их действий, невозможностью работать единой командой. В работе [14] приводится основополагающее требование *RCS* парадигмы, заключающееся в необходимости построения в разных странах мира хорошо структурированных иерархических систем управления с «выходом» в перспективе на так называемое «глобальное мировое государство». В другом исследовании [15] конкретизируется механизм реализации вышеуказанного требования: эффективность функционирования таких национальных систем управления должна достигаться за счет соблюдения ряда общих принципов, направленных на скоординированные

действия различных министерств и ведомств в рамках установленных регламентов деятельности организаций. Необходимо отметить, что в настоящее время идет процесс активного применения парадигмы *RCS* в практике государственного управления в различных странах мира (например, Новой Зеландии, Финляндии и Эстонии), позволяющий решать широкий спектр задач: «налаживание четкой координации работы государственных органов; введение многоцелевых ассигнований для достижения общих целей; устранение дублирования полномочий и „лишних” государственных органов» [9].

При наличии ряда различных парадигм именно концепция *NPM* является доминирующей в большинстве благополучных (преимущественно европейских) стран мира (применяется, например, в Австрии, Великобритании, Германии, Дании, Италии, Нидерландах, Норвегии, Финляндии, Франции и Швеции). К такому выводу можно прийти на основе анализа трудов зарубежных и российских ученых, занимающихся вопросами оценки эффективности национальных систем государственного управления. Так, ярким примером таких исследований является монография [16], «посвященная сравнительной оценке влияния административных реформ в европейских странах, ориентированных на идеи нового государственного управления (*NPM*)» [17].

Возникновение *NPM* было связано с необходимостью государства оказать содействие (преодолеть кризисные явления) крупным производственным корпорациям, применяющим традиционные производственные технологии, путем перехода на инновационный путь развития. Поэтому сначала такая парадигма сводилась к необходимости качественного оказания системой государственного управления сервисных публичных услуг, и прежде всего позволяющих бизнесу активно внедрять инновации [18]. В современных условиях с целью адекватного ответа системы управления на многочисленные «запросы» со стороны гражданского общества во многих странах мира происходит переосмысление роли и функций государства. Основной целью *NPM* в настоящее время становится обеспечение устойчивого социально-экономического развития территорий за счет так называемой «либерализации экономики» (минимально воз-

можное регулирующее воздействие на бизнес), а также повышения качества и расширения ассортимента оказываемых гражданам публичных услуг [19; 20]. В работе [9] охарактеризована эволюция теорий *NPM*. В рамках исследования ограничимся лишь указанием основных направлений их модификации. Новые теории *NPM* «строят усовершенствованную иерархию функций государства, выделяя в качестве приоритетных повышение эффективности расходов, усиление функций контроля и надзора, менеджмент программ и секторальных политик, улучшение функций регулирования» [9].

Развитие *NPM*, в свою очередь, привело и к эволюции систем оплаты труда госслужащих «по результатам» в различных странах мира. В настоящее время не существует единой общепринятой классификации таких систем. Позиция научного коллектива по данному вопросу наиболее близка к мнению Т.А. Журавлевой, которая, исходя из ряда классификационных признаков, считает возможным выделить три типа систем оплаты труда госслужащих: карьерную (романо-германскую), корпоративную (азиатскую) и позиционную (англосаксонскую) [21]. В рамках исследования ограничимся кратким освещением их особенностей, подчеркивая основные недостатки.

Романо-германская система оплаты труда госслужащих (применяется, например, в Германии, Франции и Японии) является грейдинговой (госслужащие, исходя из занимаемых должностей, объединяются в грейды). Размер должностного оклада для каждой должности утверждается централизованно (федеральным правительством страны) и отражается в фиксированной тарифной сетке оплаты труда. При такой системе размер заработной платы госслужащего зависит в основном от должности и стажа. В этом случае основным стимулом эффективной деятельности госслужащего становятся перспективы карьерного роста, т.е. повышение со временем социального статуса.

Англосаксонская система оплаты труда госслужащих (применяется, например, в Австралии, Великобритании, Канаде, Новой Зеландии и США) в отличие от предыдущего типа характеризуется высокой степенью децентрализации по вопросу установления размера заработной платы госслужащим, занимающим различные

должности. Так, руководство министерств и ведомств, а также их структурных подразделений уполномочено принимать решения о величине должностных окладов и премий, как правило «привязанных» к индивидуальным показателям результативности, единственным ограничением является размер соответствующего бюджета.

И наконец, азиатская система оплаты труда госслужащих (применяется, например, в Сингапуре и Южной Корее). Такая система по отношению к двум другим типам систем является смешанной (гибридной), т.е. включающей элементы как из романо-германской, так и англосаксонской системы оплаты труда госслужащих. В этом случае, с одной стороны, размер заработной платы госслужащего зависит не только от индивидуальной результативности, но и уровня социально-экономического развития страны.

При этом необходимо отметить, что каждому типу систем оплаты труда госслужащих присущи определенные недостатки. Так, например, в условиях карьерной системы оплаты труда практически отсутствуют материальные стимулы работы госслужащих «на результат». Типичной ситуацией для позиционной системы является отсутствие экономически обоснованного размера стимулирующих выплат определенным госслужащим. Зачастую их величина зависит не от «результатов» работы, а продиктована политическими факторами [22]. Так, нередко случаи влияния на размер премий госслужащим англосаксонских стран гендерных и расовых (этнических) различий [22; 23].

Недостатки разных типов систем оплаты труда госслужащих выступают главным фактором их эволюции.

При этом не все попытки построения смешанных (сочетающих элементы разных типов) систем оплаты труда госслужащих, на наш взгляд, можно считать успешными. Так, в качестве яркого примера атипичной системы можно привести систему оплаты труда госслужащих в КНР. В работе [24] отражены основные причинно-следственные связи неудачной попытки руководства Китая реформировать госслужбу в рамках парадигмы *NPM*. «В связи с отсутствием конкретных показателей затруднительной представляется оплата труда по результатам, которая включает в себя значительную долю не-

официальных доходов ... не благоприятствует формированию условий для работы на результат такой фактор, как отсутствие материального стимулирования госслужащих» [24].

Необходимо отметить, что в настоящее время преимущественно за рубежом накоплен значительный опыт премирования (материального стимулирования) госслужащих, исходя из оценки их индивидуальной результативности [25]. Другое дело – коллективное премирование госслужащих «за результаты» с «привязкой» к социально-экономическому развитию страны и ее регионов. Это объясняется рядом причин. Так, в частности, внедрению зарубежного опыта в российскую практику управления, по мнению Г.А. Борщевского, «препятствует отсутствие понимания того, как оценить вклад индивидуальных заслуг служащего в итоговый результат функционирования государственного органа, а того, в свою очередь, в достижение приоритетов развития региона и страны в целом. Становится очевидным, что без внедрения управления по результатам на уровне системы государственной службы невозможен переход к оценке и оплате по результатам на уровне отдельных служащих» [26].

Учитывая менталитет российских граждан и сформировавшуюся политическую систему, на наш взгляд, в качестве позитивного зарубежного опыта можно считать сингапурскую систему оплаты труда госслужащих, основанную на привязке индивидуальных показателей результативности к страновым. При этом, естественно, необходима адаптация такого подхода к российским реалиям. Кратко аргументируем подобное высказывание.

Благодаря активно проводимым реформам Ли Куан Ю удалось Сингапур из страны третьего мира трансформировать в одну из процветающих стран мира с развитой экономикой. Так, в новом итоговом рейтинге благополучных стран мира⁵ Сингапур занял 17 место, поднявшись на два места по сравнению с предыдущим годом. При этом согласно оценкам международных экспертов Сингапур имеет вторую экономику в мире, уступая только Швеции. По мнению А.И. Татаркина, которое мы разделя-

⁵ The Legatum Prosperity Index 2017 (2016). URL: <http://www.prosperity.com/about/resources>.

ем, «такие трансформации возможны исключительно в условиях структурных кризисов и при условии высокого уровня доверия населения к власти и уверенности, что проводимые реформы проводятся профессионально грамотно и улучшают жизнь большинства населения» [27].

В нашей ранее опубликованной работе обозначалась первоочередная для современной России комплексная задача, успешное решение которой способствовало бы ускоренному экономическому развитию страны. «Надо создавать такую структуру экономики, которая была бы застрахована от любых турбулентностей на рынке нефти. И это — комплексная задача, объединяющая разные политики — структурную, технологическую, финансовую, региональную, демографическую. Здесь все настолько взаимосвязано, что без тесной координации действий разных ведомств не обойтись» [28].

Исходя из вышесказанного, в рамках исследования поставлена и решена задача разработки новой (смешанной) системы оплаты труда российских госслужащих в части коллективных поощрительных выплат на основе позитивного зарубежного опыта премирования «по результатам». При этом, на наш взгляд, главной целевой установкой для госслужащих России является обеспечение работы разных министерств и ведомств как единой команды менеджеров (необходима координация их деятельности).

Разработка и апробирование авторской методики премирования российских госслужащих «по результатам». Методика предназначена для экономически обоснованного расчета объема коллективных стимулирующих выплат (премий «по результатам») работникам органов исполнительной власти страны в регионах. Выбор области ее применения не случаен и объясняется тем, что согласно официальным данным Росстата⁶ львиная доля работников государственных органов исполнительной власти относится к региональному, а не федеральному уровню управления. В разные годы анализируемого периода значение показателя варьировалось в пределах от 94 до 97 % от общей численности таких работников.

⁶ Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017.

Необходимо отметить, что в настоящее время руководством страны предприняты определенные шаги в сфере оценки уровня социально-экономического развития путем разработки и утверждения федеральным правительством соответствующей методики⁷. Однако она, на наш взгляд, имеет многочисленные методологические недостатки [29], которые не позволяют проводить корректную оценку уровня социально-экономического развития российских регионов.

Поэтому научным коллективом была разработана альтернативная (по отношению к правительственной) методика. Такая методика апробировалась на данных региональной статистики за 2011–2015 годы [29]. Она позволяла определять конкурентную, но за определенный год позицию любого субъекта РФ.

Логическим продолжением работы стало исследование [8], в котором проводилась экспресс-оценка развития госуправления в России по методике Г.А. Борщевского на основе расчета и анализа двух коэффициентов (бюрократизации и оплаты) эффективности госслужбы и, главное, раскрывался авторский подход премирования «по результатам» госслужащих, работающих в субъектах РФ, базирующийся на альтернативной (по отношению к правительственной) методике оценки уровня социально-экономического развития регионов страны. Однако здесь в отличие от предыдущей работы, такая методика была усовершенствована за счет расширения системы показателей, причем стоимостные индикаторы были выражены в сопоставимых (постоянных ценах базового года). А это, в свою очередь, также позволяло корректно определять и изменение уровня социально-экономического развития каждого российского региона в динамике за ряд лет.

Данная работа является завершающей статьей цикла авторских исследований, посвященных оценке и повышению эффективности российской госслужбы путем разработки и апробации методики расчета экономически

⁷ О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 года № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»: постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2012 года № 1142.

обоснованного размера коллективных стимулирующих выплат госслужащим, работающим в регионах страны.

Разработка и апробация такой методики осуществляется в два последовательных этапа (и несколько подэтапов) [8].

В рамках первого этапа проводится количественно-качественная оценка социально-экономического развития российских регионов.

На первом подэтапе формируется система социально-экономических индикаторов российских регионов. Следствием низкой эффективности государственного управления является наличие ряда ключевых проблем в сфере социально-экономического развития страны и ее регионов. На основе анализа тематической научной литературы [28; 30–35] к таким проблемам можно отнести следующие: 1) ярко выраженная экспортно-сырьевая направленность экономики; 2) деиндустриализация (наиболее полно, на наш взгляд, ее сущность характеризуется так называемым эффектом 4 «Д», понятием, введенным в научный оборот С.Д. Бодруновым); 3) низкая скорость перехода экономики на инновационную траекторию развития; 4) значительная часть самозанятого населения, являющегося прекариатом («принципиально новый социальный слой, фиксирующий отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особо изоцированные формы эксплуатации их труда, знаний и квалификации»); 5) развитая теневая экономика и 6) высочайшая степень дифференциации населения по уровню денежных доходов. В настоящее время ситуация усугубляется внешним давлением на российскую экономику – инициированными США и поддержанными странами ЕС секторальными санкциями в отношении российских организаций. Такие санкции ограничивают доступ российских хозяйствующих субъектов не только к финансово-инвестиционным ресурсам, но и прогрессивным технологиям.

Исходя из вышесказанного было сформировано два варианта (расширенный и основной перечень частных показателей) системы социально-экономических индикаторов регионов страны, представленных соответственно в работах [8; 36]. В рамках исследования апробация методики осуществлялась по второму варианту

системы показателей. Кратко охарактеризуем структуру такого варианта системы показателей.

Так, в составе индикаторов была выделена группа из 8 показателей, характеризующих деятельность ключевых отраслей национальной экономики, таких как промышленность, торговля, строительство, сельское хозяйство и транспорт.

Помимо этого две существенные группы из 6 и 5 показателей составили индикаторы, характеризующие соответственно состояние науки, инновационное развитие экономики и качество жизни населения регионов страны.

В свою очередь, в состав первой из двух вышеуказанных групп показателей включены индикаторы, оценивающие инновационную активность организаций и результативность их инвестиционной деятельности в регионах страны. Во вторую группу были отнесены индикаторы, характеризующие уровень жизни основных социальных страт России (работающее население, в том числе самозанятые и пенсионеры). Также в состав этой группы вошли показатели, отражающие масштабы бедности населения страны (доля населения, имеющего денежные доходы, не достигающие размера прожиточного минимума) и развитость теневой экономики (удельный вес других денежных доходов населения). Так, согласно данным Росстата⁸ скрытая (официально не учтенная) заработная плата работников организаций составляет львиную долю прочих денежных доходов населения (порядка 92–93% от общей их величины в различные годы анализируемого периода).

Таким образом, в нашем случае для объективной оценки социально-экономического развития регионов страны применяется система из 33 индикаторов, объединенных в несколько групп.

На втором подэтапе осуществляется нормализация значений частных показателей социально-экономического развития российских регионов.

⁸ В российских статистических сборниках применяется различная методология отражения скрытой (официально не учтенной) заработной платы работников организаций. Так, если в «Российском статистическом ежегоднике» она включена в состав оплаты труда, то в сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели» приводится в прочих денежных доходах населения.

В рамках исследования для нормализации каждого социально-экономического индикатора применяется не переменная (по годам), а постоянная на протяжении всего анализируемого периода база сравнения.

На третьем подэтапе проводится количественная оценка социально-экономического развития российских регионов. В настоящее время в научном сообществе дискуссионным остается вопрос применения дифференцированных весовых коэффициентов частных показателей для расчета индекса или субиндексов. Научный коллектив в целях обеспечения объективности оценки и упрощения вспомогательных расчетов считает целесообразным проводить расчет агрегированных показателей в условиях равнозначности частных социально-экономических показателей.

Расчеты проводятся в пространственно-временном разрезе, т.е. для каждого региона страны за определенный год. Результаты таких расчетов и их интерпретация представлены в работе [36].

На четвертом подэтапе осуществляется качественная оценка социально-экономического развития российских регионов. На основе кла-

стерного анализа с применением нейросетевых технологий все субъекты Российской Федерации группируются исходя не только из достигнутого уровня социально-экономического развития (индекса), но и значений трех субиндексов (ключевые отрасли экономики; наука и инновации; уровень жизни населения региона) за 2011–2016 годы. Задача кластеризации решается методом самоорганизующихся карт Кохонена (SOM) в программном продукте Deductor Studio Lite 5.1. Автоматически все субъекты РФ были объединены в 4 кластера. Другие условия решения задачи кластеризации, задаются как исследователем, так и автоматически. Кратко охарактеризуем такие условия. В ходе настройки параметров обучения карты Кохонена исследователем приняты следующие условия: способ начальной инициализации карты из обучающего множества и Гауссова функция соседства. При этом скорость и радиус (в начале и конце) обучения, а также количество эпох, через которое необходимо перемешивать строки задаются автоматически.

В табл. 1 представлены результаты качественной оценки социально-экономического развития российских регионов.

Таблица 1. Качественная оценка социально-экономического развития субъектов РФ за 2011–2016 годы

Кластер	Субъект РФ	Количество субъектов РФ в кластере		Уровень социально-экономического развития субъектов РФ
		единиц	в % к итогу	
2011 год				
Первый	Города Москва и Санкт-Петербург, республики Мордовия и Татарстан, Липецкая, Московская, Нижегородская, Тюменская, Магаданская и Сахалинская области	10	12,5	Средний
Второй	Белгородская, Владимирская, Воронежская, Калужская, Курская, Орловская, Тульская, Ленинградская, Новгородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Свердловская, Челябинская, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская и Амурская области, Карачаево-Черкесская, Удмуртская и Чувашская республики, Ставропольский, Красноярский, Пермский и Приморский края, республики Башкортостан, Бурятия, Хакасия, Еврейская автономная область	29	36,3	Ниже среднего
Третий	Ярославская, Вологодская, Мурманская и Томская области, республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Камчатский и Хабаровский края, Чукотский автономный округ	10	12,5	Низкий
Четвертый	Брянская, Ивановская, Костромская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Архангельская, Калининградская, Псковская, Астраханская, Волгоградская, Ростовская, Кировская, Саратовская, Ульяновская, Курганская и Омская области, республики Адыгея, Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Чеченская, Марий Эл, Алтай и Тыва, Кабардино-Балкарская, Краснодарский, Алтайский и Забайкальский края	31	38,8	Очень низкий
Итого:	х	80	100	х

Продолжение таблицы 1

2012 год				
Первый	Белгородская, Московская, Тюменская, Магаданская и Сахалинская области, гг. Москва и Санкт-Петербург	7	8,8	Средний
Второй	Владимирская, Калужская, Липецкая, Тульская, Ярославская, Нижегородская, Самарская, Свердловская, Новосибирская и Томская области, Ставропольский и Приморский край, республики Мордовия, Татарстан, Бурятия, Удмуртская и Чувашская республики	17	21,3	Ниже среднего
Третий	республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Архангельская, Вологодская, Ленинградская и Мурманская области, Красноярский, Камчатский и Хабаровский края, Чукотский автономный округ	11	13,8	Низкий
Четвер- тый	Брянская, Воронежская, Ивановская, Костромская, Курская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Калининградская, Новгородская, Псковская, Астраханская, Волгоградская, Ростовская, Кировская, Оренбургская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская, Курганская, Челябинская, Иркутская, Кемеровская, Омская и Амурская области, республики Адыгея, Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Башкортостан, Марий Эл, Алтай, Тыва и Хакасия, Краснодарский, Пермский, Алтайский и Забайкальский край, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская республики, Еврейская автономная область	45	56,3	Очень низкий
Итого:	х	80	100	х
2013 год				
Первый	Белгородская, Московская, Тюменская и Сахалинская области, гг. Москва и Санкт-Петербург	6	7,5	Средний
Второй	Калужская, Липецкая, Ярославская, Ленинградская, Нижегородская, Самарская, Свердловская, Новосибирская, Томская и Магаданская области, Республики Мордовия и Татарстан, Хабаровский край	13	16,3	Ниже среднего
Третий	Владимирская, Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Оренбургская, Пензенская, Саратовская, Челябинская, Иркутская и Амурская области, республики Карелия, Коми, Башкортостан, Хакасия и Саха (Якутия), Краснодарский, Ставропольский, Пермский, Красноярский, Камчатский и Приморский края, Удмуртская и Чувашская республики, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ	35	43,8	Низкий
Четвер- тый	Брянская, Ивановская, Костромская, Смоленская, Астраханская, Волгоградская, Ростовская, Кировская, Ульяновская, Курганская, Кемеровская и Омская области, республики Адыгея, Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Марий Эл, Алтай, Бурятия и Тыва, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская, Алтайский и Забайкальский края	26	32,5	Очень низкий
Итого:	х	80	100	х
2014 год				
Первый	Белгородская, Липецкая, Московская, Тюменская и Сахалинская области, гг. Москва и Санкт-Петербург, республика Татарстан, Чукотский автономный округ	9	11,3	Средний
Второй	Владимирская, Калужская, Ярославская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Свердловская, Новосибирская, Томская и Магаданская области, Ставропольский, Пермский и Хабаровский край, республики Мордовия, Алтай и Бурятия, Чувашская республика	17	21,3	Ниже среднего
Третий	Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Волгоградская, Оренбургская, Челябинская, Иркутская и Амурская области, республики Коми, Башкортостан и Саха (Якутия), Краснодарский, Красноярский и Камчатский края	22	27,5	Низкий

Окончание таблицы 1

Четвертый	Брянская, Ивановская, Костромская, Смоленская, Тверская, Архангельская, Псковская, Астраханская, Ростовская, Кировская, Саратовская, Ульяновская, Курганская, Кемеровская и Омская области, республики Карелия, Адыгея, Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Марий Эл, Тыва и Бурятия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская и Удмуртская республики, Алтайский, Забайкальский и Приморский края, Еврейская автономная область	32	40,0	Очень низкий
Итого:	х	80	100	х
2015 год				
Первый	Белгородская, Липецкая, Московская, Тюменская, Магаданская и Сахалинская области, гг. Москва и Санкт-Петербург, Чукотский автономный округ	9	11,3	Средний
Второй	Владимирская, Калужская, Ярославская, Мурманская, Нижегородская, Свердловская, Новосибирская и Томская области, республики Мордовия, Татарстан, Саха (Якутия) и Чувашская, Камчатский и Хабаровский края	14	17,5	Ниже среднего
Третий	Воронежская, Костромская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Ростовская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Челябинская, Иркутская и Амурская области, республики Карелия, Коми, Адыгея, Башкортостан, Марий Эл, Бурятия и Хакасия, Краснодарский, Ставропольский, Пермский и Красноярский края, Удмуртская Республика	32	40,0	Низкий
Четвертый	Брянская, Ивановская, Смоленская, Тверская, Архангельская, Астраханская, Волгоградская, Кировская, Ульяновская, Курганская, Кемеровская и Омская области, республики Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Алтай и Тыва, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская, Алтайский, Забайкальский и Приморский край, Еврейская автономная область	25	31,3	Очень низкий
Итого	х	80	100	х
2016 год				
Первый	Белгородская, Липецкая, Московская, Тюменская, Магаданская и Сахалинская области, гг. Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Чукотский автономный округ	10	12,5	Средний
Второй	Воронежская, Курская, Рязанская, Тульская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Челябинская, Иркутская и Кемеровская области, республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Красноярский и Камчатский края	17	21,3	Ниже среднего
Третий	Владимирская, Калужская, Костромская, Орловская, Тамбовская, Тверская, Ярославская, Ростовская, Нижегородская, Пензенская, Саратовская, Свердловская, Новосибирская и Томская области, Краснодарский, Ставропольский, Пермский и Хабаровский край, республики Башкортостан и Мордовия, Удмуртская и Чувашская	22	27,5	Низкий
Четвертый	Брянская, Ивановская, Смоленская, Архангельская, Псковская, Астраханская, Волгоградская, Кировская, Оренбургская, Самарская, Ульяновская, Курганская, Омская и Амурская области, республики Адыгея, Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Марий Эл, Алтай, Бурятия, Тыва и Хакасия, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская и Чеченская, Алтайский, Забайкальский и Приморский края, Еврейская автономная область	31	38,8	Очень низкий
Итого	х	80	100	х
Источник: составлено авторами.				

Кратко охарактеризуем результаты кластерного анализа. Так, из-за сокращения количества регионов, входящих в кластер с уровнем развития ниже среднего, с 29 в 2011 году до 17 в 2016 году произошло уменьшение удельного веса соответствующих субъектов РФ (от их общего числа) на 15 пунктов. Нельзя не отметить и значительный рост совокупной доли регионов России, относящихся к кластерам с очень низким и низким уровнем социально-экономического развития, за аналогичный период времени с 51,3 до 66,3%, т.е. на 15 пунктов. В относительно стабильный период (2011–2013 гг.) происходило ежегодное уменьшение удельного веса регионов России, входящих в состав кластера со средним уровнем социально-экономического развития. За весь турбулентный период национальной экономики (2014–2016 гг.), наоборот, произошло некоторое увеличение доли субъектов РФ, относящихся к вышеуказанному кластеру. В результате чего только к 2016 году удельный вес регионов со средним уровнем социально-экономического развития достиг значения 2011 года. Также необходимо отметить, что в анализируемом периоде наблюдалась высокая степень вариации совокупного удельного веса российских регионов, входящих в кластеры с очень низким и низким уровнем социально-экономического развития. Так, например, в 2013 году значение показателя было наибольшим – 76,3%. Отсюда видно, что за весь анализируемый период произошло ухудшение кластерной структуры российских регионов исходя из уровня социально-экономического развития. При этом даже регионы-лидеры в 2011–2016 годах не смогли достичь уровня социально-экономического развития выше среднего.

Поэтому можно сделать вывод, что в настоящее время практически все российские регионы характеризуются существенными резервами в социально-экономической сфере.

На пятом подэтапе формируется краткосрочный прогноз социально-экономического развития российских регионов. В условиях возможной зашумленности данных региональной статистики целесообразно применение нейросетевых технологий, но, в отличие от предыдущего подэтапа, здесь решаются две другие задачи – аппроксимации и прогнозирования. Решение таких задач осуществляется путем формирования адекватного байесовского ансамбля динамических нейромоделей в специальном программном продукте Neuro Solution for Excel 6.0.

В табл. 2 представлены исходная информация и основные условия нейромоделирования.

Для обеспечения высокой точности нейромоделирования заданы достаточно «жесткие» граничные значения всех трех показателей адекватности нейромоделей: нормированная среднеквадратическая ошибка результирующего показателя (*NMSE*) менее 5%, коэффициент корреляции между фактическими и теоретическими (полученными в ходе нейромоделирования) значениями «выходной» переменной (*r*) более 0,98 и частотный критерий качества результирующего показателя (*P**) не менее 90%. Причем если первые два показателя определяются автоматически в программном продукте, то последний показатель рассчитывается исследователем при условии относительной погрешности (ошибке аппроксимации) не более 5 и 8 % для каждого наблюдения из тестирующей выборки.

Таблица 2. Исходная информация и основные условия нейромоделирования

Наименование условия	Описание условия
Обучающая выборка	Массив данных, включающий 320 случайно распределенных наблюдений (значения индекса и трех субиндексов за 2012-2015 годы, а также лаговой переменной за 2011–2014 годы по всем субъектам РФ)
Тестирующая выборка	Массив данных, состоящий из 80 наблюдений (аналогичные, что и в обучающей выборке, исходные данные по всем регионам страны, но соответственно за 2016 и 2015 годы)
Топология нейромоделей	Многослойный персептрон (<i>MLP</i>)
Наибольшее (максимальное) число итераций (эпох) модификации синаптических весов	1000
Источник: составлено авторами.	

Верификация нейромоделей позволила уточнить их спецификацию. В нашем случае достаточно точно фактические значения индекса социально-экономического развития российских регионов аппроксимируются функцией нелинейного вида:

$$\hat{Y} = f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5), \quad (1)$$

где X_1 - X_3 – обобщающие (агрегированные) показатели, характеризующие соответственно значения субиндексов: ключевые отрасли экономики, наука и инновации, а также уровень жизни населения региона; X_4 – временной фактор (рассчитывается как отношение порядкового номера года к числу лет с учетом периода прогнозирования) [37]; X_5 – лаговая эндогенная переменная, являющаяся значением индекса социально-экономического развития региона за предыдущий год.

В табл. 3 отражена архитектура (с учетом варьируемых параметров – количества скрытых слоев и числа нейронов в них) байесовского ансамбля динамических нейромоделей.

Исходя из специальных возможностей программного продукта, в ходе нейромоделирования варьировалось (в пределах, устанавливае-

мых исследователем) количество нейронов в одном скрытом слое, а в другом оно оставалось постоянным (фиксированным).

При этом активационная функция в скрытых слоях и выходном слое (соответственно гиперболический тангенс и линейная) оставалась неизменной.

В табл. 4 отражены результаты верификации сформированного байесовского ансамбля динамических нейромоделей.

Значение каждого показателя адекватности байесовского ансамбля нейромоделей из табл. 4 рассчитывается по формуле простой среднеарифметической.

Верификация результатов нейромоделирования, т.е. анализ основных показателей адекватности байесовского ансамбля динамических нейромоделей, позволяет сделать вывод о высокой точности с его помощью аппроксимации данных региональной статистики.

Поэтому адекватный байесовский ансамбль динамических нейромоделей может также применяться и для прогнозирования социально-экономического развития регионов России с высокой степенью точности. В рамках исследования ограничимся формированием кратко-

Таблица 3. Архитектура байесовского ансамбля динамических нейромоделей

Нейромодель	Число скрытых слоев	Дискретное варьируемое число нейронов (с шагом - 1)		Оптимальное число нейронов	
		в первом скрытом слое	во втором скрытом слое	в первом скрытом слое	во втором скрытом слое
Первая нейросетевая модель (НСМ1)	1	1-10	-	9	-
Вторая нейросетевая модель (НСМ2)	1	1-5	-	5	-
Третья нейросетевая модель (НСМ3)	1	7-15	-	7	-
Четвертая нейросетевая модель (НСМ4)	2	-	1-10	7	9
Пятая нейросетевая модель (НСМ5)	2	1-10	-	9	5

Источник: составлено авторами.

Таблица 4. Результаты верификации байесовского ансамбля динамических нейромоделей

Нейромодель	NMSE	r	N*		P*	
			$\varepsilon=5\%$	$\varepsilon=8\%$	$\varepsilon=5\%$	$\varepsilon=8\%$
НСМ1	0,035	0,988	75	80	93,75	100
НСМ2	0,043	0,981	73	80	91,25	100
НСМ3	0,026	0,989	77	80	96,25	100
НСМ4	0,039	0,982	75	79	93,75	98,75
НСМ5	0,037	0,986	72	79	90	98,75
Байесовский ансамбль нейромоделей	0,036	0,985	74	80	93	99,5

Источник: составлено авторами.

Таблица 5. Результаты краткосрочного (на 2017 год) прогнозирования социально-экономического развития регионов-лидеров России и Республики Башкортостан

Субъект РФ	Ожидаемые значения			
	Индекс социально-экономического развития региона	Субиндекс «ключевые отрасли экономики региона»	Субиндекс «наука и инновации региона»	Субиндекс «уровень жизни населения региона»
г. Москва	0,517	0,497	0,410	0,712
г. Санкт-Петербург	0,490	0,546	0,330	0,648
Республика Башкортостан	0,349	0,306	0,214	0,545
Тюменская область	0,420	0,326	0,177	0,738
Сахалинская область	0,425	0,327	0,151	0,779

Источник: составлено авторами.

срочного прогноза (на 2017 год) для регионов-лидеров и Республики Башкортостан (табл. 5).

В рамках исследования краткосрочный прогноз входящих параметров нейромоделей (трех субиндексов) формируется исходя из средних темпов роста за 2011–2016 годы с учетом предположения об их неизменности в 2017 году.

Прогнозное значение индекса социально-экономического развития субъектов РФ является среднеарифметическим значением «выходной» переменной байесовского ансамбля динамических нейромоделей.

Сравнивая прогнозные значения результативного показателя с фактическими, необходимо отметить, что при неизменности средних темпов роста трех субиндексов в 2017 году ожидается уменьшение индекса социально-экономического развития такого региона-лидера России, как г. Москва, до наименьшего за последние 7 лет. Так, в результате 1,1% снижения субиндекса «ключевые отрасли экономики» даже на фоне 3,1% увеличения субиндекса «уровень жизни населения столицы страны» прогнозируется снижение результативного показателя до 0,517, т.е. на 0,8 и 3,4% по сравнению с 2015–2016 годами. Еще более интенсивное снижение индекса социально-экономического развития в 2017 году ожидается по таким регионам-лидерам России, как Тюменская и Сахалинская области, вследствие уменьшения, соответственно, значения субиндекса «ключевые отрасли экономики региона» на 3,2% и субиндекса «наука и инновации региона» на 11,4%, несмотря на увеличение значения третьего основного субиндекса. Так, по указанным выше причинам прогнозируется в краткосрочном периоде снижение результативного

показателя на 6,7 и 5,6% для Тюменской области и на 6,9 и 6,5% для Сахалинской области по сравнению с 2015–2016 годами. Обратная ситуация ожидается у другого региона-лидера – Санкт-Петербурга. В результате 1,7% роста субиндекса «уровень жизни населения региона» при менее чем 1% разнонаправленном изменении значений двух других субиндексов в 2017 году ожидается увеличение индекса социально-экономического развития региона до 0,490, т.е. на 6,8 и 1,9% по сравнению с 2015–2016 годами. Также из-за увеличения на 1,1 и 2,8% значений, соответственно субиндексов «ключевые отрасли экономики» и «уровень жизни населения региона» в краткосрочной перспективе прогнозируется рост результативного показателя в Республике Башкортостан до 0,349, т.е. на 5 и 2,8% по сравнению с 2015–2016 годами. Однако по-прежнему достаточно существенным должен остаться «разрыв» по значению индекса между Республикой Башкортостан и регионами-лидерами страны. Это связано с тем, что, несмотря на относительно благоприятные социально-экономические условия, в указанном субъекте РФ не ожидается существенного развития науки и повышения эффективности инновационной деятельности в краткосрочной перспективе. Поэтому для республики в современных условиях актуализируется вопрос ускорения перехода региональной экономики на инновационную траекторию развития.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно отметить, что в 2017 году ожидается некоторое сближение (конвергенция) субъектов РФ по уровню социально-экономического развития. Однако это нельзя однозначно признать позитивной тенденцией, что во мно-

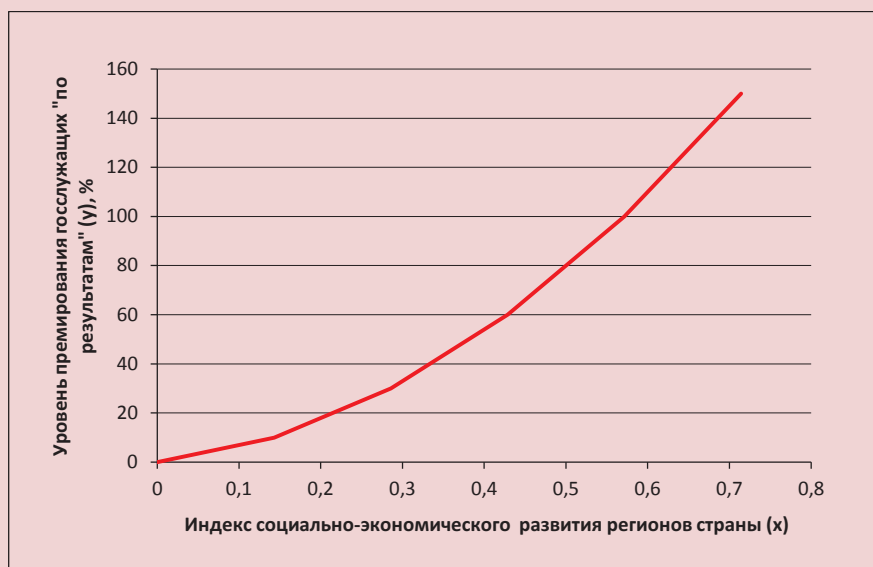
гом объясняется прогнозируемым ослаблением конкурентных позиций регионов-лидеров страны в указанной сфере в краткосрочной перспективе.

В рамках второго этапа определяется объем премирования российских госслужащих «по результатам».

На шестом подэтапе разрабатывается прогрессивная шкала премирования российских госслужащих «по результатам». С помощью такой шкалы должны решаться две важные задачи: во-первых, обеспечение «заинтересованности» госслужащих в результатах деятельности, выражающееся в социально-экономическом развитии регионов страны, а во-вторых, в эффективном расходовании ограниченных бюджетных средств на выплату им заработной платы. На основе анализа существующих коллективных систем оплаты труда [38] с учетом мнения лауреата Нобелевской премии Р. Коуза о природе транзакционных издержек, считающего одинаковыми внутренние законы функционирования в коммерческих организациях и государственных учреждениях [39], для российских госслужащих предлагается применение стимулирования L-типа, означающее рост интенсивности премирования госслужащих региона страны в результате перехода субъекта РФ

в другой (с более высоким уровнем социально-экономического развития) кластер. Исходя из вышесказанного, разрабатывается прогрессивная шкала: индекс социально-экономического развития регионов страны – уровень премирования госслужащих «по результатам», выраженный в процентах от должностного оклада. Учитывая результаты ретроспективной оценки, кластеризации и краткосрочного прогнозирования, целесообразно (с учетом возможности перехода российских регионов-лидеров в кластер с более высоким уровнем социально-экономического развития) выделить, пять (из семи возможных) равной ширины интервалов значений индекса, которым соответствует определенный уровень социально-экономического развития регионов страны. Методом экспертных оценок (в качестве экспертов выступили главные и ведущие научные сотрудники Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН) определяются верхние границы уровня премирования госслужащих для каждого интервала индекса, характеризующего социально-экономическое развитие субъектов РФ. Снизить субъективность расчета значений таких границ можно в случае применения теоретико-игрового подхода. Графически прогрессивная шкала представлена на рис. 2.

Рис. 2. Графическое представление прогрессивной шкалы премирования госслужащих «по результатам»

Источник: составлено авторами.

В формализованном виде она описывается системой из кусочно-линейных функций:

$$y = \begin{cases} 70x, & x \in [0; 0,143]; \\ 140x - 10, & x \in [0,143; 0,286]; \\ 210x - 30, & x \in [0,286; 0,429]; \\ 280x - 60, & x \in [0,429; 0,571]; \\ 350x - 100, & x \in [0,571; 0,714]. \end{cases} \quad (2)$$

Уровень премирования госслужащих «по результатам» для всех субъектов РФ за 2011–2016 годы рассчитывается исходя из ранее полученных результатов ретроспективной оценки социально-экономического развития российских регионов и разработанной прогрессивной шкалы.

В рамках исследования ограничимся расчетами для регионов-лидеров России и Республики Башкортостан (табл. 6).

Далее определяется объем премирования госслужащих российских регионов «по результатам» в сопоставимых ценах базового (2011) года. И наконец, рассчитывается размер их премирования в текущих ценах соответствующего года.

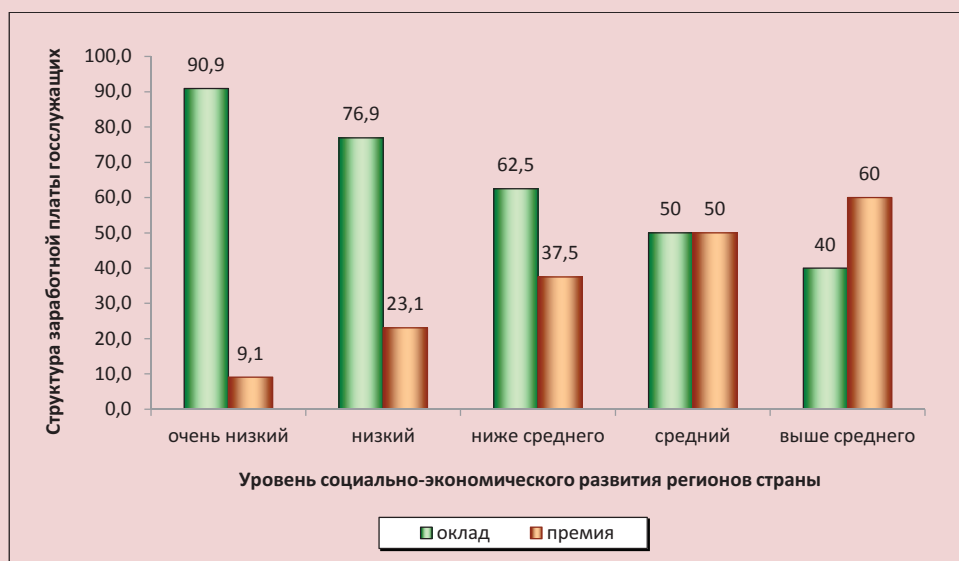
На рис. 3 представлена структура заработной платы госслужащих в российских регионах при условии их премирования «по результатам» по авторской методике. Такая структура для каждого уровня социально-экономического развития регионов страны приводится при условии достижения верхней границы

Таблица 6. Уровень премирования госслужащих «по результатам» в регионах-лидерах России и Республике Башкортостан за 2011–2016 годы

Субъект РФ	Уровень премирования госслужащих «по результатам», % (от оклада)					
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
г. Москва	88,3	91,1	87,7	87,4	86,1	90,0
г. Санкт-Петербург	72,2	73,4	73,1	71,9	68,5	74,6
Республика Башкортостан	37,9	40,0	41,0	40,8	39,7	41,3
Тюменская область	65,9	68,4	69,2	68,9	66,0	64,4
Сахалинская область	67,5	71,5	72,6	74,1	67,9	67,4

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Структура заработной платы госслужащих в зависимости от уровня социально-экономического развития регионов страны

Источник: составлено авторами.

соответствующего процента премирования (от оклада) госслужащих. В случае премирования госслужащих «по результатам» происходит снижение удельного веса постоянной части (оклада) их заработной платы при переходе региона страны в кластер с более высоким уровнем социально-экономического развития.

Это позволит реально «заинтересовать» госслужащих российских регионов в повышении уровня их социально-экономического развития. Также при новой системе оплаты труда будет обеспечиваться и эффективное расходование ограниченных бюджетных средств.

Необходимо отметить, что в России вышерассмотренная методика может быть успешно реализована на практике только в случае обуздания коррупции. Механизм подавления коррупции на основе теоретико-игровых моделей на примере деятельности налоговой инспекции раскрыт в работе [40]. В случае адаптации такого подхода он может быть внедрен в практику деятельности большинства российских министерств и ведомств.

Заключение. Первым шагом кардинального решения проблемы низкой эффективности системы государственного управления, на наш взгляд, является применение в рамках концепции *NPM* авторского подхода (имеющего некоторое сходство с азиатской системой оплаты труда) в части коллективного материального стимулирования работников органов исполнительной власти в регионах страны (премирования «по результатам») наряду с усилением контроля за целевым расходованием бюджетных средств (на основе разработки и внедрения в практику деятельности различных министерств и ведомств теоретико-игровых моделей).

Соответствующая методика разрабатывается и применяется в несколько последовательных этапов. Объективность ретроспективной оценки уровня социально-экономического развития субъектов РФ обеспечивается в результате их кластеризации на основе нейросетевых технологий. За счет аналогичных технологий также достигается и высокая точность кратко-

срочного прогнозирования. Результаты этих подэтапов методики являются фундаментом для применения коллективного материального стимулирования госслужащих L-типа. В свою очередь, расчет премирования госслужащих «по результатам» осуществляется на основе предварительно (в рамках ключевого подэтапа методики) разработанной (методом экспертных оценок) прогрессивной шкалы (индекс социально-экономического развития российских регионов – уровень премирования госслужащих).

Принципиально новая (смешанная) система оплаты труда российских госслужащих с коллективным стимулированием L-типа будет способствовать координации деятельности министерств и ведомств субъектов РФ за счет «привязки» коллективных стимулирующих выплат к уровню социально-экономического развития регионов страны. Применение на практике такого подхода позволит также усилить контроль целевого расходования средств российского бюджета.

Внедрение авторского подхода в практику госуправления может выступить научной базой для реализации системного подхода в части обеспечения эффективного стимулирования российских госслужащих «по результатам». Так, предложенная методика для расчета коллективного объема премирования госслужащих, работающих в субъектах РФ, позволит разработать эффективный механизм распределения бюджетных средств между региональными министерствами и ведомствами (учитывающий особенности функционирования организаций), а также перейти к корректному определению индивидуального стимулирования российских госслужащих «по результатам» с учетом специфики их деятельности.

Универсальность подхода позволяет применять авторскую методику практически в любой стране мира с федеративным устройством. В этом случае при необходимости ее можно адаптировать, ограничившись изменением состава социально-экономических индикаторов.

Литература

1. Южаков В.Н. Государственное управление по результатам: модель для России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 2. С. 165-174.

2. Gerrish E. The impact of performance management on performance in public organizations: a meta-analysis. *Public Administration Review*, 2016, vol. 76, pp. 48-66.
3. Kerpershoek E., Groenleer M., de Bruijn H. Unintended responses to performance management in Dutch hospital care: bringing together the managerial and professional perspectives. *Public Management Review*, 2016, vol. 18, pp. 417-436.
4. Калгин А.С., Двинских Д.Ю., Парфентьева Д.С. Повышают ли системы управления по результатам удовлетворенность работой государственных служащих? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 129-148.
5. Пряжников Н.С., Полевая М.В., Камнева Е.В. Основные проблемы существующих систем мотивации труда государственных служащих и перспективы их преодоления // Управленческие науки. 2017. № 4. С. 72-79.
6. Ильин В.А., Морев М.В. И снова к вопросу о будущем российской государственности ... // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 5. С. 9-29.
7. Борщевский Г.А. Коэффициенты объективной оценки эффективности государственной службы // Управленческие науки. 2016. № 4. С. 33-43.
8. Премирование российских госслужащих «по результатам» / Р.В. Губарев, Е.И. Дзюба, Ю.В. Тюленев, Ф.С. Файзуллин // Финансы. 2018. № 5. С. 51-58.
9. Барабашев А.Г. Кризис государственного управления и его влияние на основные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163-194.
10. Osborne S. The New Public Governance? *Public Management Review*, 2006, vol. 8, no. 3, pp. 377-387.
11. Shultz D. The idea of the “state” in contemporary public administration theory. *RUDN Journal of Public Administration*, 2014, no. 1, pp. 90-102.
12. Osborne S., Radnor Z., Strokosch K. Co-production and the co-creation of value in public services: a suitable case for treatment? *Public Management Review*, 2016, vol. 18, no. 5, pp. 639-653.
13. Van Eijk C., Steen T. Why engage in co-production of public services? Mixing theory and empirical evidence. *International Review of Administrative Sciences*, 2016, vol. 82, no. 1, pp. 28-46.
14. Brown G. Bringing the state back into cosmopolitanism: the idea of responsible cosmopolitan states. *Political Studies Review*, 2011, vol. 9, no. 1, pp. 53-66.
15. Pollitt C. *Government for the Future*. Ministry of Finance. Helsinki. 2013. Available at: https://www.vm.fi/vm/fi/04_julkaisut/08_muut_julkaisut/20131119/govern/government_for_the_future/pdf.
16. Hammerschmid G., Van de Walle S., Andrews R., Bezes P. (Eds.). *Public Administration Reforms in Europe. The View from the Top*. UK; Northampton MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2016. 304 p.
17. Купряшин Г.Л. Калейдоскоп административных реформ в Европе: опыт и оценки элиты государственной службы // Вопросы государственной и муниципальной службы. 2018. № 1. С. 197-205.
18. Gehlbach S. What is a Big Bureaucracy? Reflections on rebuilding Leviathan and Runaway. *Czech Sociological Review*, 2008, vol. 44, no. 6, pp. 1189-1197.
19. De Vries M., Nemes J. Public sector reform: an overview of recent literature and research on NPM and alternative paths. *The International Journal of Public Sector Management*, 2013, vol. 26, no. 1, pp. 4-16.
20. Denhardt J.V., Denhardt R.V. The new public service revisited. *Public Administration Review*, 2015, vol. 75, no 5, pp. 664-672.
21. Журавлева Т.А. Система оплаты труда и мотивация государственных гражданских служащих: обзор международной практики // Государственное управление: электронный вестник. 2017. № 64. С. 331-345.
22. Воробьева Е.С., Панина О.В. Передовой опыт Новой Зеландии по повышению результативности деятельности государственных гражданских служащих // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2014. № 3. С. 22-24.
23. Жигун Л.А. Современные модели оплаты труда государственных служащих США // Управленческие науки. 2014. № 3. С. 48-55.
24. Красильников Д., Сивинцева О. Новый государственный менеджмент в КНР: консервативная версия административных преобразований // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 8. С. 85-95.
25. Van Ryzin G.G. Outcomes, process, and trust of civil servants. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2011, vol. 21, no. 4, pp. 745-760.

26. Борщевский Г.А. Оценка тенденций развития государственной службы: вопросы методологии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 1. С. 103-128.
27. Татаркин А.И. Новая индустриализация экономики России: потребность развития и/или вызовы времени // Экономическое возрождение России. 2015. № 2. С. 20-31.
28. Гринберг Р.С. Российский путь выхода из кризиса: самобытность против универсального тренда // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 2. С. 190-196.
29. Прогнозирование социально-экономического развития российских регионов / Г.Ю. Гагарина, Е.И. Дзюба, Р.В. Губарев, Ф.С. Файзуллин // Экономика региона. 2017. № 4. С. 1080-1094.
30. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2014. № 4. С. 3-16.
31. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация: социально-экономические параметры реинтеграции производства, науки и образования // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 20-28.
32. Глазьев С. Об альтернативной политике устойчивого социально-экономического развития России // Мир перемен. 2013. № 1. С. 89-95.
33. Ивантер В.В., Комков Н.И. Состояние и перспективы развития инновационной сферы России в рамках Программы Президиума РАН «Анализ и прогноз долгосрочных тенденций научного и технологического развития: Россия и мир» // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. № 1. С. 76-83.
34. Татаркин А.И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. 2016. № 1. С. 9-27.
35. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3-13.
36. Файзуллин Ф.С., Дзюба Е.И., Губарев Р.В. Кластеризация регионов России по уровню социально-экономического развития // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2018. С. 128-141.
37. Модернизация системы налогового контроля на основе нейросетевых информационных технологий / Г.И. Букаев, Н.Д. Бублик, С.А. Горбатков, Р.Ф. Сатаров. М.: Наука, 2001. 344 с.
38. Заложнев Д.А., Новиков Д.А. Модели систем оплаты труда. М.: ПМСОФТ, 2009. 192 с.
39. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007. 224 с.
40. Васин А.А., Николаев П.В., Уразов А.С. Об оптимальной организации контролирующей структуры // Доклады Академии наук. 2012. № 3. С. 262-265.

Сведения об авторах

Руслан Семенович Гринберг – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: grinberg@inecon.ru)

Рустем Ринатович Ахунوف – доктор экономических наук, доцент, врио председателя, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (450054, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: priemnaya.akhunov@mail.ru)

Андрей Игоревич Володин – доктор философии по статистике, профессор, координатор международных исследований, Университет Реджайны (S4S 0A2, Канада, г. Реджайна, ул. Васкана Паркуэй, д. 3737; e-mail: andrei.volodin@uregina.ca)

Роман Владимирович Губарев – кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: gubarev.roma@yandex.ru)

Евгений Иванович Дзюба – эксперт, отделение Общероссийского народного фронта, (Российская Федерация, Республика Башкортостан, 450077, г. Уфа, ул. Кирова, д. 1; e-mail: intellectRus@yandex.ru)

Grinberg R.S., Akhunov R.R., Volodin A.I., Gubarev R.V., Dzyuba E.I.

Performance-Based Pay – a New (Mixed) Payment Scheme for Russian Civil Servants

Abstract. We have developed a fundamentally new approach to the provision of financial incentives (bonuses) to civil servants, which does not contradict the concept of new public management (NPM) and has a certain similarity with the corporate (Asian) performance-based type of remuneration system. In the context of our study, “performance” means socio-economic development of Russian regions. We develop and test our methodology in two successive stages: first, we carry out a retrospective assessment of the level of development of Russia’s constituent entities (according to regional statistics), and then we calculate the amount of bonuses paid to civil servants according to their performance. Based on the level of socio-economic development, we solve the problem of clustering of Russian regions with the use of neuromodeling. The prognostic function is implemented on the basis of neural network technologies (through the development of appropriate Bayesian ensemble of dynamic neuromodules). This is the basis for the application of collective material incentives for civil servants of L-type, since the calculation of performance-based bonuses for civil servants is based on a pre-developed (by expert evaluation) progressive scale (index of socio-economic development of Russian regions – level of bonus payments paid to civil servants). The approach to bonus payments for employees based on their performance, which we propose in the framework of our work, will help coordinate the work of ministries and agencies in Russia’s constituent entities by linking collective incentive payments to the level of socio-economic development of Russia’s regions. Besides, the application of this approach in practice will help strengthen the control of the target expenditure of Russian budget funds. The method is universal and in case of its adaptation (variation of the system of socio-economic indicators of development of the country’s regions) can be used in any country with a federal structure.

Key words: evaluation of public administration efficiency, socio-economic development, constituent entities of the Russian Federation, neuromodeling, performance-based remuneration of civil servants, progressive scale, budget expenditures.

Information about the Authors

Ruslan S. Grinberg – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Scientific Adviser, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimov Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: grinberg@inecon.ru)

Rustem R. Akhunov – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Acting Chairman, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, October Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: priemnaya.akhunov@mail.ru)

Andrey I. Volodin – Doctor of Philosophy in Statistics, Professor, Co-op Work/Study Coordinator, University of Regina (3737, Wascana Parkway, Regina, S4S 0A2, Canada; e-mail: andrei.volodin@uregina.ca)

Roman V. Gubarev – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Economic Theory, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: gubarev.roma@yandex.ru)

Evgeniy I. Dzyuba – Expert, Division of All-Russia People’s Front in Republic of Bashkortostan (1, Kirov Street, Ufa, 450077, Russian Federation; e-mail: intellectRus@yandex.ru)

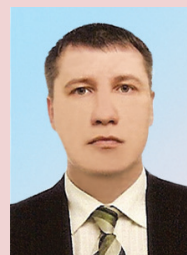
Статья поступила 09.11.2018.

Потребность субъектов Арктической зоны РФ в трудовых ресурсах*

**Константин Сергеевич
ЗАЙКОВ**

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
Арктический центр стратегических исследований
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д. 17
E-mail: k.zaikov@narfu.ru

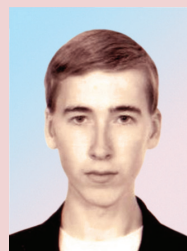
**Николай Александрович
КОНДРАТОВ**

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
Высшая школа естественных наук и технологий
Архангельск, Российская Федерация, 163000, пр. Ломоносова, д. 4
E-mail: n.kondratov@narfu.ru

**Елена Владимировна
КУДРЯШОВА**

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация, 163000, пр. Ломоносова, д. 4
E-mail: rector@narfu.ru

**Александр Михайлович
ТАМИЦКИЙ**

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной
коммуникации
Архангельск, Российская Федерация, 163000, пр. Ломоносова, д. 2
E-mail: a.tamitskij@narfu.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта Министерства образования и науки РФ и государственного задания № 30.12890.2018/12.1 «Исследование и информационно-аналитическое обеспечение процессов и мероприятий в рамках многостороннего сотрудничества в сфере научной и образовательной политики Российской Федерации в Арктике».

Для цитирования: Потребность субъектов Арктической зоны РФ в трудовых ресурсах / К.С. Зайков, Н.А. Кондратов, Е.В. Кудряшова, А.М. Тамицкий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 184-201. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.11

For citation: Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kudryashova E.V., Tamitskii A.M. The need for workforce in constituent entities of the Arctic zone of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 184-201. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.11

Аннотация. Арктика и все, что с ней связано, в первой четверти XXI в. остается востребованной темой в гуманитарной, социально-экономической и политической сферах. Особенно в России, обладающей самым большим полярным сектором в мире. Комплексный подход к изучению и анализу перспектив развития арктических территорий способен создать условия для устойчивого социально-экономического развития не только Арктической зоны России (АЗРФ), но и всего государства. Одним из элементов такого подхода является рассматриваемая в статье потребность предприятий Арктической зоны РФ в трудовых ресурсах. Актуальность избранной темы вытекает из необходимости реализации предусмотренных Стратегией развития Арктической зоны РФ до 2020 г. масштабных инвестиционных проектов по разработке минерально-сырьевой базы и развитию транспортной инфраструктуры (мегапроектов), решения долгосрочных задач социально-экономического развития российской Арктики, обеспечения национальной безопасности в этом регионе. Статистическая оценка демографических процессов свидетельствует о постоянной убыли населения из большинства субъектов Арктической зоны России. Это происходит как по естественным причинам, так в результате эмиграции, причем в трудоспособном возрасте. Научную новизну статьи составляет комплексный подход: с использованием аналитического и социологического методов анализируется потребность реального сектора экономики российской Арктики в трудовых ресурсах. Охарактеризованы возможности системы высшего образования удовлетворить такие потребности. Установлено, что эмиграция трудоспособного населения из субъектов российской Арктики и разворачивание мегапроектов могут рассматриваться как факторы формирования потребности в трудовых ресурсах в субъектах Арктической зоны России. Дальнейший научный поиск в выбранной теме заключается: в разработке методик долгосрочного прогнозирования потребностей хозяйствующих субъектов в трудовых ресурсах на фоне их эмиграции из субъектов Арктической зоны; в дополнительном обосновании среднесрочной потребности и возможности ее реализации благодаря системе высшего образования; в поиске альтернативы корпоративным данным о потребности в трудовых ресурсах.

Ключевые слова: Арктическая зона России, стратегия развития, трудовые ресурсы, кадровые потребности, образование.

Введение. Человечество активно осваивает арктические пространства более 80 лет. За это время сложилось несколько моделей арктической экономики – американская, канадская, российская и европейская (континентальная и островная) [1, с. 502].

В 2015 г. ВВП Арктики составлял около 300 млн. долл. США, почти треть его объема создается в сырьевом секторе. Доля добавленной стоимости добывающих отраслей в российской Арктике достигает 60%, на Крайнем Севере США и Канады – 30%, в Исландии и за Полярным кругом в Норвегии, Финляндии и Швеции – 15%¹. Обрабатывающая промышленность и сфера услуг в арктическом регионе никогда не были значительными. Среди примеров можно назвать металлообработку и машиностроение (судостроение и судоремонт) и пищевую отрасль. Последняя получила развитие в населенных пунктах на побережье Север-

ного Ледовитого океана на базе промысла водных биологических ресурсов и оленеводства у коренных народов [2].

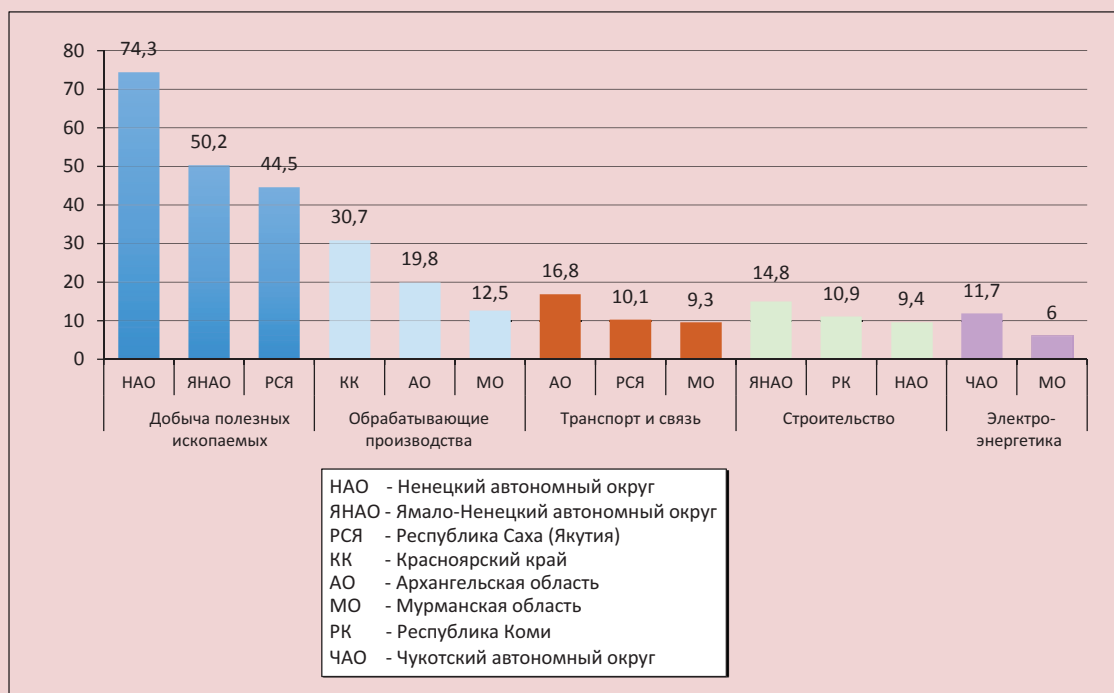
В Арктической зоне России сосредоточен природно-ресурсный (стоимостью в несколько триллионов долларов), технологический и производственный потенциал, который участвует в производстве 10–12% ВВП и создает около 25% национального экспорта [3, 4]. На *рисунке 1* показана доля ведущих отраслей экономики в валовом региональном продукте (ВРП) субъектов Арктической зоны России на 2015 г., рассчитанная по данным официальной статистики.

В России и за рубежом признается особый статус арктического региона. В 2014 г. установлен состав сухопутных территорий Арктической зоны России². Прорабатывается возможность создания в структуре Правительства России

¹ GDP per capita in the Arctic region. URL: <http://www.arcticstat.org/> (дата обращения: 07.02.2018).

² О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации. Указ Президента России от 2 мая 2014 г. № 296. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377> (дата обращения: 22.07.2014).

Рис. 1. Ведущие отрасли и их доля в ВРП субъектов Арктической зоны России, 2015 г., %

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. Регионы: социально-экономические показатели 2015 г. URL: <http://www.gks.ru/bgd/> (дата обращения: 22.07.2018).

органа исполнительной власти по «арктической» проблематике кроме существующей с 2015 г. Государственной комиссии по вопросам развития Арктики. В 2008–2013 гг. Президентом России утверждены Основы государственной политики России в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу и Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. В 2013–2015 гг. принята программа развития Арктической зоны РФ – финансовый инструмент реализации национальной арктической стратегии [5].

Смысл российской арктической стратегии заключается в инновационной модернизации местной экономики и социальной сферы на основе использования интеллектуальных ресурсов и передовых знаний³. В целях эффективно освоения природных ресурсов российской

³ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. URL: <http://government.ru/info/> (дата обращения: 22.02.2017).

Арктики предписывается сосредоточить усилия на элементах, прогресс в использовании которых обеспечит синергетический эффект при реализации всего спектра приоритетов развития Арктической зоны РФ. Одним из таких элементов являются трудовые ресурсы, обладающие знаниями о тенденциях изменений арктических экологических, социально-экологических и социально-экономических систем, способных эффективно противостоять вызовам в Арктике. Трудовые ресурсы – ключевое звено освоения Арктики. Они обеспечивают реализацию предусмотренных Стратегией развития Арктической зоны РФ проектов по освоению природных ресурсов и развитию транспортной инфраструктуры (прежде всего, Северного морского пути, СМП). Это особенно заметно на примере субъектов западного сектора российской Арктики, в отличие от районов к востоку от Карского моря, где в последние десятилетия не начат ни один проект по извлечению полезных ископаемых и развитию транспортной инфраструктуры. Это может быть объяснено отсутствием

готовой инфраструктуры, а также, что особенно важно, кадров, подготовленных к решению амбиционных задач в этом регионе. В западном секторе российской Арктики, на суше и континентальном шельфе Северного Ледовитого океана, прогнозируется начало добычи минерального сырья и топлива (Павловское месторождение на Новой Земле, Приразломное нефтяное месторождение), что повлечет за собой развитие инфраструктуры, будет способствовать увеличению грузоперевозок по СМП, развитию кадрового обеспечения мореплавания, укомплектованию кадрами служб контроля в сфере природопользования и прогнозирования изменения климата. Российской арктической стратегией запланировано строительство железной дороги «Белкомур» и глубоководного района «Северный» Архангельского порта. Реализация транспортных проектов, рассматриваемая в контексте добычи полезных ископаемых, в долгосрочной перспективе окажет комплексное воздействие на социально-экономическое развитие северных территорий и будет сопровождаться созданием новых рабочих мест.

Методология исследования. На государственном уровне и в научном сообществе в России и за рубежом вопросам подготовки трудовых ресурсов и обеспеченности ими отраслей арктической экономики уделяется большое внимание. В Основах государственной политики РФ в Арктике предусматривается проведение «... достаточного уровня фундаментальных и прикладных научных исследований по накоплению знаний и созданию современных научных и геоинформационных основ управления арктическими территориями, включая разработку средств для решения задач обороны и безопасности, а также надежного функционирования систем жизнеобеспечения и производственной деятельности в природно-климатических условиях Арктики»⁴. Этим документом предписано обеспечение подготовки специалистов в системе высшего и среднего специального образования для работы в арктических условиях, в т.ч. совершенствование образовательных программ для коренного населения, уточнение государственных социальных гарантий и компенсаций для

лиц, работающих и проживающих в арктической зоне. С 2007 г. в Арктическом Совете международная группа ученых составляет доклад о состоянии человеческого капитала в Арктике, его социально-экономическом и демографическом развитии, распределении и воспроизводстве трудовых ресурсов [6]. Факторы, оказывающие влияние на динамику населения и подготовку трудовых ресурсов, зарубежный опыт миграционной политики по закреплению трудовых ресурсов в районах Крайнего Севера, потребность в модернизации государственной политики в отношении населения, проживающего в условиях Севера, актуализированы в работах М.М. Паникар и А.Е. Шапаровой [7], Т. Heleniak [8], А. Semenova и I.M. Popelnitskaja [9, 10], Д.Б. Смаковой [11], I.P. Povarich и А.Р. Harchenko [12], М.Л. Belonozhko, А.Н. Silin и О.М. Barbakov [13], М.А. Giltman [14]. Состояние человеческих ресурсов в субъектах европейской части Арктической зоны России, динамика их изменения, влияние на демографическую структуру естественных и механических факторов, прогноз и оценка трудовых ресурсов описаны в монографии, подготовленной Б.А. Ревич, Т.Л. Харьковой, Е.А. Квашой и другими [15]. Сопоставляя перечень дефицитных востребованных арктических профессий и особенности подготовки кадров на примере Петрозаводского университета, С.В. Шабаева, И.С. Степуть, И.А. Хотеева приходят к выводу о том, что в среднесрочной перспективе в арктическом регионе по некоторым профессиям будет возрастать «кадровый голод» (понимаемый как дефицит трудовых ресурсов), который будут в состоянии удовлетворить вузы, в т.ч. и субарктического региона [16]. Ретроспективный, с применением «общих методов научного познания», анализ формирования трудовых ресурсов в Арктической зоне России на примере Мурманской области приведен в работе Д.П. Беляева, Т.В. Белевских, А.Г. Бахтиной [17]. На основании исследования в 2010–2016 гг. состояния трудовых ресурсов в Мурманской области, откуда в последние годы наблюдается наибольший среди субъектов российской Арктики отток экономически активного населения, написана статья М.В. Ивановой и Э.С. Клюкиной [18]. Делается вывод, что причиной убыли населения до 25 лет являются миграционные процессы, обусловленные не только «групповой спецификой молодежи (ее мобильностью)», но и

⁴ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/30/> (дата обращения: 10.08.2018).

особенностями условий самореализации. Представляющий практический интерес для РФ (такой вывод можно сделать при сопоставлении направлений хозяйственного освоения северных территорий двух стран) опыт Финляндии в управлении трудовыми ресурсами описан в статье Е.А. Корчак [19]. Общие вопросы привлечения трудовых ресурсов для разработки природно-ресурсного потенциала российской Арктики, проблемы и перспективы подготовки кадров, прогноз потребности отраслей арктической экономики в трудовых ресурсах освещены в статьях М.Ш. Карапетян, А.Р. Кутлубаевой, Г.Ю. Обруч [20], А. Матвеева [21], С.В. Сиговой, И.С. Степусь [22], Е.А. Питухина, Д.М. Мороза, А.М. Астафьевой [23]. Комплексные вопросы обеспечения субъектов российской Арктики трудовыми ресурсами и проблемы их воспроизводства освещаются в работах ученых Института экономических проблем Кольского научного центра РАН, трудившихся под руководством чл.-корр. РАН, проф. Г.П. Лузина, представителей других учреждений (Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Института демографии НИУ ВШЭ, Института географии РАН), в отчетах Минтруда России [24, 25].

Анализ литературных источников по теме публикации показал, что они в большинстве случаев посвящены изучению трудовых ресурсов с позиций оценки демографического потенциала конкретной территории Арктической зоны РФ. В работах отечественных ученых, за исключением монографических трудов специалистов Кольского научного центра, содержатся обобщенные данные о кадровом потенциале, трудовых ресурсах субъектов Европейского Севера России, вопросы потребности в них предприятий и органов исполнительной власти Арктической зоны практически не освещаются. В 2016 г. Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М.В. Ломоносова (САФУ, Архангельск) проведено исследование, цель которого – расширить представление о трудовых ресурсах Арктической зоны России, оценить текущие (наблюдаемые в настоящее время) и среднесрочные (до 2022 г.) потребности работодателей, ведущих экономическую деятельность в субъектах, отнесенных Указом Президента к Арктической зоне РФ, в трудовых ресурсах. Собранные и обработанные с использованием социологического метода материалы

позволили разработать способы информационно-аналитического и методологического сопровождения процесса принятия решений по выработке государственной политики России в сфере подготовки кадров. Оценка и прогноз потребности в трудовых ресурсах осуществлялись на основе данных, предоставленных предприятиями субъектов АЗРФ. Таким образом, мы определили потребность в трудовых ресурсах с высшим образованием в зависимости от уровня подготовки (бакалавриат, специалитет, магистратура). Было опрошено 127 работодателей, информацию предоставили 50 предприятий, относящихся к категории больших (свыше 5000 чел.) и крупных (от 1000 до 5000 чел.).

В части исследования, посвященного возможностям образовательных организаций Арктической зоны РФ удовлетворять кадровые потребности предприятий, а также при анализе факторов, влияющих на формирование таких потребностей, приняли участие 203 образовательные организации высшего образования, из которых пять университетов расположены непосредственно на территории Арктической зоны РФ. При составлении выборки в каждом вузе и его филиале использовались приемы социологического метода: гнездовой метод и механический (пошаговый) метод. Целевую группу исследования составили 3000 респондентов, обучающихся по программам арктической направленности. К таким вузам относятся: САФУ и Северный государственный медицинский университет (г. Архангельск), Мурманские арктический государственный университет и технический университеты.

Результаты проведенного исследования имеют научную и практическую ценность, они развивают представление о подготовке трудовых ресурсов в Арктической зоне России и прогнозировании потребности в них. Сопоставление результатов настоящего исследования с зарубежными аналогами может быть осуществлено лишь в содержательном контексте и по структурному признаку с экспертно-аналитическими материалами Университета Арктики, Арктического Совета, рабочей группы по образованию и науке Совета Баренцева Евро-Арктического региона. Материалы исследования апробированы на всероссийских и международных научных конференциях, организованных в САФУ в 2016–2018 гг.: «Мониторинг и оцен-

ка развития территорий Арктической зоны», «Подготовка кадров для Арктики: от проблем к поискам решений», «Арктика – национальный мегапроект: кадровое обеспечение и научное сопровождение».

Результаты и обсуждение. В ходе исследования можно сделать вывод, что кадровые потребности предприятий, осуществляющих экономическую деятельность в Арктическом регионе, неоднородны как по количеству, так и по их квалификации трудовых ресурсов.

Текущая потребность в трудовых ресурсах, имеющих высшее образование, составляет 6 198 чел. (из них: уровня бакалавриата – 3 680 чел., уровня специалитета – 1 364 чел., магистратуры – 1145 чел.). Среднесрочная (до 2022 г.) потребность составляет 8 261 чел. (из них: уровня бакалавриата – 4 658 чел., уровня специалитета – 1 836 чел., уровня магистратуры – 1 753 чел.). В региональном разрезе наибольшую потребность в трудовых ресурсах показали Мурманская область, Ямало-Ненецкий автономный округ и Республика Коми. Наименьшие показатели кадровой потребности демонстрируют Ненецкий и Чукотский автономные округа и Республика Саха (Якутия) (рис. 2).

С учетом отложенного характера многих мегапроектов представляется актуальным рассмотреть рассчитанные до 2020–2021 гг. среднесрочные перспективные потребности в

трудовых ресурсах. Выявлено, что наибольшая потребность в кадрах будет характерна для обрабатывающих производств, металлообработки и машиностроения, электроэнергетики, добычи полезных ископаемых, телекоммуникационной сферы и образования (рис. 3). Преобладание кадровой потребности, не связанной с сырьевыми отраслями, может быть объяснено диверсификацией отраслевой структуры экономики в наиболее населенных субъектах Арктической зоны – Мурманской и Архангельской областях, где суммарно проживают более 1 млн. чел., и где создаются условия для реализации основных мегапроектов по освоению Арктической зоны.

Рассматривая потребность в трудовых ресурсах, необходимо отметить, что не все субъекты Арктической зоны РФ и расположенные на их территории предприятия занимаются прогнозированием долгосрочной потребности в трудовых ресурсах. На основании имеющихся данных можно сделать следующие выводы.

Мурманская область полностью входит в Арктическую зону и демонстрирует самую высокую текущую (2829 чел.) и перспективную (4342 чел.) потребность в трудовых ресурсах среди субъектов Арктической зоны РФ. В среднесрочной перспективе прогнозируется высокая потребность в ресурсах с высшим образованием – 1513 чел. Анализ данных опроса

Рис. 2. Текущая потребность субъектов Арктической зоны в трудовых ресурсах

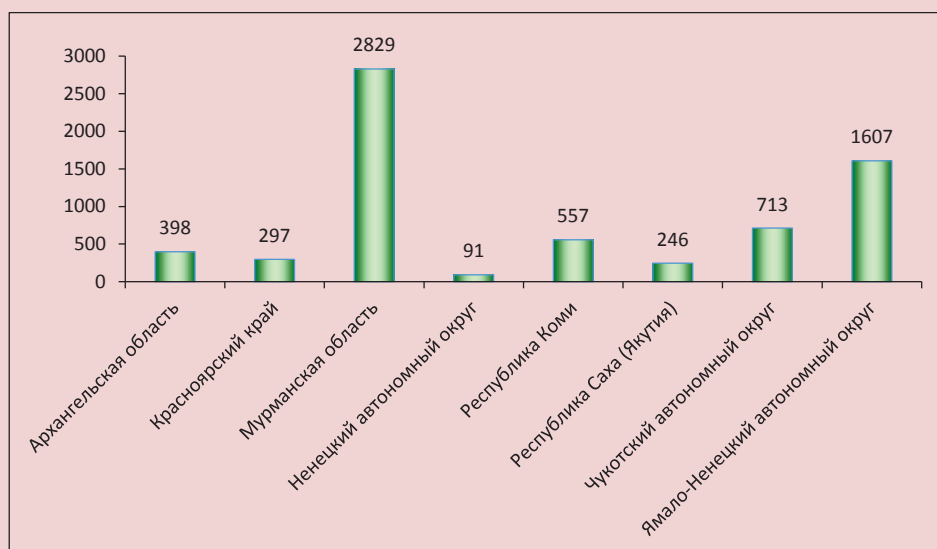

Рис. 3. Перспективная потребность Арктической зоны РФ в трудовых ресурсах по отраслям экономики

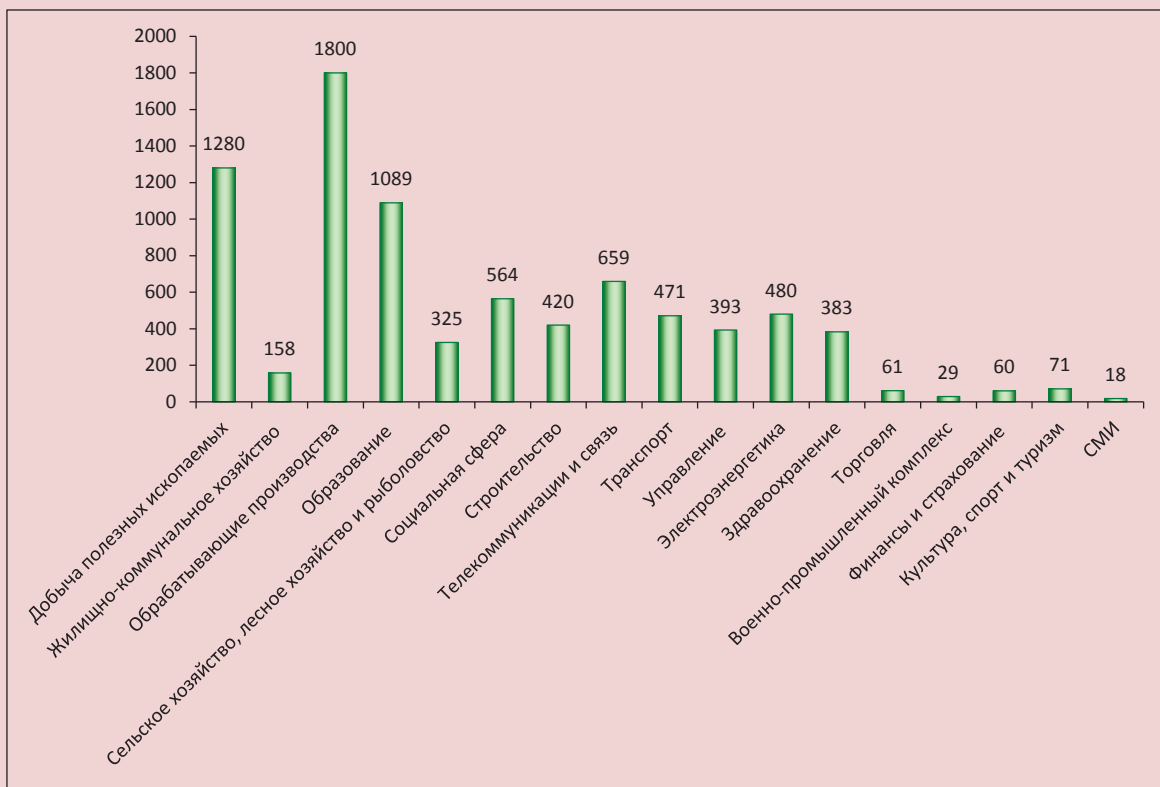
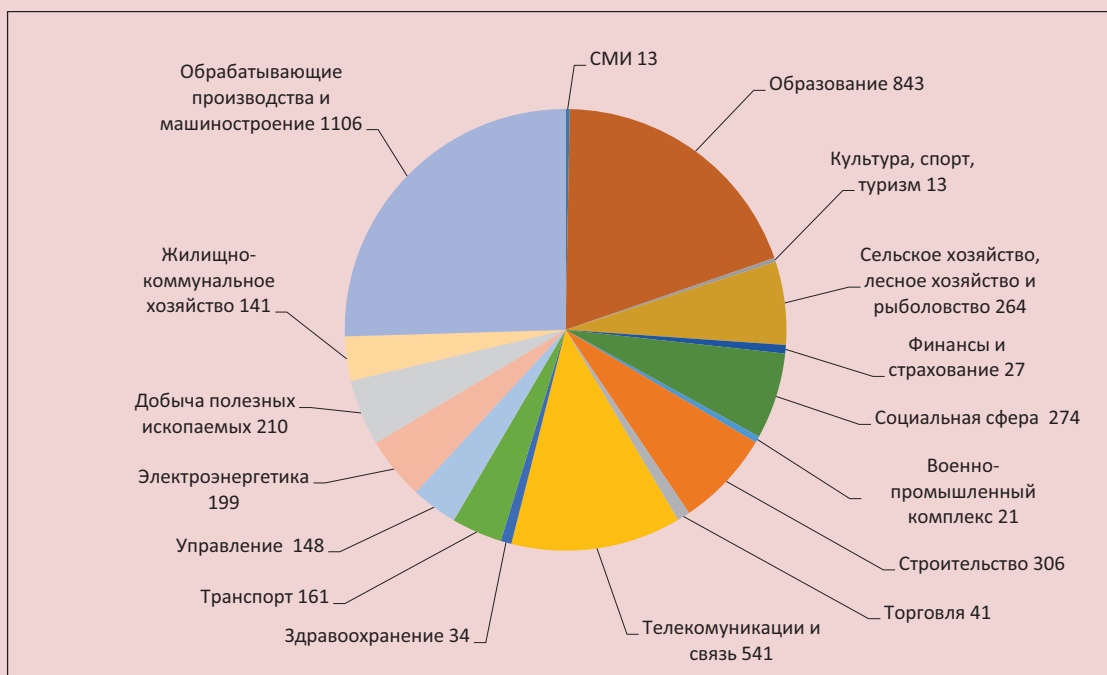

Рис. 4. Перспективная кадровая потребность Мурманской области по отраслям экономики

показал, что отраслями экономики, испытывающими наибольшую потребность в трудовых ресурсах, являются обрабатывающие производства, добыча полезных ископаемых, строительство, связь, образование и социальная сфера (рис. 4).

Мурманская область превращается в форпост изучения и освоения Арктики. В этом субъекте запланирована модернизация предприятий обрабатывающей (судостроительной, рыбоперерабатывающей и электроэнергетической) промышленности, строительство горно-обогатительного комбината (ГОКа) на базе месторождений апатит-нефелиновых руд, создание центра строительства крупнотоннажных морских сооружений, создан мощный задел научного обоснования природопользования в высоких широтах.

Органы исполнительной власти Архангельской области и предприятия, расположенные на территориях, отнесенных к Арктической зоне, несмотря на второе место по численности населения среди территорий Арктической зоны РФ, указывают невысокую текущую кадровую потребность (398 чел.). В среднесрочной перспективе прогнозируется самый высокий в относительном выражении среди арктических регионов прирост потребности в кадрах с высшим образованием на 77%, до 704 чел. Востребованными являются специалисты обрабатывающих отраслей, а также работники сферы транспорта и добычи полезных ископаемых (рис. 5).

Выявленные тенденции объясняются расположением на территории «арктических» муниципальных образований Архангельской области предприятий Объединенной судостроительной корпорации, формированием инновационного территориального судостроительного кластера, рыбохозяйственного и туристического кластеров.

Перспективные потребности субъектов Красноярского края, отнесенных к Арктической зоне РФ, в трудовых ресурсах составляют 340 чел., что превышает текущую потребность (297 чел.; рис. 6).

Как и в вышерассмотренных примерах, спрос на рабочие кадры в арктической зоне Красноярского края формируют добыча полезных ископаемых, обрабатывающие отрасли, транспорт и образовательная сфера. Формированию потребности в трудовых ресурсах способствует и то, что градообразующее предприятие г. Норильска – ГК «Норильский никель» разработал стратегию устойчивого развития предприятия, которая подразумевает модернизацию горно-металлургического комплекса, развитие городской и промышленной инфраструктуры.

Рис. 5. Перспективная кадровая потребность территорий Архангельской области по отраслям экономики

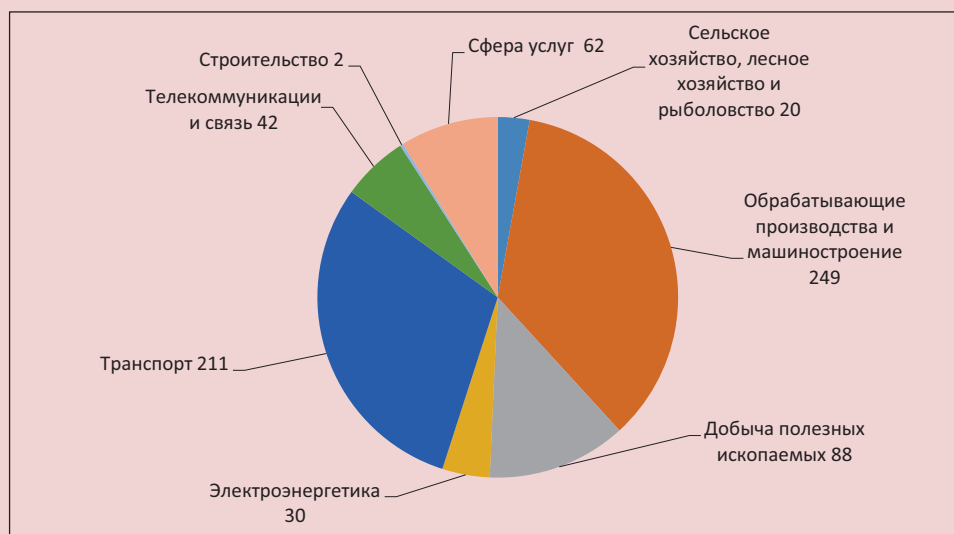

Рис. 6. Перспективная кадровая потребность территорий Красноярского края по отраслям экономики

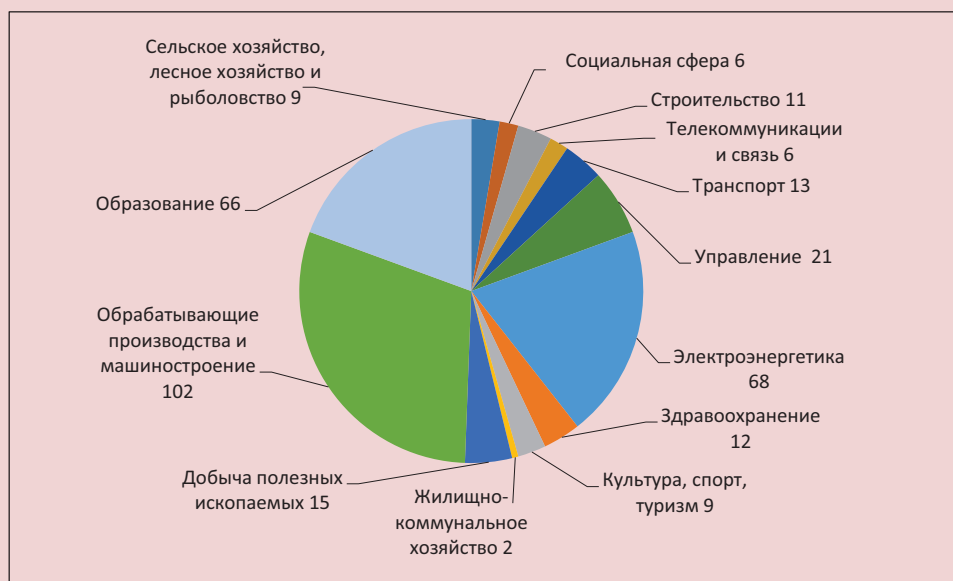
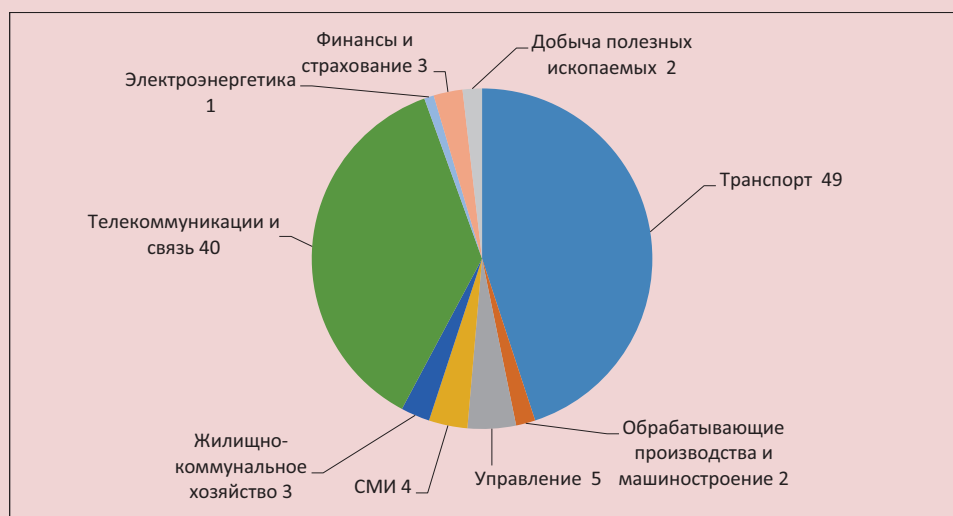

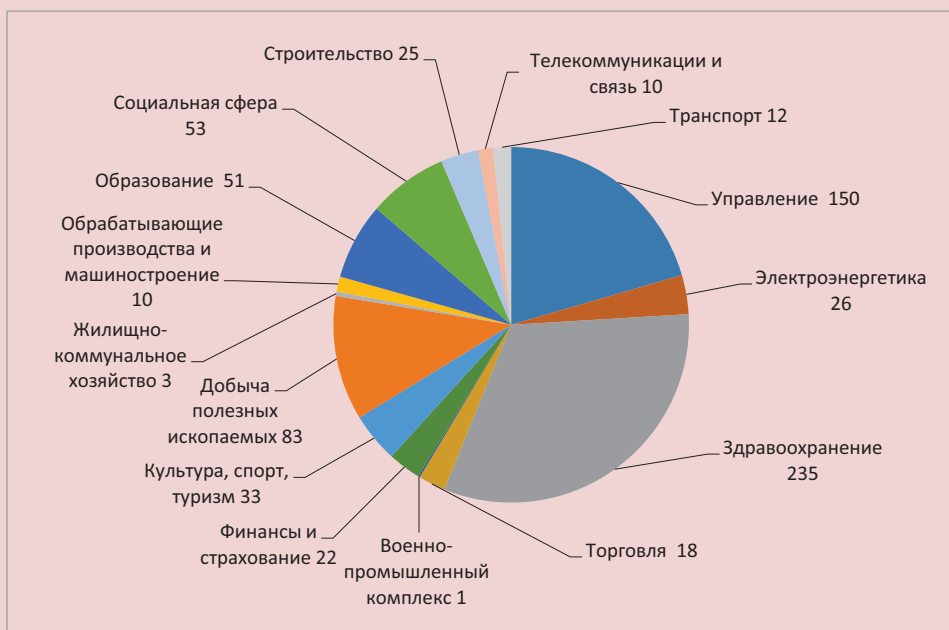
Рис. 7. Перспективная кадровая потребность Ненецкого автономного округа по отраслям экономики

Среди арктических регионов Ненецкий автономный округ характеризуется самыми низкими значениями текущей и перспективной потребностей в трудовых ресурсах: 91 и 109 чел. соответственно (рис. 7). Проведенный опрос предприятий не выявил значительной потребности в трудовых ресурсах даже в добывающей промышленности, несмотря на ее ведущую (по аналогии с Ямало-Ненецким округом) роль в экономике субъекта. Отраслями, характеризую-

щимися наибольшей потребностью в трудовых ресурсах, являются транспорт и телекоммуникационная сфера. Специалисты потребуются для реализации проектов, предусмотренных Арктической стратегией России: реконструкции аэропорта г. Нарьян-Мар; строительства железной дороги Сосногорск – Индига, автомобильной дороги Нарьян-Мар – Усинск (в настоящее время функционирует только «зимник»), глубоководного морского порта Индига.

Рис. 8. Перспективная кадровая потребность городского округа «Воркута» по отраслям экономики

Текущая кадровая потребность городского округа «Воркута» в Республике Коми составляет 557 чел. (рис. 8).

Характерной особенностью перспективной потребности является преобладание непроизводственных отраслей: здравоохранения, управления, образования, социальной сферы. К 2020–2021 гг., согласно результатам исследования, прогнозируется ее рост на 31,4% до 732 чел. С учетом реализации в долгосрочной перспективе проектов по освоению угольных месторождений Печорского бассейна ожидается рост потребности в специалистах в добывающей отрасли.

Несмотря на то, что на территориях Республики Саха (Якутия), отнесенных к Арктической зоне, проживает около 26 тыс. чел., данный регион обладает большим экономическим потенциалом, который обуславливает текущие потребности в трудовых ресурсах (246 чел.) и среднесрочные потребности (350 чел.) (рис. 9).

Планы по разработке алмазных месторождений, созданию на базе месторождений каменных углей Булунского района Таймырского топливно-энергетического комплекса – первого и единственного в российской Арктике (компания «Арктик-Углесинтез»), до-

быче и переработке месторождений цветных металлов, развитию судоходства формируют потребность в специалистах в сферах добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств и электроэнергетики.

Текущие потребности предприятий Чукотского автономного округа в кадрах с высшим образованием в среднесрочной перспективе вырастут незначительно, со 173 до 198 чел. (рис. 10). Потребность в специалистах в сфере электроэнергетики может быть объяснена планируемым вводом в эксплуатацию плавучей атомной электростанции для замещения Билибинской АЭС. Потребность в кадрах в сельскохозяйственной отрасли связана с модернизацией предприятий АПК, развитием местных тепличных хозяйств. Значительная часть текущей и перспективной потребности приходится также на непроизводственные отрасли: образование и социальную сферу.

Ямало-Ненецкий автономный округ демонстрирует второе после Мурманской области место по числу требуемых трудовых ресурсов. Особенностью кадровой потребности в этом субъекте является то, что в среднесрочной перспективе (1486 чел.) она меньше текущей (1607 чел.) (рис. 11). К 2021 г. почти 70% от общей

Рис. 9. Перспективная кадровая потребность территорий Республики Саха (Якутия) по отраслям экономики

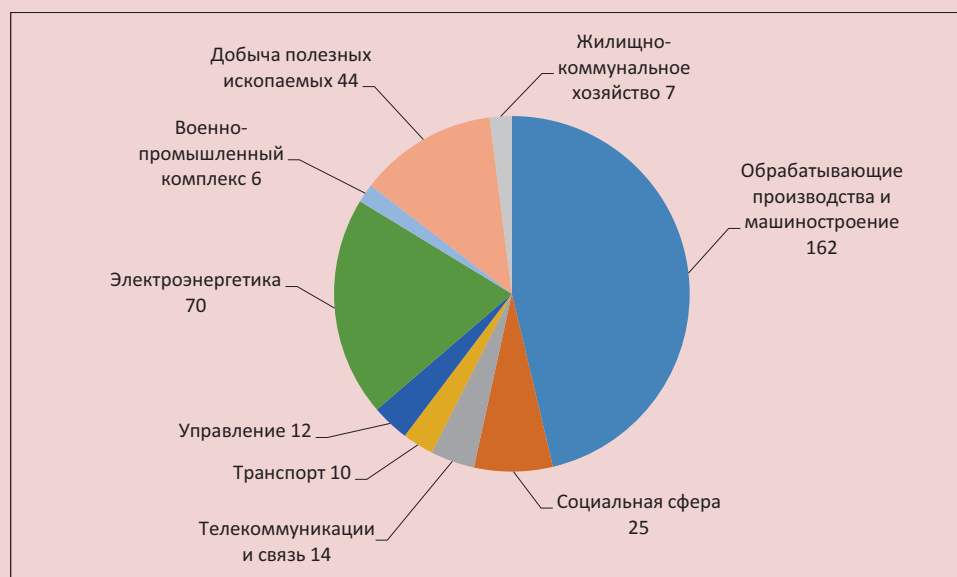
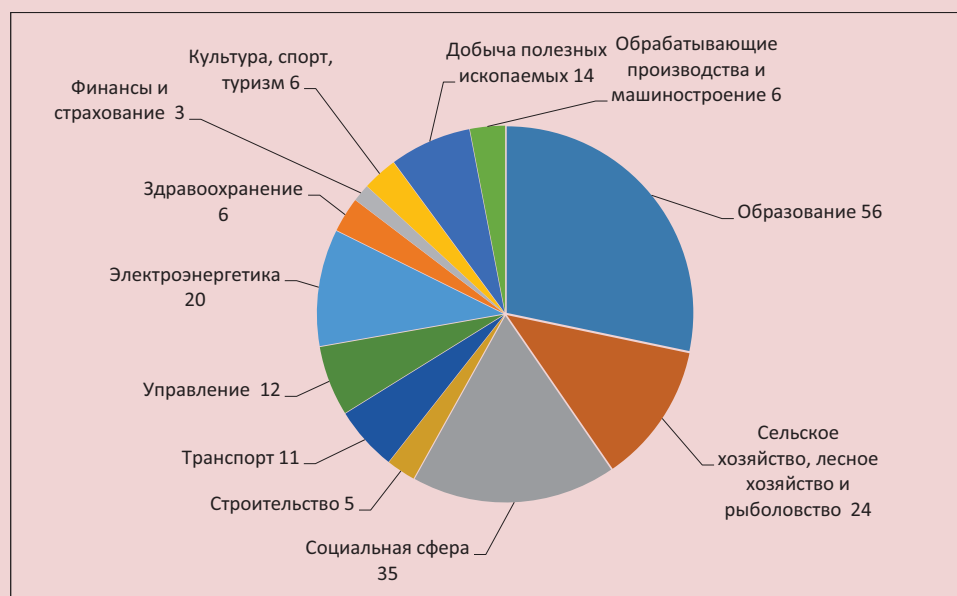

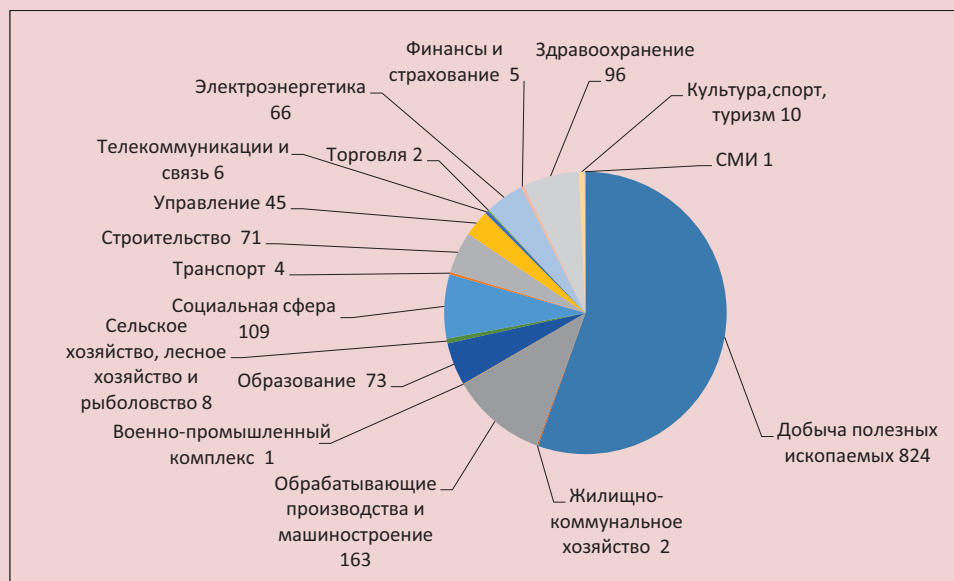
Рис. 10. Перспективная кадровая потребность Чукотского автономного округа по отраслям экономики

кадровой потребности будет приходиться на добычу полезных ископаемых, обрабатывающие производства и инфраструктурный комплекс, что связано с реализацией международного проекта «Ямал-СПГ» по разработке Бованенковского газоконденсатного месторождения, строительству порта Сабетта, завода по сжижению природного газа, развитию сухопутной транспортной и энергетической инфраструктуры.

Потребность предприятий в трудовых ресурсах и их подготовка взаимосвязаны. Удовлетворению запроса компаний на специалистов способствуют образовательные и научные организации, обеспечивающие выполнение государственного заказа (в т.ч. в рамках целевого приема) на подготовку кадров. В Мурманской области функционируют Мурманский арктический государственный и технический универ-

Рис. 11. Перспективная кадровая потребность Ямало-Ненецкого автономного округа по отраслям экономики

ситеты, в Архангельской области и Республике Саха (Якутия) – САФУ и Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова соответственно. В автономных округах функционируют филиалы университетов, при этом часть из них расположены за пределами Арктической зоны. Поэтому подготовка кадров «на местах» в целях удовлетворения потребностей предприятий практически не организована [26].

Исследование показало, что вузы Арктической зоны России осуществляют подготовку кадров по программам арктической направленности в соответствии с утверждёнными программами развития (рис. 12). На рис. 13 показано распределение обучающихся по образовательным программам. Выпускники рассматриваются как трудовые ресурсы Арктической зоны.

Успешному поиску работы и закреплению на предприятии способствует тот факт, что в Мурманской и Архангельской областях, Красноярском крае университеты и предприятия совместно участвуют в подготовке студентов и магистрантов в рамках территориальных кластеров и базовых кафедр. Как следствие 71–75% выпускников университетов Арктической зоны России находят работу по специальности на местных предприятиях. На предприятиях российской Арктики трудоустроиваются около

17% выпускников, окончившие вузы, расположенные вне Арктической зоны (рис. 14).

Подводя итог, отметим, что потребность экономики регионов АЗРФ в трудовых ресурсах к 2021 г. составит 8 261 человек (Ямало-Ненецкий автономный округ – 1 486, Архангельская область – 704, Мурманская область – 4342, Красноярский край – 340, Республика Коми – 732, Ненецкий автономный округ – 109, Чукотский автономный округ – 198 и Республика Саха (Якутия) – 732). Из них: уровня бакалавриата – 4 658 чел., уровня магистратуры – 1 753, уровня специалитета – 1 836 чел.

При среднесрочном планировании (до 2020–2012 гг.) наибольшая кадровая потребность присутствует в отраслях экономики Арктической зоны России: обрабатывающие производства и машиностроение (1800 чел.), добыча полезных ископаемых (1280), образование (1089), связь (659), социальная сфера (564 чел.). Прогнозируемый рост кадровой потребности в этих отраслях обусловлен разворачиванием инвестиционных проектов по разработке минерально-сырьевой базы и развитию транспортной инфраструктуры, необходимостью решения долгосрочных задач социально-экономического развития российской Арктики, обеспечения национальной безопасности в этом регионе.

Рис. 12. Образовательные программы, по которым осуществляется подготовка кадров в интересах развития Арктической зоны

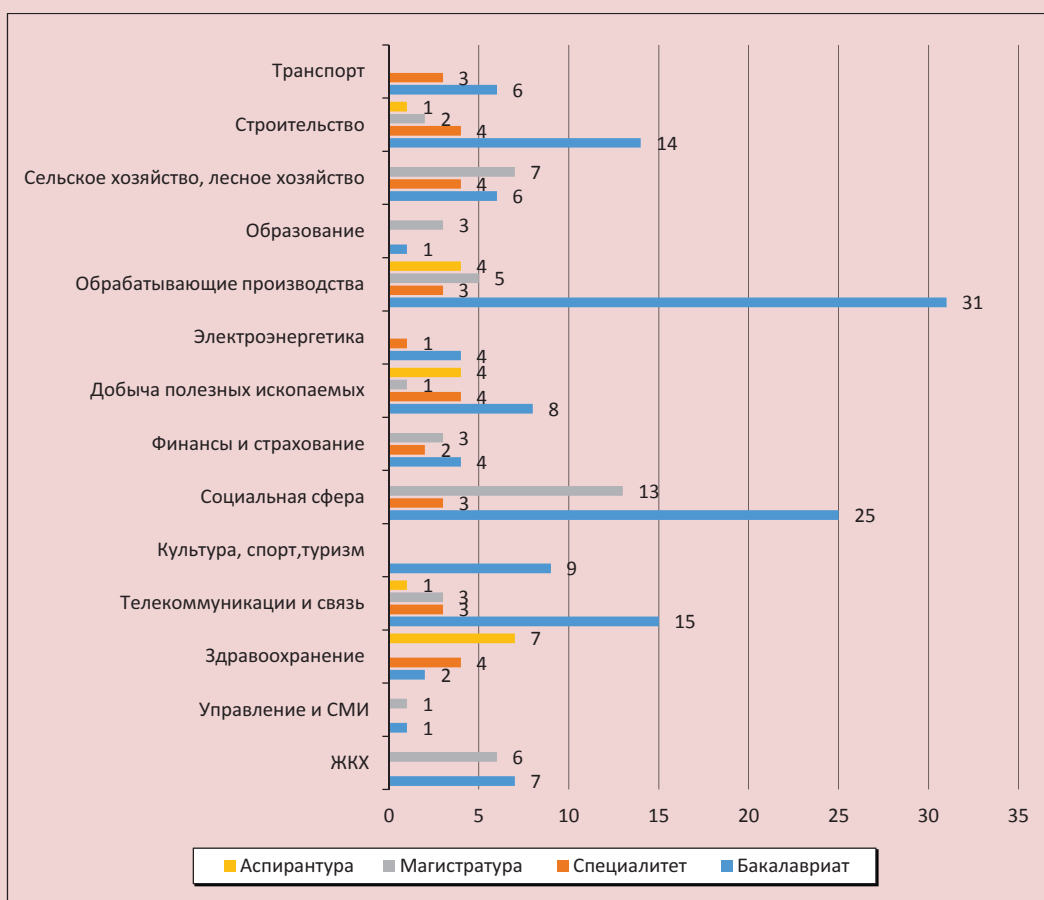

Рис. 13. Количество обучающихся по программам арктической направленности в вузах, расположенных в Арктической зоне

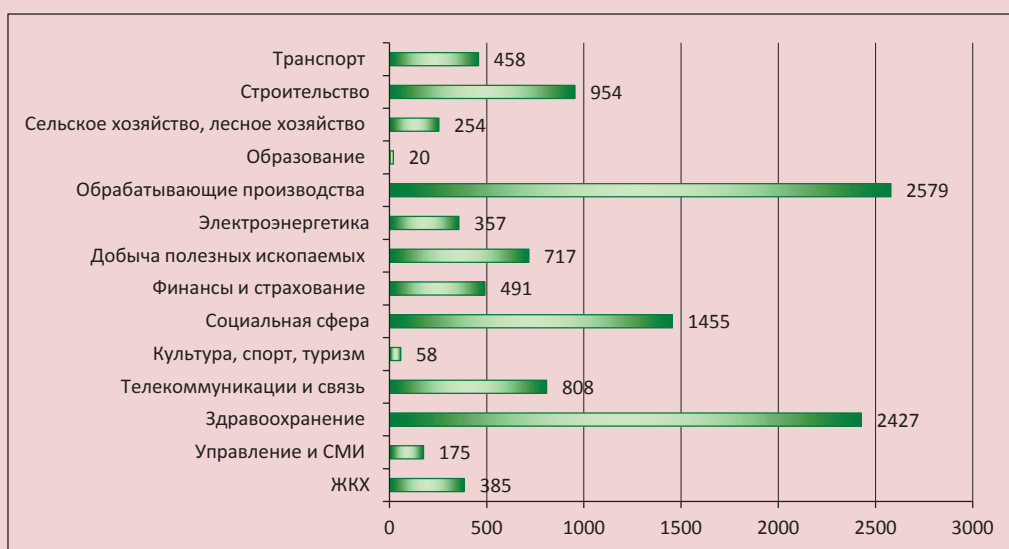
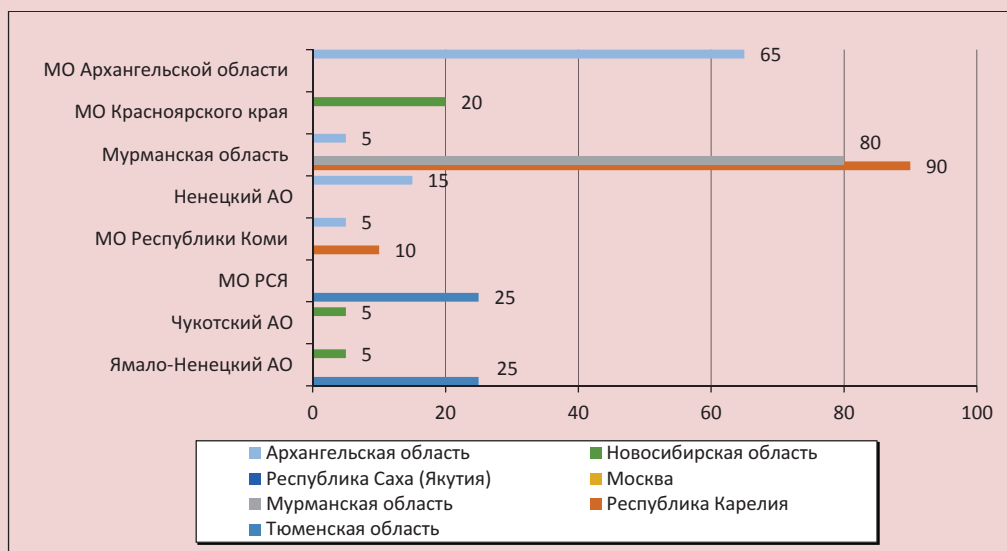

Рис. 14. Доля выпускников, трудоустроившихся по специальности в субъектах Арктической зоны России, 2015 г., %

По итогам проведенного исследования с использованием статистического и аналитического методов была систематизирована и дополнена информация, касающаяся подготовки трудовых ресурсов в Арктической зоне. Следует отметить, что в системе прогнозирования потребностей и процесса подготовки трудовых ресурсов сохраняются проблемы. Среди них следующее:

1. Отсутствие в органах исполнительной власти субъектов системы мониторинга долгосрочной потребности в специалистах для ведущих отраслей экономики Арктической зоны.

2. Отрицательное сальдо миграции трудоспособного населения, несмотря на высокую долю трудоустройства выпускников вузов, расположенных в арктическом макрорегионе. Анализируя данные официальной статистики, можно сделать вывод, что для всех субъектов российской Арктики характерна миграционная убыль населения, за исключением Ненецкого автономного округа (таблица).

3. Недоступность прогнозных данных отраслевых и корпоративных кадровых служб. Это на текущий момент труднорешаемая задача. Ее актуальность может быть обусловлена

Миграция населения в субъектах РФ с территориями, отнесенными к Арктической зоне РФ в 2012–2014 гг.

Субъект Арктической зоны РФ	Миграционный прирост (убыль) населения		
	2012	2013	2014
Мурманская область	-7925	-10017	-4998
Ненецкий автономный округ	50	- 12	6
Чукотский автономный округ	-336	-354	-154
Ямало-Ненецкий автономный округ	-1127	-8124	-6068
Архангельская область	-2038	-3304	-1623
Республика Коми	-3655	-3626	-2059
Республика Саха (Якутия)	-1032	-907	-471
Красноярский край	-2210	-3837	-3198
Арктическая зона РФ	-18273	-30181	-18565

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики. Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2014 год. URL: <http://www.gks.ru/bgd/> (дата обращения: 22.07.2016).

слабо сформированной внутренней потребностью в прогнозах текущей и особенно долгосрочной потребности в трудовых ресурсах, что, в свою очередь, может быть обусловлено снижением интенсивности (в некоторых районах – прекращением) геолого-разведочных работ на суше и шельфе Северного Ледовитого океана, значительным временным лагом от разведки до начала освоения месторождений минерального сырья (свыше 20 лет), отсюда – значительным периодом окупаемости инвестиций и, как следствие, слабой заинтересованностью ресурсных корпораций.

4. Рынок труда в субъектах Арктической зоны РФ характеризуется дисбалансом между спросом (10 536 специалистов в рамках среднесрочной потребности) и предложением (61 424 обучающихся в вузах региона) трудовых ресурсов. Для снижения дисбаланса при дефиците инженерных кадров и переизбытке специалистов в сфере управления и услуг Министерство образования и науки РФ (с мая 2018 г. – Министерство науки и высшего образования) снижает контрольные цифры приема в вузах региона по направлениям подготовки «Управление», «Менеджмент» и увеличивает набор на технические (инженерные) и естественнонаучные направления подготовки.

5. Слабо организовано взаимодействие образовательных организаций высшего образования с предприятиями и организациями при реализации практико-ориентированных образовательных программ в части организации целевого обучения (только 3,4% от общего количества обучающихся по программам арктической направленности учатся по договорам целевого приема).

Необходимость развития трудовых ресурсов, улучшения человеческого капитала – вызов для нестандартного и большого по охвату тер-

ритории арктического рынка труда. Ответом на него должна стать государственная региональная политика и кадровая политика предприятий, ориентированные на реализацию комплекса стратегических задач по освоению Арктического региона, способствующие закреплению в этом регионе с экстремальными природно-климатическими условиями трудоспособного населения, обеспечению его комфортной и безопасной жизнедеятельности, развитию предпринимательства. Поэтому выводы настоящего исследования могут быть рекомендованы к использованию федеральными и региональными органами исполнительной власти при выработке политики в сфере управления научно-образовательным пространством, подготовки кадров для реального сектора экономики Арктической зоны РФ, в т.ч. реализации мегапроектов, разработки системы мониторинга и оценки кадровой потребности субъектов Арктической зоны и внедрения такой системы в систему управления её социально-экономическим развитием.

С целью повышения информирования заинтересованных сторон и участников отношений в сфере образования, систематизации и распространения накопленного материала, касающегося подготовки рабочих кадров для АЗРФ в Северном (Арктическом) федеральном университете, по итогам проведенного исследования формируется информационно-аналитическая база данных – портал Национального арктического научно-образовательного консорциума, отображающий университеты и научно-образовательные учреждения, осуществляющие подготовку кадров в Арктической зоне РФ, актуальный реестр реализуемых в них образовательных программ, данные о количестве обучающихся, а также карту⁵ работодателей региона [27].

Литература

1. Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 544 с.
2. Glomsrod S., Aslaksen I. *The Economy of the North*. Oslo – Kongsvinger, 2006. 99 p.

⁵ Территориальная карта образовательных учреждений, образовательных программ, реализуемых в вузах Арктической зоны РФ и предприятий, ведущих экономическую деятельность в Арктической зоне. URL: <http://arctic-union.ru/napravleniya/base> (дата обращения: 07.02.2017).

3. Арктика: интересы России и международные условия их реализации / под ред. Ю.Г. Барсегова, В.А. Корзуна, И.М. Могилевкина и др. М.: Наука, 2002. 356 с.
4. Додин Д.А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). СПб.: Наука, 2005. 283 с.
5. Чистобаев А.И., Кондратов Н.А. Арктика: геополитические и геоэкономические интересы зарубежных стран // Геополитика и безопасность. 2014. № 1 (25). С. 84-91.
6. Numand Larsen J., Fondahl G. (Eds.). *Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages*. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2014. 505 p.
7. Паникар М.М., Шапарова А.Е. Императивы современной государственной политики стран арктического региона по освоению территорий Крайнего Севера // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 33-44.
8. Heleniak T. The role of attachment to place in migration decisions of the population of the Russian North. *Polar Geography*, 2009, vol. 32, pp. 31- 60.
9. Semenova A., Popelnitskaja I.M. Use of panel data for assessing socio-economic situation in the northern regions of Krasnoyarsk Krai // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки. 2017. Том 10. № 12. С. 1905-1915.
10. Semenova A., Popelnitskaja I.M., Bukharova E.B., Razumovskaja V.A., Bukharov A.V. Analysis of morbidity rate of the population at the Arctic territories on the extent of commercial development and ecological state on the example of Krasnoyarsk Krai. In: *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM*, 2017, no. 3 (11), pp. 417-422.
11. Смакова Д.Б. Arctische zone und deren wirtschaftliches potential // Материалы 3-й научно-практической конференции «Новые технологии в инженерии». М.: Российский университет дружбы народов, 2014. С. 129-132.
12. Povarich I.P., Harchenko A.P. Assessment of labor force in the Russian North as key factor in economic development. *Tomsk State University Journal*, 2015, November, no. 400, pp. 253–260. (In Russian).
13. Belonozhko M.L., Silin A.N., Barbakov O.M. Social and human potential of the Arctic frontier (by the results of sociological research in the Yamal). *International Journal of Ecological Economics and Statistics*, 2018, vol. 39, no. 1, pp. 132-142.
14. Giltman M.A. Employment in the North of Russia: Microdata Analysis. *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii – Journal of the New Economic Association*, 2017, no. 3, pp. 103-124. (In Russian).
15. Демографические процессы, динамика трудовых ресурсов и риски здоровью населения Европейской части Арктической зоны России / Б.А. Ревич, Т.Л. Харьковская, Е.А. Кваша, Д.Д. Богоявленский, А.Г. Коровкин, И.Б. Королев. М.: Ленанд, 2016. 304 с.
16. Шабаева С.В., Степуть И.С., Хотеева И.А. Возможности субарктических вузов для решения кадровых проблем Арктики // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Том 21. № 4 (110). С. 106-115.
17. Беляева Д.П., Белевских Т.В., Бахтина А.Г. Формирование трудовых ресурсов на Севере России (на примере Мурманской области) // Экономика и управление. 2016. № 2(136). С. 20-26.
18. Иванова М.В., Клюкина Э.С. Современные предпосылки будущих арктических трудовых ресурсов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6 (142). С. 180-198.
19. Корчак Е.А. «Экономика знаний» в управлении трудовым потенциалом северных территорий Финляндии // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы образования в XXI веке» / отв. ред. Т.В. Белевских. Мурманск: МАГУ, 2017. С. 124-129.
20. Карапетян М.Ш., Кутлубаева А.Р., Обруч Г.Ю. Трудовые ресурсы в Арктической зоне Российской Федерации // Материалы международного молодежного симпозиума по управлению, экономике и финансам, г. Казань, 5–7 декабря 2017 г. Казань, 2017. С. 488-492.
21. Матвеев А. Проблемы обеспечения Севера России трудовыми ресурсами: пути решения // Социальная политика и социальное партнерство. 2013. № 11. С. 5-13.
22. Сигова С.В., Степуть И.С. Кадровое обеспечение приоритетов развития Арктической зоны России – вклад системы высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 5 (99). С. 19-29.
23. Питухин Е.А., Мороз Д.М., Астафьева А.М. Прогнозирование кадровых потребностей региональной экономики в разрезе профессий // Экономика и управление. 2015. № 7. С. 41-49.

24. Региональная экономика и вопросы североведения / колл. авт.; под науч. ред. проф. В.С. Селина, д.э.н. Т.П. Скуфьиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2013. 200 с.
25. Селин В.С., Цукерман В.А., Виноградов А.Н. Экономические условия и инновационные возможности обеспечения конкурентоспособности месторождений углеводородного сырья арктического шельфа. Апатиты: Кольский научный центр РАН. 2008. 267 с.
26. Аналитическая справка о состоянии системы подготовки научных и производственных кадров для обеспечения кадровых потребностей Арктической зоны Российской Федерации / О.Д. Бугаенко, К.С. Зайков, С.В. Рябченко, В.В. Степанова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Арктика – национальный мегапроект: кадровое обеспечение и научное сопровождение». Архангельск, САФУ, 5–6 июня 2016 г., Архангельск, 2016. С. 156-178.
27. Инновационный вектор экономического развития северных и арктических территорий России и стран Северной Европы / К.С. Зайков, М.Р. Калинина, Н.А. Кондратов, А.М. Тамицкий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 3. С. 59-77.

Сведения об авторах

Константин Сергеевич Зайков – кандидат исторических наук, директор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Арктический центр стратегических исследований (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: k.zaikov@narfu.ru)

Николай Александрович Кондратов – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Высшая школа естественных наук и технологий (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, пр. Ломоносова, д. 4; e-mail: n.kondratov@narfu.ru)

Елена Владимировна Кудряшова – доктор философских наук, профессор, ректор, Северный (Арктический) федеральный университет (САФУ) имени М.В. Ломоносова (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, пр. Ломоносова, д. 4; e-mail: rector@narfu.ru)

Александр Михайлович Тамицкий – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, пр. Ломоносова, д. 2; e-mail: a.tamitskij@narfu.ru)

Zaikov K.S., Kondratov N.A. Kudryashova E.V., Tamitskii A.M.

The Need for Workforce in Constituent Entities of the Arctic Zone of the Russian Federation

Abstract. In the first quarter of the 21st century, the Arctic and everything connected with it remains a popular topic in the humanitarian, socio-economic and political spheres. It is especially relevant for Russia, which has the largest polar sector in the world. An integrated approach to the study and analysis of development prospects of the Arctic territories can create conditions for sustainable socio-economic development not only in the Arctic zone of Russia, but also in Russia as a whole. One of the elements of this approach is the need for skilled workforce at the enterprises of the Arctic zone of the Russian Federation; this topic is considered in the paper. The relevance of the topic stems from the need to implement large-scale investment projects for development of mineral resources and transport infrastructure (megaprojects), the need to address long-term tasks of socio-economic development of the Russian Arctic and ensure national security in the region. All these points are contained in the strategy for development of the Arctic zone of the Russian Federation until 2020. Statistical evaluation of demographic processes indicates a continuous outflow of population from the majority of subjects of the Arctic zone of

Russia. This happens both due to natural reasons and as a result of emigration, including the emigration of working age individuals. Scientific novelty of the paper consists in its comprehensive approach: using analytical and sociological methods, we analyze the need for labor force in the real sector of the economy in the Russian Arctic. We consider the possibilities of the higher education system to meet such needs. It is established that the emigration of able-bodied population from the subjects of the Russian Arctic and the launch of megaprojects can be considered as factors in the formation of the need for labor resources in the subjects of the Arctic zone of Russia. Further scientific search in the chosen topic consists in the following points: development of methods for long-term forecasting of the needs of economic entities in labor force against the background of its outflow from the Arctic zone, additional substantiation of the medium-term need and the possibility of its implementation through higher education, and search for an alternative to corporate data on the need for workforce.

Key words: Arctic zone of Russia, development strategy, workforce, need for personnel, education.

Information about the Authors

Konstantin S. Zaikov – Candidate of Sciences (History), Director, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arctic Centre for Strategic Studies (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: k.zaikov@narfu.ru).

Nikolai A. Kondratov – Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, associate professor at department, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Higher School of Natural Sciences and Technologies (4, Lomonosov Avenue, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: n.kondratov@narfu.ru)

Elena V. Kudryashova – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Rector, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (4, Lomonosov Avenue, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: rector@narfu.ru)

Aleksandr M. Tamitskii – Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, associate professor at department, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication (2, Lomonosov Avenue, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: a.tamitskij@narfu.ru)

Статья поступила 10.05.2018.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.12

УДК 316.422; 37.014, ББК 60.524

© Леньков Р.В.

Социально-ресурсная поддержка населением с высшим образованием политики социокультурной модернизации регионов

Роман Викторович

ЛЕНЬКОВ

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
E-mail: r_lenkov@mail.ru

Аннотация. В статье отражен опыт эмпирического исследования институционально-регулятивной компоненты в модернизации российских регионов, исторически находящихся на разных уровнях цивилизационного развития. Информационную основу исследования составили результаты массового репрезентативного опроса («гражданской экспертизы»), проведенного Центром социального управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН в четырех регионах-субъектах РФ: Московской области, Республике Башкортостан, Белгородской области и Республике Калмыкия, с включением в оценку их развития критериев уровня социокультурной модернизации (грант РНФ № 15-18-30077). Автор полагает, что сегодня недооцененным ресурсом государственной стратегии социокультурной модернизации регионов является высшее образование. В качестве авангардной социальной группы, способной оказывать все возрастающее влияние на гармоничное развитие страны, называется население с высшим образованием. Указанная группа характеризуется как «мягкая» сила в поддержке конструктивных действий властно-управленческой вертикали, а в дальнейшем и как центростремительный фактор, способный обеспечивать высокий уровень солидарности российского общества в решении многопрофильных задач модернизации. Конкретизированы инструменты исследования, обозначенные в статье «Роль института высшего образования в решении проблем социокультурной модернизации регионов» настоящего журнала (Том 10, № 5, 2017). Уточнены эмпирически проверяемые гипотезы: во-первых, социокультурная модернизация российских регионов связана со степенью развития в них систем власти и управления, зависящих, в свою очередь, от социальной орга-

Для цитирования: Леньков Р.В. Социально-ресурсная поддержка населением с высшим образованием политики социокультурной модернизации регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 202-211. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.12

For citation: Len'kov R.V. Provision of social and resource support to the policy of socio-cultural modernization of regions by the population with higher education. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 202-211. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.12

низации и самоорганизации, иерархии групп, включая население с высшим образованием, и их заинтересованности в процессе модернизации; во-вторых, социальная группа населения с высшим образованием является электоратом со средними оценками общественно-политической активности, что может сыграть важную роль в развитии проблемных ситуаций в регионах с разными уровнями модернизации и в создании новых моделей организационного развития и управления. Цель исследования определена как выявление степени социальной поддержки населением с высшим образованием политики властно-управленческой вертикали и ее отдельных звеньев. Даны результаты анализа социально-экономических показателей развития регионов с учетом места и роли группы населения с высшим образованием. Инструментарий опроса спроектирован для дальнейшего проведения сравнительного исследования на больших выборках.

Ключевые слова: социальный ресурс, высшее образование, проблемы управления, регионы, «гражданская экспертиза», социокультурная модернизация.

Введение. В настоящее время обострилась проблема выбора вектора социокультурной модернизации не только для отдельных стран, но и для целых цивилизаций. Ее решает каждый политический деятель и чиновник, бизнесмен и ученый, каждый гражданин: все делают выбор и, тем самым, определяют свое отношение к проблемам модернизации и участие в их решении [1; 2]. Сегодня уже нельзя игнорировать произошедшее за годы постсоветского развития значительное увеличение разнообразия интересов и усложнение социальной структуры российского общества. Вместе с тем по-прежнему сосуществует противоборство двух систем ценностей, одна из которых ориентирована на личностный успех и развитие, а другая – на интересы общества и государства. Как и в середине 90-х гг. XX века, приходится констатировать, что сложность модернизации общества зависит не только от разработанных социальных проектов, или от спонтанно осуществляемых преобразований, или от намерений правящей элиты, но и от того, могут ли быть восприняты эти намерения сложившейся в обществе сложной системой групп интересов. И дело не только в инвестициях в экономику, но и в социальной сфере – в реальном повышении уровня и качества жизни населения, о чем говорится в «Майском указе – 2018» Президента РФ, определяющем национальные цели и стратегические задачи развития страны на период до 2024 года. При этом нельзя не учитывать, что в России, как и в любой стране мира, существует оппозиция и что в ее отношениях с органами власти традиционно работает конфронтационная логика, которая не раз уже приводила в стране к обострению «*социокультурного раскола*» (*тер-*

мин А.С. Ахиезера) [3]. В данном контексте остро встает вопрос о повышении качества гражданского участия, об уровне социальной ответственности и значения гражданского действия и взаимодействия. Ряд ученых вполне обоснованно полагает, что осознанное гражданское участие является ключевым фактором развития и общественного благополучия. Оно во многом зависит от того, каким будет вклад каждого гражданина в решение социальных проблем, в чем не последнюю роль играет их уровень образования [4].

Центром социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН (в ходе работы по гранту РНФ в 2015–2017 гг., при участии автора на заключительном этапе) получены интересные результаты эмпирического измерения работы органов власти и управления в регионах, исторически находящихся на разных уровнях цивилизационного, в частности социокультурного, развития. Они отражены в коллективном научном труде «*Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов*» [5]. В этой работе были уточнены заявленные ранее элементы общей программы исследования. Так, *социальная проблема* определена как раскол между обществом и государством, проявившийся в разрыве оценок населения работы звеньев властно-управленческой вертикали и их способности одновременно решать внешние и внутренние проблемы социально-экономического развития в регионах с разными уровнями модернизации. Под *модернизацией* понимается комплексный, цивилизационный процесс, который осуществляют широкие массы населения ради удовлетворения

своих потребностей в улучшении условий труда и повышении качества жизни. *Научная проблема* обозначена как недостаток теоретико-методологических и эмпирических данных в предметной области социологии управления в части способности указанной вертикали решать проблемы согласия в обществе в условиях раскола, успешно отвечать на внешние и внутренние вызовы и обеспечивать комплексную, цивилизационную модернизацию. *Объектом* выступает процесс социокультурного развития регионов в конкретно-исторической и социально-экономической ситуации по критерию уровня модернизации. *Предметом* является выяснение типа и характера социальных закономерностей в рамках теории «гражданского договора», отражающих степень социальной поддержки населением работы тех или иных звеньев властно-управленческой вертикали в регионах и, в конечном итоге, степень управляемости самого процесса модернизации. Кроме того, осуществляется измерение социальной субъектности различных групп населения, включая население с высшим образованием, их роль в отношениях обратной связи с органами власти и управления, проявлении степени солидарности с малыми, в том числе протестными, группами, с региональной общностью и с РФ как общностью в целом [5; 6]. Вклад автора состоял в *экспликации методом вторичного анализа* результатов массового опроса («гражданской экспертизы») и эмпирически проверяемых гипотез с учетом высшего образования как социального ресурса государственной стратегии социокультурной модернизации регионов.

Постановка проблемы исследования

По оценкам экспертов, глубинные причины неэффективности и торможения модернизации страны состоят в не востребованности человеческого потенциала трудоспособного населения российских регионов, в узости и бедности спроса частного и государственного бизнеса на новые отечественные знания и технологии. Институционально-регулятивная (социальная) переменная модернизации, характеризующая изменения совокупности регулирующих институтов [7], значительно отстает, осуществляется спонтанно и фрагментарно. Остаются непроработанными ее аспекты в комплексе научных исследований, описывающих, объясняющих и

прогнозирующих социальные процессы, происходящие в стране. В частности, не предусматривается, что ход модернизации зависит не только от спонтанных, но и от организованных, а значит, управляющих факторов модернизации по вертикали («центр-периферия») и по горизонтали («самоорганизация субъектов социально-экономического действия в регионах и между регионами»). При этом в социокультурной модернизации образование остается одним из регулирующих институтов, который, наряду с системой власти и управления, выступает самостоятельным фактором цивилизационного развития регионов [8]. Ряд ученых считает, что по мере развития постиндустриального общества как в развитых странах Запада, так и в России проявления его социальных контуров и принципиальных характеристик, концепция *интеллектуального пролетариата* (термин *В.К. Левашова*) будет приобретать черты неизбежной реальности [9]. Новый, «революционный класс цифровой эпохи» включает в себя высокопрофессиональных и квалифицированных работников, значительная часть которых изначально структурирована и организована информационными сетями. К нему, прежде всего, относятся работники сферы социокультурного воспроизводства — науки и высшего образования.

Мы полагаем, что в государственной стратегии социокультурной модернизации регионов высшее образование является латентным и все еще во многом недооцененным ресурсом. Социальная группа населения с высшим образованием выступает авангардной, способной оказывать все возрастающее влияние на гармоничное развитие страны. Указанную группу уже сегодня необходимо рассматривать как «мягкую» силу в поддержке конструктивных действий властно-управленческой вертикали, а в дальнейшем и как центростремительный фактор, способный обеспечивать высокий уровень солидарности российского общества в решении многопрофильных задач модернизации. Такие структурные изменения в субъектах РФ, произошедшие за последние годы, как объединение ряда автономных областей и округов, вхождение Республики Крым и Севастополя в состав России; разделение Минобрнауки России на Министерство просвещения, Министер-

ство науки и высшего образования, затрудняют комплексный анализ управления высшим образованием, не позволяя сформировать единую вертикаль органов исполнительной власти. В этом смысле современный этап управления высшим образованием с нашей точки зрения представляет собой особый интерес для академической среды.

Внешним весомым аргументом является включение нашей страны в число стран, имеющих высокие показатели по числу людей с высшим образованием. Согласно докладу ОЭСР «Взгляд на образование – 2017», в РФ 56 % людей в возрасте от 25 до 64 лет имеют высшее образование. Это значение индикатора является вторым по величине после Канады среди всех стран ОЭСР и стран-партнеров, превышая на 19 % среднее значение [10]. По данным Института образования НИУ ВШЭ, общий показатель охвата молодежи 17–25 лет программами высшего образования в целом по стране составляет 32,9 %.

Важно понимать, что при успешном решении задачи модернизации высшего образования по переходу к массовому образованию на уровне бакалавриата, доступному более чем 50 % молодежи релевантной возрастной когорты, меняются функции образования – от воспроизводства элит к адаптации всего населения к социальным и технологическим изменениям [11]. Вместе с тем последовательное и цивилизационное развитие общества обеспечивается не прямым насаждением определенных идеалов, идентичностей, эмоций и знаний, а активным взаимодействием индивида с окружающей социальной средой, его непосредственным участием в коллективных действиях [12].

Следует отметить, что, согласно *Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»*, система высшего образования представляет собой совокупность взаимодействующих, преемственных образовательных программ различного уровня и направленности, федеральных государственных образовательных стандартов и требований, сети реализующих их образовательных учреждений и научных организаций; органов, осуществляющих управление в сфере образования, подведомственных им учреждений и организаций, объединений юридических лиц, об-

щественных и государственно-общественных объединений, осуществляющих деятельность в области образования. Ее цель – обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по основным направлениям социально полезной деятельности в соответствии с потребностями и запросами государства и гражданского общества; удовлетворение нужд личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии; повышение научно-педагогической квалификации кадров через конвенциональное определение содержания образовательных стандартов и квалификационных требований к уровню подготовки выпускников. На уровне личности высшее образование сохраняет свое воздействие на жизненную траекторию человека в форме признания полученного диплома. При этом содержание самого образования учитывается лишь в общей форме и не связывается с дальнейшим развитием как научного знания в целом, так и приобретенных выпускником в последующей профессиональной деятельности компетенций. Функциональная специфика указанной системы состоит в том, что профессиональная подготовка, как правило, имеет целью деятельность, находящуюся за пределами института образования, чем определяется автономность высшего образования как социальной системы.

Важный научно-исследовательский интерес имеет решение теоретико-прикладных задач по формированию *социопрогностического подхода к управлению* высшей школой как условия концептуального развития образовательной системы и института образования в целом. Также необходима разработка прогностической парадигмы управления высшим образованием с дальнейшим диагностированием и обоснованием целевого механизма его реализации на современном этапе цивилизационного развития РФ и ее регионов.

Элементы общей программы исследования

Цель определена нами как выявление степени социальной поддержки населением с высшим образованием политики властно-управленческой вертикали и ее отдельных звеньев. *Поисковой задачей* выступает анализ социально-экономических показателей развития регионов с учетом параметра занятого населения с высшим образованием.

Основная гипотеза сформулирована следующим образом: высшее образование является социальным ресурсом в решении многопрофильных задач социокультурной модернизации. Актуализация потенциала социальной группы населения с высшим образованием, «*профессионалов-акторов*» (термин О.В. Аксеновой) [13] в государственной стратегии социокультурной модернизации регионов, способна «мягко» повлиять на уровень поддержки конструктивных действий властно-управленческой вертикали и в дальнейшем обеспечить высокий уровень солидарности российского общества. Определены две *выводные гипотезы*: *во-первых*, социокультурная модернизация регионов связана со степенью развития в них систем власти и управления, зависящих, в свою очередь, от социальной организации и самоорганизации, иерархии групп, включая население с высшим образованием, и их заинтересованности в процессе модернизации; *во-вторых*, социальная группа населения с высшим образованием является электоратом со средними оценками общественно-политической активности, что может сыграть важную роль в развитии проблемных ситуаций в регионах с разными уровнями модернизации, создании новых моделей организационного развития и управления.

Методики сбора и анализа первичных данных

Массовый репрезентативный опрос охватывал четыре региона-субъекта РФ: Московскую область, Республику Башкортостан, Белгородскую область и Республику Калмыкия. Распределение по типу модернизованности, уровню сбалансированности указанных регионов: Московская область – 6 – выше среднего, Республика Башкортостан – 3 – средний, Белгородская область – 2 – ниже среднего, Республика Калмыкия – 1 – ниже среднего (*по типологии уровней социокультурной модернизации Н.И. Лапина*). Значения индексов сбалансированности модернизации в регионах: 0,440/0,389/0,231/0,281 соответственно. Московская и Белгородская области располагаются в Центральном федеральном округе, Республика Башкортостан – в Приволжском федеральном округе, Республика Калмыкия – в Южном федеральном округе [1].

Модель реализации квотной выборки (N=500 по каждому региону) сформирована на

пересечении признаков «пол*поколение* образование» по весу соответствующих групп в переписи 2010 года по РФ (модель) и по регионам (реализация) в расчете на 100 человек. Каждая квота соответствует весу группы в генеральной совокупности в расчете на 1000 человек с избирательным цензом. По методике исследования образование респондентов характеризуется как незаконченное среднее и ниже, среднее общее, среднее специальное, незаконченное высшее, высшее. В процентах к числу респондентов в целом средние данные¹ распределились следующим образом: 13, 17, 38, 6, 27 [14].

Такое соотношение величин демонстрирует в региональном разрезе увеличение удельного веса респондентов с незаконченным средним и ниже образованием (с 10 % в Московской области до 14 % в Республике Калмыкия) и уменьшение удельного веса группы респондентов с высшим образованием (с 33 % в Московской области до 25 % в Республике Калмыкия). В Республике Башкортостан наблюдаются относительно большая доля респондентов со средним специальным образованием (44 %) и меньшая со средним общим образованием (13 %).

Ситуация с охватом молодых людей программами высшего образования в исследуемых регионах различается (*табл. 1*).

Так, выше среднего охват молодежи местами в региональных вузах наблюдается в Московском регионе и Белгородской области (49,2 и 36,3% соответственно). Высокий охват высшим образованием в Белгородской области, где обучается примерно 1 % всех студентов, объясняется сравнительно большой сетью образовательных организаций высшего образования с учетом численности населения региона. В Белгородской области расположено 15 вузов и филиалов вузов, контингент которых насчитывает 53,1 тыс. студентов. В республиках Калмыкия и Башкортостан охват высшим образованием составляет 28,1 и 27,4% соответственно [15].

Результаты оценки валидности данных показывают, что общая структура совокупности (N=2002) отличается сдвигом в сторону более

¹ Здесь и далее по тексту без дополнительных ссылок использованы данные социологического исследования Центра социального управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН, проведенного в 2015–2017 гг.

Таблица 1. Ранжированный список региональных систем высшего образования по уровню модернизации регионов и по охвату молодежи программами высшего образования, 2014 г. (по РФ в целом и по четырем регионам эмпирического исследования)

Уровень модернизации регионов	РФ, регионы	Охват населения 17-25 лет программами высшего образования (отклонение от средней), %	Обеспеченность местами в вузах / высокоселективных вузах, ранги	Финансовая доступность, ранг	Территориальная доступность, ранг
Высокий	Российская Федерация	32,9 (0)	–	–	–
	Москва и Московская обл.	49,2 (+16,3)	2 / 4	29-30	1
Средний	Республика Башкортостан	27,4 (-5,5)	49 / 20-21	8-9	37
Ниже среднего	Белгородская обл.	36,3 (+3,4)	14 / 52-80	47-48	32-34
Низкий	Республика Калмыкия	28,1 (-4,8)	42-43 / 52-80	72	64

Составлено по: Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Л.И. Беляева [и др.]; сост.-отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.; Доступность высшего образования в регионах России / А.Д. Громов, Д.П. Платонова, Д.С. Семенов, Т.Л. Пырова. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 32 с.

образованного населения, уменьшением групп с незаконченным средним и ниже образованием, а также со средним общим и средним специальным образованием. Отклонения от веса в генеральной совокупности слоев младшего, среднего, старшего поколений, взятых в границах групп по полу, незначительно. Корреляция между их удельными весами в генеральной совокупности и в полученном массиве весьма высока: 0,982 по Пирсону, 0,980 по Спирмену и 0,902 по Кендаллу при $Q = 99 \%$.

Результаты эмпирического исследования

Оценка степени поддержки политики властно-управленческой вертикали и ее отдельных звеньев населением с высшим образованием

На уровне поддержки работы уровней власти наблюдается следующая иерархия: 1-е место занимает аппарат Президента РФ (в процентах: 35 «за» – 30 «воздержались» – 35 «против»); 2-е – администрации предприятий и организаций (30–35–35); 3-е – Правительство РФ (27–37–36); 4-е – Совет Федерации РФ (24–39–37); 5-е – отраслевые министерства (23–39–38); 6-е – Государственная Дума (22–38–39); 7-е – администрации регионов (23–34–43); и, наконец, 8-е – администрации городов и поселков (21–32–47). Следует заметить, что от места к месту растет протестное настроение населения, меняется соотношение «сторонников», «медиаторов» и «противников» работы органов власти. Обращают на себя внимание два

обстоятельства: заметное превалирование «противников» системы власти и управления над ее «сторонниками», а также весомый (до 39 % в отдельных случаях) вес «неопределившегося» населения. Это, видимо, выступает весомым признаком его «медиативного поведения» (термин А.П. Давыдова) [16].

Нашло эмпирическое подтверждение наличие заметного разрыва между уровнем поддержки населением внешней политики руководства страны и уровнем его же поддержки решений внутренних проблем социально-экономического характера, прежде всего – повышения уровня и условий жизни в регионах, имеющих различные типы модернизованности, уровни сбалансированности. В оценке необходимости изменения системы власти и управления мнения респондентов из различных регионов разошлись: треть выступили «за», треть – «против» и несколько больше трети (около 40 %) воздержались или не приняли определенного решения.

На уровне оценок эффективности высшего уровня властной иерархии просматриваются скошенные распределения в сторону реформистской группы голосов, требующей изменений в работе руководства страной. Наибольшая скошенность наблюдается в отношении работы аппарата Президента РФ (66% реформистских ориентаций) и Правительства РФ (52%). В отношении работы Государственной Думы РФ и

Совета Федерации РФ крайние позиции уравновешиваются сопоставимой с ними серединой ориентацией, что констатирует наличие различных точек зрения на эффективность их работы.

На уровне оценок эффективности работы отраслевого министерства и аппарата губернатора республики, края, области скошенные распределения в сторону только консервативных или реформистских ориентаций отсутствуют. Преобладает умеренная ориентация.

Не имеют скошенного характера в ту или иную сторону оценки эффективности работы администрации города, поселка, села, а также руководства органа местного самоуправления или администрации предприятия (учреждения, организации). Необходимости изменений работы названных уровней власти в оценках не прослеживается.

На уровне оценок недостатков системы управления наблюдается значительное число респондентов средне и очень высоко обеспокоенных существенными сторонами отечественной системы управления по признакам «ориентация не на дело, а на отчетность перед вышестоящими» (55%), «превращение руководящего состава в клику» (50%), «использование ресурсов организации в личных целях» (51%), «нарушения обратной связи, контроля выполнения решений» (48%), а также «увлечение не к месту западным менеджментом» (42%).

На уровне работы звеньев властно-управленческой вертикали просматриваются скошенные распределения в сторону удовлетворенности по признакам «работа учреждений культуры» (57%), «работа дошкольных учреждений» (55%), «организация и содержание школьного образования» (50%), «профессиональное образование, повышение квалификации» (49%). Наблюдается преимущественно средняя и положительная удовлетворенность признаками «доступность электронной информации о работе власти» (39–40%), «стратегирование развития города (поселения)» (38–38%). Вместе с тем имеются межрегиональные различия в оценках респондентами двух последних признаков. Так, по Московской и Белгородской областям присутствуют более высокие оценки доступности электронной информации о работе власти (51 и 46% соответственно). В Белгород-

ской области более высок уровень оценок стратегирования регионального развития (56%).

Опыт эмпирического исследования свидетельствует об обостренном понимании населением с высшим образованием отчуждения на местах значительного числа руководителей от исполнителей, частой подмены управления командованием или сговором, присутствия в действиях руководителей признаков коррупции и т.п. Наблюдается явное превалирование в общественном мнении респондентов указанной группы властной составляющей во властно-управленческой вертикали и административно-командного характера системы управления, что не способствует процессу социокультурной модернизации РФ и ее регионов.

Анализ социально-экономических показателей развития регионов с учетом параметра занятости населения с высшим образованием

Данные Росстата (табл. 2) констатируют значительную долю занятого населения с высшим образованием в региональных структурах экономики: от 26,8% в Республике Башкортостан до 43,6% в Московской области (при общем показателе по РФ в целом 33,0%). В абсолютных величинах это составляет 471,6 и 1339,0 тыс. человек соответственно. Однако в целом по стране наблюдается острый дефицит специалистов в области науки и техники (54 тыс. человек). Аналитики крупнейшей международной консалтинговой компании в области менеджмента *Korn Ferry Hay Group* оценивают потери российской экономики от недостатка высокообразованных специалистов в 300 млрд долл. за ближайшие двенадцать лет [17].

Мы полагаем, что в исследуемых регионах потенциал населения с высшим образованием в решении проблем модернизации явно не раскрыт. Прежде всего, речь идет о Республике Калмыкия, в которой достигнут первый тип модернизированности с уровнем сбалансированности ниже среднего при 35,6 % занятого населения с высшим образованием. Также Белгородская область, с относительно высоким 18-м местом в РФ по численности студентов на 10 000 человек населения и с охватом молодежи программами высшего образования выше среднего, имеет аналогичный показатель, равный 30,4 %, что демонстрирует невысокие показатели цивилизационного развития (2 – ниже среднего).

Таблица 2. Ранжированный список региональных рынков труда по уровню модернизации и по занятости населения с высшим образованием в структурах регионов, 2015 (по РФ в целом и по четырем регионам эмпирического исследования)

Уровень модернизации регионов	РФ, регионы	Занятое население с высшим образованием в структурах региона (отклонение от средней), %	Место, занимаемое в РФ по численности студентов на 10 000 человек населения, ранг
Высокий	Российская Федерация	33,0 (0)	–
	Москва	47,8 (+14,8)	1
	Московская обл.	43,6 (+10,6)	81
Средний	Республика Башкортостан	26,8 (-6,2)	39
Ниже среднего	Белгородская обл.	30,4 (-2,6)	18
Низкий	Республика Калмыкия	35,6 (+2,6)	30

Составлено по: Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Л.И. Беляева [и др.]; сост.-отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. 1326 с.

Заключение. Научная новизна и практическая польза исследовательского проекта состоит в обосновании актуальности нового этапа институционального регулирования отношений между обществом и государством на основе учета складывающихся трендов социокультурной модернизации регионов. Особый акцент нами сделан на обостренном чувстве сознательного участия в данном процессе не только аппарата властно-управленческой вертикали, но и всех слоев общества при авангардной роли наиболее подготовленной в научном и образовательном отношении социальной группы населения. Мы считаем, что на место доминирующей сегодня модели общественного развития, основанной на экономическом росте и централизованном управлении, должна прийти модель «социализации» власти и управления с позиций наиболее полного использования институционально-регулятивной компоненты. В ней особую важность приобретает способность граждан к критическому анализу окружающей действительности, позволяющая им самостоятельно вырабатывать эффективные решения проблем в ключевых областях своей жизни [18; 19; 20].

Такое видение вписывается в «сценарий научно-технологического лидерства России» (термин Н.И. Лапина), реализация которого требует концентрации ресурсов на получении новых научных результатов. В настоящее время необходимо обеспечить взаимовлияние науки и общества посредством привлечения последнего к формированию запросов на результаты исследова-

вательской деятельности, развитие сетевых форм организации научных, научно-технических и инновационных практик. Как видим, новая Стратегия научно-технологического развития РФ нацелена на формирование целостной национальной инновационной системы, предполагающей привлечение локальных социокультурных сообществ. Требуется «мягкое», но системное государственное регулирование процессов модернизации. Учитывая длительный российский опыт, следует подчеркнуть, что эффективным не может быть регулирование только сверху. Но двуединое регулирование «сверху», от федеральных органов власти, и «снизу», от региональных органов, может стать достаточно эффективным. Конструктивное взаимодействие инициатив «сверху и снизу» даст синергетический эффект перехода большинства регионов во вторую, информационную стадию модернизации [9].

В ходе проведенного эмпирического исследования сформулированные гипотезы в целом подтвердились. Результаты диагностируют, что социальная группа населения с высшим образованием способна оказать влияние на рост социальной и гражданской субъектности, на уровень поддержки населением действий властно-управленческой вертикали. Проблема влияния образования на механизмы обеспечения высокого уровня солидарности российского общества в решении задач социокультурной модернизации регионов не уступает более общей проблематике взаимодействия власти и гражданского общества. Обращает на себя внима-

ние факт значительного удельного веса данной группы, что позволяет отнести ее участников к «неопределившимся» («медиаторам»). Понятно, что достаточно относительно небольшой части этих «медиаторов» (по оценкам экспертов, примерно 10%) ситуативно поддержать ту или другую из противостоящих сторон, что-

бы коренным образом изменить обстановку в стране.

Важным итогом исследования выступают корректировка используемого инструментария массового опроса, а также планирование проведения аналогичного исследования на более представительной выборке регионов.

Литература

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Л.И. Беляева [и др.]; сост.-отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.
2. Гонтмахер Е.Ш. Российская исполнительная власть: реальная и необходимая // Государство. Общество. Управление: сб. статей / Е.Ш. Гонтмахер. М.: Альпина Паблшер, 2013. 271 с.
3. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта / А.С. Ахиезер. М.: Новый хронограф, 2008. 938 с.
4. Горшков М.К. Образование как фактор и ресурс гражданского участия и демократического развития общества / М.К. Горшков, И.Н. Трофимова // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 1. С. 5-19. DOI: 10.19181/snsp.2016.4.1.4144
5. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / А.В. Тихонов [и др.]; отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.
6. Тихонов А.В. Проблема реформирования системы управления в стране: к истории разработки исследовательской программы // Вестник Института социологии. 2018. № 2 (25). С. 10-26. DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.506
7. Лапин Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 8-19.
8. Tikhonov A.V., Lenkov R.V. The role of institute of higher education in solving the issues of socio-cultural modernization of regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 158-168. DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.11
9. Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 760 с.
10. "Russian Federation", in *Education at a Glance 2017: OECD Indicators*. Paris: OECD Publishing, 2017. Available at: <https://dx.doi.org/10.1787/eag-2017-81-en> (Accessed 19 December 2018).
11. Trow M. Problems in the transition from elite to mass higher education. In: *Policies for Higher Education*. Paris: OECD, 1974. Pp. 51-101.
12. Dewey J. *Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education*. Los Angeles: Indo-European Publ., 2011. 421 p.
13. Аксенова О.В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016. 304 с.
14. Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов / Е.М. Акимкин [и др.]; отв. ред. А.В.Тихонов. М.: ИС РАН, 2016. 348 с. 1 электрон. опт. диск (CD ROM).
15. Доступность высшего образования в регионах России / А.Д. Громов, Д.П. Платонова, Д.С. Семенов, Т.Л. Пырова. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 32 с.
16. Давыдов, А.П. Проблема медиации в европейской культуре: Запад и Россия // *Общественные науки и современность*. 2000. № 6. С. 82-93.
17. Рубченко М. А вас я попрошу остаться. Кому в России не грозит безработица. М.: РИА Новости, 2018. Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20180627/1523443635.html>, свободный.
18. Система человеческого потенциала: концептуализация понятия / Е.В. Митягина, Э.В. Бушкова-Шиклина // *Философия и социология*. 2010. Том 3. № 1. С. 15-20.
19. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН, 2007. 320 с.
20. Nussbaum M.C. *Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012. 168 p.

Сведения об авторе

Роман Викторович Леньков — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5; e-mail: r_lenkov@mail.ru)

Len'kov R.V.

Provision of Social and Resource Support to the Policy of Socio-Cultural Modernization of Regions by the Population with Higher Education

Abstract. The paper reflects an experience of empirical research on the institutional and regulatory component in the modernization of Russian regions that are historically at different levels of civilizational development. The information basis of the study includes findings of a mass representative survey (“civil examination”) conducted by the Center for the Sociology of Management and Social Technology at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; the survey was carried out in four constituent entities of the Russian Federation: the Moscow Oblast, the Republic of Bashkortostan, the Belgorod Oblast and the Republic of Kalmykia; the assessment of their development include criteria of the level of socio-cultural modernization (grant # 15-18-30077). We believe that higher education is an underestimated resource of the state strategy for socio-cultural modernization of regions. People with higher education are considered as an avant-garde social group able to exert an increasing influence on the harmonious development of the country. This group is characterized as a “soft” force in the support of constructive actions of the power vertical and in the future – as a centripetal factor capable of providing a high level of solidarity in the Russian society in solving multidisciplinary problems of modernization. We elaborate the research tools outlined in the article “The Role of Institute of Higher Education in Solving the Issues of Socio-Cultural Modernization of Regions” (*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5). We clarify the empirically tested hypotheses: first, socio-cultural modernization of Russian regions is associated with the degree of development of their government systems that depend, in turn, on social organization and self-organization, the hierarchy of groups, including the population with higher education, and their interest in the process of modernization; second, the social group of the population with higher education is an electorate with average estimates of social and political activity, which can play an important role in the development of problem situations in regions with different levels of modernization and in the creation of new models of organizational development and management. The goal of our study is to identify the degree of social support that the population with higher education provides to the policy of the power vertical and its individual links. We provide the results of analysis of socio-economic indicators of regional development, taking into account the place and role of the population with higher education. The tools of the survey are designed to conduct further comparative studies on larger samples.

Key words: social resource, higher education, management problems, regions, “civil examination”, socio-cultural modernization.

Information about the Author

Roman V. Len'kov — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Federal Sociological Research Center of RAS (24/35, Krzhizhanovsky Street, office 5, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: r_lenkov@mail.ru)

Статья поступила 29.06.2018.

Социальное инвестирование как инструмент модернизации демографического развития на Дальнем Востоке

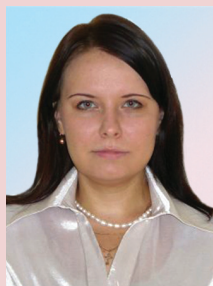
Светлана Николаевна

НАЙДЕН

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153

E-mail: naidensvetlana@mail.ru

Анна Васильевна

БЕЛОУСОВА

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153

E-mail: belousova@ecrin.ru

Аннотация. Опыт отечественных и зарубежных исследований демонстрирует возврат к проблеме рационального распределения общественных финансовых ресурсов как социальных инвестиций в развитие человеческого капитала, характеристика которого в настоящей статье описывается параметрами демографического развития, что соответствует современной традиции рассмотрения взаимосвязи экономической и социальной динамики в экстремальных регионах через призму демографических изменений. В данном контексте особую ценность приобретают перспективные оценки государственных расходов на социальную сферу применительно к Дальнему Востоку, провозглашенному стратегическим приоритетом России в XXI веке. Целью исследования является разработка и апробация инструментария, позволяющего количественно идентифицировать масштаб и структуру государственных расходов на образование, здравоохранение,

Для цитирования: Найден С.Н., Белоусова А.В. Социальное инвестирование как инструмент модернизации демографического развития на Дальнем Востоке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 212-228. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.13

For citation: Naiden S.N., Belousova A.V. Social investment as a tool for modernization of the demographic development in the Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 212-228. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.13

социальную политику, обеспечивающих достижение целевых значений параметров «Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года». При использовании модельных конструкций, построенных на основе динамических данных 2000–2017 гг., получены оценки влияния социальных инвестиций на параметры демографического развития на примере Хабаровского края. В рамках традиционного подхода к количественному анализу регрессионных зависимостей одновременно использованы модели с распределенным лагом, позволяющие учитывать кумулятивные эффекты. Установлено, что сам по себе рост государственных расходов и увеличение социальных инвестиций в экономику Дальнего Востока не приводят к позитивным изменениям демографических индикаторов. Регион продолжает терять население, несмотря на высокие удельные расходы и поддержку социальной сферы. Выявлено, что масштабные государственные расходы в зависимости от периода «отложенного эффекта» имеют разную степень влияния на демографические показатели. Впервые обоснована оптимальная структура распределения социальных инвестиций, способных обеспечить достижение целевых показателей демографического развития в Хабаровском крае, исходя из объективных условий и потенциальных возможностей региона. Полученные выводы адекватно отражают реальную ситуацию и могут быть полезными при оценке эффективности мер государственной демографической и социальной политики. Перспективным направлением дальнейших исследований является адаптация предложенного инструментария и получение интегральных оценок на основе расширенного набора факторов, описывающих систему демографических и социально-экономических процессов на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: демография, социальная сфера, расходы бюджета, социальные инвестиции, Дальний Восток.

Введение

В теории акт расходования бюджетных средств заключается в том, что государство осуществляет рыночный обмен налоговых доходов на соответствующие социальные полезности, которые обеспечивают необходимый вектор социального и экономического прогресса общества [1–5]. При этом расходы производителей социально значимых услуг покрываются доходами от соответствующих бюджетных ассигнований и от индивидуальной платы потребителей (если таковая предусмотрена) [6]. Расходы государства в этом случае, по мнению А.Я. Рубинштейна, рассматриваются «не как безвозмездная помощь мецената, а как социальные инвестиции в человеческий капитал» [7]. Данная позиция согласуется с мнениями других авторов. Так, европейские ученые С. Lennartz, R. Ronald [8], В. Nolan [9] отмечают, что в последнее десятилетие социальное инвестирование вновь рассматривается как неотъемлемая часть политики государств «всеобщего благосостояния». Если до середины 2000-х годов в странах Северо-Западной Европы развитие социальной политики происходило в русле сокращения, дерегулирования и отказа от традиционных форм социальной защиты как функции

государства (Gilbert N. [10], Starke P. [11]), концентрируя внимание на отдельных вопросах содействия занятости, на выплате социальных пособий и поддержке общественных пенсионных систем (Nemerijck A. [12]), то второе десятилетие XXI века ознаменовалось возвратом государств к расширению общественных социальных расходов (Hudson J., Kühner S. [13]). Несмотря на прогнозы исследователей (Pierson P. [14]) о неизбежном копировании европейскими государствами низкокзатратной модели социальной политики США, ограничивающей возможности для социальной поддержки широких слоев населения, в действительности произошла трансформация функций государства от помощи преимущественно неимущим к формированию национальных «стратегий социальных инвестиций» (Taylor-Gooby P., Gummy J.M., Otto A. [15]). Содержание последних означает, что государство направляет бюджетные средства не только на решение текущих задач, например, защиту граждан, попавших в неблагоприятные социальные или экономические ситуации, но и формирует стратегические векторы бюджетных инвестиций в модернизацию человеческого капитала посредством расшире-

ния доступа к социальным благам. Предполагаемый эффект ожидается в виде повышения общенационального образовательного уровня, насыщения рынков труда за счет приобретения гражданами дополнительных профессиональных навыков и решения жилищных проблем, распространения социального стандарта здорового образа жизни и т.д. Одним из главных эффектов реализации стратегий социальных инвестиций исследователи (Esping-Andersen G. [16], Morel N., Parlier B., Palme J. [17], Vandembroucke F., Vleminckx K. [18]) называют выработку механизма, снижающего возможности для возникновения материальных и социальных рисков в обществе и экономике, что остается актуальным и для российской действительности.

Поскольку в отечественной и зарубежной литературе понятие социальных инвестиций трактуется по-разному — и как «форма корпоративной социальной ответственности», и «как вложения финансовых ресурсов в решение социальных проблем с расчетом на получение дохода от вложенных средств» [19], авторы настоящей статьи рассматривают социальное инвестирование исключительно как процесс расходования бюджетных средств на развитие социальных сфер экономической деятельности, обеспечивающих рост человеческого капитала. В качестве индикатора роста человеческого капитала [20] выступают параметры демографического развития, изменение которых демонстрирует потенциал влияния финансовых инструментов на социальную динамику.

Поиск взаимосвязей между финансовыми потоками и социально-демографическими параметрами развития стран и регионов остается перманентной научно-исследовательской задачей. Обычно демографические показатели рассматриваются в составе других индикаторов социально-экономического развития территорий, изменение которых оценивается в зависимости от размеров государственных расходов. Так, L. Sinevičienė [21], исследуя взаимосвязь между расходами стран Европейского союза и экономической динамикой их устойчивого развития (с использованием статистических методов: иерархического и кластерного анализа, описательной статистики, корреляционного и регрессионного анализа), установил, что пози-

тивное влияние на социально-экономическое развитие территорий оказывают государственные расходы, занимающие высокий удельный вес в национальных и региональных бюджетах, в особенности направляемые на социальную помощь и медицинское обслуживание. Возможно, поэтому индикаторы здоровья населения и факторы снижения смертности становятся предметом пристального внимания ученых. Группой исследователей (Budhdeo S., Watkins J. Atun R., Williams C., Zeltner T., Maruthappu M. [22]), оценившей связь между расходами стран Европейского союза на здравоохранение¹ и изменениями показателей смертности² на основе многовариантного регрессионного анализа, показано, что сокращение расходов государства на здравоохранение оказывает прямое воздействие на рост смертности населения, увеличивая размер негативного эффекта с течением времени в большей степени для взрослой части населения. Еще раньше J. Nixon и P. Ulmann [23], на базе панельных данных, с помощью эконометрического анализа с использованием модели с фиксированными эффектами продемонстрировали, что увеличение расходов на здравоохранение оказывает максимальный эффект на снижение младенческой смертности, но практически не влияет на изменение ожидаемой продолжительности жизни. Это сказывается на возрастной структуре населения и возможностях роста человеческого капитала, что актуально для стран и Старого, и Нового Света. Учитывая демографические сдвиги в структуре населения и растущую потребность в социальной поддержке старших поколений, исследователи из Чикагского университета (Shoven J.B., Torper M., Wise D.A. [24]) оценили, что на реализацию социальных программ в США требуется около 40% расходов консолидированного бюджета страны. Для стран с высокой рождаемостью и преобладанием молодых поколений актуальным становится учет влияния не толь-

¹ Расходы на здравоохранение учитываются в 3-х вариантах: как доля общих государственных расходов, как доля валового внутреннего продукта и как расходы, измеренные по паритету покупательной способности на душу населения.

² Рассматриваются 5 типов смертности: неонатальная, постнеонатальная, летальная у детей в возрасте до пяти лет, среди взрослых мужчин, среди взрослых женщин.

ко государственных расходов на здравоохранение, но и расходов на образование, культуру, социальную инфраструктуру и т.д. Исследователи из Индии (Pranab Kumar Das и Saibal Kar [25]), второй по численности населения страны в мире, оценивают роль фискальной политики государства как общественно необходимое вмешательство в процессы перераспределения финансов на фоне прогрессирующего роста численности населения, концентрируя свое внимание на моделях эндогенного роста. Они выделяют два различных эффекта социальных инвестиций: увеличение расходов на здравоохранение оказывает положительное влияние на качество трудоспособного населения и способствует росту производительности труда, а более высокие ассигнования на образование и профессиональную подготовку отвлекают работников от рынка труда в стране с высоким спросом на неквалифицированный труд и возможностями трудоустройства в неформальном секторе. Вышеперечисленные выводы дополняются результатами исследований российских ученых, связывающих экономические и финансовые показатели с социальными и демографическими результатами развития страны и регионов [26–29].

Академик А.Г. Аганбегян отмечает, что сокращение бюджетных расходов на образование и здравоохранение, сужение каналов социальной помощи вкупе с общей экономической нестабильностью провоцируют увеличение смертности и стимулируют население на отказ от рождения детей [30, 31]. Несмотря на реализацию национальных проектов и значительные социальные инвестиции, Россия пока далека от достижения целей демографической стратегии развития³.

Таким образом, получение достоверных оценок эффектов государственной бюджетной политики, направленной на рост численности населения, остается весьма актуальной задачей как в теории, так и с точки зрения практики.

Идентификация и количественный анализ изменений пространственно-отраслевых показателей, индуцированных государственными усилиями посредством финансовых потоков,

³ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 09.10.2007 №1351.

позволяют, сопоставляя цели и результаты, судить о действенности принимаемых мер, определяя в случае необходимости возможные направления их корректировки. Для Дальнего Востока⁴ России как макрорегиона, являющегося в настоящее время объектом пристального внимания правительства страны, распределение социальных инвестиций имеет особое значение.

Стратегическим приоритетом государственной региональной политики на Дальнем Востоке выступает опережающее развитие и создание комфортных условий для жизни и деятельности населения в макрорегионе, отличающемся спецификой географического положения и геополитическим значением для страны⁵. Решение поставленных амбициозных задач по ускоренному развитию территории сталкивается с ограничениями, которые сдерживают темпы достижения экзогенно заданных параметров социально-экономического развития [32–34]. К числу наиболее значимых ограничений относятся демографические параметры, по которым Дальний Восток на протяжении более двух десятилетий устойчиво занимает первое место среди регионов-аутсайдеров⁶. На площади, составляющей 36% всей территории России, проживает 4,2% численности населения страны, 3/4 которого сконцентрировано в южной зоне вдоль Транссибирской магистрали. Значение коэффициента рождаемости (1,858) не обеспечивает воспроизводство местного населения, а «отношение умерших к числу родившихся превышает общероссийский показатель в 2,1 раза, что свидетельствует о неблагоприятном демографическом развитии региона на фоне российских показателей» [35, с. 39].

⁴ Дальний Восток России здесь и далее рассматривается в границах ДФО, в состав которого входят 9 субъектов Федерации (Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ).

⁵ Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 №308 (ред. от 30.03.2017).

⁶ Демографический ежегодник России / Росстат. 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (дата обращения: 16.08.2018).

Отрицательная динамика естественного движения усугубляется масштабным оттоком населения с территории макрорегиона, который за 1990–2017 гг. утратил почти четверть своих жителей, включая значительную часть высокопрофессиональных трудовых ресурсов вместе с подрастающим поколением потенциальных дальневосточников. Среди основных факторов, мотивирующих население на отъезд, неизменными остаются высокая стоимость жизни и низкий размер оплаты труда, наряду с неудовлетворенностью качеством и доступностью услуг социальной сферы [36]. В то же время именно потребление социальных благ способствует расширенному воспроизводству человеческого капитала, а их доступность обеспечивает необходимый уровень социальной защищенности [37] и социальной мобильности, что, по мнению ряда авторов (Хикки [38], Барриентоса [39], Бенабо [40]), согласуется с принципами справедливости и является неотъемлемым атрибутом социального государства или государства всеобщего благосостояния.

Многолетние попытки России остановить стремительное сокращение численности жителей Дальнего Востока в значительной степени связаны с применением традиционных способов решения проблемы, к числу которых, наряду с институционально-организационными методами относятся и финансовые, а именно

расходы государственного бюджета на развитие социальной сферы региональной экономики (образование, культуру, кинематографию, здравоохранение, социальную политику, физическую культуру и спорт, средства массовой информации) или социальные инвестиции. Бесспорно, что для перелома негативных тенденций и выхода на устойчивую траекторию положительной динамики естественного и миграционного движения необходима, например, высококачественная, эффективно функционирующая социальная инфраструктура [41] и соответствующий персонал, обеспечивающие условия для демовоспроизводственных и миграционно-привлекательных процессов, что требует значительных финансовых ресурсов.

В течение достаточно длительного периода в рамках институциональных преобразований, происходивших в экономике страны в целом и макрорегиона в частности, шло целенаправленное насыщение социальными инвестициями⁷ из бюджетов, что должно было способствовать стремительной модернизации социальной сферы и переходу ее на инновационные рельсы развития. За 2000–2017 гг. удельный вес расходов на эти цели из совокупных расходов всех консолидированных бюджетов субъектов Дальнего Востока вырос с 40,5% в 2000 г. до 55,6% в 2017 г., номинально увеличившись в 16 раз (с 27,8 до 442,9 млрд. руб. соответственно) (табл. 1).

Таблица 1. Удельный вес социальных инвестиций в структуре консолидированных бюджетов и ВРП субъектов ДФО, %

Регион	Консолидированный бюджет			ВРП		
	2000	2010	2017	2000	2010	2016*
РФ	39,0	54,9	59,7	7,0	9,7	8,7
ДФО	40,5	50,1	55,6	9,0	11,3	11,3
Республика Саха (Якутия)	42,1	55,7	55,8	12,5	14,6	13,2
Камчатский край	42,4	48,1	51,6	10,6	19,9	18,9
Приморский край	40,2	37,9	59,3	6,7	8,4	8,9
Хабаровский край	37,6	61,0	63,6	6,8	12,3	10,8
Амурская область	44,7	59,2	59,3	8,5	15,2	11,7
Магаданская область	35,2	50,5	50,8	10,3	16,9	12,8
Сахалинская область	40,8	46,9	50,7	7,0	6,1	9,0
Еврейская авт. область	52,9	56,3	65,4	13,7	16,4	16,2
Чукотский авт. округ	29,9	35,2	36,4	15,5	15,4	15,6

* Данные за 2017 год отсутствуют.
 Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. 2000–2017 / Росстат. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 20.07.2018); Отчеты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2017 г. // Официальный сайт Федерального казначейства РФ. URL: <http://www.roskazna.ru/> (дата обращения: 24.09.2018).

⁷ В соответствии с бюджетным законодательством и методологией Росстата расходы учитываются по статье «социально-культурные мероприятия».

Показатели в субъектах ДФО в 2017 г. варьируются от 36,4% в Чукотском автономном округе до 65,4% в Еврейской автономной области, что является следствием неоднородности структуры соответствующих консолидированных бюджетов и зависит от наполняемости бюджетов, а также структурных приоритетов. Не менее разнообразны соотношения социальных инвестиций с региональным валовым продуктом. Так, лидером по данному показателю выступает Камчатский край (18,9% от ВРП), а аутсайдерами – Сахалинская область (9,0%) и Приморский край (8,9%). Но если в первом случае это связано с высокими затратами на производство и предоставление социальных благ, то во втором – с наличием высокодоходных отраслей экономики. Тем не менее практически все территории Дальнего Востока более 50% своих расходов направляют на поддержание социального сектора экономики (за исключением Чукотского автономного округа и в отдельные периоды Сахалинской области, где преобладают расходы на национальную экономику). Если в дополнение учесть расходы на ЖКХ, то 2/3 всех расходов из консолидированных бюджетов имели и продолжают иметь социальную направленность.

С учетом ценовой инфляции, а также территориальных различий по потенциалу и масштабам региональных экономик интерес представляет сравнение не номинальных, а реальных расходов консолидированных бюджетов макрорегиона на социальные цели в расчете на душу населения. Сопоставление полученных оценок показывает, что только по данным за 2017 год в шестерку лидеров по реальным (в ценах 2000 года) социальным расходам на душу населения входят Чукотский автономный округ (45,8 тыс. руб. на человека в год), Ямало-Ненецкий АО (36,0), Республика Саха (Якутия) (37,5), Сахалинская область (27,1), Камчатский край (23,4), Магаданская область (23,3). Для сравнения: в среднем по России социальные расходы из консолидированных бюджетов территорий в 2017 году составили в ценах 2000 года всего 8,7 тыс. руб. на душу населения. То есть 5 из 9 регионов Дальнего Востока, расположенных в северо-восточной части макрорегиона, производят самые высокие удельные социальные вложения и сохраняют эти позиции практически на

протяжении всего анализируемого периода, что связано с действием объективных удорожающих факторов в районах Севера и приравненных к ним местностях и в то же время является следствием пространственных особенностей распределения малочисленного населения по многочисленным населенным пунктам, многие из которых расположены в удаленных и труднодоступных местностях. Последнее вынуждает регионы сохранять разветвленную и многочисленную по масштабам социальную инфраструктуру. Среди регионов южной зоны Дальнего Востока только Хабаровский край по удельным расходам на социальную сферу в расчете на душу населения на 10% опережает среднероссийский показатель. Реальные расходы бюджетов Приморского края и Амурской области достигают всего 90% от среднего по России, а у традиционного аутсайдера – Еврейской автономной области – только 88%. Причиной такого отставания, помимо стандартных проблем с наполнением бюджетов, является отсутствие местной инициативы и пассивная позиция властей этих субъектов Федерации по поиску возможностей для привлечения средств на поддержку и модернизацию социально значимых отраслей региональной экономики.

В целом за 18 лет (2000–2017 гг.) из консолидированных бюджетов субъектов ДФО было инвестировано в социальную сферу почти 4 трлн. руб. Несмотря на это, движение населения макрорегиона, как уже было показано выше, имеет отрицательный тренд. В сложившейся ситуации возникает закономерный вопрос: оказывают ли социальные инвестиции (расходы бюджетов) влияние на демографические процессы в условиях Дальнего Востока?

Как очередной этап изменения сложившейся ситуации и формирования ресурсов, обеспечивающих генерацию импульсов ускоренного развития экономики федерального округа, в 2017 г. Правительством РФ утверждена «Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» (далее – Концепция⁸).

⁸ Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 20 июня 2017 г. № 1298-р.

Данный документ представляет собой описание государственных инициатив, направленных на стабилизацию и увеличение численности народонаселения, с количественной оценкой их результатов в разрезе отдельных показателей для каждого из субъектов РФ, входящих в состав ДФО. В частности, в Хабаровском крае к 2025 году ожидается: увеличение численности населения до 1464 тыс. чел., рост суммарного коэффициента рождаемости до 2,05, снижение смертности от всех причин до 10,2 случая на 1 тыс. человек и ожидаемая продолжительность жизни 76,3 года (табл. 2).

При этом, несмотря на алгоритмический характер изложения, в Концепции отсутствуют численные измерения факторов положительной демографической динамики в макрорегионе. Так, к примеру, отсутствуют параметры финансового обеспечения, а содержатся лишь обтекаемые формулировки об источниках финансирования (от государственного бюджета до благотворительных и внебюджетных фондов). Остается неизвестным объем государственных расходов (расходов регионального консолидированного бюджета), необходимый для достижения целевых показателей, хотя именно расходы бюджета на социальную сферу рассматриваются в качестве основного «регулятора» демографического развития Дальневосточного макрорегиона.

Поскольку предварительные результаты показывают, что демографический тренд (включая и естественные, и механические составляющие) слабо чувствителен к росту бюджетных расходов на социальную сферу, возникает задача поиска статистически значимых модельных конструкций в приложении к экономике

конкретного региона, в том числе построенных с учетом «отложенных во времени» эффектов влияния.

Трудности количественного анализа промежуточного звена – факторов демографической динамики – в транзитивной связи государственных намерений с результатами их реализации связываются, главным образом, с отсутствием инструментария, позволяющего достоверно формализовать предмет исследования (влияние отдельных факторов на региональную демографическую динамику) и получить оценки его составляющих в перспективе. В данном случае «достоверность формализации» предполагает учет основных особенностей формирования и течения исследуемых параметров и процессов соответственно, что, в свою очередь, обеспечивает минимизацию степени энтропии прогнозных оценок.

Методические аспекты исследования и исходные данные. Ход исследовательского процесса, определяющего взаимосвязь между размерами государственного финансирования и параметрами региональной демографической динамики, представляется в виде следующих шагов:

- 1) выявляются особенности зависимостей между параметрами демографического развития региона и расходами консолидированного бюджета последнего на социальную сферу;
- 2) фиксируются спецификации вышеуказанных зависимостей с использованием методов экономико-математического анализа;
- 3) проводится оценка построенных конструкций;
- 4) оцениваются объем и структура государственных расходов, необходимых для достижения целевых значений параметров демографического развития региона до 2025 г.

Таблица 2. Планируемые значения индикаторов демографического развития Хабаровского края до 2025 года

Индикатор	2017	2018	2019	2020	2025
Численность населения (тысяч человек)	1335	1340	1350	1365	1464
Суммарный коэффициент рождаемости (количество детей, рожденных женщиной репродуктивного возраста – 15–49 лет)	1,80	1,85	1,87	1,90	2,05
Смертность от всех причин (случаев на 1 тыс. человек населения)	12,7	12,3	11,9	11,5	10,2
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	69,3	70,2	71,2	72,2	76,3
Источник: составлено по: Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 20 июня 2017 г. № 1298-р.					

Исходя из постановки решаемой исследовательской задачи вышеуказанный алгоритм может быть применен в отношении территории, операции по образованию и расходованию денежных средств которой являются структурным элементом бюджетной системы РФ. Иными словами, в качестве региона может рассматриваться любая единица административно-территориального деления РФ или же их совокупность.

В рамках настоящей статьи все расчетные действия проводятся на примере Хабаровского края. Выбор данного субъекта РФ объясняется наличием у него географических, экономических, социальных, включая демографические, характеристик, типичных для всей совокупности дальневосточных субъектов РФ [42]. Соответствующее обстоятельство позволяет рассматривать край в качестве модельного региона.

Массив параметров демографического развития включает 4 элемента: численность населения, рождаемость, смертность, продолжительность жизни.

Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ на социальную сферу в расчетных операциях скорректированы с учетом численности населения и представлены в виде 4-х показателей (одного суммарного и 3-х его составляющих): расходы на социально-культурные мероприятия, здравоохранение, образование и социальную политику в расчете на душу населения.

Период исследования составляет 26 лет и делится на 2 отрезка: 2000–2017 гг. – «база», используемая для выявления, формализации и количественного анализа исследуемых зависимостей; 2018–2025 гг. – «перспектива» – временной диапазон, для точек которого, равноудаленных на 1 год, прогнозируются значения результативных признаков ранее выявленных зависимостей.

С целью обеспечения сопоставимости данных на исследуемом временном диапазоне все стоимостные показатели переведены в цены единого года (2000 г.).

Информационной базой исследования послужили официальные материалы Федерального казначейства⁹, Федеральной службы государственной статистики¹⁰ и набор целевых индикаторов из Концепции¹¹.

Первые два из указанных выше шагов, определяющих ход исследовательского процесса, являются «универсальными» с точки зрения «объектов приложения». Иными словами, их реализация не зависит от масштабов, административного статуса и других характеристик региона, являющегося объектом исследования.

Шаг 1. Так, очевидно, что каждый из параметров жизни людей на любой территории, как минимум, представляется функциональной зависимостью от двух компонент: формируемой под действием внешней среды (в том числе мер государственной политики) и формируемой под действием внутренних (субъективных) мотиваций (стремлений, убеждений и т.д.) и личностных характеристик (группы здоровья, наследственности и т.д.). Как следствие, для обеспечения минимизации степени энтропии получаемых результатов спецификации зависимостей между параметрами демографического развития региона и расходами консолидированного бюджета последнего должны предполагать учет действия и прочих факторов, помимо указанных компонент (*первая особенность зависимостей между параметрами демографического развития региона и расходами консолидированного бюджета последнего на социальную сферу*).

Поскольку цели расходования средств консолидированного бюджета региона на социальную сферу имеют долгосрочный характер (расходы, осуществленные в текущем году, будут влиять на демографические показатели в течение некоторого временного интервала), то следующим условием успешной реализации шага 1 является учет временных лагов и кумулятивных эффектов влияния соответствующих социальных инвестиций на демографические параметры. Иными словами, искомые спецификации зависимостей между исследуемыми показате-

⁹ <http://roskazna.ru/>

¹⁰ <http://www.gks.ru>

¹¹ Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 20 июня 2017 г. № 1298-р.

лями должны предполагать присутствие значений независимой переменной за несколько последовательных моментов времени (*вторая особенность зависимостей между параметрами демографического развития региона и расходами консолидированного бюджета последнего на социальную сферу*).

Шаг 2. Фиксация отмеченных выше условий формализации демографической динамики (шаг 2) возможна с применением методов эконометрического моделирования. Используемые при этом модели относятся к типу динамических, а именно к моделям с распределенным лагом. Общая спецификация последних представлена в (1):

$$y_t = a + b_0x_t + b_1x_{t-1} + b_2x_{t-2} + b_3x_{t-3} + \dots \quad (1)$$

где y — параметры демографического развития субъекта РФ;

x — расходы консолидированного бюджета субъекта РФ;

t — время.

Интерпретация экономического смысла коэффициента a связывается с оценкой влияния всех отличных от присутствующих в модели экзогенных переменных на результирующий признак. Соответствующая трактовка в рамках настоящей статьи позволяет учесть первую особенность зависимостей между параметрами демографического развития субъекта РФ и расходами его консолидированного бюджета на социальную сферу.

Присутствие в модели бесконечного лага ($t \rightarrow \infty$) означает, во-первых, наличие возможностей выявления и оценки тенденций и кумулятивных эффектов влияния государственных расходов на региональную демографическую динамику (вторая особенность зависимостей); во-вторых, повышает объективность исследования, позволяя, не вводя экспертных предположений относительно временного «горизонта» действенности мер государственной политики, выявить последний.

Значение коэффициента b_i трактуется как изменение среднего значения параметра демографического развития края при единичном изменении объема государственных расходов

на социальную сферу в i -ый момент времени. Стремление значений коэффициента к нулю определяет временной «горизонт» влияния государственных расходов на демографическую динамику региона.

Количественный анализ коэффициентов a и b_i проводится на основе ретроспективных данных о динамике государственных расходов и демографических показателей за период 2000–2017 гг.

Оценки масштабов влияния бюджетных расходов на демографические показатели определяются посредством формулы (2). Верхний индекс t задается длиной исследуемого временного интервала.

$$k_i = \frac{b_i}{\sum_0^t b_i} \quad (2)$$

Суммирование b_i и k_i за последовательные моменты времени позволяет получить представление о кумулятивных эффектах влияния государственных расходов на демографическую динамику региона.

Шаг 3. Одновременное присутствие в модели (1) значений одной и той же переменной, представленных относительно равноудаленных моментов времени, обуславливает проблему мультиколлинеарности. Данное обстоятельство приводит к невозможности оценки коэффициентов модели традиционно — с использованием метода наименьших квадратов — без предварительного проведения специальных преобразований. Одним из последних является преобразование Койка, основанное на методе геометрической прогрессии [43].

Вводится предположение об убывании степени взаимосвязи между демографической динамикой региона и государственными расходами на социальную сферу по мере увеличения давности осуществления последних (3):

$$b_i = b_0\lambda^i, \quad i = 0.. \infty, \quad 0 < \lambda < 1. \quad (3)$$

Подставляя значения b_i в (1), получаем модель следующего вида (4):

$$y_t = a + b_0x_t + b_0\lambda x_{t-1} + b_0\lambda^2 x_{t-2} + b_0\lambda^3 x_{t-3} + \dots \quad (4)$$

Почленное вычитание из (4) аналогичной зависимости, построенной для предыдущего момента времени и умноженной на параметр λ , приводит к получению модели авторегрессии (4):

$$y_t = a(1 - \lambda) + b_0x_t + \lambda y_{t-1}. \quad (5)$$

Коэффициенты уравнения (5) оцениваются на основе обобщенного метода наименьших квадратов с использованием специализированного программного обеспечения для ПЭВМ – эконометрического пакета Eviews 5.0. Полученные оценки позволяют путем организации обратного хода проведенных преобразований найти численные выражения для коэффициентов модели (1): подстановка b_0 и λ в (3) обеспечивает возможности расчета b_i ; коэффициент a рассчитывается из выражения $a(1 - \lambda)$, присутствующего в (5), при условии известности значения λ , после чего направляется напрямую из (5) в (1).

Шаг 4. Количественная идентификация объемов и структуры государственных расходов, обеспечивающих достижение целевых значений параметров демографического развития региона до 2025 г. (шаг 4), осуществляется путем организации итеративного процесса рекурсивного счета (6).

$$x_t = \frac{y_t - (a + b_1x_{t-1} + b_2x_{t-2} + b_3x_{t-3} + \dots)}{b_0}. \quad (6)$$

В данном случае y_t – перспективные значения демографических параметров Хабаровского края, указанные в Концепции для периода 2018–2025 гг., а x_{t-1} , x_{t-2} , x_{t-3} и т.д. – объемы государственных расходов, направленные в социальную сферу региона в 2000–2024 гг. При этом значения x_t при $t=2018\dots2025$ рассчитываются последовательно: результативный признак в зависимости (6), построенной для момента времени t , становится факторной переменной при «переходе» к моменту времени $t+1$.

Таблица 3. Оценка влияния социальных инвестиций на параметры демографического развития Хабаровского края

№	x	a	b_0	b_1	b_2	b_3	b_4	b_5	b_6	b_7
<i>Численность населения</i>										
1	A	1482894,3	-5,472	-3,326	-2,021	-1,228	-0,747	-0,454	-0,276	-0,168
2	B	1489849,2	-14,922	-8,453	-4,789	-2,713	-1,537	-0,870	-0,493	-0,279
3	C	1293979,9	1,951	1,684	1,452	1,253	1,081	0,932	0,804	0,694
4	D	1457355,8	-22,662	-10,267	-4,651	-2,107	-0,955	-0,432	-0,196	-0,089
<i>Рождаемость</i>										
5	A	13478,2	0,206	0,113	0,062	0,034	0,019	0,010	0,006	0,003
6	B	12833,4	0,566	0,306	0,166	0,090	0,048	0,026	0,014	0,008
7	C	11024,9	0,558	0,459	0,378	0,311	0,256	0,210	0,173	0,142
8	D	13806,4	1,006	0,398	0,158	0,062	0,025	0,010	0,004	0,002
<i>Смертность</i>										
9	A	28413,3	-0,336	-0,231	-0,159	-0,109	-0,075	-0,052	-0,035	-0,024
10	B	25831,4	-0,598	-0,411	-0,282	-0,194	-0,133	-0,091	-0,063	-0,043
11	C	27398,9	-0,682	-0,581	-0,495	-0,422	-0,359	-0,306	-0,261	-0,222
12	D	24060,7	-0,868	-0,563	-0,365	-0,237	-0,154	-0,100	-0,065	-0,042
<i>Продолжительность жизни</i>										
13	A	54,4	0,0003	0,0002	0,0002	0,0002	0,0001	0,0001	0,0001	0,0001
14	B	54,6	0,0007	0,0006	0,0005	0,0004	0,0003	0,0002	0,0002	0,0002
15	C	53,2	0,0008	0,0008	0,0008	0,0007	0,0007	0,0007	0,0007	0,0007
16	D	58,2	0,0011	0,0008	0,0006	0,0005	0,0003	0,0003	0,0002	0,0001
Примечание: А – расходы консолидированного бюджета региона на социально-культурные мероприятия; В – расходы на образование; С – расходы на здравоохранение; D – расходы на социальную политику. Рассчитано А.В. Белоусовой.										

Максимальная длина лага при влиянии бюджетных средств на каждый параметр демографического развития края определяется исходя из величин коэффициентов b_i в модели (1) и принятого в исследовании критерия значимости последних.

Результаты исследования и обсуждение.

Количественный анализ коэффициентов в моделях типа (1), построенных для отдельных параметров демографического развития Хабаровского края, позволил получить следующие результаты (табл. 3).

Отметим, что остановка итеративного процесса расчета коэффициентов на одном и том же шаге (восьмом: оценка значений коэффициентов b_0-b_7) для всех параметров демографического развития и направлений государственных расходов обуславливается исключительно стремлением авторов к работе с единым временным «горизонтом». Данное обстоятельство является причиной для искусственного введения последнего (заданное количество коэффициентов модели (1) соответствует периоду реализации Концепции, включая текущий год – 2018–2025 гг.).

Между тем, в случае трактовки значений коэффициентов $b_i, i=0..7$ стремящихся к нулю, к примеру, при выполнении неравенства $0,1 > |b_i|$ (возможно рассмотрение и других условий, что определяется целями исследования, масштабами последнего и т.д.) обнаруживаются, как видно из таблицы 3, иные границы эффектов, генерируемых государственными расходами для демографической динамики Хабаровского края. Так, например, расходы бюджета на реализацию социальной политики (строка 4) оказывают влияние на динамику численности населения региона в течение 7 лет (коэффициент b_7 по модулю меньше 0,1); (строка 8) на изменение рождаемости – 3 года (b_3 меньше 0,1), (строка 12) на динамику смертности – 6 лет (b_6 по модулю меньше 0,1). Наряду с этим выявляется отсутствие влияния средств консолидированного бюджета региона (строка 16) на продолжительность жизни населения (абсолютные значения коэффициентов b_0-b_7 не превосходят 0,1), что вполне объяснимо, так как формирование этого параметра демографического процесса зависит от огромного числа факторов (включая, например, на-

следственность), действующих на протяжении длительного периода жизни человека.

Таким образом, ограничение бесконечности лага при оценке коэффициентов модели (1) может осуществляться как экспертно (к примеру, случай, рассмотренный выше: экзогенное установление границ периода влияния независимых переменных на результат), так и на основе введения дополнительных условий исходя из экономического смысла и размерности участвующих в исследовании показателей.

Данные таблицы 3 показывают, что совокупные государственные расходы на социальную сферу (строки 5, 9, 13) оказывают позитивное влияние на определенные параметры демографического развития Хабаровского края: способствуют увеличению рождаемости и продолжительности жизни населения, приводят к снижению смертности. Так, увеличение соответствующих расходов регионального бюджета на 1 тыс. руб. в расчете на каждого жителя края в текущем году ведет к увеличению рождаемости на 206 человек в целом по краю (строка 5, коэффициент b_0) и к снижению смертности на 336 человек (строка 9, коэффициент b_0). Через год эффект от вложенных средств снижается и уже составляет по рождаемости + 113 человек, а по смертности – 231 человек.

Обратная ситуация складывается в отношении численности населения: рост объема бюджетных средств, направленных на социальную сферу в целом (строка 1), образование (строка 2) и социальную политику (строка 4), в частности, приводит к уменьшению численности населения края. Так, каждый рубль регионального бюджета на душу населения, израсходованный на социальную сферу в текущем году, ведет к сокращению численности населения примерно на 5 человек ($b_0 = -5,472$). При сохранении соответствующих вложений в течение всех 8 лет, край может потерять до 14 человек на каждый рубль бюджетных расходов (сумма коэффициентов b_0-b_7 : -5,472; -3,326; -2,021; -1,228; -0,747; -0,454; -0,276; -0,168). Полученные оценки позволяют выдвинуть предположение, что отрицательное влияние совокупных социальных расходов на численность населения при положительном влиянии на естественные параметры воспроизводства связано скорее всего с механическими факторами, а именно –

миграцией населения, которая в данном исследовании отдельно не выделяется.

В целом государственные расходы на образование и социальную политику так же не в состоянии преодолеть в рассматриваемом периоде отрицательную динамику численности населения, которая формируется под воздействием значительно более широкого круга показателей, чем объем и динамика государственных расходов на эти цели. Каждая тысяча рублей бюджетных средств, израсходованная на указанные цели в среднестатистическом измерении, приводит в действие процесс сокращения численности жителей края в первый год на 14 922 человек (строка 2), на второй – 8453 и т.д. В данном случае это объясняется, например, молодежной миграцией, когда получение аттестата или диплома о среднем профессиональном образовании мотивирует выпускников или новоиспеченных специалистов на поиск себя и своего места за пределами края. Обратная реакция параметров численности населения на рост финансовой поддержки в рамках социальной политики также не является уникальной. Среди дальневосточников, покидающих край, значительную долю занимают лица старше трудоспособного возраста, которые являются получателями широкого спектра услуг социаль-

ной помощи. В то же время рост социальных расходов на фоне убыли населения края, возможно, демонстрирует слабую адресность конкретных статей бюджета, неконкретность проводимых мероприятий либо расхождение между набором социальных благ, предлагаемым со стороны региональной власти, и насущными потребностями жителей края.

Наиболее адекватные оценки получены по расходам на здравоохранение (строки 3). Однако степень чувствительности демографических параметров к ним оказывается менее интенсивной. Так, применение формулы (2) к данным таблицы 3 позволяет продемонстрировать (табл. 4), что в случае численности населения, рождаемости и смертности реализация более 50% эффекта, генерируемого расходами консолидированного бюджета края на всю социальную сферу и образование, происходит в течение первых 2-х лет, включая год выделения средств.

Направление же государственных средств на развитие здравоохранения раздвигает рамки влияния уже до 3-х лет. В случае социальной политики эффект от влияния расходов на изменение численности населения и рождаемости проявляется в году выделения финансирования и реализуется на 55 и 60% соответственно.

Таблица 4. Масштабы влияния социальных инвестиций на параметры демографического развития Хабаровского края

№	х	b_0	b_1	b_2	b_3	b_4	b_5	b_6	b_7
<i>Численность населения</i>									
1	A	0,40	0,24	0,15	0,09	0,05	0,03	0,02	0,01
2	B	0,44	0,25	0,14	0,08	0,05	0,03	0,01	0,01
3	C	0,20	0,17	0,15	0,13	0,11	0,09	0,08	0,07
4	D	0,55	0,25	0,11	0,05	0,02	0,01	0,00	0,00
<i>Рождаемость</i>									
5	A	0,45	0,25	0,14	0,08	0,04	0,02	0,01	0,01
6	B	0,46	0,25	0,14	0,07	0,04	0,02	0,01	0,01
7	C	0,22	0,18	0,15	0,13	0,10	0,08	0,07	0,06
8	D	0,60	0,24	0,09	0,04	0,02	0,01	0,00	0,00
<i>Смертность</i>									
9	A	0,33	0,23	0,16	0,11	0,07	0,05	0,03	0,02
10	B	0,33	0,23	0,16	0,11	0,07	0,05	0,03	0,02
11	C	0,20	0,17	0,15	0,13	0,11	0,09	0,08	0,07
12	D	0,36	0,24	0,15	0,10	0,06	0,04	0,03	0,02
Примечание: А – расходы консолидированного бюджета региона на социально-культурные мероприятия; В – расходы на образование; С – расходы на здравоохранение; D – расходы на социальную политику. Из результирующих признаков исключена «продолжительность жизни», на которую социальные инвестиции не оказывают прямого влияния. Рассчитано А.В. Белоусовой.									

Целевые значения параметров демографического развития Хабаровского края, представленные в Концепции демографического развития Дальнего Востока на период до 2025 года, позволяют с использованием данных таблицы 2 и формулы (6) количественно оценить объемы государственных расходов, необходимых для реализации программного документа (табл. 5).

На основе данных таблицы 5 можно сравнить различные варианты будущих расходов и выбрать наиболее выгодный для регионального бюджета. Так, для снижения смертности населения Хабаровского края к 2025 г. на 29,8% по сравнению с 2018 г. (как запланировано в Концепции) наиболее эффективным вариантом является финансирование здравоохранения (строка 11), подушевые расходы на которое в течение 8 лет будут самыми минимальными,

в пределах 4000–4600 руб. в год (в ценах 2000 года.). В случае рождаемости наиболее выгодным вариантом становятся расходы на социальную политику (строка 8).

Исходя из представленных оценок оптимальная (менее затратная) структура социальных инвестиций для Хабаровского края, способная обеспечить достижение целевых параметров Концепции демографического развития Дальнего Востока на период до 2025 года, имеет следующий вид (табл. 6).

Таким образом, полученные оценки позволяют смоделировать оптимальную структуру распределения социальных инвестиций, способных обеспечить достижение целевых показателей демографического развития в Хабаровском крае исходя из объективных условий и потенциальных возможностей региона.

Таблица 5. Расчетный объем социальных инвестиций для достижения целевых параметров демографического развития Хабаровского края (в ценах 2000 г.), руб. на душу населения

№	х	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
<i>Численность населения</i>									
3	С	16391,1	4534,9	4546,4	18615,3	12564,8	15452,9	27660,0	25177,3
<i>Рождаемость</i>									
5	А	103557,2	165398,6	138117,7	160090,0	155114,6	165003,5	166814,2	173135,4
6	В	76694,0	39258,0	40643,7	53376,4	48661,1	50090,0	53324,0	53815,4
7	С	98491,1	20904,7	21182,6	76014,9	33341,2	33988,1	64988,3	41751,6
8	Д	79903,6	18264,4	19695,1	62792,7	28990,4	30278,5	54750,7	36449,1
<i>Смертность</i>									
9	А	14407,0	14407,0	14390,1	14647,5	16691,7	15591,6	15750,2	15979,6
10	В	6732,5	5574,7	7072,6	3952,0	5980,0	4103,6	7278,1	5284,0
11	С	4604,8	4125,1	4360,2	4289,5	4083,4	4552,5	4457,6	4539,8
12	Д	7273,3	4099,4	3923,6	5523,6	4722,8	4744,0	5253,9	5113,0
Примечание: А – расходы консолидированного бюджета региона на социально-культурные мероприятия; В – расходы на образование; С – расходы на здравоохранение; Д – расходы на социальную политику. Рассчитано А.В. Белоусовой.									

Таблица 6. Структура распределения расходов на здравоохранение и социальную политику для достижения целевых параметров демографического развития Хабаровского края, %

№	х	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
<i>Численность населения</i>									
3	С	16,2	16,8	15,9	21,7	27,5	30,7	31,8	38,1
<i>Рождаемость</i>									
8	Д	79,2	67,8	68,9	73,3	63,5	60,2	63,0	55,1
<i>Смертность</i>									
11	С	4,6	15,3	15,2	5,0	8,9	9,1	5,1	6,8
Примечание: С – расходы консолидированного бюджета региона на здравоохранение; Д – расходы на социальную политику. Рассчитано: А.В. Белоусовой.									

Основной объем социальных инвестиций, предусмотренных для здравоохранения и социальной политики, распределяется следующим образом: 79,2% социальных расходов направляется на социальную политику, остальное – в здравоохранение, причем большая часть (16,2%) – на увеличение численности населения, а меньшая (4,6%) – на снижение смертности. К 2025 году основные позиции останутся без изменений: лидерство сохраняют социальная политика и поддержка рождаемости (55,1%), уступив в сумме 24 процентных пункта здравоохранению (44,9%).

Заключение

Современные исследования в области экономической теории, теории общественных финансов, экономики социальной сферы и социальной политики демонстрируют возврат к обсуждению проблем обеспечения социальной справедливости, социальной защиты, в том числе за счет расширения масштабов финансовой поддержки со стороны государства. Речь идет не просто об акте безвозмездного вспоможения, а о планомерном и целенаправленном процессе формирования государственной бюджетной политики как социального инвестирования в развитие человеческого капитала.

Пристальное внимание государства к Дальневосточному макрорегиону, обусловленное экономической стратегией развития тихоокеанских рубежей, предъявляющей спрос на демографические ресурсы для опережающего социально-экономического развития, закреплено в новой Концепции демографической политики, утверждённой Правительством РФ в 2017 г.

Анализ демографических и экономических процессов показал, что рост государственных расходов и увеличение социальных инвестиций в экономику Дальнего Востока не оказывают адекватного влияния на позитивное изменение демографических индикаторов. Регион продолжает терять населения, несмотря на высокие удельные расходы и поддержку социальной сферы. Причиной такого положения является то, что демографическая динамика, особенно в части миграции населения, определяется не только, а в случае экстремальных регионов не

столько развитием социальной сферы, на что в основном направлены социальные инвестиции, сколько большим количеством прочих факторов, среди которых особенности рынка труда, специфика половозрастного состава населения, величина альтернативных доходов и расходов населения, качественный уровень коммунальной и транспортной инфраструктуры и т.п.

Авторами была сформулирована и решена задача поиска статистически значимых модельных конструкций в приложении к экономике конкретного региона, позволяющих учитывать «отложенные во времени» эффекты влияния. Несмотря на использование общеизвестных методов анализа, обоснование целесообразности и возможностей их применения для новых исследовательских целей, трансформация традиционных форм модельных конструкций, расширение потенциала использования получаемых при этом результатов позволяют утверждать о необходимости разработки авторского инструментария, направленного на количественную идентификацию масштаба и структуры государственных расходов на социальную сферу, обеспечивающих достижение целевых значений параметров демографического развития региона.

В результате прикладного эксперимента на примере модельного региона (Хабаровского края) установлено, что вопреки традиционным ожиданиям государственные расходы в социальную сферу не дают положительного эффекта по отношению к росту численности населения в целом, но обеспечивают позитивные сдвиги в естественном движении населения. Оценка масштабов и степени влияния отдельных статей социальных расходов регионального бюджета на демографические параметры выявила наиболее эффективный период (не более 3-х лет) для осуществления социальных инвестиций в человеческий капитал. Обоснована оптимальная структура распределения социальных инвестиций, способных обеспечить достижение целевых показателей демографического развития в Хабаровском крае, исходя из объективных условий и потенциальных возможностей региона. Полученные результаты являются новыми.

В процессе работы выявлены проблемы, связанные с необходимостью расширения набора факторов, описывающих систему демографических и социально-экономических процессов на Дальнем Востоке. Отдельные вопросы связаны с тестированием предложен-

ного инструментария отдельно для 9 дальневосточных регионов и формированием интегральной оценки для всего макрорегиона. Поиск адекватных решений поставленных проблем является перспективным направлением исследований.

Литература

1. Samuelson P.A. The pure theory of public expenditure. *Review of Economics and Statistics*, 1954, vol. 36, no. 4, pp. 387-389.
2. Stiglitz J. The global crisis, social protection and jobs. *International Labour Review*, 2013, vol. 152, no. 1, pp. 93-106.
3. Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010. 272 с.
4. Рубинштейн А.Я. Двадцать пять тезисов об активности государства в социальной сфере // Экономическая наука современной России. 2009. №1 (44). С.25-38.
5. Якобсон Л.И. Государственный сектор экономики, экономическая теория и политика. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 368 с.
6. Рубинштейн А.Я. Экономический кризис и новая парадигма общественной поддержки опекаемых благ // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 264-269.
7. Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». М.: ИЭ РАН, 2008. 60 с.
8. Lennartz C., Ronald R. Asset-based Welfare and Social Investment: Competing, Compatible, or Complementary Social Policy Strategies for the New Welfare State? *Housing, Theory and Society*, 2017, vol. 34, no. 2, pp. 201-220, DOI: 10.1080/14036096.2016.1220422
9. Nolan B. What Use is 'Social Investment'? *Journal of European Social Policy*, 2013, vol. 23, no. 5, pp. 459-468. DOI: 10.1177/0958928713499177
10. Gilbert N. *Transformation of the Welfare State: The Silent Surrender of Public Responsibility*. Oxford: Oxford University Press, 2002. DOI:10.1093/0195140745.001.0001
11. Starke P. The politics of welfare state retrenchment: a literature review. *Social Policy & Administration*, 2006, vol. 40, no. 1, pp. 104-120. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2006.00479.x>
12. Hemerijck A. *Changing Welfare States*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 485 p. <https://doi.org/10.1017/S0047279413000469>
13. Hudson J., Kühner S. Towards productive welfare? A comparative analysis of 23 OECD countries. *Journal of European Social Policy*, vol. 19, no. 1, pp. 34-46. DOI: 10.1177/0958928708098522
14. Pierson P. *The New Politics of the Welfare State*. Oxford: Oxford University Press 2001. DOI:10.1093/0198297564.001.0001
15. Taylor-Gooby P., Gumy J. M., Otto A. "Can "new welfare" address poverty through more and better jobs?" *Journal of Social Policy*, 2015, vol. 44, no. 01, pp. 83-104. DOI: 10.1017/S0047279414000403
16. Esping-Andersen G. (Ed.). *Why We Need a New Welfare State*. Oxford: Oxford University Press 2002. DOI:10.1093/0199256438.001.0001
17. Morel N., Parlier B., Palme J. (Eds.). *Towards a Social Investment Welfare State?: Ideas, Policies and Challenges*. Bristol: Policy Press, 2012. 336 p.
18. Vandenbroucke F., Vlemingckx K. "Disappointing poverty trends: is the social investment state to blame?" *Journal of European Social Policy*, 2011, vol. 21, no. 5, pp. 450-471. DOI: 10.1177/0958928711418857
19. Иванова Н.В. Социальное инвестирование: обзор зарубежных практик // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 31-36.
20. Schultz T.W. Investment in human capital. *The American Economic Review*, 1961, vol. 51, no. 1, pp. 1-17.
21. Sinevičienė L. Investigation of the relationship between government expenditure and country's economic development in the context of sustainable development. *International Journal of Economics and Management Engineering*, 2015, vol. 9, no. 3, pp. 749-753. <https://waset.org/publications/10000637/investigation-of-the-relationship-between-government-expenditure-and-country-s-economic-development-in-the-context-of-sustainable-development>

22. Budhdeo S., Watkins J. Atun R., Williams C., Zeltner T., Maruthappu M. Changes in government spending on healthcare and population mortality in the European Union, 1995–2010: a cross-sectional ecological study. *J R Soc Med*, 2015 vol. 108, no. 12, pp. 490–498. DOI:10.1177/0141076815600907
23. Nixon J, Ulmann P. The relationship between healthcare expenditure and health outcomes. Evidence and caveats for a causal link. *The European Journal of Health Economics*, 2006, vol. 7, no. 1, March, pp 7–18 URL: <https://doi.org/10.1007/s10198-005-0336-8>
24. Shoven J.B., Topper M., Wise D.A. The impact of the demographic transition on government spending. studies in the economics of aging. *National Bureau of Economic Research*. University of Chicago Press. Vol. 1994, p. 13–38. URL: <http://www.nber.org/chapters/c7336>
25. Pranab K.D., Saibal K. *Public Expenditure, Demography and Growth: Theory and Evidence from India*. Discussion Paper no. 9721, 2016. February. 40 p. URL: <http://ftp.iza.org/dp9721.pdf>
26. Васильева А.В., Васильева Е.В., Тюлюкин В.А. Моделирование влияния бюджетного финансирования на социально-демографические процессы региона // Экономика региона. 2012. № 2 (30). С. 266–276.
27. Чичканов В.П., Чистова Е.В., Тырсин А.Н. Общая оценка эффективности финансирования социальной сферы в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 87–102. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.6
28. Оценка факторов роста и прогнозирование социально-экономического развития регионов России / под ред. А.И. Татаркина, П.А. Минакира; Институт экономики УрО РАН; Институт экономических исследований ДВО РАН. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 178 с.
29. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки / В.Н. Архангельский, Ю.В. Зинькина, А.В. Коротаев, С.Г. Шульгин // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 43–50.
30. Аганбегян А.Г. Демографическая драма на пути перспективного развития России // Народонаселение. 2017. № 3. С. 4–23. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-1.
31. Аганбегян А.Г. Демография и здравоохранение России на рубеже веков. М.: Дело, 2016. 192 с.
32. Исаев А.Г. Территории опережающего развития – новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. № 4. С. 61–77.
33. Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1016–1029.
34. Минакир П.А., Прокапало О.М. Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // ЭКО. 2017. № 4. С. 5–26.
35. Мотрич Е.Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 133–153. DOI: 10.14530/se.2017.3.133-153.
36. Мотрич Е.Л., Изотов Д.А. Современные тенденции и проблемы миграции в приграничном регионе России: Дальний Восток // Проблемы прогнозирования. 2018. № 3. С. 28–37.
37. Леонтьева А.Г. Дифференциация социальных расходов в российских регионах и меры по ее снижению // Вестник ВГУИТ. 2017. Т. 79. № 2. С. 380–389. DOI: 10.20914/2310-1202-2017-2-380-389.
38. Hickey S. Relocating social protection within a radical project of social justice. *The European Journal of Development Research*, 2014, vol. 26, no. 3, pp. 322–337. <https://link.springer.com/article/10.1057%2Ffejdr.2014.9>
39. Barrientos A. Justice-based social assistance. *Global Social Policy*, 2016, vol. 16, no. 2, pp. 151–165. <https://doi.org/10.1177%2F1468018116633576>
40. Benabou R, Efe A. Ok Social Mobility and the Demand for Redistribution: The Poup Hypothesis. *The Quarterly Journal of Economics*, 2001, vol. 116, no. 2, pp. 447–487. <https://doi.org/10.1162/00335530151144078>
41. Найден С.Н., Грицко М.А. Реакция региональной социальной системы на институциональные и инвестиционные шоки // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6. С. 6–22.
42. Найден С. Н., Белоусова А. В. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 1. С. 53–68. DOI: 10.17059/2018–1–5.
43. Koyck L.M. *Distributed Lags and Investment Analysis. Contributions to Economic Analysis, IV*. Amsterdam: North Holland Publishing Company, 1954. 111 p.

Сведения об авторах

Светлана Николаевна Найден – доктор экономических наук, доцент, профессор РАН, главный научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: naidensvetlana@mail.ru)

Анна Васильевна Белоусова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: belousova@ecrin.ru)

Naiden S.N., Belousova A.V.

Social investment as a tool for modernization of the demographic development in the Far East

Abstract. The experience of domestic and foreign studies demonstrates a growth of interest in the problem of rational distribution of public financial resources as social investments in human capital development, which is described in our paper with the help of demographic development parameters; this corresponds to the modern tradition of considering the relationship of economic and social dynamics in extreme regions through the prism of demographic changes. In this context, the perspective estimates of public spending on the social sphere in relation to the Far East, a region that was proclaimed a strategic priority of Russia in the 21st century, are of particular value. The goal of our study is to develop and test the tools that allow us to quantify the scale and structure of public spending on education, healthcare and social policy, and that promote the achievement of the target values set out in the concept of demographic policy of the Far East for the period up to 2025. Using the model constructions built on the basis of dynamic data for 2000–2017, we obtain the estimates of the impact of social investment on demographic development parameters on the example of Khabarovsk Krai. In the framework of traditional approach to the quantitative analysis of regression dependences we also use distributed lag models that take into consideration cumulative effects. We find out that the growth of public spending and the increase in social investment in the economy of the Far East do not lead to positive changes in demographic indicators. The region continues to lose its population despite high unit costs and social support. We reveal that large-scale public expenditures influence demographic indicators in different ways, depending on the period of “lagged effect”. We substantiate an optimal structure of distribution of social investments, which can ensure the achievement of target indicators of demographic development in Khabarovsk Krai, proceeding from objective conditions and potential opportunities of the region. Our findings reflect the real situation adequately and can be used to assess the effectiveness of state demographic and social policy measures. A promising direction for further research can be the adaptation of the proposed tools and obtaining integral estimates based on an expanded set of factors describing the system of demographic and socio-economic processes in the Far East.

Key words: demography, social sphere, budget expenditures, social investments, Far East.

Information about the Authors

Svetlana N. Naiden – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Chief Researcher, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042 Russian Federation; e-mail: naidensvetlana@mail.ru)

Anna V. Belousova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042 Russian Federation; e-mail: belousova@ecrin.ru)

Статья поступила 06.11.2018.

Факторный анализ влияния трудовой миграции на распространение социально опасных заболеваний в регионах России*

**Марина Лазаревна
ЛИФШИЦ**

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: lifmarina@yandex.ru

**Наталья Павловна
НЕКЛЮДОВА**

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: nnp81@mail.ru

Аннотация. Целью данной работы является оценка возможного влияния международной трудовой иммиграции на распространенность в регионах России следующих заболеваний, представляющих опасность для окружающих: ВИЧ-инфекции, активного туберкулеза, сифилиса, наркомании, энтеробиоза, педикулеза, острых и хронических вирусных гепатитов В и С. Проведен анализ работ, касающихся вопросов влияния миграции на здоровье населения принимающей территории. Основные методы исследования – эконометрический и корреляционный анализ. Построены панельные модели для каждого из заболеваний. В моделях протестированы различные социально-экономические показатели (включая уровень образования населения,

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ ОГОН №16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария повышения социально-экономического благополучия регионов России».

Для цитирования: Лифшиц М.Л., Неклюдова Н.П. Факторный анализ влияния трудовой миграции на распространение социально опасных заболеваний в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 229-243. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.14

For citation: Lifshits M.L., Neklyudova N.P. Factor analysis reflecting the impact of labor migration on the spread of socially dangerous diseases in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 229-243. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.14

денежные доходы, благоустройство жилья и заболеваемость алкоголизмом), а также климатические, географические и демографические. Для расчета показателей, характеризующих уровень трудовой иммиграции в регионах, использовались данные Росстата о легальной занятости иностранных граждан в регионах РФ и о числе прибывших иностранных граждан. Исследование показало, что из всех рассмотренных заболеваний иммиграция может оказывать влияние только на распространение наркомании. Этот вопрос нуждается в дополнительном изучении. Что касается инфекционных заболеваний, то трудовая иммиграция не влияет на уровень выявленной заболеваемости в регионах. Как правило, эти заболевания либо связаны с неудовлетворительными санитарно-гигиеническими и социально-экономическими условиями (туберкулез, сифилис и энтеробиоз), либо существуют большие проблемы с их выявляемостью, а реальный уровень заболеваемости в стране неизвестен (ВИЧ и вирусные гепатиты). Выявлена также значимая статистическая связь между группами заболеваний: 1) наркомания, ВИЧ, активный туберкулез, острые вирусные гепатиты и 2) алкоголизм, сифилис, хронические вирусные гепатиты.

Ключевые слова: трудовая иммиграция, социально опасные заболевания, благополучие территории, регионы России.

Введение

Международная миграция вызывает множество вопросов социально-экономического характера, в том числе вопрос о влиянии миграции на состояние здоровья населения принимающего социума и самих мигрантов. Проблемы со здоровьем, имеющиеся у мигрантов, часто аналогичны тем, с которыми сталкивается остальное население, хотя в некоторых случаях тут может быть своя специфика. Однако наличие связи между миграцией и завозом инфекционных заболеваний, а также влияние присутствия мигрантов на распространение инфекционных заболеваний (в том числе «социально опасных») исследовано недостаточно. Здоровье и миграция, как правило, рассматриваются исследователями независимо друг от друга. Связь между этими популяционными процессами ученые начали исследовать не так давно.

Некоторые зарубежные исследователи обнаружили, что те мигранты, которые переехали менее двух лет назад, были более здоровыми в момент своего прибытия (за исключением случаев выявления у них инфекционных заболеваний) по сравнению с местными жителями той страны, которая их приняла. Это явление, которое получило название «эффект здорового мигранта», может объясняться самоотбором более здоровых людей, решившихся на переезд со своей родины в другую страну. Этот эффект подтвердили исследования в США [1], Канаде [2], Австралии [3], нескольких странах Запад-

ной Европы [4]. Спустя некоторый срок после переезда здоровье мигрантов и коренных жителей принимающей страны обычно сравнивается [5]. Хотя иногда этого не происходит. Например, у выходцев из Латиноамериканских стран общий уровень смертности ниже, чем у коренных жителей США, несмотря на менее благоприятные социально-экономические условия [6]. Аналогичный результат получен в исследованиях марокканцев во Франции [7] и турецкого населения в Германии [8]. Одна из причин в том, что старые и обременённые болезнями мигранты нередко возвращаются на родину, поэтому средняя ожидаемая продолжительность жизни оставшихся возрастает. Во всяком случае, в США происходит именно так [9].

О.А. Кислицына, проведя анализ данных Европейского социального исследования и Российского мониторинга экономического положения и здоровья, выявила статистически значимые различия в самооценке здоровья мигрантов и коренного населения в 14 из 29 стран, включая Россию. Она отмечает, что в большинстве стран существует дефицит статистической информации, позволяющей сравнивать здоровье мигрантов и коренного населения. Особенно это касается России [10].

Что касается возможной роли миграции в завозе инфекционных заболеваний на принимающую территорию, то Европейское региональное бюро ВОЗ настаивает, что «систематическая связь между этими явлениями

отсутствует. Инфекционные болезни главным образом связаны с бедностью. Европейский регион имеет многолетний опыт борьбы с инфекционными болезнями, такими как туберкулез (ТБ), ВИЧ/СПИД, гепатит, корь и краснуха, и смог в значительной мере облегчить бремя этих заболеваний в ходе экономического развития, благодаря улучшению жилищных условий, обеспечению безопасного водоснабжения и адекватной санитарии, эффективной работе систем здравоохранения и обеспечению доступа к вакцинам и антибиотикам. Однако элиминация этих болезней еще не достигнута, и они по-прежнему существуют в Европейском регионе, независимо от процесса миграции. ... Риск завоза в Европу редких возбудителей инфекций ... чрезвычайно мал. Опыт показывает, что когда происходит завоз, переносчиками инфекции становятся обычные пассажиры, туристы или медицинские работники, а не беженцы или мигранты»¹.

В то же время годовой отчет по эпидемиологии инфекционных заболеваний, опубликованный в 2017 г. в Институте Роберта Коха, указывает на негативные последствия массового притока мигрантов для здоровья населения Германии. В отчете перечисляются болезни, случаи распространения которых увеличились, в том числе: холера, гепатит, СПИД, проказа, малярия, сифилис, туберкулез².

В большинстве европейских исследований, посвященных анализу распространения ВИЧ-ассоциированного туберкулеза, подтверждается, что уровень заболевания ВИЧ-ассоциированным туберкулезом среди мигрантов выше, чем среди местного населения [11].

Ряд европейских исследователей, пишущих о диагностике и лечении инфекционных заболеваний, сообщают о снижении в отчетности сведений о случаях инфицирования. При этом отмечается о меньшей степени снижения све-

дений об инфекционных заболеваниях в отчетах среди мигрантов по сравнению с занижением сведений о болезнях среди местного населения. Причину того, что среди мигрантов меньше доля незарегистрированных случаев туберкулеза, чем у местного населения, авторы видят в усиленном эпиднадзоре над мигрантами [12, 13]. Nightingale и др. предполагают, что меньшая степень занижения сведений об инфицировании гепатитом В и С среди мигрантов по сравнению с местными жителями связана с обязательным скринингом прибывающих мигрантов [14].

Лучшая постановка работы по выявлению заболеваний у мигрантов по сравнению с коренным населением может отражаться также на показателях заболеваемости в России. Так, Н.Я. Щербак и И.М. Улюкин проанализировали опыт работы уполномоченных организаций г. Санкт-Петербурга в плане медицинского освидетельствования иностранных граждан и лиц без гражданства в 2010–2013 гг. и отметили, что показатели заболеваемости ВИЧ-инфекцией, туберкулезом и сифилисом иностранных граждан в 1,5 раза превышают показатели заболеваемости этими инфекционными болезнями жителей города [15]. Согласно данным ФГБНУ «Центральный научно-исследовательский институт туберкулеза», в целом по России на каждые 100 тыс. обследуемых россиян и каждые 100 тыс. иностранных граждан среди первых туберкулез обнаруживается в 2,65 раза реже, а ВИЧ-инфекция в 2,93 раза чаще, чем среди вторых [16]. И это несмотря на то, что все иностранные граждане подлежат обязательному медицинскому освидетельствованию на туберкулез и ВИЧ-инфекцию, в отличие от граждан РФ.

Б.Б. Прохоров считает, что основной фактор, влияющий на качество здоровья населения, это социально-экономическое положение отдельных групп населения [17]. Очевидно, что это может сказываться на уровне заболеваемости мигрантов. Е.Е. Рашкевич, Ю.В. Фролова и др. установили более высокую частоту латентной туберкулезной инфекции (в 3 раза) и активного туберкулеза (в 10 раз) у детей из семей мигрантов в Смоленской области за период 2014–2015 гг. Дети-мигранты имеют более частый семейный контакт с больными туберкулезом (в 6 раз чаще, чем дети, постоянно

¹ Европейское региональное бюро ВОЗ. Миграция и здоровье: ключевые вопросы. URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-determinants/migration-and-health/migrant-health-in-the-european-region/migration-and-health-key-issues> (дата обращения: 15.03.2018).

² Infektionsepidemiologisches Jahrbuch meldepflichtiger Krankheiten für 2016 Robert Koch-Institut, Berlin, 2017. URL: http://www.rki.de/DE/Content/Infekt/Jahrbuch/Jahrbuch_2016.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 15.03.2018).

проживающие в Смоленской области) и на 25% реже имеют вакцинацию БЦЖ [18]. Исследование Н.С. Мальцевой и др. [19] свидетельствует о довольно высоком уровне инфицированности вирусами гепатитов иностранных граждан, прибывших на территорию г. Хабаровска по рабочей визе. При этом у 17% обследованных мигрантов обнаружены антитела к гепатиту Е, не эндемичному для территории Хабаровского края. Н.Д. Алсалих, Д.А. Сычев и др. [20, 21] приходят к выводу о том, что значительная доля трудовых мигрантов, прибывающих в Россию, уже инфицированы гепатитом С, что позволяет предполагать высокую вероятность завоза этой инфекции. К выводам о существенном влиянии миграции населения на распространение ВИЧ-инфекции приходят П.В. Истомин, В.В. Мефодьев и В.Г. Бычков [22]. С.А. Солонин и др. свидетельствуют о значительном уровне инфицирования гепатитом Е граждан, приезжающих из Китая на заработки на территорию РФ [23]. Проведенный Н.Л. Струиным и А.С. Шубиной [24] анализ исследований (в основном зарубежных), посвященных заболеваемости мигрантов в различных странах мира социальными инфекциями, также подтверждает, что заболеваемость мигрантов сифилисом, ВИЧ-инфекцией и другими инфекциями, передаваемыми половым путем, выше, чем у местных жителей.

Итак, большинство исследователей, занимающихся вопросами влияния иностранных граждан на эпидемиологическую ситуацию принимающей территории, сходятся во мнении, что миграция, в том числе трудовая, может внести значительный вклад в распространение социально опасных болезней, вопреки утверждениям Европейского бюро ВОЗ. Впрочем, в его материале говорится, что, помимо прочих факторов, «для мигрантов риск заразиться или заболеть туберкулезом зависит от уровня заболеваемости туберкулезом в стране их происхождения», хотя также от «условий жизни и работы в стране, куда они иммигрируют, включая доступ к услугам здравоохранения и социальной защите», при этом «риск заражения выше в замкнутых, плохо проветриваемых пространствах». Отмечается также, что активная форма туберкулеза «развивается только у части инфицированных (риск колеблется от 10% в течение жизни для населения в целом до 10% в течение

года для ВИЧ-позитивных людей) и в течение нескольких месяцев или лет после заражения», а также, что в большинстве стран происхождения мигрантов уровень распространения ВИЧ-инфекции невысокий, при этом «поступает все больше данных о том, что некоторые мигранты заражаются ВИЧ после прибытия»³.

Таким образом, в настоящее время вопрос о влиянии международной миграции на распространение социально опасных заболеваний остается дискуссионным.

В настоящей работе поставлена цель с помощью вероятностных моделей оценить возможное влияние международной трудовой иммиграции на распространение в регионах России ряда социально опасных заболеваний. Для достижения этой цели поставлены задачи выполнить эконометрический анализ распространения наркомании и всех тех инфекционных заболеваний из Перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих,⁴ которые в период 2010–2016 гг. встречались во всех регионах РФ и по которым достаточно статистических данных для моделирования. Наркомания не входит в данный Перечень, однако она может способствовать распространению заболеваний из Перечня, и на ее распространение теоретически может оказывать влияние международная миграция. Использованы данные Росстата, Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) и Министерства здравоохранения РФ.

Описание статистических данных и методики исследования

В базе данных ЕМИСС⁵ имеется статистика Минздрава в региональном разрезе (с 2005 года по числу зарегистрированных больных с впервые в жизни установленным диагнозом и на 100 тыс. населения) по следующим социально опасным заболеваниям:

³ Европейское региональное бюро ВОЗ. Миграция и здоровье: ключевые вопросы. URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-determinants/migration-and-health/migrant-health-in-the-european-region/migration-and-health-key-issues> (дата обращения: 15.03.2018).

⁴ Утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715. URL: <http://base.garant.ru/12137881/> (дата обращения: 15.03.2018).

⁵ Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 15.03.2018).

1) ВИЧ-инфекция; 2) активный туберкулез⁶; 3) сифилис; 4) наркомания. Статистику по распространению других инфекций ЕМИСС дает только с 2009 или 2010 г. и только по числу заболевших в регионах⁷. Из этих заболеваний в целях нашего исследования выбраны следующие: 5) энтеробиоз⁸; 6) педикулез; 7) хронические вирусные гепатиты (впервые установленный диагноз, вирус не указан, в хроническую форму могут переходить гепатиты В и С); 8) острый вирусный гепатит В; 9) острый вирусный гепатит С.

В таблице 1 перечислены регионы с наибольшим и наименьшим уровнем заболеваемости каждой из рассматриваемых социально опасных болезней. В скобках – годы наблюдения и число заболевших на 100 тыс. населения. Абсолютный максимум в стране за период наблюдения выделен жирным шрифтом.

В целом статистические данные говорят о том, что заболеваемость туберкулезом, сифилисом и острыми вирусными гепатитами В и С явно идет на спад. Статистика по некоторым другим (энтеробиоз, хронические вирусные гепатиты и педикулез) на рассматриваемом отрезке времени не показывает существенного улучшения, по наркомании ситуация в этом плане сильно различается по регионам, а по ВИЧ-инфекции эпидемия имеет тенденцию к росту. Число лиц с впервые выявленным диагнозом «ВИЧ-инфекция» с 2012 г. ежегодно превышает число лиц с впервые установленным диагнозом «хронический вирусный гепатит», а с 2014 года их стало больше, чем число заболевших туберкулезом. В 2016 г. по числу заболевших 1 и 2 места из рассматриваемых заболеваний делили педикулез и энтеробиоз (более 200 тыс. случаев), на третьем месте была ВИЧ-инфекция (84 тыс.), затем туберку-

лез (77 тыс.), хронические вирусные гепатиты (68 тыс.), сифилис (31 тыс.), наркомания (16 тыс.), гепатит С (1806) и гепатит В (1378).

Миграция традиционно является одним из факторов распространения инфекционных заболеваний, поэтому не удивительно, что регионы наибольшего распространения таких опасных заболеваний, как ВИЧ-инфекция, туберкулез и сифилис, географически расположены близко друг к другу (см. табл. 1). Вопрос исследования в том, какую роль в распространении этих и других социально опасных заболеваний в России играет международная трудовая иммиграция.

Для решения этого вопроса в работе сделана попытка построить вероятностные панельные модели распространения заболеваний в регионах РФ.

Панельное уравнение множественной регрессии имеет вид:

$$Y_{(t,R)} = a_0 + a_1X_{1(t,R)} + \dots + a_nX_{n(t,R)} + \varepsilon, \quad (1)$$

где Y – объясняемая переменная, вектор с координатами времени и пространства;

X_i – факторы, влияющие на объясняемую переменную;

a_i – коэффициенты,

ε – остаток уравнения.

В нашем случае объясняемые переменные – **Б1-Б9** – это число заболевших или впервые поставленных диагнозов на 100 тыс. населения в год t в регионе (субъекте РФ) R , t принимает значения от 1 в 2005-м до 12 в 2016 году.

В качестве факторов протестированы показатели, отражающие социально-экономическую и миграционную ситуацию, климат и некоторые другие характеристики региона.

Для расчета показателей, характеризующих уровень трудовой иммиграции в регионах, использовались данные Росстата о *легальной занятости иностранных граждан в регионах РФ и о числе прибывших иностранных граждан* (по месту жительства).

Уровень легальной занятости иностранных граждан (М1) – численность иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу или действующий патент на осуществление трудовой деятельности на 1 тыс. населения, на конец года. У этого показателя есть

⁶ Минздрав дает статистику отдельно по «активному туберкулезу» и по «туберкулезу дыхательных путей». На сайте Росстата в перечне социально значимых заболеваний указан только «активный туберкулез», хотя в Перечне, утвержденном Правительством РФ, стоит «туберкулез» без пояснений.

⁷ Число зарегистрированных случаев инфекционных заболеваний: URL: <https://fedstat.ru/indicator/38208>, <https://fedstat.ru/indicator/38207> (дата обращения: 17.09.2018).

⁸ Выбран как самый распространенный вид гельминтозов.

Таблица 1. Регионы с наибольшим и наименьшим уровнем заболеваемости социально опасными болезнями (на 100 тыс. населения)

Регионы и годы с наибольшим уровнем заболеваемости	Регионы и годы с наименьшим уровнем заболеваемости
Б1. ВИЧ-инфекция (2005–2016)	
Кемеровская обл. (2011 – 138; 2012 – 219; 2013 – 217; 2014 – 240 ; 2015 – 238; 2016 – 202); Томская обл. (2013 – 173; 2014 – 149; 2015 – 164); Свердловская обл. (2012 – 136; 2013 – 151; 2014 – 169; 2015 – 170; 2016 – 145); Иркутская обл. (2010 – 166; 2012 – 136; 2014 – 149; 2015 – 148; 2016 – 146); Новосибирская обл. (2013 – 140; 2014 – 149; 2015 – 144); г. С.-Петербург (2005 – 133; 2010 – 146); Ульяновская обл. (2008 – 136); Челябинская обл. (2015 – 136).	Чеченская Р. (2005 – 0,0); Р. Тыва (2005 – 2,3; 2006 – 0,0; 2008 – 1,3; 2016 – 2,9); Ненецкий а.о. (2015 – 0,0); Еврейская а.о. (2005-2006 – 2,1; 2007 – 1,6; 2008 – 2,2); Ставропольский край (2005 – 1,8; 2006 – 2,0); Карачаево-Черкесская Р. (2005 – 2,3); Омская обл. (2005 – 2,3; 2006 – 3,4); Р. Калмыкия (2005 – 2,4; 2010 – 3,2; 2013 – 3,2); Воронежская обл. (2005 – 3,0); Р. Хакасия (2005 – 3,0); Архангельская обл. (2006 – 3,1); Кабардино-Балкарская Р. (2006 – 3,4).
Б2. Активный туберкулез (2005–2016)	
Р. Тыва (2005 – 250 ; 2006 – 246; 2007 – 235; 2008 – 240; 2009 – 228; 2010 – 233; 2011 – 231; 2012 – 206; 2013 – 187; 2014 – 169; 2015 – 162; 2016 – 178); Приморский край (2005-2006 – 165; 2007 – 189; 2008 – 192; 2009 – 209; 2010 – 201; 2011 – 172; 2012 – 163); Еврейская а.о. (2005 – 159; 2007 – 167; 2008 – 190; 2009 – 170; 2010 – 174; 2011 – 176; 2012 – 173; 2013 – 176); Р. Бурятия (2005 – 159; 2006 – 174; 2008 – 159; 2009 – 168); Чукотский а.о. (2016 – 172); Кемеровская обл. (2005 – 157).	Чеченская Р. (2005 – 0,0; 2014 – 29,2; 2015 – 30,7); Ненецкий а.о. (2010-2011 – 0,0; 2016 – 20,5); Белгородская обл. (2013 – 29,3; 2014 – 28,9; 2015 – 27,1; 2016 – 21,5); Вологодская обл. (2015 – 29,7; 2016 – 21,7); Орловская обл. (2016 – 26,7); г. Москва (2014 – 28,0; 2015 – 28,1; 2016 – 28,6); Воронежская обл. (2015 – 31,4; 2016 – 28,5); Карачаево-Черкесская Р. (2015 – 29,2); Архангельская обл. (2016 – 29,6); Р. Дагестан (2016 – 30,2); Орловская обл. (2015 – 30,2).
Б3. Сифилис (2005–2016)	
Чукотский а.о. (2005 – 504; 2006 – 663 ; 2007 – 264; 2008 – 180); Р. Тыва (2005 – 383; 2006 – 334; 2007 – 390; 2008 – 487; 2009 – 353; 2010 – 255; 2011 – 209; 2012 – 199; 2013 – 177); Р. Хакасия (2005 – 191; 2006 – 197; 2007 – 181; 2008 – 192; 2009 – 156); Еврейская а.о. (2007 – 155; 2008 – 172; 2009 – 167; 2010 – 144); Р. Алтай (2008 – 166); Амурская обл. (2005 – 158; 2006 – 162; 2007 – 158; 2008 – 157; 2009 – 152; 2010 – 142); Забайкальский край (2007 – 140; 2008 – 159; 2009 – 146).	Чеченская Р. (2005 – 0,0); Ненецкий а.о. (2010 – 7,1; 2012 – 4,7; 2013 – 2,3; 2015 – 4,6); Р. Дагестан (2012 – 4,4; 2013 – 6,2; 2014 – 4,2; 2015 – 3,7; 2016 – 3,5); Чукотский а.о. (2013 – 5,9); Костромская обл. (2016 – 5,2); Р. Карелия (2015 – 7,1; 2016 – 5,4); Р. Адыгья (2016 – 5,8); Рязанская обл. (2016 – 6,5); Тамбовская обл. (2016 – 6,5); Камчатский край (2016 – 6,6); Р. Калмыкия (2013 – 6,7; 2016 – 7,2); Р. Коми (2016 – 7,2); Ленинградская обл. (2015-2016 – 7,4).
Б4. Наркомания (2005–2016)	
Еврейская а.о.(2016 – 66,8); Иркутская обл. (2005 – 56,7); Кемеровская обл. (2005 – 45,9; 2006-2007 – 52,9; 2008 – 51,9; 2009 – 49,0); Приморский край (2005 – 42,9; 2015 – 43,5; 2016 – 52,6); Свердловская обл. (2008 – 50,9; 2009 – 47,8; 2010 – 42,8); Р. Адыгья (2005 – 45,8; 2006-2007 – 50,2); Карачаево-Черкесская Р. (2005 – 41,6; 2006-2007 – 45,3); Пермский край (2006-2007 – 44,5); Иркутская обл. (2006-2007 – 43,4); Краснодарский край (2006-2007 – 43,3).	Чеченская Р. (2005 – 0,0; 2012 – 2,0; 2013 – 1,2; 2014 – 0,4; 2015-2016 – 1,1); Ненецкий а.о. (2016 – 0,0); Чукотский а.о. (2010 – 0,0; 2012 – 0,0; 2014-2016 – 0,0); Р. Калмыкия (2013 – 0,4; 2014 – 1,1; 2015-2016 – 0,4); Р. Ингушетия (2010 – 0,6; 2011 – 1,2; 2012 – 0,7; 2013 – 1,4); Астраханская обл. (2015 – 0,8; 2016 – 1,0); Архангельская обл. (2005 – 1,5; 2006-2007 – 1,4); Чувашская Р. (2014 – 1,7; 2015 – 1,5); Белгородская обл. (2016 – 1,6); Кировская обл. (2012 – 1,6).
Б5. Энтеробиоз (2009–2016)	
Ненецкий а.о. (2009 – 614; 2011 – 550; 2014 – 502; 2015 – 608; 2016 – 677); Р. Тыва (2009 – 509; 2012 – 483; 2013 – 498; 2014 – 586); Удмуртская Р. (2009 – 545; 2016 – 497); Еврейская а.о. (2010 – 506; 2016 – 481); Р. Алтай (2010 – 482)	Р. Ингушетия (2009 – 34; 2010 – 38; 2012 – 33; 2013 – 38; 2014 – 27; 2015 – 40; 2016 – 31); Краснодарский край (2016 – 31); г. Москва (2015 – 33; 2016 – 35); Р. С. Осетия (2011 – 43; 2016 – 36); Чеченская Р. (2015 – 39)
Б6. Педикулез (2010–2016)	
Г. Москва (2010 – 1471; 2011 – 1470; 2012 – 1438; 2013 – 1434; 2014 – 1596 ; 2015 – 1273; 2016 – 1075); Ненецкий а.о. (2010 – 371; 2012 – 293); Магаданская обл. (2013 – 289; 2014 – 371; 2015 – 305); Архангельская обл. (2010 – 300).	Чеченская Р. (2010 – 0,3; 2011 – 0,0; 2012 – 0,1; 2013-2014 – 0,0; 2015 – 0,5; 2016 – 0,0); Карачаево-Черкесская Р. (2010 – 7,1; 2011 – 3,6; 2012 – 5,7; 2013 – 0,8; 2014 – 5,1; 2015 – 6,6); Р. Ингушетия (2010 – 1,2; 2011 – 0,9; 2013 – 7,8).
Б7. Хронические вирусные гепатиты (2010–2016)	
Камчатский край (2010 – 233 ; 2011 – 218; 2012 – 204; 2013 – 170); г. С.-Петербург (2010 – 194; 2011 – 188; 2012 – 180; 2013 – 182; 2014 – 170; 2015 – 152; 2016 – 146); Сахалинская обл. (2011 – 186; 2012 – 151); Ямало-Ненецкий а.о. (2010 – 184; 2011 – 169; 2012 – 151; 2013 – 165).	Чеченская Р. (2010 – 2,4; 2011 – 4,2; 2012 – 6,5; 2013 – 2,4; 2014 – 1,3; 2015 – 0,8; 2016 – 2,2); Р. Ингушетия (2010 – 2,9; 2011 – 5,6; 2012 – 3,6; 2014 – 6,5; 2015 – 6,8; 2016 – 6,3); Р. Дагестан (2010 – 4,9; 2011 – 5,4); Кабардино-Балкарская Р. (2016 – 8,2).
Б8. Острый вирусный гепатит В (2010–2016), в среднем за период	
Томская обл. (3,47), Владимирская обл. (3,40), Тюменская обл. без а.о. (2,51), г. Москва (2,50), Ивановская обл. (2,46), Курганская обл. (2,42).	Р. Бурятия (0,06), Орловская обл. (0,09), Р. Ингушетия (0,22), Кабардино-Балкарская Р. (0,38), Архангельская обл. (0,41), Р. Хакасия (0,45).
Б9. Острый вирусный гепатит С (2010–2016), в среднем за период	
Курганская обл. (3,76), Тюменская обл. без а.о. (3,55), Ямало-Ненецкий а.о. (3,27), Свердловская обл. (3,25), Челябинская обл. (3,23), Ханты-Мансийский а.о. (3,15).	Р. Алтай (0,07), Р. Бурятия (0,18), Р. Дагестан (0,22), Р. Калмыкия (0,25), Р. Карачаево-Черкесия (0,33), Орловская обл. (0,37), Р. Ингушетия (0,45), Рязанская обл. (0,49).

Источник: данные ЕМИСС.

определенные недостатки. Во-первых, данные о патентах с разбивкой по регионам имеются лишь с 2013 г., хотя возможность приобретать патенты появилась у иностранцев в середине 2010 г. Во-вторых, наибольшая численность работающих в России иностранцев обычно наблюдается не в конце года, а во втором и третьем кварталах. В-третьих, до 2011 г. публиковалась численность не действующих разрешений на работу на конец года, а число выданных разрешений в течение года. Таким образом, данные не полностью соответствуют критерию сравнимости.

Индекс уровня прибытия в регион международных мигрантов (М2) рассчитан следующим образом. Сначала вычислялся коэффициент прибытия международных мигрантов на 100 тыс. населения. Затем для каждого региона и каждого года был найден индекс уровня прибытия международных мигрантов, который представлял собой процентное отношение коэффициента прибытия в регион к коэффициенту прибытия в РФ в данном году, т.е. уровень РФ принят за 1. Необходимо отметить, что правила статистического учета международной миграции за период 2005–2016 гг. менялись неоднократно и еще более существенным образом, чем статистика трудовой миграции. Как следствие, данные Росстата не отражают реальное изменение миграционной ситуации с течением времени, хотя и позволяют сравнить регионы между собой в каждый отдельный год. В связи с этим нами и была применена вышеописанная двухшаговая методика. В итоге мы получаем показатель, который больше соответствует критерию сравнимости во времени и пространстве.

Переменные **М1** и **М2** дополняют друг друга и обе отражают уровень трудовой иммиграции, так как большинство иностранных граждан, прибывающих в регион на срок от 9 месяцев, являются трудовыми мигрантами. Часть из них, впрочем, переселяются в РФ на постоянное место жительства. В отличие от **М2**, **М1** не включает трудовых мигрантов из стран ЕАЭС, зато включает трудовых мигрантов, прибывших на срок 3–9 месяцев. Можно предположить, что для нелегальных мигрантов привлекательны те же регионы, что и для легальных. Тогда можно считать, что переменные **М1** и **М2** косвенно отражают также влияние нелегальной трудовой иммиграции.

Среди индикаторов социально-экономического положения региона выбраны следующие показатели.

Индекс уровня образования в субъекте (**ИУО**), который рассчитывался по данным переписей населения как сумма произведений доли населения с определенным уровнем образования на балл, присвоенный этому уровню. В том числе: отсутствие образования – 0, начальное общее образование – 1, среднее общее и начальное профессиональное – 3, среднее профессиональное – 4, неоконченное высшее и бакалавриат – 5, высшее и послевузовское – 6. Для годов между переписями принято, что уровень образования менялся линейно.

Данные о *жилых метрах на человека* на начало года (**ЖМ**); о доле домохозяйств, в жилищах которых *отсутствовала канализация (ОКан)* и *горячая вода (ОГВ)*, также взяты из переписей. Также сделано предположение, что между переписями ситуация менялась линейно.

Уровень занятости (УЗан) – процент занятых среди населения возрастной группы 15–72. *Уровень денежных доходов (УДД)* рассчитан как отношение среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму в регионе. Т.е. денежные доходы, равные прожиточному минимуму, приняты за 1. В обоих случаях – данные Росстата.

Сведения о *заболеваемости алкоголизмом* на 10 тыс. населения (**Алк**) взяты из ЕМИСС (там показатель на 100 тыс.).

Климатические показатели могут оказывать влияние на физиологические функции и поведение человека, поэтому они также включены в перечень переменных. В качестве средней месячной температуры воздуха в январе (**Т1**) и в июле (**Т7**) взято среднее значение температуры воздуха за месяц (данные Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды).

Кроме того, протестированы такие характеристики региона, как плотность населения (**ПлН**), доля городского населения (**ДГор**), общий коэффициент рождаемости (**ОКР**), то есть количество рожденных детей на 1000 жителей, доля в населении (%) детей и подростков в возрасте 1–4 лет (**Д0104**), 5–9 (**Д0509**), 5–14, 10–14 и 15–19 лет (**Д1519**) на начало года, а также прерывания беременности, число на 1 тыс.

населения (ОКАб). Сложив $OКАб(t)$ и $OКР(t+1)$ получим примерное представление о доле в населении региона беременных женщин (ОКБер) в году t . В этом есть смысл, так как беременные женщины подлежат обязательной диспансеризации. Собственно, именно эта переменная тестировалась в моделях, а ОКАб и ОКР выполняли вспомогательную роль. Введена также фиктивная переменная **НацР**, которая принимает значение 1, если регион является «национальным» (республикой или автономией), и 0 – в противном случае.

Результаты исследования

Предварительный корреляционный анализ (табл. 2) показал, что распространение ряда социально опасных заболеваний (туберкулез, сифилис и энтеробиоз) тесно связано с общим социально-экономическим положением в регионе (бедностью, неудовлетворительными жилищными условиями, алкоголизмом, низким уровнем занятости). Некоторые другие (ВИЧ-инфекция, хронические вирусные гепатиты, педикулез), напротив, более распространены в экономически благополучных регионах. Возможно, существуют проблемы с выявлением

этих заболеваний в бедных регионах. Наркомания занимает промежуточное положение: у нее вообще отсутствует значимая корреляция с социально-экономическими показателями. Видимо, для нее более важны иные факторы, корреляция с которыми не рассматривалась. Значимые коэффициенты корреляции выделены в таблице полужирным шрифтом. Обращает на себя внимание высокая корреляция между ОКАб и выявлением новых случаев таких заболеваний, как туберкулез, сифилис и хронические вирусные гепатиты. Не исключено, что выявленное заболевание могло быть одной из причин того, что женщины решили прервать беременность.

Если судить по таблице корреляции, то можно предположить, что международная иммиграция оказывает влияние на распространение в РФ педикулеза и вирусных гепатитов. С другой стороны, оба заболевания больше распространены в экономически благополучных регионах, привлекательных для мигрантов, поэтому корреляционная связь может быть случайной. Эконометрическое моделирование позволяет получить более точную картину.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции между уровнем заболеваемости в регионах РФ и различными показателями

	Б1	Б2	Б3	Б4	Б5	Б6	Б7	Б8	Б9
М1	0,105	0,057	0,190	0,138	-0,066	0,365	0,394	0,123	0,217
М2	0,063	-0,082	-0,143	0,015	-0,255	0,006	0,342	0,147	0,263
УДД	0,238	-0,288	-0,225	0,094	-0,184	0,360	0,269	0,146	0,273
ЖМ	0,119	-0,382	-0,317	-0,192	-0,278	-0,059	-0,119	0,012	0,051
ОКан	-0,276	0,437	0,399	-0,076	0,544	-0,223	-0,245	-0,177	-0,231
ОГВ	-0,244	0,380	0,299	-0,103	0,483	-0,274	-0,262	-0,170	-0,231
ИУО	0,298	-0,270	-0,293	-0,003	-0,346	0,509	0,374	0,195	0,191
Алк	-0,176	0,242	0,379	0,138	0,140	0,060	0,268	0,134	0,230
УЗан	0,234	-0,192	-0,125	0,017	-0,143	0,299	0,376	0,079	0,246
Т1	-0,297	-0,544	-0,420	-0,178	-0,413	-0,050	-0,300	-0,003	-0,129
Т7	-0,184	-0,283	-0,278	-0,192	-0,294	-0,125	-0,462	-0,001	-0,195
ПлН	0,071	-0,186	-0,052	0,031	-0,176	0,779	0,277	0,170	0,040
ДГор	0,351	-0,048	-0,057	0,250	-0,183	0,406	0,381	0,205	0,340
НацР	-0,256	0,013	0,104	-0,156	0,303	-0,135	-0,076	-0,243	-0,147
ОКР	0,019	0,281	0,265	-0,059	0,356	-0,092	0,114	-0,080	-0,051
ОКАб	-0,161	0,537	0,555	0,226	0,502	-0,028	0,345	0,059	0,206
ДО104	0,027	0,132	0,066	-0,110	0,426	-0,171	0,024	-0,184	-0,091
Период	2005– 2016	2005– 2016	2005– 2016	2005– 2016	2009– 2016	2010– 2016	2010– 2016	2010– 2016	2010– 2016

В таблицах 3–5 представлены результаты моделирования. Коэффициенты полученных уравнений являются случайными величинами, поэтому после каждого в скобках стоит его стандартное отклонение (стандартная ошибка). Уровень значимости коэффициентов обозначен звездочками: * – 0,1, ** – 0,05, *** – 0,01, **** – 0,001; N – число наблюдений, R² – коэффициент детерминации.

Таблица 3. Модели выявления новых случаев ВИЧ, активного туберкулеза и наркомании

Факторы	Объясняемая переменная		
	Б1	Б2	Б4
Constant	3,42** (1,72)	13,92**** (3,31)	10,11**** (2,96)
M1(t-1)	-0,0714* (0,0381)	–	–
M2(t-1)	0,0647 (0,5833)	–	–
M1	–	0,0328 (0,0235)	0,0328** (0,0130)
M2	–	-0,293 (0,347)	-0,277 (0,196)
ИУО	–	–	-3,275**** (0,977)
ОКан	-0,129**** (0,041)	–	–
Алк	-0,149** (0,073)	0,0213**** (0,0048)	–
УЗан	–	-0,190**** (0,057)	–
ДГор	–	–	0,0649**** (0,0148)
T1	-0,405**** (0,076)	–	–
Б1(t-1)	0,914**** (0,015)	–	–
Б2(t-1)	–	0,935**** (0,008)	–
Б4(t-1)	–	–	0,843**** (0,016)
Б1	–	0,0317**** (0,0084)	–
Б4	0,188**** (0,045)	–	–
t	–	-0,495**** (0,102)	-0,144**** (0,055)
Примечания			
N	906	907	911
R ²	0,868	0,949	0,798
Период	2006–2016	2006–2016	2006–2016

Таблица 4. Модели выявления новых случаев сифилиса, энтеробиоза и педикулеза

Факторы	Объясняемая переменная		
	Б3	Б5	Ln(Б6)
Constant	-5,43 (5,64)	-103,7**** (13,6)	-0,910** (0,417)
M1	0,0008 (0,0552)	-0,168 (0,131)	0,00121 (0,00159)
M2	0,665 (0,731)	0,319 (1,464)	0,00581 (0,01494)
УДД	-2,92*** (1,06)	–	–
ОГВ	–	0,447**** (0,133)	0,00474*** (0,00152)
ИУО	–	–	0,174* (0,102)
НацР	–	11,33**** (3,10)	–
ДГор	–	0,675**** (0,141)	0,00692**** (0,00186)
Ln(ПлН)	1,99**** (0,47)	–	–
ОКБер	0,650**** (0,179)	–	–
Д0509	–	–	0,0230** (0,0113)
T1	-0,395**** (0,108)	–	–
Б3(t-1)	0,785**** (0,016)	–	–
Б5(t-1)	–	0,959**** (0,014)	–
Ln(Б6(t-1))	–	–	0,865**** (0,020)
t	-0,857**** (0,207)	5,11**** (0,60)	–
Примечания			
N	907	581	491
R ²	0,871	0,928	0,900
Период	2006–2016	2010–2016	2011–2016

Таблица 5. Модели выявления новых случаев хронических и острых вирусных гепатитов

Факторы	Объясняемая переменная		
	Б7	Б8	Б9
Constant	-8,71*** (3,12)	0,7630**** (0,1956)	-0,7358*** (0,2743)
M1	-0,0021 (0,0542)	0,0032 (0,0029)	-0,0035 (0,0036)
M2	-0,526 (0,553)	0,0000 (0,0328)	0,0857** (0,0359)
УДД	2,01** (0,87)	–	0,0013** (0,0006)
НацР	–	-0,1833*** (0,0665)	–
ДГор	0,0842** (0,0409)	–	0,0051* (0,0029)
Ln(ПлН)	–	0,0364** (0,0159)	–
ОКБер	–	–	0,0154* (0,0070)
Б1	–	0,0014* (0,0007)	–
Б3	0,0926**** (0,0207)	–	–
Б4	–	–	0,0110*** (0,0039)
Б7(t-1)	0,857**** (0,016)	–	–
Б8(t-1)	–	0,5030**** (0,0321)	–
Б9(t-1)	–	–	0,5781**** (0,0307)
t	–	-0,0497*** (0,0180)	–
Примечания			
N	492	496	498
R ²	0,909	0,492	0,581
Период	2011–2016	2011–2016	2011–2016

Незначимые факторы исключались из моделей, кроме показателей миграции. Фактор исключался из модели также в том случае, если можно было предположить, что знак коэффициента искажен вследствие мультиколлинеарности. В таблице 1 мы видели, что по каждому заболеванию есть очаги наибольшей распространенности, причем из года в год ситуация меняется довольно медленно. Поэтому в каждую модель включен дополнительный фактор – заболеваемость в предыдущий период.

Интерпретация и обсуждение полученных результатов

В выявлении новых случаев каждого из рассматриваемых заболеваний наибольшую роль играет ситуация с тем же заболеванием в предыдущем году. Такие переменные отражают влияние факторов, действовавших в предыдущие периоды, включенных и не включенных в модели. Таким образом, таблица корреляции и таблицы с коэффициентами моделей дополняют друг друга.

Эконометрическое моделирование установило четкую связь между распространением ВИЧ, наркомании, активного туберкулеза и острых гепатитов В и С. Наркоманы остаются одной из основных групп риска заражения ВИЧ

и вирусом гепатита С. У ВИЧ-инфицированных высокий риск заболеть туберкулезом и у них чаще обнаруживают гепатит В, чем у других слоев населения.

Из рассмотренных заболеваний наибольшую угрозу для населения России в настоящее время представляет собой ВИЧ-инфекция. Не только по тяжести последствий, но и вследствие того, что эпидемия ВИЧ в РФ имеет большие масштабы, хотя в 2016 г. число впервые поставленных диагнозов было меньше, чем в 2014–2015 годах. Согласно модели, типичный регион с наибольшим числом новых выявленных случаев – это субъект РФ с холодной зимой и низкой заболеваемостью алкоголизмом, в котором нет больших проблем с канализацией. То есть это в целом места относительно благополучные. Возможно, по той причине, что ВИЧ пришел в СССР из-за границы, а у жителей более благополучных регионов зарубежных контактов было больше. В то же время, в модели значим фактор заболеваемости наркоманией. Из всего этого можно сделать вывод, что в стране существует проблема с выявлением ВИЧ-инфекции. У наркоманов выявляют ВИЧ-инфекцию не только потому, что они одна из основных групп риска (для сравнения: в 2014 г.

было впервые поставлено 21 тыс. диагнозов «наркомания», а численность заразившихся ВИЧ через внутривенное употребление наркотиков составила в том же году 22 468 человек⁹), но и потому, что их в обязательном порядке обследуют на это заболевание. В то же время можно утверждать, что повсеместной высокой распространенности ВИЧ-инфекции пока нет, наиболее благополучными в этом плане выглядят теплые и «национальные»¹⁰ регионы с высокой долей сельского населения. Однако динамика коэффициента корреляции между Б1 и ОКБер тревожна: от -0,161 в 2005 г. к 0,033 в 2015 г. и 0,121 в 2016. Это может говорить о том, что официальное число выявленных случаев ВИЧ-инфекции в 2016 г. уменьшилось не в последнюю очередь потому, что уменьшилось число обследованных людей. Иммиграция и легальная занятость иностранных граждан не влияют на показатели заболеваемости ВИЧ. Видимо, по той причине, что в основном трудовые мигранты прибывают из стран, где распространенность ВИЧ-инфекции гораздо меньше, чем в России (исключение — Украина).

Распространенность туберкулеза традиционно выше в бедных и холодных регионах с плохими жилищными условиями и относительно низким уровнем образования людей. Моделирование показало, что новые очаги активного туберкулеза чаще возникали в регионах с более высоким уровнем алкоголизма, относительно низким уровнем занятости и большей распространенностью ВИЧ-инфекции. Не вполне ясно, почему наблюдается устойчивая высокая корреляция между Б2 и долей в населении беременных женщин. Тут возможны два объяснения. Либо есть проблемы с выявляемостью заболевания: его находят там, где ищут, а беременные женщины обследуются в обязательном порядке. Либо причина в том, что в бедных регионах обычно выше уровень рож-

даемости. Значимость фактора времени с отрицательным коэффициентом свидетельствует об успехах медицины в борьбе с туберкулезом. Однако эпидемия ВИЧ способна обратить этот процесс вспять. О такой опасности говорит тот факт, что корреляция между Б1 и Б2 усиливается с течением времени: от -0,030 в 2005 до 0,367 в 2016. Связь туберкулеза с ВИЧ-инфекцией хорошо известна [11; 13; 16]. Иммиграция не оказывает влияния на распространение туберкулеза, хотя в большинстве стран исхода трудовых мигрантов заболеваемость выше. Видимо, по той причине, что иностранные граждане, у которых выявлен туберкулез, должны покинуть страну¹¹. Опасность для россиян могут представлять те иностранцы, которые находятся в стране без разрешительных документов. Следовательно, задача государства — стимулировать легальность занятости иностранных граждан.

Модели для Б4 включают фактор времени со значимым отрицательным коэффициентом, то есть в целом острота проблемы наркомании снижается. Медленнее всего число новых случаев заболеваемости наркоманией уменьшается в регионах с высокой долей городского населения и относительно низким уровнем образования, а также в местах, привлекательных для трудовых иммигрантов. Наркомания — единственное заболевание, где коэффициент при переменной М1 значимый и положительный. Следовательно, либо часть мигрантов, оформляющих патент для работы в РФ, фактически являются распространителями наркотиков, либо пути наркотрафика по каким-то иным причинам отчасти пролегают по приоритетным для трудовых иммигрантов регионам. Возможно, в обоих случаях речь идет о наличии платежеспособного спроса и на наркотики, и на труд мигрантов. Этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Надо заметить, что у моделей для Б4 самый низкий коэффициент детерминации. Поэтому, вероятно, в них отсутствуют какие-то важные фак-

⁹ ВИЧ-инфекция: информационный бюллетень. № 40 / ФБУН ЦНИИЭ, Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе со СПИДом. http://www.hivrussia.ru/files/bul_40.pdf

¹⁰ В южных республиках официальная статистика отражает реальную ситуацию еще меньше, чем в других регионах РФ, так как там ВИЧ-инфицированные — это изгои, поэтому люди отказываются обследоваться. Источник: <https://www.svoboda.org/a/29281743.html> (дата обращения: 03.09.2018).

¹¹ Перечень инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих и являющихся основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание иностранных граждан и лиц без гражданства, или вида на жительство, или патента, или разрешения на работу в Российской Федерации: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 29 июня 2015 г. № 384н.

торы, которые здесь не рассматривались. Возможно, при их включении в модель результат был бы иным.

Обнаружена также статистически значимая связь между заболеваемостью сифилисом и выявлением хронических вирусных гепатитов, хотя заболеваемость сифилисом довольно быстро снижается, а в борьбе с хроническими вирусными гепатитами прогресса пока нет.

Новые случаи заболеваемости сифилисом чаще всего наблюдаются в регионах с низкими денежными доходами населения, относительно большой долей беременных женщин в населении и высокой плотностью населения. Последние два фактора говорят о том, что существуют серьезные проблемы с выявляемостью сифилиса. Ведь низкая плотность населения может оказывать влияние на доступность медицинской помощи. К сожалению, публикуемые официальные показатели не дают представления о том, какая доля населения региона живет в населенных пунктах, где отсутствуют учреждения здравоохранения. Согласно модели для Б3, иммиграция не оказывает влияния на распространение сифилиса. Возможно, по той причине, что это одно из тех заболеваний, при обнаружении которого иностранный гражданин должен покинуть территорию РФ.

Хронические вирусные гепатиты – заболевание, по которому имеются существенные проблемы с выявляемостью. Об этом говорит и таблица корреляции, и модель для Б7. По-видимому, лиц с диагнозами алкоголизм (алкоголь способствует переходу заболеваний гепатитами В и С в хроническое состояние) и сифилис, как и беременных женщин, в обязательном порядке обследуют на вирусные гепатиты, поэтому у них и находят это заболевание. При этом корреляция с сифилисом стабильна, с заболеваемостью алкоголизмом снижается (с 0,364 в 2012 г. до 0,173 в 2016 г.), а с долей беременных женщин в населении – растет (с 0,175 в 2010 г. до 0,280 в 2015 г.). Можно предположить также, что по своей инициативе чаще всего проверяются обеспеченные городские жители экономически благополучных регионов. Значим и фактор плотности населения, то есть, в сущности, фактор территориальной доступности медицинских услуг.

Н. Коваленко, представитель пациентской организации МОО «Вместе против гепатита»,

утверждает: «Человек, у которого выявлен гепатит, может об этом просто не узнать. На государственном уровне на лечение вирусных гепатитов просто нет бюджета. Забота о больных передана на уровень регионов»¹². Но в регионах тоже, в большинстве случаев, нет денег. Впрочем, с 2000-х гг. введена обязательная вакцинация детей от гепатита В, может бесплатно сделать прививку также любой россиянин в возрасте до 55 лет¹³. Правда, социальная реклама по этому поводу в России практически отсутствует.

У ВИЧ-инфицированных нередко обнаруживают вирусные гепатиты, причем гепатит С обнаруживают в несколько раз чаще, чем гепатит В [25; 26], однако из моделей для Б7-Б9 переменная Б1 значима только в модели для Б8, а фактор Б4 – только в модели для Б9. Последнее можно объяснить тем, что внутривенное введение наркотиков является одним из основных путей заражения как ВИЧ, так и гепатитом С. Значимость таких факторов, как плотность населения (в модели для Б8) и, особенно, ОКБер (для Б9), указывают, что выявленные случаи заболеваний острыми гепатитами В и С являются лишь верхушкой айсберга.

Иммигранты не обязаны проходить медицинское освидетельствование на выявление гепатитов, хотя в ряде исследований [19, 20] выявлен довольно высокий уровень инфицированности вирусами гепатитов иностранных граждан, прибывших на территорию РФ. Моделирование показало, что иммиграция не является фактором распространения хронических вирусных гепатитов и острого гепатита В в регионах РФ. Однако в модели для Б9 (острый гепатит С) значим фактор М2.

Энтеробиоз называют «болезнью грязных рук», поэтому не удивительно, что у Б5 такая большая корреляция с отсутствием канализации и горячей воды. Из этих двух факторов, коррелирующих между собой, в модель включен ОГВ. Энтеробиоз – это также единственное из рассматриваемых заболеваний, которое бо-

¹² Гепатиты в России: нужны стандарты лечения и регистр больных // РИА Новости. URL: https://ria.ru/disabled_know/20150728/1151262234.html (дата обращения: 15.03.2018).

¹³ Прививка от гепатита В взрослым. URL: <http://vrachmedik.ru/300-privivka-ot-gepatita-b-vzroslyim.html> (дата обращения: 15.03.2018).

лее распространено в национальных регионах, особенно с высокой долей городского населения. Фактор времени говорит об ухудшении ситуации с энтеробиозом. В самом деле, в 2016 г. на территории РФ без Крыма было зафиксировано больше случаев заболевания, чем в 2011–2015 гг., хотя меньше, чем в 2009–2010 гг. Отчасти это может быть связано с увеличением доли маленьких детей в населении, ведь именно они болеют чаще всего.

В модели для выявления педикулеза объясняемая переменная взята в логарифмическом виде, так как она имеет логнормальное распределение: уровень заболеваемости в Москве в несколько раз превышает уровень во втором и третьем худших по данному показателю регионах. Вполне типична ситуация, когда городские школьники младших классов привозят вшей из летних лагерей, поэтому переменные ДГор и Д0509 значимы в модели для $Ln(Бб)$. Другие значимые факторы говорят о важности наличия в жилище условий для соблюдения гигиенических мер, а также о том, что более образованное население предпочитает обращаться к врачу, а не заниматься самолечением при обнаружении этой деликатной проблемы.

Международная миграция не оказывает влияния на распространение энтеробиоза и педикулеза.

Таким образом, эконометрическое исследование показало, что из всех рассмотренных заболеваний иммиграция, по-видимому, оказывает влияние только на распространение наркомании и острого гепатита С. Что касается других инфекционных заболеваний, то они, как правило, либо связаны с неудовлетворительными санитарно-гигиеническими и социально-экономическими условиями (туберкулез, сифилис и энтеробиоз), либо существуют большие проблемы с их выявляемостью, а реальный уровень заболеваемости в стране неизвестен (ВИЧ и вирусные гепатиты). Выявлена также значимая статистическая связь между группами заболеваний: 1) наркомания, ВИЧ, активный туберкулез, острые гепатиты и 2) алкоголизм, сифилис, хронические вирусные гепатиты.

Необходимо отметить, что достоверность результатов эконометрического исследования напрямую связана с качеством исходных статистических данных, а его невозможно, к сожалению, считать удовлетворительным.

В целом результаты нашего исследования вполне согласуются с выводами Европейского регионального бюро ВОЗ об отсутствии систематической связи между миграцией и завозом инфекционных заболеваний, а также тем, что инфекционные заболевания, в том числе социально опасные, главным образом связаны с бедностью.

Литература

1. Singh G.K., Siahpush M. All-cause and cause-specific mortality of immigrants and native born in the United States. *American Journal of Public Health*, 2001, vol. 91, pp. 392-399.
2. Hyman I. *Immigration and health*. Ottawa, 2001.
3. Armfield J., Roberts-Thomson K., Spencer A. *Australia's Health 2000: the seventh biennial health report of the Australian Institute of Health and Welfare*. Australian Institute of Health and Welfare. Canberra, Australia, 2000.
4. Toma L. Immigration phenomenon and right to health in Italy. *Metropolis Conference*, Rotterdam, 2001. URL: http://international.metropolis.net/events/rotterdam/papers/1_toma.htm (дата обращения: 14.03.2018).
5. Newbold B. Health status and health care of immigrants in Canada: a longitudinal analysis. *Journal of health services research & policy*. 2005, vol. 10, pp. 77-83.
6. Markides K.S., Eschbach K. Aging, migration, and mortality: current status of research on the Hispanic paradox. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2005, vol. 60 (Special_Issue_2), pp. 68-75.
7. Khlat M., Darmon N. Is there a Mediterranean migrants mortality paradox in Europe? *International Journal of Epidemiology*. 2003, vol. 32, pp. 1115-1118.

¹⁴ Беришвили Н. Педикулез идет в школу // Известия. 2017. 15 августа. URL: <https://iz.ru/628867/pedikulez-idet-v-shkolu> (дата обращения: 15.03.2018).

8. Razum O., Zeeb H., Akgun H.S., Yilmaz S. Low overall mortality of Turkish residents in Germany persists and extends into a second generation: merely a healthy migrant effect? *Tropical Medicine & International Health*. 1998, vol. 3, pp. 297-303.
9. Franzini L., Ribble J.C., Keddie A.M. Understanding the Hispanic paradox. *Ethnicity and Disease*. 2001, vol. 11(3), pp. 496-518. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11572416> (дата обращения: 14.03.2018).
10. Кислицына О.А. Различия в состоянии здоровья мигрантов и коренного населения в России и других странах Европейского региона // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. Т. 31. № 3. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/478/30/lang,ru/> (дата обращения: 14.03.2018).
11. Tavares A.M., Fronteira I., Couto I., Machado D., Viveiros M., Abecasis A.B., et al. HIV and tuberculosis co-infection among migrants in Europe: A systematic review on the prevalence, incidence and mortality. *PLoS one*, 2017, vol. 12 (9), e0185526. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0185526> (дата обращения: 14.03.2018).
12. Melosini L., Vetrano U., Dente F.L., Cristofano M., Giraldi M., Gabbrielli L., Novelli F., Aquilini F., Rindi L., Menichetti F., et al. Evaluation of underreporting tuberculosis in Central Italy by means of record linkage. *BMC Public Health*. 2012, vol.12(1), pp. 472. URL: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-12-472> (дата обращения: 14.03.2018).
13. Farchi S., Mantovani J., Borgia P., Giorgi R.P. Tuberculosis incidence, hospitalisation prevalence and mortality in Lazio, Italy, 1997–2003. *The international journal of tuberculosis and lung disease*. 2008, vol. 12(2), pp. 193-198. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18230253> (дата обращения: 14.03.2018).
14. Nightingale S., Stormon M.O., Day A.S., Webber M.T., Ward K.A., O'Loughlin E.V. Chronic hepatitis B and C infection in children in New South Wales. *Medical Journal of Australia*. 2009, vol. 190(12), pp. 670-673. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18230253> (дата обращения: 14.03.2018).
15. Щербак Н.Я., Улюкин И.М. Опыт организации медицинского освидетельствования иностранных граждан и лиц без гражданства в условиях мегаполиса // Здоровье—основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2014. Т. 9. № 2.
16. Демихова О.В., Нечаева О.Б. Вопросы доступа мигрантов к мероприятиям по раннему выявлению, диагностике, профилактике и лечению туберкулеза и туберкулеза, сочетанного с ВИЧ-инфекцией в странах СНГ (аналитический обзор). М., 2016. URL: <http://mednet.ru/images/stories/files/СМТ/migranty.pdf> (дата обращения 20.03.2018).
17. Прохоров Б.Б. Социальная стратификация общества и здоровье населения // Проблемы прогнозирования. — 2009. — № 3. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2009/fp/3/09.pdf> (дата обращения: 14.03.2018).
18. Скрининг и верификация туберкулезной инфекции у детей из семей мигрантов / Е.Е. Рашкевич и др. // Смоленский медицинский альманах. 2016. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/skrining-i-verifikatsiya-tuberkuleznoy-infektsii-u-detey-iz-semey-migrantov> (дата обращения: 15.11.2017).
19. Мальцева Н.С., Старостина И.С., Кузнецова С.А. К вопросу о частоте выявления парентеральных и энтеральных вирусных гепатитов среди трудовых мигрантов г. Хабаровска // Дальневосточный журнал инфекционной патологии. 2009. № 14. С. 63-64.
20. Алсалих Н.Д., Сычев Д.А., Подопригора И.В. Распространенность вирусного гепатита С среди трудовых мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию // Электронный научно-образовательный вестник «Здоровье и образование в XXI веке». 2017. Т. 19. № 7.
21. Распространенность серологических маркеров вирусных гепатитов среди трудовых мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию / Н.Д. Алсалих и др. // Журнал инфектологии. 2017. Т. 9. № 2. С. 80-85. DOI: 10.22625/2072-6732.
22. Истомин П.В., Мефодьев В.В., Бычков В.Г. Особенности проявления ВИЧ-инфекции в Ямало-Ненецком автономном округе // Медицинская наука и образование Урала. 2017. Т. 18. №. 1. С. 92-97.
23. Циркуляция вируса гепатита Е на территории Хабаровского края / С.А. Солонин и др. // Дальневосточный журнал инфекционной патологии. 2010. №. 16. С. 31-36.
24. Струин Н.Л., Шубина А.С. Социальные инфекции у мигрантов, факторы, способствующие заболеваемости: обзор литературы // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 11-5. С. 676-679.
25. Кравченко А.В. Парентеральные вирусные гепатиты у больных ВИЧ-инфекцией // ШАГИ профессионал. Спецвыпуск. 2016. № 67. С. 4. URL: http://stepsfund.ru/zine/sp_07_2016.pdf (дата обращения: 14.09.2018).

26. Маркёры хронического гепатита В у больных ВИЧ-инфекцией и подходы к терапии / С.Л. Максимов, С.П. Царенко, А.В. Кравченко, Н.Ю. Ганкина, Н.Д. Ющук // Российский журнал гастроэнтерологии, гепатологии, колопроктологии. 2010. Т. 20. № 5. С. 22-26. URL: http://www.gastro-j.ru/files/s4_1288294380.pdf (дата обращения: 14.09.2018).

Сведения об авторах

Марина Лазаревна Лифшиц – аспирант, Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: lifmarina@yandex.ru)

Наталья Павловна Неклюдова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: nnp81@mail.ru)

Lifshits M.L., Neklyudova N.P.

Factor Analysis Reflecting the Impact of Labor Migration on the Spread of Socially Dangerous Diseases in Russia

Abstract. The goal of the paper is to assess the possible impact of international labor immigration on the prevalence of the following diseases which are dangerous to others: HIV, active tuberculosis, syphilis, drug addiction, enterobiosis, pediculosis, acute and chronic viral hepatitis B and C in Russia's regions. We analyze the works on the impact of migration on the health of the population of the host territory. The main research methods that we use include econometric and correlation analysis. We construct panel models for each of the diseases. The models test various socio-economic indicators (including education level, cash income, housing improvement and the incidence of alcoholism), as well as climatic, geographical and demographic indicators. In order to calculate the indicators characterizing the level of labor immigration in the regions we use Rosstat data on the legal employment of foreign citizens in the regions of the Russian Federation and on the number of foreign citizens who arrived in Russia. The study has shown that of all the diseases considered, immigration can only have an impact on the spread of drug addiction. This issue needs further study. As far as infectious diseases are concerned, labor immigration does not affect the level of morbidity detected in the regions. As a rule, these diseases are associated with poor sanitary and socio-economic conditions (tuberculosis, syphilis and enterobiosis); on the other hand, there are big problems concerning their detection, and the real level of morbidity in the country is unknown (HIV and viral hepatitis). We also reveal a significant statistical correlation between the groups of diseases: 1) drug addiction, HIV, active tuberculosis, acute viral hepatitis and 2) alcoholism, syphilis, chronic viral hepatitis.

Key words: labor immigration, socially dangerous diseases, well-being of the territory, regions of Russia.

Information about the Authors

Marina L. Livshits – Postgraduate Student, Institute of Economics, Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: lifmarina@yandex.ru)

Natal'ya P. Neklyudova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: nnp81@mail.ru)

Статья поступила 09.04.2018.

DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.15

УДК 334.72, ББК 65.5-180

© Дорошенко С.В., Ерошенко Е.П.

Система университетского партнерства как фактор развития молодежного предпринимательства*

**Светлана Викторовна
ДОРОШЕНКО**

Институт экономики Уральского отделения РАН
Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, 29
E-mail: doroshenkos@mail.ru

**Евгений Павлович
ЕРОШЕНКО**

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация, 620012, ул. Мира, 19
E-mail: evegeny.eroshenko@urfu.ru

Аннотация. Динамика развития экономики формирует ряд задач для системы высшего образования. Среди этих задач важной является подготовка специалистов, отвечающих потребностям рынка труда. Одна из составляющих частей этого рынка – предпринимательство, способное, по мнению ряда ученых, стать настоящим драйвером развития экономической системы страны и являться основой увеличения благосостояния граждан. Желание заниматься предпринимательской деятельностью должно быть осознанным, а сама деятельность – подготовленной. Именно система образования в сотрудничестве с бизнесом, общественным организациями и другими партнерами способна сформировать такое желание и наделить необходимыми базовыми знаниями.

* Статья выполнена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН, № темы – 0404-2015-0021 в ИСГЗ ФАНО.

Для цитирования: Дорошенко С.В., Ерошенко Е.П. Система университетского партнерства как фактор развития молодежного предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 244-258. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.15

For citation: Doroshenko S.V., Eroshenko E.P. University partnership system as a factor in the development of youth entrepreneurship. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 244-258. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.15

ями для воплощения задуманного молодыми предпринимателями. Конструктивное построение партнерских отношений определяет для многих образовательных учреждений стратегические перспективы развития, в том числе и в рамках «молодежно-предпринимательского» контекста. Целью представленного авторами исследования являлось определение готовности обучающихся приобретать и развивать предпринимательские способности через взаимодействие с партнерами университета. Авторы работы предполагают, что партнеры, включая бизнес, органы государственного и муниципального управления, научные и общественные организации, способны активизировать развитие предпринимательских инициатив среди обучающихся в университете, тем самым оказывая положительное влияние на развитие предпринимательства в целом, а также на решение проблем занятости молодого поколения. Акцент на участии партнеров университетов в развитии предпринимательских навыков обучающихся отличает проведенное исследование от аналогичных, тем самым дополняя подобные работы других авторов. Проведенный авторами работы опрос позволил изучить мнение 630 обучающихся в университете из трех российских городов. Результаты исследования демонстрируют эмоциональную готовность практически половины из опрошенных заниматься собственным делом. Однако существующие ограничения и риски сокращают количество тех, кто рассматривает вариант организации собственного бизнеса в качестве основного карьерного пути. Респонденты считают важным вовлечение партнеров в процесс инициации и развития предпринимателей, партнеры университета, в свою очередь, способны дополнить образовательный процесс.

Ключевые слова: молодежное предпринимательство, партнерские отношения, партнеры университета.

1. Введение

Современные тренды мировой экономики стимулируют рост заинтересованности органов власти и представителей бизнес-сообщества в развитии предпринимательской инициативы молодого поколения. Так, согласно результатам глобального исследования занятости и молодежного предпринимательства, проведенного британской аудиторско-консалтинговой компанией Ernst&Young, 47% опрошенных предпринимателей планируют наем сотрудников за пределами отечественного рынка [1, с. 4]. Основная причина этого процесса – выход на новые рынки. При этом предприниматели понимают, что молодые люди могут быть одним из главных источников развития их бизнеса: только 14% предпринимателей отметили, что ничего не делают для увеличения занятости в молодежной среде. Другими словами, большинство предпринимателей заинтересованы в появлении инициативных молодых специалистов и бизнес-проектов.

В данной статье авторы опираются на определение молодежного предпринимательства, закрепленное Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025

года», где молодежное предпринимательство трактуется как предпринимательская деятельность граждан в возрасте до 30 лет, а также юридических лиц (субъектов малого и среднего предпринимательства), у которых средний возраст штатных работников, а также возраст руководителя не превышает 30 лет либо доля вкладов лиц не старше 30 лет в уставном (складочном) капитале которых превышает 75%.

В настоящее время молодежное предпринимательство все чаще попадает в поле зрения различных социально-экономических исследований, организуемых не только университетами и научными организациями, но и, как мы видим, аналитическими агентствами и профессиональными сообществами [2]. В рамках таких исследований анализируются проблемы, ограничения, факторы [3], а также механизмы поддержки молодежной предпринимательской инициативы в различных странах [4], активно изучается степень вовлеченности молодежи в предпринимательскую деятельность [5, с. 128-135].

Значимость таких исследований определяется тем, что, – и здесь позволим себе чуть перефразировать слова бразильских коллег, изучающих поведение иммигрантов, – пред-

принимательство может стать «своего рода творческим откликом» [6, с. 242-258] молодых людей, «ищущих лучших условий труда и жизни».

Однако среди опрошенных в рамках указанного выше исследования Ernst&Young¹ большое количество именно молодых предпринимателей отметили, что испытывают сложности в создании и организации своего бизнеса на всех уровнях – региональном, национальном и глобальном. Среди основных препятствий, мешающих реализации предпринимательских устремлений, были отмечены: недоступность источников финансирования – 43%; неблагоприятные экономические факторы – 43%; конкуренция – 25%; невозможность получить хороший совет/консультацию – 25%; недостаток веры в собственные силы – 25%; ограниченная возможность для прохождения стажировки – 18%.

Таким образом, практически половина самых популярных причин прямо или косвенно вызваны недостаточным уровнем полученных знаний: это и «невозможность получить хороший совет», и «недостаток веры в собственные силы», и «ограниченная возможность для прохождения стажировки». Существенно продвинувшись в разрешении этих проблем способна современная система высшего образования.

В статье Т. Головиной и др. [7, с. 42-61] на базе обзора системы государственной поддержки молодежного предпринимательства сделан вывод о целесообразности развития интеграционных форм взаимодействия молодежного бизнеса и государства, а площадками такой эффективной интеграции обозначены университеты, обеспечивающие становление и развитие, в первую очередь, студенческого технологического предпринимательства. Авторами указанной статьи подчеркивается необходимость тесного сотрудничества университетов с органами власти, частными фондами и институтами развития при решении проблем развития предпринимательства.

Однако, на наш взгляд, поле взаимодействия с целью развития предпринимательства несколько шире, и оно охватывает больший круг стейкхолдеров. Совмещение возможно-

¹ Исследование проводилось в Австралии, Бразилии, Канаде, Китае, Франции, Германии, Индии, Японии, Мексике, Великобритании, США, Тропической Африке, Ближнем Востоке и Северной Африке).

стей университетов с компетенциями бизнеса, а также общественной, государственной и научной среды может дать заметный положительный импульс развитию молодежных предпринимательских инициатив. И особую роль здесь играет система партнерских отношений, которая существенна во многих сферах деятельности. Умение выстраивать взаимоотношения значимы и для высшего образования. В течение последних лет активно обсуждается вопрос выстраивания долгосрочных отношений университетов со своими партнерами. Среди партнеров рассматриваются компании различных размеров и сфер деятельности, органы власти, научные организации и общественные объединения. Анализируется возможность перехода от транзакционной логики взаимодействия к системному многостороннему сотрудничеству. При таком подходе роль университетов существенно повышается. Они становятся не только партнерами отдельных компаний и отраслей, но и выступают одним из факторов развития региональных сообществ. Конструктивное построение партнерских отношений определяет для многих образовательных учреждений стратегические перспективы развития, в том числе и в рамках «молодежно-предпринимательского» контекста.

Все вышесказанное актуализировало исследование, основной целью которого являлось определение эмоциональной готовности обучающихся в университете приобретать навыки предпринимательства с участием партнеров университета. Авторы работы предполагают, что партнеры университета, включая бизнес, органы государственного и муниципального управления, научные и общественные организации способны активизировать развитие предпринимательских инициатив среди обучающихся в университете, тем самым оказывая положительное влияние на развитие предпринимательства в целом, а также на решение проблем занятости молодого поколения. Данное исследование продолжает цикл работ Института экономики УрО РАН, в рамках которых проводились сравнительные исследования молодежного видения роли предпринимательства в территориальном развитии [8, с. 13-30], а также изучалась готовность уральских обучающихся в университете заниматься предпринимательской деятельностью [9, с. 206-222].

2. Партнерские отношения университетов: концепции и перспективы для молодежного предпринимательства

В рамках теоретической части статьи авторы сочли целесообразным рассмотреть не предпринимательство, давно изучаемое и экономистами, и социологами, и психологами, а концепции партнерских отношений, находящиеся применительно к университетам на начальной стадии формирования.

Теоретическую основу партнерских отношений составляют несколько научных направлений, но прежде всего – менеджмент. Теории менеджмента в аспекте партнерских отношений характеризуют модели управления в различных сферах и видах деятельности, направленные на создание и удержание партнеров объектом управления. Особый интерес представляют подходы, активно применяемые в практике современного управления: теория корпоративного менеджмента; концепция E-government; теория стейкхолдеров.

Однако академическая среда университета в силу своей специфики требует дополнительных подходов и выработки уникальных моделей для своего управления. Одна из таких моделей была разработана в середине 1990-х годов и получила название «тройной спирали» [10, с. 180]. Разработчики модели, основываясь на принципах общества, ориентированного на знания, предположили, что усиление взаимодействия между университетами, бизнесом и властью позволит достичь значительного эффекта в экономическом развитии. В таком взаимодействии университеты принимают отдельные черты бизнеса и властных структур и становятся базой для инноваций, научно-практических разработок и предпринимательских проектов. Сближение позиций, разработка совместных проектов, создание и реализация программ развития университетами, бизнесом и властью являются основной сутью модели «тройной спирали». Обратно эта модель описывает пересечение трех подмножеств, когда элементы одной системы могут выполнять функции другой. Благодаря такой интерференции создаются гибридные институциональные формы, в которых сохранение высокой степени автономности возможно при сильной взаимосвязи элементов изначально разных систем [11]. Примечательно, что

эволюция университетов в этой модели предполагает принятие принципов деятельности предпринимательских структур, формирование инновационной экосистемы. Бизнес, в свою очередь, трансформируется в сторону углубления взаимодействия с научной и образовательной средой, участвует в разработке государственных инициатив, а власть при принятии решений опирается на мнение науки, образования и бизнеса.

Идеология «тройной спирали» активизировала изучение научным сообществом особенностей взаимоотношений между бизнесом и университетами [12, с. 42]. Со стороны бизнеса основными причинами, стимулирующими процесс взаимодействия, выступают: усиливающаяся конкуренция, глобализация деятельности, увеличение стоимости трудовых ресурсов, существенные темпы развития экономики во многих странах мира. Именно подход, при котором рождаются идеи, являющиеся исключительно совместным результатом созданной экокультуры «компания – университет» и способные ответить на многие запросы времени, обеспечивает основу для долгосрочного роста и развития бизнеса [13, с. 80].

С другой стороны, для университетов существует необходимость поиска внебюджетных источников дохода, что заставляет заниматься коммерциализацией своих проектов и компетенций [14, с. 49-51]. Для достижения этой цели существует ряд моделей (подходов). Получение от бизнеса, как партнеров университета, финансирования в ущерб долгосрочным отношениям ряд ученых называет транзакционным подходом. В условиях сложности академической среды транзакционный подход может значительно упростить взаимодействие между бизнесом и университетом. Уровни применения транзакционного подхода могут быть различны: от кафедрального или отдельного сотрудника, получающего собственную выгоду, до, приемлемого для организации, общего уровня взаимодействия. Транзакционное взаимодействие на уровне всего университета предполагает учет интересов всех подразделений и способно перерасти в комплексное долговременное сотрудничество [15, с. 110]. Однако при таком подходе теряются основополагающие признаки соз-

дания долговременных отношений, среди которых: обмен неформальными знаниями, создание доверительных отношений, развитие кросс-компетенций.

Только полная вовлеченность бизнеса и университетов в процессы взаимодействия позволяет получить именно стратегический эффект сотрудничества. Предлагаются разные модели такого взаимодействия, из которых наиболее известной является модель непрерывного партнерства (Partnership Continuum), предложенная W. Johnson [16]. Общая логика модели описывает возрастающую вовлеченность партнера в деятельность университета. Первая фаза отражает механизмы осведомленности обучающихся в университете о HR-бренде работодателя. В редких случаях эта стадия включает отбор на основании экспресс-метода интервью и возможности для финансового взаимодействия между учреждениями. Но последняя, пятая, фаза характеризуется уже наличием совместных инициатив, позволяющих реализовывать государственное образовательное лоббирование, совместное развитие бизнес-проектов, создание инновационных организаций и образовательных направлений. Процесс сопровождается значительными пожертвованиями университету.

Логика взаимодействия раскрывается и в других подходах, например в модели «лестницы», разработанной T. Vaaken и успешной примененной в исследованиях взаимодействия университетов и бизнеса в Европе [17, с. 103-116]. Модель «лестницы» демонстрирует организационную специфику развития отношений с партнерами университета. Формирование отношений основано на вовлеченности в процесс отдельных людей и разовых контактах. «Верхняя ступень» такого взаимодействия подразумевает долгосрочный характер взаимоотношений с вовлечением высшего управленческого звена университета и системность подхода. При этом наравне с финансовой основой такого взаимодействия возникают и нефинансовые ценности [18]:

– стратегическое позиционирование, укрепление бренда университета за счет кобрендинговых решений с бизнес-партнером (в образовательной, научной среде отношений с властью);

– развитие актуальных образовательных программ и адекватной научной повестки за счет расширения компетенций;

– развитие взаимоотношений за счет выбора длительной постепенной стратегии взаимодействия (от первого опыта взаимодействия до комплексных проектов).

Кроме того, в процессе своей деятельности, которая заключается прежде всего в оказании образовательных услуг и в научных исследованиях, многие университеты решают и социальные задачи. Этот вид активности является основой взаимодействия между властью и университетами. Социальную функцию многие исследователи относят к некоей «третьей миссии» университета [19, с. 67-72]. В социальной ориентации университету необходимо координирующий партнер – прежде всего органы власти. Изучение специфики взаимодействия государственной, муниципальной власти и университета является важным элементом для понимания целей функционирования современного образовательного учреждения. Например, классификация учреждений высшего образования, предложенная Д. Чарльзом [20, с. 148], демонстрирует наличие партнерских отношений между университетами и органами региональной власти за счет влияния деятельности университета на местную социальную и экономическую системы. Исследователь разделяет университеты на пять групп на основании роли учреждения относительно местной власти. Например, первая группа характеризуется неразрывностью города и университета. Университет воспринимается как город, а город – как университет: Кембридж, Оксфорд, Сент-Эндрюс. Вторая группа – это бывшие политехнические учебные заведения, обслуживающие задачи промышленности. Несмотря на то что университеты находятся в конкретных городах (Ковентри, Сандерленд, Дерби), готовят они прежде всего кадры для производственных компаний регионов. Участие образовательных учреждений в муниципальном обществе ограничено сферой интересов отдельных промышленных групп. Последующие три группы университетов также определяют роль университета относительно территории его расположения.

Согласно вышеприведенной классификации можно сделать вывод, что существуют различные модели деятельности университетов, способные оказывать влияние на муниципальную и региональную власть. В одних случаях функционирование университета неразрывно связано с территорией и определяет ее социально-экономическую стратегию, в других – университеты достаточно обособлены и не оказывают влияния на регион своего присутствия, организуя свою деятельность обособленно.

Аналогично британской российская высшая школа имеет институциональное многообразие своего существования по отношению к органам власти и местному сообществу. Например, рассматривая взаимодействия университета и региона, О.В. Перфильева выделяет в своей статье четыре возможные модели организации деятельности университета под влиянием стейкхолдеров [21, с. 133-144]:

1. «Университет-исследователь», когда миссия университета неразрывно связана с глобальным превосходством на рынке исследовательских проектов в масштабах страны.

2. «Университет – системный интегратор», когда университет рассматривается как основной поставщик знаний для развития отраслей и территорий в масштабах страны.

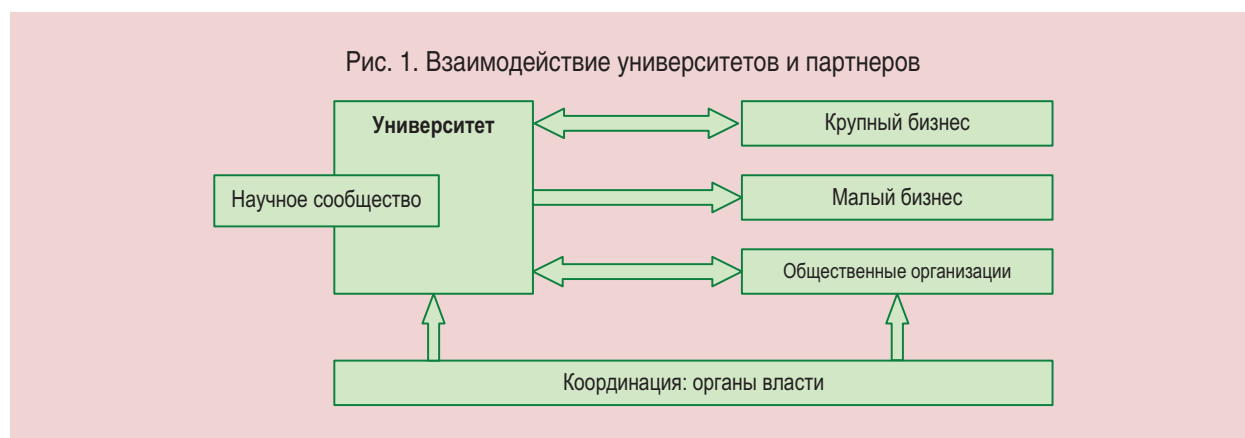
3. «Университет – региональный интегратор» – университет, который готовит кадры для регионального рынка труда.

4. «Университет – кадровый конструктор» – университет, который выполняет сугубо миссию подготовки кадров для конкретных отраслей экономики.

В целом, на наш взгляд, разные модели организации деятельности университета отвечают интересам различных групп партнеров. К примеру, транзакционное взаимодействие может быть интересно малому бизнесу, поскольку позволяет решать его текущие задачи, как правило, связанные с решением кадрового вопроса. Комплексные же модели взаимодействия позволяют выстроить долговременные программы сотрудничества, реализуя перспективные проекты и активности, рассчитанные на совместное развитие крупных бизнес-структур и образовательных учреждений. Органы государственной и муниципальной власти способны выступить координатором общественного диалога университетов, определяя их социальное предназначение и стратегию развития.

Возвращаясь к взаимосвязи предпринимательства и деятельности университетов, важно подчеркнуть необходимость нахождения эффективных механизмов вовлечения молодого поколения в предпринимательскую деятельность. Схематично взаимосвязь бизнеса и других партнеров университетов представлена на рисунке 1.

С одной стороны, университеты, являясь образовательными центрами, одновременно реализуя образовательные и воспитательные функции [22], имеют возможность вовлекать обучающихся в университет в предпринимательскую деятельность, предоставляя необходимые знания. С другой стороны, партнеры университета способны актуализировать полученные молодым поколением знания, погружая их в практический (предпринимательский)

контекст. При этом предметное наполнение такого взаимодействия — это задача бизнеса, совместимая с одной из традиционных целей университетов — предоставлением актуальных знаний. Одновременно координационное воздействие на этот процесс способны оказать другие партнеры — органы власти и общественные организации. В целом такое взаимодействие опирается на принципы социального партнерства, которые сегодня, применительно к сфере образования, подробно обсуждаются экспертным сообществом².

Взаимовыгодное сотрудничество университетов и их партнеров в условиях заинтересованности обучающихся в организации собственного дела имеет в своей основе формы, эффективные для реализации в университетской среде. Также подобное взаимодействие способно увеличить заинтересованность молодежи в предпринимательстве в целом. Результаты проведенного опроса обучающихся в ряде высших учебных заведений позволили определить желание респондентов заниматься предпринимательской деятельностью, а также выявить возможные формы участия партнеров университета для стимулирования предпринимательской активности обучающихся.

3. Методология исследования

При разработке методики исследования авторы статьи руководствовались сложившейся мировой и отечественной практикой проведения подобных опросов. Например, британская аудиторско-консалтинговая компания Ernst&Young на регулярной основе проводит исследования в области молодежного предпринимательства. Среди вопросов, интересующих экспертов, обязательно присутствуют такие, как: что мешает молодым предпринимателям в организации своего дела; какие механизмы необходимы для увеличения интенсивности развития предпринимательских проектов молодежи; какое количество молодых людей готовы заниматься предпринимательской деятельностью.

В последнее время наиболее полное изучение отношения молодежи к организации собственного дела было проведено в рамках

² Социальное партнерство в сфере образования — виды, задачи. URL: https://nalog-nalog.ru/socialnoe-partnerstvo/socialnoe-partnerstvo_v_sfere_obrazovaniya_vidy_zadachi/ (дата обращения: 09.11.2018).

глобального исследования предпринимательского духа обучающихся в университете (GUESS)³. Анализировались личные мотивы, университетская среда, семья и социально-культурный контекст потенциальных молодых предпринимателей. При этом изучались их карьерные предпочтения с точки зрения желания заниматься предпринимательскими проектами в будущем и реализации предпринимательских инициатив в текущий момент. Исследование является регулярным, авторитетным и имеет академического партнера на территории Российской Федерации (Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета).

Согласно результатам исследования GUESS за 2016 год более 51% обучающихся в университете планируют работу в собственной компании через 5 лет после окончания университета. При этом не более 11% планируют организацию собственного дела сразу после окончания университета; процент мужчин, желающих построить карьеру предпринимателя сразу после окончания, выше, чем женщин (16% против 8%). Кроме того, наибольшие предпринимательские намерения выявлены у респондентов, обучающихся по направлениям подготовки, связанным с экономикой и менеджментом, а наименьшие — у тех, кто обучается по направлению «общественные науки».

Университетская среда, судя по результатам того же исследования, не формирует набор необходимых знаний для занятия предпринимательской деятельностью. Так, более 54% опрошенных, обучающихся в университете, ответили, что «до настоящего времени не имели курса по предпринимательству». И только от 4 до 5% опрошенных отметили, что сформированная в университетах среда вдохновляет на создание нового бизнеса. При этом обучение является важным элементом в построении предпринимательской карьеры для тех, кто планируют заниматься собственным делом сразу после окончания университета или в течение 5 лет.

³ Глобальное исследование предпринимательского духа обучающихся в университете. Национальный отчет / Г.В. Широкова, К.А. Богатырева, Т.В. Беляева, Т.В. Цуканова, А.К. Ласковая; Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. 2016. URL: http://gsom.spbu.ru/files/folder_11/guess_2016_rus_final_v1.pdf (дата обращения: 24.07.2018).

Влияние на предпринимательские предпочтения оказывает и окружение респондента. Прежде всего, это семья и социально-культурный контекст. В подтверждение этого тезиса исследование GUESS выявило, что ближайшее окружение обучающегося (семья, друзья и сокурсники) в целом положительно относится к его выбору в пользу предпринимательской карьеры. При этом поведенческие настроения отдельного индивида значительно зависят от настроения масс (коллективизм) и чаще ориентированы на результат под общественным давлением. Все эти признаки говорят о высоком потенциале предпринимательской деятельности у обучающихся [23].

Базируясь отчасти на исследовании GUESS, авторы разработали свой подход к проведению опроса обучающихся в университете. В *табл. 1* представлено сравнение этих двух подходов исходя из четырех критериев, которые легли

в основу группировки вопросов: эмоциональный настрой обучающихся в университете; роль университета в развитии предпринимательских проектов обучающихся; влияние окружения (общество, семья) на развитие молодежных предпринимательских проектов; участие партнеров университета в развитии предпринимательских навыков.

Как видно, результаты сравнительного анализа, наглядно демонстрируют отличия и особенности авторского опроса. Так, при частичном совпадении цели опроса (определение желаний обучающихся в университете заниматься предпринимательскими проектами) и выделенных групп вопросов акцент авторского опроса смещен на изучение участия партнеров в развитии предпринимательских навыков обучающихся. С одной стороны, обучающиеся являются полноценными потребителями образовательных и других видов продуктов в уни-

Таблица 1. Отличительные особенности авторского подхода и исследования GUESS

Критерии сравнения	Группы вопросов	
	GUESS	Исследование авторов
Эмоциональный настрой обучающихся в университете	Начало своего бизнеса в период обучения в университете. Мотивация обучающихся в университете – потенциальных предпринимателей. Источники бизнес-идей у обучающихся в университете. Карьерные предпочтения. Индекс предпринимательских намерений. Локус контроля (способность контролировать ситуацию).	Желание (готовность) заниматься собственным бизнесом. Восприятие деятельности предпринимателя. Карьерные предпочтения.
Роль университета	Наличие курсов по предпринимательству в университете. Зависимость карьерных предпочтений и специализации обучающихся в университете.	Получение знаний в области предпринимательства. Готовность университетов для подготовки предпринимателей. Стимулы университета для развития молодежных предпринимательских проектов.
Общественное мнение	Отношение семьи, друзей, сокурсников к карьере предпринимателя. Отношение обучающихся в университете к культурному контексту общества (коллективизм, избегание неопределенности, дистанция власти, ориентация на результат). Мотивация обучающихся в университете – потенциальных предпринимателей.	Востребованность отдельных сфер предпринимательской деятельности. Препятствия для развития предпринимательских проектов.
Участие партнеров университета (прежде всего бизнеса) в развитии предпринимательских навыков обучающихся в университете	НЕТ	Восприятие обучающимися участия партнеров в развитии предпринимательских навыков. Механизмы взаимодействия предпринимателей и обучающихся. Участие обучающихся в конкурсах (проектах) по поддержке предпринимательства.

верситете, с другой стороны, они выступают основными бенефициарами взаимодействия университета и его партнеров. Учитывая жизненные ориентации современного молодого поколения и возрастающую скорость освоения профессиональных навыков (вследствие доступности и увеличения скорости обмена информацией), можно сказать, что именно такое взаимодействие способно улучшить качество образовательного процесса.

Опрос, организованный авторами статьи, основывался на применении общедоступного сервиса составления анкет GoogleForms. Метод исследования – опрос обучающихся в университетах (включая аспирантов) Российской Федерации. Электронная ссылка на анкету была распространена через социальные сети, представителей молодежных профсоюзных организаций. Опрос позволил изучить мнение 630 молодых людей из трех городов России (Екатеринбург, Владивосток и Саранск), получающих образование в шести высших учебных заведениях⁴. Генеральная совокупность выборки составляет по данным информации с официальных сайтов учебных заведений (на июнь 2018 года) 92 000 обучающихся в университете всех форм и уровней обучения. Таким образом, объем выборки составляет 0,69%. Репрезентативность выборки достигается путем участия в опросе региональных университетов различных территорий и обучающихся всех существующих уровней: 74,6% получают бакалаврское образование, 20,6% – обучаются по программам магистратуры, 3,2% – по программам специалитета, 1,6% – проходят обучение в аспирантуре. При этом, авторы проводили опрос студентов различных направлений подготовки, руководствуясь разнообразием существующих видов предпринимательской деятельности, которыми потенциально могут быть заняты молодые люди.

⁴ Уральский федеральный университет (Екатеринбург), Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург), Уральский государственный медицинский университет (Екатеринбург), Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург), Дальневосточный федеральный университет (Владивосток), Мордовский государственный университет имени Огарева (Саранск).

4. Результаты опроса обучающихся в университетах

Ниже приведены некоторые результаты опроса в разрезе четырех групп вопросов.

Оценка эмоционального настроения потенциальных молодых предпринимателей

Как показал опрос, эмоциональный настрой обучающихся заниматься предпринимательской деятельностью находится на достаточно высоком уровне. Так, у 44,4% опрошенных есть ярко выраженное желание заниматься собственным бизнесом (оценки выше 7 баллов по 10-балльной шкале). При этом респонденты считают, что предприниматель – это прежде всего смелый, современный и талантливый человек. В то же время предприниматель точно не «герой времени», не «человек, который постоянно развивается» и не «профессия будущего».

Это отражает восприятие обучающимися организации собственного бизнеса как рискованного дела для талантливых людей, которые готовы заниматься именно любимым делом (42,9%) (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о восприятии собственного бизнеса

Вариант ответа	% от числа ответивших
Возможность заниматься любимым делом	42,9
Высокий денежный доход	25,4
Свободный график и возможность совмещения с учебой	7,9
Возможность получить опыт	7,9
Высокий общественный статус	6,3
Затрудняюсь ответить	4,8

В то же время, как видно из приведенных данных, 25,4% опрошенных соотносят возможность занятия собственным бизнесом с высоким денежным доходом, 7,9% положительно оценивают свободный график и возможность совмещения с учебой. При этом высокий общественный статус предпринимателя отмечают немногие – 6,3%. Наравне с предложенными вариантами ответа респонденты формировали собственные варианты восприятия собственного дела, среди которых наиболее популярны были: собственное дело – «это риск и ответственность, «это процесс формирования ценности, за которую готовы платить»».

В целом опрос показал, что более 50% респондентов готовы создавать предпринимательские проекты (заинтересованы в создании своего бизнеса). Одновременно 22% опрошенных хотели бы получить работу в стабильной надежной компании или на государственной службе. Результаты говорят о нахождении обучающихся в университете в некой усредненной позиции между средней оценкой «заниматься собственным бизнесом» и личным желанием быть предпринимателем, что, возможно, вызвано эффектом социальной желательности (эффект фасада) [24, с. 177] или феноменом «парадоксального человека» [25, с. 543].

Взаимодействие университета с партнерами в области развития предпринимательских навыков обучающихся

Анализ роли университета в развитии предпринимательских навыков обучающихся в нем позволил сделать ряд выводов об образовательном процессе, направленном на овладение основами ведения собственного дела, об активности административных служб университетов в области реализации проектов, выявляющих и поддерживающих предпринимателей. В таблице 3 представлены ответы на вопрос о получении необходимых знаний для занятия собственным делом в рамках обучения в университете. При этом респонденты могли детализировать модель получения таких знания – в рамках существующих образовательных программ (преподаваемых дисциплин) или дополнительно.

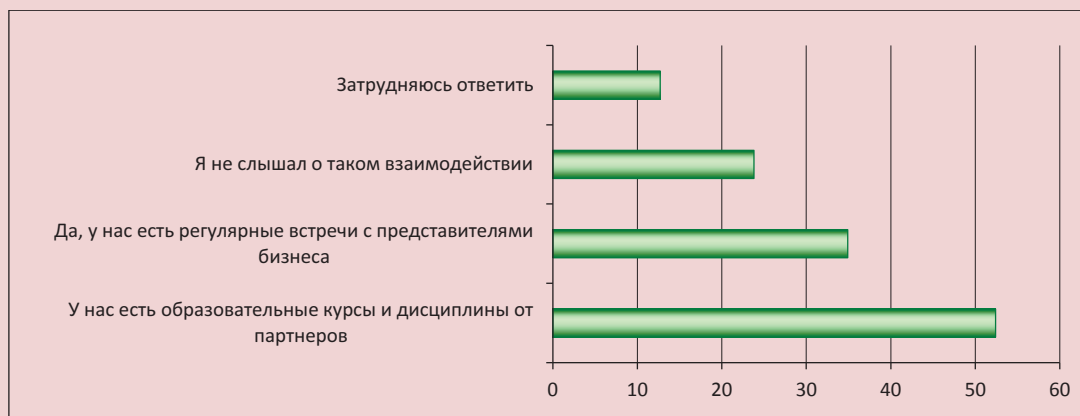
Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Получаете ли Вы знания, необходимые для занятия собственным делом, в университете, в котором получаете образование?»

Вариант ответа	% от числа ответивших
Таких дисциплин у нас нет	42,9
Эти знания можно получить в университете дополнительно	42,9
У нас есть соответствующие дисциплины	11,1
Затрудняюсь ответить	1,6

Как видно из данных табл. 3, достаточно большое количество респондентов (42,9%) отметили, что в рамках предложенной образовательной программы нет курсов, направленных на предпринимательство. Но 42,9% опрошенных указали, что университет дает возможность получать знания о предпринимательстве дополнительно. И лишь 11,1% обучающихся подтвердили, что в их учебном заведении существуют программы, направленные на развитие навыков создания и ведения собственного дела.

Возможность получения знаний в университете дополнительно позволяет предположить участие некоторых внешних акторов в образовательном процессе предметно дополняющих его. Среди этих акторов могут и должны присутствовать партнеры университета. Создание образовательных курсов, иногда и целых образовательных программ (например, программы магистратуры) является распространенным методом взаимодействия с партнерами универси-

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Участвуют ли партнеры университета в развитии навыков обучающихся в области предпринимательства», % от числа ответивших

тета. Насколько это взаимодействие очевидно для обучающихся демонстрирует распределение их ответов на *рисунке 2*.

Исходя из данных рисунка видно, что партнеры университета участвуют в создании образовательных курсов с целью обучения предпринимательским навыкам (52,4%) и проводят регулярные встречи с обучающимися (34,9%).

При этом, как подтвердил опрос, многим обучающимся не хватает знаний сразу в нескольких областях: экономики и финансов (22,2%), правовых компетенций (19,0%), знаний в области продвижения и продаж (17,5%) и знаний в области организации деятельности (14,3%). И далеко не все опрошенные (15,9%) считают, что университет может стимулировать молодежную предпринимательскую активность через проведение современных образовательных курсов (*табл. 4*).

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие стимулы должен предлагать университет для интенсификации развития проектов молодых предпринимателей?»

Вариант ответа	% от числа ответивших
Вовлечение партнеров в предпринимательские проекты	38,1
Финансовая поддержка для молодых предпринимателей	36,5
Современные образовательные программы	15,9
Научные и инновационные проекты в прорывных областях знаний	6,3
Затрудняюсь ответить	3,2

Как показывают данные таблицы, вовлечение партнеров (бизнес, деловое сообщество, эксперты и т.п.), по мнению обучающихся, является важным стимулом в развитии предпринимательских проектов (38,1%). Впрочем, как и финансовая поддержка (гранты, стипендии) для молодых предпринимателей (36,5%).

При опросе 50% респондентов отметили, что наиболее действенным механизмом сотрудничества обучающихся в университете и уже состоявшихся предпринимателей является наставничество. В то же время практически одна пятая (19,4%) опрошенных считают, что обучение в качестве дополнения к образовательному процессу также является важным элементом такого сотрудничества. И только 12,9% говорят о том, что самым действенным

механизмом было бы финансирование проектов молодых предпринимателей.

Таким образом, с одной стороны, очевидно, что финансовую поддержку респонденты больше ждут от университетов и в меньшей степени напрямую от партнеров. Вместе с тем современные образовательные проекты более ожидаемы от состоявшихся предпринимателей (19,4% – от предпринимателей против 15,9% – от университета).

Оценка перспектив в организации собственного дела обучающимися университета

При организации собственного бизнес-проекта молодые предприниматели сталкиваются с рядом ограничений. Основным препятствием, по мнению респондентов, мешающим молодым предпринимателям развивать свой бизнес, являются: недоступность источников финансирования (31,7%), неблагоприятные экономические факторы (19%), конкуренция (12,7%) и недостаток веры в собственные силы (12,7%). При этом у обучающихся нет заинтересованности в участии в конкурсах по выявлению и поддержке молодежных проектов: 95,2% опрошенных отметили, что не участвуют в подобных конкурсах. В то же время на территории страны существует большое количество подобных конкурсов (например, федеральная программа УМНИК, программа «Ты – предприниматель»), и 41,3% опрошенных считают, что их проведение является действенной мерой для стимулирования активности молодых предпринимателей. Однако чуть более четверти опрошенных (27%) считают, что предпринимательский дух должен реализовываться «на деле».

Опрос показал, что сохраняется большое число молодых людей, стремящихся работать в крупной компании (*табл. 5*).

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой карьерный вариант для Вас является наиболее перспективным?»

Вариант ответа	% от числа ответивших
Трудоустройство в крупную компанию	50,8
Создание и развитие собственного бизнеса	25,4
Трудоустройство в любую компанию с целью получения опыта	17,5
Трудоустройство в органы власти	4,8
Наука	1,6

Из данных таблицы видно, что более 50% желают трудоустроиться наемным работником в крупную компанию, 17,5% готовы устроиться в любую по размеру компанию для приобретения опыта. И только каждый четвертый из опрошенных обучающихся в университете планирует попробовать создать свой бизнес в ближайшей перспективе – 25,4%.

Допускаем, что определенная часть желающих трудоустроиться наемным специалистом имеют потенциал интрапренерства (внутрифирменного предпринимательства) и способны в перспективе не только к реализации предпринимательского проекта в рамках места трудоустройства, но и к созданию собственного бизнеса на основании полученного опыта.

Примечательно, что, несмотря на сложившееся общественное мнение, молодое поколение не считает работу в органах власти успешным карьерным вариантом – его выбрали только 4,8% респондентов.

Показательно территориальное распределение ответов. Приведем для примера сравнение ответов на вопросы, идентифицирующие желание заниматься предпринимательской деятельностью и участие партнеров университетов в процессе овладения молодежью знаниями и навыками в области предпринимательской деятельности. Обучающиеся в Дальневосточном федеральном университете (Владивосток) имеют ярко выраженное желание заниматься предпринимательской деятельностью (усредненная оценка – 8 баллов по 10-балльной шкале). Большинство обучающихся этого университета также отметили, что партнеры регулярно участвуют во встречах с ними, а университет дает возможность получать знания о предпринимательстве дополнительно. В то же время респонденты из Мордовского государственного университета им. Огарева (Саранск) в большинстве своем (75 %) не слышали об участии партнеров в развитии навыков у молодых предпринимателей. При этом они также выразили большое желание заниматься предпринимательской деятельностью (усредненная оценка – 8 баллов из 10-ти) и отметили, что необходимые знания можно получить в университете дополнительно. Обучающиеся в Уральском федеральном университете (Екатеринбург) более сдержанны, по сравнению с молодежью из других университетов в своем желании организовать соб-

ственный бизнес (усредненная оценка – 6,63 из 10 баллов). При этом более половины (66,1%) опрошенных отметили, что в университете проходят регулярные встречи с партнерами и есть образовательные курсы и дисциплины от представителей бизнеса. В УрФУ также, более половины обучающихся (57,6%) отметили, что они получают необходимые для занятия предпринимательской деятельностью знания (в рамках образовательной программы или дополнительно).

5. Заключение

Результаты исследования демонстрируют эмоциональную готовность практически половины из опрошенных заниматься собственным делом. Однако существующие ограничения, риски и личные способности заниматься предпринимательской деятельностью сокращают количество тех, кто рассматривает вариант организации собственного бизнеса в качестве основного карьерного пути (только каждый четвертый готов создавать собственный бизнес). При этом обучающиеся в университете потенциальные предприниматели опасаются недостатка источников финансирования для собственного бизнеса. Опасения вызывают и неблагоприятные экономические факторы, высокая конкуренция и недостаток веры в собственные силы.

Ряд опасений способна нейтрализовать образовательная система. Необходимость этого актуализируется, к сожалению, и недостатком знаний о создании и развитии собственного дела. Знания в области экономики, финансов и правовых основ предпринимательской деятельности, продвижения и продаж, организации деятельности – всё это респонденты отмечают в качестве знаний, которых им не хватает для того, чтобы заниматься бизнесом. Возможность свободного доступа к образовательным программам и курсам, направленным на развитие предпринимательских навыков (как в рамках существующих, так и дополнительных), обеспечивает необходимый уровень уверенности молодых предпринимателей в собственных силах. Активную позицию в этом процессе способны занять партнеры университета. Ожидания обучающихся формируют повестку участия партнеров в деятельности университета, а именно вовлечение партнеров в предпринимательские проекты, наличие образовательных курсов и

дисциплин от партнеров, наставничество от состоявшихся предпринимателей. Респонденты считают важным вовлечение партнеров в процесс инициации и развития предпринимателей. Таким образом, деятельная роль партнеров университета очевидна. Партнеры способны дополнить образовательный процесс соответствующим набором активностей, состоящих: из внедрения и реализации полноценной системы наставничества (менторства), реализации дополнений (майноров) к образовательным курсам, проведения мероприятий и проектов (по принципу «хакатонов»), нацеленных на развитие предпринимательских навыков. Партнеры университета формируют среду, наполняя ее недостающими элементами, необходимыми для увеличения числа предпринимательских проектов среди обучающихся. Возможность выстроить взаимовыгодный диалог, учитывающий интересы и университетов, и партнеров, продолжается на протяжении последних лет, приобретая новые формы сотрудничества. Однако деятельная роль партнеров в улучшении образовательного процесса требует законодательных стимулов (налоговые льготы при поддержке образования и науки) и выработки моделей взаимодействия с университетами (формат «единого окна» или многостороннее взаимодействие).

При этом высокую ценность имеет участие именно различных типов партнеров: и бизнеса, и представителей государственной и муниципальной власти (возможно, как основного бенефициара процесса), и научных организаций (как возможного источника инновационных проектов), и общественных объединений (как совещательного органа). На текущий момент, как показало проведенное исследование, более половины опрошенных планируют трудоустройство в качестве наемного работника и только четверть опрошенных собираются уча-

ствовать в создании и развитии собственного бизнеса. Учитывая известную относительно невысокую долю повторных предпринимателей (в случае отсутствия успеха при первой попытке), рано говорить о значительном развитии предпринимательского сектора за счет вовлечения обучающихся и выпускников университетов. Но система университетского партнерства способна повлиять на эту ситуацию. Бизнес может участвовать в качестве ментора и финансового партнера в предпринимательских инициативах, рассчитывая на свежие идеи обучающихся в университете, способные выступать дополнением к существующей продуктовой линейке компаний. При этом, независимо от региона (как показали данные опроса), необходимо усиление внимания представителей бизнеса к университетской молодежи с целью увеличения количества иницируемых предпринимательских проектов. Государственная и муниципальная власть способна формировать событийную повестку на базе образовательных и научных центров. Совокупные усилия науки, деловой среды, общества и властных структур способны сформировать разносторонние дополнительные образовательные продукты, нацеленные на создание и развитие предпринимательских навыков молодежи.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в качестве основы подготовки программ развития университетов, реализации проектов в области молодежного предпринимательства, а также государственных и муниципальных программ в сфере молодежи и предпринимательства. При этом эффективность идентифицированных механизмов участия партнеров университетов (наставничество, образовательные майноры, соревновательные мероприятия) требует дополнительно изучения и детализации со стороны научного сообщества.

Литература

1. Глобальное исследование занятости и молодежного предпринимательства. Ernst&Young. 2015. URL: http://www.iblfrussia.org/upload/iblock/109/WEOY2015_JobSurvey_RUS.pdf (дата обращения: 23.06.2018).
2. Клеменссон М., Кристенсен Й.Д. Создание благоприятных условий для молодежного предпринимательства и устойчивости предприятий. Программа развития малых предприятий. Женева: Международное бюро труда, 2010.
3. Chigunta F. *Youth Entrepreneurship: Meeting the Key Policy Challenges*. Wolfson College; Oxford University (UK), 2002.

4. Brister M. How to Support Youth Entrepreneurship. *CIPE Development Blog*, 2013.
5. Саулина Ю.П. Развитие предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Предпринимательство—XXI. 2015. № 7. С. 128–135.
6. Миграция во время кризиса: может ли предпринимательство быть решением? На примере бразильских предпринимателей в Лиссабоне (Португалия) / Суэльда де Альбукерке Ферейра и др. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 242–258. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.14.
7. Головина Т., Меркулов П., Полянин А. Государственная поддержка молодежного предпринимательства в России // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 5. С. 42–61. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-5-03.
8. Дорошенко С.В., Соломатин Я.И. «Молодежный фактор» социально-экономического развития российского мегаполиса // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2015. № 1 (41). С. 13–30.
9. Дорошенко С.В. Исследование отношения и готовности молодого населения Свердловской области к ведению малого предпринимательства // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. № 4 (48). С. 206–222.
10. Etzkowitz H. *The Triple Helix: University – Industry – Government Innovation in Action*. Routledge, 2008. P. 180. DOI: 10.4324/9780203929605.
11. Дежина И.Г. Особенности российской «Тройной спирали» отношений между государством, наукой и бизнесом // Инновации. 2011. № 4. С. 47–55.
12. Siegel D.S., Waldmann D., Atwater L.E., Link A. Toward a model of the effective transfer of scientific knowledge from academicians to practitioners: qualitative evidence from the commercialization of university technologies. *Journal of Engineering and Technology Management*, 2004, no. 21(1/2), p. 42. DOI: 10.1016/j.jengtecman.2003.12.006
13. Santoro M., Chakrabarti A.K. Firm Size and Technology Centrality in Industry-University Interactions. *Research Policy*, 2002, no. 31(7), p. 80. DOI: 10.1016/s0048-7333(01)00190-1.
14. Gupta A.K., Wilemon D. Changing patterns in industrial R&D management. *Journal of Product and Innovation Management*, 1996, no. 13(6). 1996. pp. 497–51. DOI: 10.1111/1540-5885.1360497.
15. Wessner C., Wolff A. *Rising to the Challenge: US Innovation Policy for the Global Economy*. Washington, D.C.: The National Academies Press. 2012. pp. 110–111. DOI: 10.17226/13386.
16. Johnson W. *The Collaboration Imperative: Universities and Industry as Partners in the 21st Century Knowledge Economy*, 2004. URL: http://sites.nationalacademies.org/cs/groups/pgasite/documents/webpage/pga_051414.pdf (дата обращения: 24.06.2018).
17. Baaken T., Schröder C. *The Triangle for Innovation in Technology Transfer at University of Applied Sciences*. Higher Education Institutions and Innovation in the Knowledge Society, Helsinki. 2008. Pp. 103–116.
18. Plewa C., Quester P., Baaken T. Relationship Marketing and University-Industry Linkages: A conceptual framework. *Marketing Theory*, 2005, vol. 5(4), pp. 433–456. DOI: 10.1177/1470593105058824.
19. Зиневич О.В., Балмасова Т.А. «Третья миссия» и социальная вовлеченность университетов: к постановке проблемы // Власть. 2015. № 6. С. 67–72.
20. Charles D.R. *Universities and Engagement with Cities, Regions and Local Communities. Rebalancing the Social and Economic. Learning*. Leicester: NIACE, 2005. Pp. 148–150.
21. Перфильева О.В. Университет и регион: на пути к реализации третьей функции // Вестник международных организаций. 2011. № 1(32). С. 133–144.
22. Резник Г.А., Пономаренко Ю.С., Курдова М.А. Функции вуза: новые возможности развития // Мир Науки: научный интернет-журнал. 2014. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/30PMN414.pdf> (дата обращения: 18.09.2018).
23. House R., Hanges P., Javidan M., Dorfman P., Gupta V. *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies*. Thousand Oaks, CA. Sage Publications. 2004.
24. Edwards A. *The Social Desirability Variable in Personality Assessment and Research*. New York: The Dryden Press, 1957. p. 177.
25. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 543.

Статья поступила 09.10.2018.

Сведения об авторах

Светлана Викторовна Дорошенко – доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором, профессор кафедры, Институт экономики Уральского отделения РАН, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: doroshenkos@mail.ru)

Евгений Павлович Ерошенко – заместитель проректора по информационной политике, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620012, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: evegeny.eroshenko@urfu.ru)

Doroshenko S.V., Eroshenko E.P.

University Partnership System as a Factor in the Development of Youth Entrepreneurship

Abstract. Economic development dynamics present a number of challenges to the system of higher education. Among these tasks, an important one is to train specialists who would meet the needs of the labor market. One of the components of this market is entrepreneurship, which, according to some scientists, can become a real driver of the national economic system and serve as the basis for increasing the welfare of citizens. The desire to engage in entrepreneurial activity should be conscious, and the activity itself should be prepared in advance. Education system in cooperation with business, non-governmental organizations and other partners is able to form such a desire and provide the necessary basic knowledge for the implementation of the plans of young entrepreneurs. Constructive building of partnership relations defines strategic development prospects for many educational institutions and within the “youth-entrepreneurial” context as well. The goal of our research is to determine the emotional readiness of university students to acquire entrepreneurial skills with participation of university partners. We suggest that partners, including business, public and municipal administration, scientific and non-governmental organizations, are able to intensify the development of entrepreneurial initiatives among university students, thereby promoting the development of entrepreneurship in general, and addressing the problems of employment of the younger generation. Emphasis on the participation of university partners in the development of entrepreneurial skills of students distinguishes our study from similar ones, thereby complementing similar works of other authors. The survey we carried out allowed us to study the opinion of 630 university students from three Russian cities. The results of the study demonstrate the emotional readiness of almost half of the respondents to engage in their own business. However, the existing restrictions and risks reduce the number of those who consider the option of organizing their own business as the main career path. Respondents consider it important to involve partners in the process of initiation and development of entrepreneurs; university partners, in turn, are able to complement the educational process.

Key words: youth entrepreneurship, partnerships, university partners.

Information about the Authors

Svetlana V. Doroshenko – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor at department, head of sector, Institute of Economics, Ural Branch of RAS, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (29, Moskovskaya Street, 620014, Yekaterinburg, Russian Federation; e-mail: doroshenkos@mail.ru)

Evgenii P. Eroshenko – Deputy Vice Rector for Information Security, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, 620012, Yekaterinburg, Russian Federation; e-mail: evegeny.eroshenko@urfu.ru)

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в октябре – декабре 2018 г., а также в среднем за последние 6 опросов (февраль – декабрь 2018 г.). Дается сопоставление результатов исследований с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 г. (первый год третьего президентского срока В.В. Путина). Представлена годовая динамика данных за последние 2 года (2016–2017).

В октябре–декабре 2018 г. продолжилась негативная тенденция снижения поддержки деятельности главы государства, отмечающаяся с июня. За последние два месяца доля положительных оценок уменьшилась на 2 п.п. (с 64 до 62%), а в целом за период с июня по декабрь 2018 г. – на 8 п.п. (с 70 до 62%).

В динамике оценок деятельности Председателя Правительства также с июня 2018 г. отмечается рост доли неудовлетворительных суждений: за последние два месяца – на 2 п.п. (с 35 до 37%), с июня по декабрь – на 9 п.п. (с 28 до 37%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Для справки:

В целом по стране уровень одобрения деятельности Президента в октябре – декабре 2018 г. существенно не изменился и составил 64%. Доля положительных оценок деятельности Правительства также остается стабильной (37%). По данным Левада-Центра в октябре – ноябре 2018 года удельный вес позитивных оценок деятельности главы государства составляет 66%, кабинета министров – 34%.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2017	2011	2007
Президент РФ															
Одобрю	75,3	58,7	51,7	67,8	67,3	68,7	68,1	70,1	65,9	63,5	61,9	66,4	-1	+8	-9
Не одобряю	11,5	25,6	32,6	18,8	20,0	20,8	18,4	17,5	22,1	24,1	27,0	21,7	+2	-4	+10
Председатель Правительства РФ*															
Одобрю	-*	59,3	49,6	52,3	49,5	48,3	49,9	52,0	47,4	45,2	45,3	48,0	-1	-11	-
Не одобряю	-	24,7	33,3	27,6	31,1	30,8	27,8	27,5	31,9	34,8	36,9	31,6	+1	+7	-
Губернатор															
Одобрю	55,8	45,7	41,9	37,7	39,8	39,3	39,5	40,5	37,3	35,7	38,3	38,4	-1	-7	-17
Не одобряю	22,2	30,5	33,3	39,3	39,3	37,9	36,1	35,3	36,9	39,1	40,3	37,6	-2	+7	+15

* Вопрос задается с 2008 г.

За последние два месяца отмечаются неоднозначные изменения в динамике оценок успешности решения Президентом ключевых проблем страны. Так, с октября по декабрь 2018 г. увеличилась доля людей, считающих, что глава государства успешно справляется с укреплением международных позиций России (на 3 п.п., с 51 до 54%). В то же время на 2 п.п. (с 49 до 47%) снизился удельный вес тех, кто негативно оценивает работу Президента по наведению порядка в стране.

Оценка деятельности В. Путина по защите демократии и укреплению благосостояния граждан за последние два месяца существенно не изменилась (37 и 30% соответственно).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2017	2011	2007
Укрепление международных позиций России															
Успешно	58,4	46,2	43,1	51,2	55,7	55,2	56,1	55,6	53,3	51,3	53,5	54,2	-2	+8	-4
Не успешно	24,9	33,7	37,9	29,9	26,8	26,9	26,9	26,7	29,1	30,7	30,3	28,4	+2	-5	+4
Индекс успешности	133,5	112,5	105,2	121,3	129,0	128,3	129,2	128,9	124,2	120,6	123,2	125,7	-3	+13	-8
Наведение порядка в стране															
Успешно	53,2	36,6	35,4	49,2	50,6	50,9	54,2	55,1	51,0	48,5	46,9	51,1	0	+15	-2
Не успешно	34,0	50,0	50,7	36,7	36,1	32,7	30,8	32,9	36,2	37,9	39,5	35,0	-1	-15	+1
Индекс успешности	119,2	86,6	84,7	112,6	114,5	118,2	123,4	122,2	114,8	110,6	107,4	116,1	+2	+30	-3
Защита демократии и укрепление свобод граждан															
Успешно	44,4	32,4	28,8	36,6	40,3	42,8	42,9	43,4	39,8	37,3	36,5	40,5	0	+8	-4
Не успешно	37,0	48,3	52,3	44,3	40,2	38,7	37,1	38,1	41,4	42,7	43,3	40,2	0	-8	+3
Индекс успешности	107,4	84,1	76,5	92,3	100,2	104,1	105,8	105,3	98,4	94,6	93,2	100,2	0	+16	-7
Подъём экономики, рост благосостояния граждан															
Успешно	47,2	30,7	28,5	27,2	29,3	31,0	31,3	32,3	30,6	30,6	29,9	31,0	+2	0	-16
Не успешно	39,1	56,1	57,9	59,4	56,9	53,7	55,3	55,2	58,3	57,2	57,6	56,2	-1	0	+17
Индекс успешности	108,1	74,6	70,6	67,8	72,4	77,3	76,0	77,1	72,3	73,4	72,3	74,7	+2	0	-33
* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2016 г.															

Как показывают результаты исследований, динамика оценок общественного мнения о деятельности В. Путина в первые месяцы его IV президентского срока выглядит более негативной, чем в соответствующий период 2012 года. В июне – декабре 2012 г. соответствующий показатель составлял 53–54%, в июне – декабре 2018 г. – снизился на 8 п.п. (с 70 до 62%).

Оценка деятельности Президента РФ в первые месяцы III и IV президентских сроков

Вариант ответа	Июнь 2012	Авг. 2012	Окт. 2012	Дек. 2012	Изменение, (+/-) дек. 2012 к июню 2012	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Изменение, (+/-) дек. 2018 к июню 2018
Оценка деятельности Президента РФ:										
Одобрю	54,5	53,7	50,9	53,3	-1	70,1	65,9	63,5	61,9	-8
Не одобряю	28,9	31,1	32,1	34,6	+6	17,5	22,1	24,1	27,0	+10
Успешность решения ключевых проблем:										
Укрепление международных позиций России										
Успешно	43,3	47,2	41,9	44,1	+1	55,6	53,3	51,3	53,5	-2
Не успешно	37,8	34,9	39,4	39,0	+1	26,7	29,1	30,7	30,3	+4
Индекс успешности	105,5	112,3	102,5	105,1	0	128,9	124,2	120,6	123,2	-6
Наведение порядка в стране										
Успешно	35,3	40,9	34,8	37,5	+2	55,1	51,0	48,5	46,9	-8
Не успешно	51,8	45,6	50,1	50,7	-1	32,9	36,2	37,9	39,5	+7
Индекс успешности	83,5	95,3	84,7	86,8	+3	122,2	114,8	110,6	107,4	-15
Защита демократии и укрепление свобод граждан										
Успешно	30,1	33,0	26,7	28,5	-2	43,4	39,8	37,3	36,5	-7
Не успешно	51,4	48,1	54,0	54,7	+3	38,1	41,4	42,7	43,3	+5
Индекс успешности	78,7	84,9	72,7	73,8	-5	105,3	98,4	94,6	93,2	-12
Подъём экономики, рост благосостояния граждан										
Успешно	29,1	34,7	25,3	29,3	0	32,3	30,6	30,6	29,9	-2
Не успешно	57,1	51,4	61,1	59,6	+3	55,2	58,3	57,2	57,6	+2
Индекс успешности	72	83,3	64,2	69,7	-2	77,1	72,3	73,4	72,3	-5

В структуре партийно-политических предпочтений жителей области в октябре – декабре 2018 г. существенных изменений не произошло: уровень поддержки «Единой России» составляет 36%, ЛДПР и КПРФ – по 9%, «Справедливой России» – 3%.

Следует отметить, что за последние два месяца заметно увеличилась доля людей, считающих, что на сегодняшний день ни одна из представленных в парламенте политических партий не выражает их интересы (на 3 п.п., с 29 до 32%, что является самым высоким показателем за 2016 – 2018 гг.).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партия	2007	2011		2012		2016		2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
		Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2017									2018	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	34,7	38,4	39,7	38,9	38,1	36,5	36,0	37,9	+3	+7	+8
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	11,0	10,1	9,6	9,7	9,7	9,7	8,8	9,6	-1	+2	+2
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	7,6	7,1	8,1	8,7	10,3	11,1	9,9	9,2	+2	-1	+2
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	4,8	3,5	2,5	2,3	2,7	3,4	2,8	2,9	-2	-3	-5
Другая	1,8	-	1,9	-	2,1	0,3	-	0,5	0,9	1,2	0,5	0,6	0,4	0,4	0,7	0	-1	-1
Никакая	17,8	-	29,4	-	31,3	29,4	-	29,2	28,8	26,2	26,7	28,5	29,0	31,9	28,5	-1	-1	+11
Затрудняюсь ответить	21,2	-	13,2	-	11,7	12,0	-	12,2	11,1	12,7	13,3	10,0	9,9	10,2	11,2	-1	-2	-10

Оценка социального настроения в октябре – декабре 2018 г. существенно не изменилась: доля людей, испытывающих преимущественно положительные эмоции, составляет 71%; удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить», – 77%.

Остается стабильной доля жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих» (45%). На протяжении последних трех лет она незначительно (на 3–4 п.п.) превышает удельный вес тех, кто относит себя к людям «среднего достатка».

Индекс потребительских настроений с августа 2018 г. составляет 89 пунктов, что на 3 п. ниже, чем в июне 2018 г. При этом следует отметить, что любое значение индекса ниже 100 пунктов говорит о пессимистических прогнозах населения относительно перспектив развития собственного материального положения и экономики страны в целом.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2017	2011	2007
Настроение															
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	68,6	71,5	72,5	72,5	71,3	70,7	71,2	+1	+8	+8
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	27,0	26,2	24,2	23,4	23,1	22,8	22,5	23,1	23,5	23,1	-1	-6	-5
Запас терпения															
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	78,0	77,7	76,2	79,0	76,5	78,0	75,7	77,1	77,1	-1	+2	+3
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	15,8	15,6	15,8	16,3	14,8	16,6	15,5	17,1	17,5	16,3	+1	+1	+3
Социальная самоидентификация*															
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	44,7	42,1	43,1	41,2	41,8	43,1	43,3	42,8	41,6	42,3	-1	-1	-6
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	44,5	49,0	46,6	46,2	46,5	45,3	44,1	45,4	44,7	45,4	-1	+1	+3
Индекс потребительских настроений															
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	91,5	77,7	84,6	89,2	90,3	92,2	89,2	89,2	89,1	89,9	+5	0	-16

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

В 7 из 14 социально-демографических категорий населения в октябре – декабре 2018 г. зафиксированы негативные изменения в динамике оценок социального самочувствия. Доля людей, позитивно характеризующих свое повседневное настроение, на 2–4 п.п. уменьшилась среди женщин (с 72 до 68%); людей в возрасте до 30 лет (с 85 до 82%); лиц со средним специальным (с 74 до 71%) и высшим (с 77 до 74%) образованием; людей, по самооценке доходов относящихся к категории 60% среднеобеспеченных жителей области (с 73 до 70%); а также среди населения Вологды (с 69 до 67%) и Череповца (с 78 до 75%).

Положительные изменения в динамике социального настроения за период с октября по декабрь 2018 г. отмечаются в трех социально-демографических категориях: мужчины (доля позитивных суждений увеличилась с 71 до 73%); лица со средним и неполным средним образованием (с 64 до 68%); люди, относящиеся по самооценке доходов к 20% наиболее обеспеченных жителей области (с 81 до 83%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2012	2016	2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2017	2011	2007
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,1	68,8	70,6	71,0	73,4	74,5	73,9	70,8	73,4	72,8	+2	+8	+7
Женский	61,7	62,0	65,8	67,4	70,2	66,6	70,0	70,9	71,3	71,8	68,4	69,8	0	+8	+8
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	72,3	76,4	78,1	74,2	79,6	81,3	77,9	85,1	81,6	80,0	+2	+10	+9
30-55 лет	64,8	62,5	67,9	67,4	71,5	68,8	74,0	75,1	74,9	70,9	71,6	72,6	+1	+10	+8
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,1	64,0	64,9	65,6	64,2	64,7	66,5	65,4	64,7	65,2	0	+7	+10
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	57,2	62,1	63,6	60,5	65,5	64,8	66,5	63,8	67,8	64,8	+1	+7	+6
Среднее специальное	64,6	63,6	66,7	68,4	72,0	68,9	72,7	74,9	72,6	73,5	70,5	72,2	0	+9	+8
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,0	74,3	75,8	77,9	76,2	77,4	78,4	76,5	74,1	76,8	+1	+8	+8
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	51,5	52,5	52,9	47,7	61,8	60,0	53,1	59,6	61,3	57,3	+4	+12	+6
60% среднеобеспеченных	62,9	65,3	68,7	69,4	72,0	70,3	71,7	72,3	74,5	73,1	69,7	71,9	0	+7	+9
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	81,1	80,9	83,7	82,2	81,5	85,5	83,4	81,3	83,4	82,9	-1	+8	+8
Территории															
Вологда	63,1	67,1	73,6	69,9	72,6	71,0	73,5	75,4	70,4	68,8	67,1	71,0	-2	+4	+8
Череповец	68,1	71,2	76,2	71,7	75,7	71,5	75,0	76,7	79,1	77,7	74,5	75,8	0	+5	+8
Районы	61,6	57,1	59,8	64,8	66,1	65,6	68,3	68,6	69,8	69,2	70,5	68,7	+3	+12	+7
Область	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	68,6	71,5	72,5	72,5	71,3	70,7	71,2	+1	+8	+8

Заключение

Как показывают результаты исследований, несмотря на постепенную «рутинизацию вопроса»² о повышении пенсионного возраста, в динамике общественного мнения по ключевым вопросам, связанным с оценкой деятельности органов власти, положения дел в стране и личного самоощущения, пока еще не отмечается устойчивых позитивных изменений.

В октябре—декабре 2018 г. продолжилась начавшаяся в июне 2018 г. тенденция снижения доли позитивных характеристик деятельности Президента (с июня по декабрь она уменьшилась на 8 п.п., с 70 до 62%). Стабильно низкой остается доля людей, считающих, что глава государства успешно справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния граждан (30%). Не происходит позитивных изменений в характеристике динамики материального положения: доля «бедных и нищих» составляет 45% (что больше, чем удельный вес людей «среднего достатка», — 42%), индекс потребительских настроений с августа 2018 г. составляет 89 пунктов, что свидетельствует о преобладании пессимистических прогнозов относительно перспектив развития экономической ситуации в стране и своего личного материального благополучия.

Отсутствие позитивных изменений в оценках общественного мнения во многом обусловлено реальной динамикой уровня и качества жизни. Так, по данным Вологдастата, в сентябре 2018 г. реальные денежные доходы населения составили 96,9% к предыдущему месяцу; реальная заработная плата — 98,1% (для сравнения: в 2017 г. эти показатели были несколько лучше — реальные денежные доходы в сентябре составляли 102,5% к августу, реальная заработная плата — 99,9%)³.

В целом оценка деятельности главы государства в первые месяцы IV президентского срока В. Путина (2018 г.) пока выглядит несколько хуже, чем в соответствующий период его III президентского срока (2012 г.). Уровень поддержки главы государства в 2012 г. составлял около 54%; в 2018 г. он снизился с 70 до 62%, что, очевидно, связано с проведением ряда реформ, негативно воспринятых населением (прежде всего повышение пенсионного возраста и НДС). Отсутствие взаимопонимания общества и власти по центральному направлению развития, объявленному В. Путиным в Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. (прорыв в улучшении динамики уровня и качества жизни населения), пока что ставит под вопрос эффективность реализации ключевых задач «майского указа» 2018 г. По-видимому, решение этого вопроса откладывается на следующий год, хотя следует отметить, что последний (согласно действующей Конституции РФ) президентский срок В. Путина оставляет всё меньше времени для «раскачки», с каждым месяцем обостряя потребность россиян в социальной справедливости и устойчивой позитивной динамике благосостояния.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.В. Параничева, И.М. Бахвалова.

² Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий: пресс-выпуск ВЦИОМ. 2018. № 3788. 12 октября. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9363> (комментарий руководителя практики политического анализа и консультирования Департамента исследований М. Мамонова).

³ Оперативные показатели, характеризующие уровень жизни / Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/ru/statistics/standards_of_life/

Список статей, опубликованных в 2018 году

	№	Стр.
От главного редактора		
Ильин В.А., Морев М.В. «...А самое главное – в России не будет нищих». «Капитализм для своих» – ключевая проблема национальной безопасности	2	9-23
Ильин В.А., Морев М.В. И снова к вопросу о будущем российской государственности	5	9-29
Ильин В.А., Морев М.В. Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти	4	9-34
Ильин В.А., Морев М.В. «Российская Федерация – социальное государство»? Оценка 25-летних итогов реализации статьи 7 Конституции РФ	6	9-25
Ильин В.А., Морев М.В. Тревожное будущее 2024 года	3	9-24
Ильин В.А., Морев М.В. Что оставит В. Путин своему преемнику в 2024 году?	1	9-31
Стратегия социально-экономического развития		
Бардаль А.Б. Транспортный комплекс Дальнего Востока: тенденции развития и роль в экономике	2	24-36
Глазьев С.Ю. Потенциальные возможности роста российской экономики и денежнокредитная политика Банка России	5	30-48
Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Научно-технологическое развитие России и Китая: компаративный анализ и перспективы сотрудничества	4	48-62
Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России	4	35-47
Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Качество населения и региональная экономика: прямые и обратные связи	1	32-42
Лукин Е.В., Ускова Т.В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики	6	26-40
Минакир П.А., Суслов Д.В. Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока	3	41-56
Пространственные аспекты территориального развития		
Сапир Жак. От регионоведения к «умным городам»: интеллектуальное наследие и возможные проблемы	3	25-40
Эффективность государственного управления		
Шаров В.Ф., Пинская М.Р., Богачев С.В. Совершенствование государственной поддержки экспортного кредитования внешней торговли в евразийском пространстве	5	74-86
Вопросы теории		
Белехова Г.В., Калачикова О.Н. «Век живи – век учись»: концептуальный дискурс о финансовой грамотности населения	6	143-162
Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Андрианова Е.В., Лазутина Д.В. Метафора доверия: «зонтичный эффект» в мировой науке	6	127-142
Лапин Н.И. О поиске способов существенных перемен жизни к лучшему: дискурсы профессионалов и алгоритм изучения способов, предпочитаемых населением	4	77-89
Печенская М.А. Бюджетный потенциал в системе потенциалов территории: теоретико-методологические аспекты	5	61-73
Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Устинова К.А. Теоретические подходы к исследованию мотивации творческой трудовой активности населения в социогуманитарной мысли	4	90-109
Проблемы управления в территориальных системах		
Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А. Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта	3	57-70
Дорошенко С.В., Ерошенко Е.П. Система университетского партнерства как фактор развития молодежного предпринимательства	6	244-258
Кабанов В.Н. Принципы размещения объектов социальной и транспортной инфраструктуры в региональных документах стратегического планирования	3	71-83
Леньков Р.В. Социально-ресурсная поддержка населением с высшим образованием политики социокультурной модернизации регионов	6	202-211
Лифшиц М.Л., Неклюдова Н.П. Факторный анализ влияния трудовой миграции на распространение социально опасных заболеваний в регионах России	6	229-243
Найден С.Н., Белоусова А.В. Социальное инвестирование как инструмент модернизации демографического развития на Дальнем Востоке	6	212-228

	№	Стр.
Отраслевая экономика		
Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Природноресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития	1	43-56
Лукин Е.В., Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. Стимулирование внутреннего спроса как фактора экономического роста (на примере сферы внутреннего туризма)	4	125-143
Михайлова Е.Г. Оценка эффективности использования водных биоресурсов в отечественном рыболовстве	1	57-69
Носков В.А., Шишелов М.А. Подходы к оценке природного капитала лесов и перспективы модернизации лесопользования в контексте «зеленой» экономики	6	41-56
Чайка Л.В. Задачи и методы анализа энергоэффективности экономики	2	117-126
Шаклеина М.В., Шаклеин К.И. Построение концептуальной модели развития отрасли и оценка системообразующего эффекта	3	145-161
Региональная экономика		
Бакуменко О.А. Организационно-экономический механизм управления межрегиональным взаимодействием субъектов РФ (на примере Северо-Западного федерального округа)	3	117-131
Вохмянин И.А. Разработка организационно-экономического механизма формирования и регулирования развития конкурентной среды в региональной экономике	1	100-115
Дубровская Ю.В., Кудрявцева М.Р., Козоногова Е.В. «Умный» бенчмаркинг как основа стратегического планирования регионального развития	3	100-116
Леонов С.Н. Состояние и особенности размещения малого предпринимательства по регионам России	5	103-119
Растворцева С.Н. Экономическая активность регионов России	1	84-99
Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Устойчивое развитие северных регионов России: трудовое измерение	5	120-136
Моделирование и прогнозирование социально-экономических процессов		
Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Возможности обеспечения экономического роста России с темпами не ниже мировых	5	49-60
Гаврилец Ю.Н., Тараканова И.В. Компьютерный анализ качественных особенностей формирования социальноидеологической структуры социума	1	116-131
Исаев А.Г. Региональные аспекты инвестиционных процессов: эмпирический анализ распределения капитальных ресурсов в Дальневосточном федеральном округе	4	63-76
Мальшенко В.А., Мальшенко К.А. Моделирование комплексной финансовой устойчивости корпорации в эпоху глобальных экономических кризисов	2	127-143
Проблемы развития муниципальных образований		
Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления	1	132-147
Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Дифференциация территорий и механизм ее снижения	6	57-72
Козлова О.А., Макарова М.Н. Межмуниципальное сотрудничество как институт стратегического развития территории	3	132-144
Тарасова О.В., Руднева В.А. Модели ревитализации старопромышленных городов: сибирские кейсы	1	148-163
Юсупов К.Н., Тимирьянова В.М., Токтамышева Ю.С., Попов Д.В. Иерархические и пространственные эффекты в развитии муниципальных образований	5	137-154
Социальное развитие		
Барсуков В.Н. Барьеры социальной интеграции старшего поколения в контексте проблемы межпоколенческих коммуникаций	5	214-230
Белехова Г.В., Россошанский А.И. Оценка факторов финансового поведения населения: опыт применения регрессионного анализа по панельным данным	5	198-213
Головчин М.А., Мкоян Г.С. Молодежь на постсоветском пространстве в условиях ценностной трансформации общества (на примере России и Армении)	3	215-229
Гужавина Т.А. Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность	4	252-268
Зайков К.С., Каторин И.В., Тамицкий А.М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности	3	230-247

	№	Стр.
Короленко А.В. Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения	3	248-263
Нацун Л.Н., Шабунова А.А. К вопросу об экономической цене инвалидности	2	160-174
Немировский В.Г. Динамика социокультурных показателей трудовой конкурентоспособности населения крупного сибирского региона (2010–2016)	1	180-190
Осипова Л.Б., Колесник Е.А., Горева О.М. Инфраструктурная поддержка развития молодежного сегмента регионального рынка труда	2	175-191
Павлов Р.Н. Политическая экономия как теоретико-методологическая основа для выявления основных тенденций развития социального предпринимательства	4	235-251
Петров М.Б., Курушина Е.В., Дружинина И.В. Институциональный отклик региональных социальноэкономических систем на инвестирование в приращение человеческого капитала: методика оценки	3	195-214
Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Наумов И.В., Козинская К.М. Неформальная институциональная среда социального предпринимательства	4	217-234
Устинова К.А. Человеческий потенциал сельских территорий России: проблемы оценки и интерпретации	2	192-211
Уханова Ю.В. Экспертный образ гражданского общества в России	4	202-216
Фролова Е.В., Рябова Т.М. Социокультурные и ценностные ориентации государственных гражданских служащих в России	1	191-200
Чекмарева Е.А. Качество трудового потенциала за пределами крупных городов	1	164-179
ШафрановКучев Г.Ф., Ефимова Г.З. Учащаяся и работающая молодежь: трансформационный переход от конкурентоориентированности к конкурентоспособности	5	231-246
Общественные финансы		
Воронова Н.С., Мирошниченко О.С. Доходы населения как потенциал развития банковского кредитования: компаративный анализ российских регионов	4	144-159
Поварова А.И. Проблемы формирования регионального бюджета в условиях бюджетной консолидации	2	100-116
Чичканов В.П., Чистова Е.В., Тырсин А.Н. Общая оценка эффективности финансирования социальной сферы в регионах России	5	87-102
Пространственные аспекты территориального развития		
Сапир Жак. От регионоведения к «умным городам»: интеллектуальное наследие и возможные проблемы	3	25-40
Инновационное развитие		
Архипова М.Ю., Кучмаева О.В. Социальный запрос россиян на инновации (по данным выборочного обследования)	2	69-83
Доничев О.А., Фраймович Д.Ю., Грачев С.А. Региональная система экономических и социальных факторов формирования ресурсов инновационного развития	3	84-99
Мазилев Е.А., Шэн Фанфу. Научнотехнологический потенциал территорий России и Китая: оценка и направления развития	1	70-83
Румянцев А.А. Научноинновационная деятельность в регионе как фактор его устойчивого экономического развития	2	84-99
Соловьева Т.С., Попов А.В., КароГонсалес А., Хуа Ли. Социальные инновации в Испании, Китае и России: ключевые аспекты развития	2	52-68
Экономика природопользования		
Ануфриев В.В., Михайлова Г.В., Давыдов Р.А., Киселев С.Б. Влияние социально-экономических и экологических изменений на использование охотничьих ресурсов автохтонным населением Арктики	5	171-181
Дмитриева Т.Е. Экологизация биоресурсной экономики северного региона	4	160-172
Кормишкина Л.А., Кормишкин Е.Д., Королева Л.П., Колосков Д.А. Рециклинг ресурсов в современной России: необходимость, проблемы и перспективы развития	5	155-170
Лаженцев В.Н., Чужмарова С.И., Чужмаров А.И. Налогообложение в системе природопользования и его влияние на экономическое развитие северных территорий	6	109-126
Тихонова Т.В. Экологическая оценка экономического роста северного региона	3	162-178

	№	Стр.
Экономика агропромышленного комплекса		
Кузин А.А., Медведева Н.А., Задумкин К.А., Вахрушева В.В. Сценарии развития молочной промышленности России	6	73-88
Родионова Е.В. Интеграционные процессы в мясопродуктовом подкомплексе АПК России: результаты, особенности, направления развития	2	144-159
Чередниченко О.А., Довготько Н.А., Яшалова Н.Н. Устойчивое развитие агропродовольственного сектора: российские приоритеты и направления адаптации Повестки дня–2030	6	89-108
Экономика труда		
Гринберг Р.С., Ахунов Р.Р., Володин А.И., Губарев Р.В., Дзюба Е.И. Новая (смешанная) система оплаты труда российских госслужащих «по результатам»	6	163-183
Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Тамицкий А.М. Потребность субъектов Арктической зоны РФ в трудовых ресурсах	6	184-201
Зарубежный опыт		
Киреева А.А., Цой А.А. Механизмы формирования IT-кластеров как «полюсов роста» в регионах Казахстана на пути к «Индустрии 4.0»	2	212-224
Ли Сяоюй, Мэн Чжаобо. Режим и пути управления экологическим капиталом эколого-экономической зоны озера Поянху	1	201-215
Мачей Чаплевски. Состояние развития информационного общества в Словении, Хорватии и Польше на фоне средних показателей по ЕС	4	185-201
Налетина Д., Ачкач И., Вулетич А., Петляк К., Штулец И. Развитие линейных морских пассажирских перевозок в Республике Хорватия	5	182
Хэ Сюньвэй. Оценка эффективности функционирования регионального экологического капитала Китая на примере использования эко-экономической зоны озера Поянху	4	173-184
Дискуссионная площадка		
Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Возможности консолидации рейтинговых продуктов в Интернет-среде	2	37-51
Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Международный ландшафт рынка российских экономических журналов	4	110-124
Третьякова О.В. Импакт-рейтинг экономических журналов академического сектора: критерии и методика построения	3	179-194
Научная жизнь		
Социальные инновации: новая инновационная парадигма развития общества. Интервью А. Шрёдера, М. Менапаче, А.А. Шабуновой	1	216-222
Научные рецензии. Отзывы		
Гужавина Т.А. Как изучают смыслы (Рецензируется: Адамьянц Т.З. Социальные смыслы глобальных процессов и перемен: механизмы и катализаторы: монография)	2	225-223
Печенская М.А. Усиление субфедерального звена управления как важнейший фактор формирования экономики инноваций (Рецензируется: Приоритеты модернизации и усиление роли субфедерального звена управления: монография)	1	223-226

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьёй в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 250 до 300 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.aks.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-10 (доб. 387), адрес электронной почты: bushmanova@vscc.ac.ru).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 25.12.2018.
Дата выхода в свет 28.12.2018.
Формат 60×84^{1/8}. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 32,4. Тираж 500 экз. Заказ № 377.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru